ПИСЬМА Г. Н. ПОТАНИНА

I

ПИСЬМА
Г. Н. ПОТАНИНА

Т. 1

Г. Н. Потанин. 1859 г.

ПИСЬМА
Г. Н. ПОТАНИНА

ТОМ 1

Иркутск
Издательство Иркутского университета
1987

Печатается по решению редакционно-издательского совета Иркутского государственного университета им. А. А. Жданова

Редакционная коллегия:
Н. А. Логачев, акад.; Н. А. Флоренсов, чл.-кор. АН СССР; Ю. П. Ковлов, проф. (гл. редактор); А. Г. Золотарев, проф.; С. Ф. Коваль, доц. (зам. гл. редакторе); Н. Н. Яновский

Ответственные редакторы первого тома:
Н. А. Флоренсов, чл.-кор. АН СССР; Ю. П. Ковлов, проф.

Комментарии А. Г. Грумм-Гржимайло

Рецензенты:
А. С. Кузнецов, канд. ист. наук; В. В. Свинин, канд. ист. наук

Письма Г. Н. Потанина. Т. 1/Сост. А. Г. Грумм-Гржимайло, С. Ф. Коваль, Я. Р. Кошелев, Н. Н. Яновский.— 2-е изд., перераб., доп.— Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1987.—280 с.

Письма 1859—1873 гг. отражают время первой революционной ситуации в России, становление революционного тайного общества «Земля и воля» 60-х гг., образование тайного общества в Сибири с целью революционного ниспровержения существующего строя. В письмах показывается также Свеаборгская каторга и Вологодская ссылка Г. Н. Потанина, его идейно-политическая работа, осуществляющаяся в общем русле идейной жизни России 60-х — начала 70-х гг., первые шаги публицистической деятельности в «Камско-Волжской газете».

Предназначена научным работникам, историкам, географам и другим специалистам

П 4502010000—36 Без объявл.
М 179(03)—87

© Издательство Иркутского университета, 1987

ОТ РЕДАКЦИИ

Возобновление издания собрания писем Г. Н. Потанина после выхода в свет в 1977 г. первого тома происходит спустя десять лет. За это время из состава редакционной коллегии выбыли академик А. П. Окладников и профессора Б. В. Зонов, П. П. Силинский, принявшие участие в первой научной редакции этого собрания и сделавшие немало для того, чтобы издание его состоялось. Из Минусинского музея при содействии его директора В. А. Ковалева было получено 30 писем, ранее не входивших в подготовленное собрание. Найдены письма Г. Н. Потанина в фондах Иркутского художественного музея, подтверждена возможность обнаружения неизвестных еще писем в томских хранилищах. Собрание писем, таким образом, значительно дополнено, доработано, расширен справочный аппарат и включена специальная статья об общественной и политической деятельности Г. Н. Потанина. Это вызвало в свою очередь и изменения в составе редакционной коллегии, на которую возлагается большой объем работ по завершению издания этого уникального эпистолярного собрания.

В истории русской науки имя Григория Николаевича Потанина (1835—1920) стоит в ряду выдающихся ученых — естествоиспытателей и путешественников вместе с такими именами, как П. П. Семенов-Тян-Шанский, Н. М. Пржевальский, М. В. Певцов, П. К. Козлов и др. В этой славной плеяде исследователей Центральной Азии Г. Н. Потанин занимает видное место как по богатству и новизне собранных им этнографических материалов, так и по разносторонности научных результатов его путешествий и исследований природы и населения Азии. Трудами Г. Н. Потанина, Н. М. Пржевальского и М. В. Певцова, по образному выражению академика В. А. Обручева, «создана та основная канва географического лика внутренней Азии, на которой позднейшие исследователи разных специальностей начали вышивать узоры, т. е. наносить детали общей картины. До путешествий Потанина, Певцова и Пржевальского этой основной канвы, необходимой для дальнейшей работы, еще не было, а были только обрывки ее, часто не вязавшиеся друг с другом, несмотря на усилия таких мастеров, как Риттер, Гумбольдт, Рихтгофен, кропотливо собиравших материал из китайской географии и сказаний путешественников» (Люди русской науки. М.; Л., 1948, т. 1, с. 566).

Заслуги Г. Н. Потанина как исследователя Азии выходят далеко за пределы географической науки. Благодаря его путешествиям русская наука второй половины XIX в. обогатилась многими новыми сведениями в области ботаники, зоологии, геологии, истории, этнографии, фольклористики, лингвистики и во многих других отраслях знаний. Трудно переоценить вклад Г. Н. Потанина в изучение

народонаселения этого интереснейшего региона нашей планеты, материальной культуры, быта, нравов, верований, словесности тюркских и монгольских народов, в особенности тангутов, дунган, китайцев, бурят, калмыков, киргизов, вотяков и чувашей. Богатейшие материалы по этнографии и народному эпосу стран Внутренней Азии, собранные Г. Н. Потаниным в пяти путешествиях по Монголии, Китаю и восточной окраине Тибета, являются ценнейшим достоянием русской науки и свидетельством приоритета русских ученых в изучении материальной и духовной культуры народов Азии.

Если при этом учитывать, что Г. Н. Потанин был не только путешественником и разносторонним ученым, но и писателем, поэтом, журналистом, общественным и политическим деятелем, то станет еще более очевидной важность для истории науки, культуры, общественной мысли и политического движения России второй половины XIX — начала XX столетия изучения творческой биографии ученого.

Г. Н. Потанин сыграл выдающуюся роль и как организатор науки в Сибири, многие годы занимал пост правителя дел Восточно-Сибирского отдела РГО (1887—1890 и в 900-е гг.), был вдохновителем ряда научных экспедиций, в которые вовлечена была большая группа ученых из политических ссыльных (Д. А. Клеменц, И. Д. Черский, Ф. Я. Кон и др.) Научно-организаторский талант Потанина, его страстная увлеченность путешествиями и исследованиями способствовали закреплению за Иркутском роли главного научного центра в Сибири в последней четверти XIX — начале XX столетия. Дань Иркутска — публикация в этом городе первого собрания писем ученого и путешественника.

В биографии Г. Н. Потанина неразрывны все ее страницы — научная, литературная и общественно-политическая, без совокупного рассмотрения которых невозможно правильно оценить ни научную, ни общественную его деятельность.

Деятельность Г. Н. Потанина как ученого-путешественника в основном уже разработана и достаточно хорошо известна не только научной, но и широкой общественности. Остаются еще далеко не изученными литературная и в особенности общественно-политическая стороны его биографии, представляющие большой научный интерес. Только следствием слабой изученности литературно-публицистической и общественно-политической практики ученого и путешественника можно объяснить разноречивые оценки и толкования роли Г. Н. Потанина в общественно-политическом движении России со второй половины XIX в. до Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г., сохраняющиеся в литературе и наших дней. Диаметрально противоположные концепции могли возникнуть и так долго существовать только на узкой источниковой базе.

Литературное наследие Г. Н. Потанина рассеяно по многочисленным периодическим изданиям, а некоторая его часть еще не выявлена. Что же касается его богатейшего эпистолярного наследия, то оно остается почти полностью неопубликованным и даже до конца еще не выявленным. И не надо убеждать в том, что без введения в научный оборот всего этого наследия не могут быть до конца и тем более правильно разрешены многие спорные вопросы. Произвольное выхватывание крупиц из переписки Потанина порождает и произвольное их толкование, лишает специалистов разных отраслей знаний возможности внести свой вклад в разработку полной и всесторонней творческой биографии Г. Н. Потанина, исследования и путешествия которого, по оценке газеты «Власть труда»,

«входят в ту сокровищницу знаний, которою так дорожит рабочий класс» (1920, № 199).

Изданием собрания писем Г. Н. Потанина, предпринимаемым Иркутским государственным университетом им. А. А. Жданова, его источниковедческой лабораторией истории Сибири, будет заложена солидная источниковая база, доступная исследователям истории науки разных отраслей знаний, с помощью которой прояснятся многие аспекты как собственно биографии Потанина, так и истории науки и общественной мысли в России и Сибири в XIX—XX вв.

Собрание писем Г. Н. Потанина, включающее 662 письма, из которых около 630 никогда еще не публиковались, представляет собой уникальный свод эпистолярного наследия ученого-путешественника. Он составлен известным ученым ботаником, географом и историком Алексеем Григорьевичем Грумм-Гржимайло (1894—1966) при участии научного руководителя лаборатории истории Сибири Иркутского университета С. Ф. Коваля, профессора Томского университета Я. Р. Кошелева и новосибирского писателя и литературоведа Н. Н. Яновского. Около десяти последних лет своей жизни А. Г. Грумм-Гржимайло отдал поиску писем Г. Н. Потанина по всем архивохранилищам Советского Союза и составил первый свод, значение которого трудно переоценить. Это еще не полное собрание писем ученого-исследователя, но первое сравнительно полное собрание наиболее значительных неизданных писем, за пределами которого, вероятно, останется небольшая часть писем в собраниях музея и библиотек г. Томска по не зависящим от составителей и редакции обстоятельствам. Какая-то часть писем, несомненно, остается еще не обнаруженной. Не вошли в настоящее собрание и 18 писем Потанина Алексею Васильевичу Бурдукову, опубликованных в вышедшем сборнике воспоминаний и писем последнего (В старой и новой Монголии. М., 1969).

Собственно, вряд ли вообще возможно осуществление первого и исчерпывающе полного собрания из эпистолярного наследия любого деятеля, тем более такого, как Г. Н. Потанин, творческий путь которого охватил почти 65 лет. Среди более чем ста адресатов его писем свыше восьмидесяти составляют ведущие ученые, деятели Географического общества и Академии наук, члены их центральных и губернских органов, общественные и политические деятели, писатели, студенты, ученые-самоучки, самоотверженно служившие науке. В числе их такие видные ученые, писатели и общественные деятели, как П. П. Семенов-Тян-Шанский, Л. Н. Майков, А. В. Григорьев, В. И. Срезневский, В. А. Обручев, Н. И. Веселовский, Д. Н. Анучин, В. В. Радлов, В. И. Ламанский, С. Ф. Ольденбург, И. И. Вильсон, М. Н. Сперанский, В. И. Семевский, В. Г. Короленко, Л. Ф. Пантелеев, Э. К. Пекарский, А. И. Иванчин-Писарев, А. Н. Пыпин, Н. М. Ядринцев, К. В. Лаврский, Д. Ф. Кобеко и многие другие.

Письмами охвачен период с августа 1859 по май 1919 г. В основу построения всего собрания писем положен хронологический принцип, причем письма сгруппированы в отделы, в зависимости от того, из каких административно-географических мест они были отправлены. На этой основе и определены отделы с 1-го по 40-й («Письма из Петербурга», «Письма из Сибири», «Письма из Монголии», «Письма из Китая» и т. д.).

Издание снабжено обстоятельным комментарием, библиографией трудов Потанина, указателями имен и адресатов. В приложении ко второму тому будут помещены неизданные письма к Потанину Н. М. Ядринцева (публикация Л. В. Азадовской). Письма пуб-

ликуются в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации, с сохранением, однако, стиля и манеры письма автора, а также устаревших оборотов и терминов, о которых даны пояснения в комментариях. Уточнения и дополнения сделаны редакционной коллегией с учетом новейших достижений науки за последнее десятилетие, однако по некоторым письмам редакции не удалось обнаружить дополнительных сведений и восполнить отдельные пробелы комментария. Оставленные в текстах подстрочные примечания принадлежат Потанину. Расшифровка текстов и предположительные датировки писем взяты в квадратные [ ] скобки. В угловых скобках < > с многоточием отмечены вынужденные купюры в письмах с повреждениями, когда смысл фраз не поддавался расшифровке.

В первый том писем Г. Н. Потанина вошла переписка за период с 1859 по 1873 г., отражающая время первой революционной ситуации в России, становления революционного тайного общества «Земля и воля», приобщения к революционной практике кружка сибирских студентов, образовавших тайное общество в Сибири с целью революционного ниспровержения существующего строя. После раскрытия этого революционного замысла Г. Н. Потанин просидел три года в Омской тюрьме, был осужден по делу «сибирских сепаратистов» к пяти годам каторги, отбывал ее в Свеаборгской крепости. Вышел на поселение в г. Никольск Вологодской губернии в 1871 г. В письмах этого периода отражена напряженная идейно-теоретическая работа, шедшая в общем русле идейной жизни в России, первые шаги публицистической практики на страницах «Камско-Волжской газеты»— первого демократического провинциального издания. Публицистика Г. Н. Потанина этих лет — яркий образец просветительства, непримиримости к угнетению народа, борьбы за свободу, за изменение социально-экономических условий в России. Письма этих лет — свидетельство глубокого интереса передовых ученых к общественно-политическим проблемам, волновавшим Россию в 60—70-е гг., участия многих из них в политической борьбе, в выработке правильного научного мировоззрения под влиянием распространившейся в России марксистской литературы. Свидетельства о знакомстве Г. Н. Потанина, Н. М. Ядринцева, К. В. Лаврского и других с «Капиталом» К. Маркса особенно важны, так как расширяют и обогащают наши знания в области идейной жизни того времени.

Письма Потанина, начиная с 1875 г., относятся ко времени его подготовки к путешествиям в Центральную Азию и непосредственно адресованы ведущим деятелям Русского географического общества. В них содержатся подробные и глубокие сведения о ходе экспедиций и их главнейших результатах. В промежутках между экспедициями Г. Н. Потанин был занят обработкой своих путевых дневников и подготовкой их к печати, написанием многочисленных работ этнографического и фольклористического содержания. Эти занятия тоже получили отражение в его переписке.

В письмах отражены важнейшие вехи истории Географического общества, его передовая роль в научной и общественной жизни, основные экспедиционные исследования и наиболее подробно экспедиции в Монголию, Китай и Юго-Восточную Сибирь. В письмах к П. П. Семенову-Тян-Шанскому, И. И. Вильсону, А. В. Григорьеву, С. Ф. Ольденбургу, В. В. Радлову, Н. М. Мендельсону, В. Ф. Миллеру, В. А. Обручеву, В. И. Ламанскому, К. Г. Залеману, Д. Н. Анучину, А. А. Штраусу, Н. М. Ядринцеву и другим даны подробнейшие описания экспедиций, в которых принимал участие Г. Н. Потанин, с развернутыми естественноисторическими характе-

ристиками районов исследований. Организационная научно-издательская и пропагандистская деятельность Географического общества и его ведущих научных сил во главе с П. П. Семеновым-Тян-Шанским представлена в письмах с особенной полнотой.

С 1901 г. наступает новый период в жизни и деятельности Г. Н. Потанина. Он становится крупным деятелем Сибири, и все письма этого времени наполнены интересными соображениями о путях развития Сибири, ее культуре, общественной и политической жизни. В письмах этих лет много ярких оценок художественных произведений Н. М. Ядринцева, В. Серошевского, В. Г. Короленко, В. Г. Богораза, А. П. Чехова, А. М. Горького, Н. И. Наумова, И. В. Федорова-Омулевского и др. Письма, как остановившиеся мгновения, запечатлели несколько иной характер общественной деятельности уже стареющего ученого, живущего более вопросами культуры и науки, чем общественной практики. Однако в них трудно найти тот надуманный «поворот» в убеждениях и общественной практике, который усматривается некоторыми авторами. И не вина Потанина, а беда его в том, что он не сумел на склоне лет разглядеть свое ближайшее окружение (во главе с А. В. Адриановым) и не сумел помешать спекуляциям своим именем в прямо контрреволюционных целях. Публикация писем этого периода внесет некоторые коррективы и в эту, заключительную, страницу биографии Г. Н. Потанина.

Редакционная коллегия с признательностью отмечает большую научную значимость настоящего издания и роль в подготовке его академика А. П. Окладникова, профессоров Б. В. Зонова и П. П. Силинского как членов первого состава редакции, отзывы и рекомендации президента Географического общества СССР, академика С. В. Калесника, Восточно-Сибирского отдела ВГО, Института истории, филологии и философии СО АН СССР, кафедры источниковедения Московского университета и лаборатории истории русской культуры и других организаций и лиц, одобривших настоящее собрание писем Г. Н. Потанина. Научное наблюдение за всем изданием осуществляет С. Ф. Коваль.

С. Ф. КОВАЛЬ

Г. Н. ПОТАНИН — ОБЩЕСТВЕННЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДЕЯТЕЛЬ

Григорий Николаевич Потанин родился 21 сентября 1835 г. в Ямышевской станице на берегу Иртыша, в семье казачьего есаула. О своих детских годах в «Автобиографии» он писал коротко: «Детство свое я впрочем провел не в Ямышевской, а в другой станице, именно Пресновской, куда был перевезен полугодовым ребенком. Потом поступил в Сибирский кадетский корпус, что в Омске, из которого вышел хорунжим»*.

За этими скупыми строками скрыто его тяжелое, полное драматизма и материальных лишений детство. Потанину не было еще и года, когда отец попал под суд за служебное столкновение, оказался в тюрьме и совершенно разорился. В пятилетием возрасте лишился матери, воспитывался у теток, дяди, пока отец был еще в тюрьме, а затем у бригадного командира Эллизеиа, где нашел себе место огородника и его отец. Здесь он обучился грамоте и пристрастился к чтению.

В 1846 г. был отдан отцом в войсковое казачье училище в Омске, вскоре преобразованное в Сибирский кадетский корпус. Шестилетнее пребывание в корпусе было для Потанина практическим испытанием социальиого неравенства: все казачьи дети, принятые в корпус, определялись в эскадрои в отличие от детей пехотных офицеров и чиновников, зачисленных в роту. Положение тех и других было различным. Особенио тягостно было неравио-

* Центральный государственный архив литературы и искусства СССР (ЦГАЛИ), ф. 381 (Потанин), оп. 1, д. 235, л. 1.

правное положение кадетов из казачьего сословия, что расценивалось ими как проявление крепостного права. Кадеты из казаков жили в нижнем этаже, обучались верховой езде и татарскому языку, в то время как кадеты из привилегированного сословия (чиновников и пехотных офицеров, выходцев из Европейской России) жили в верхнем этаже и обучались танцам и немецкому языку. Поэтому кадеты эскадрона именовались демократами, а ротные — привилегированными; первые — «Азией», вторые — «Европой». Так с детских лет у Потанина и его сверстников чувство социальной неравноправности перерастало в обиду, рождало стихийный протест. Познакомившись на уроках словесности, которые вел преподаватель Костылецкий, с творчеством Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Белинского, кадеты из казачьего сословия больше всего увлекались историей Малороссии и южно-русского казачества, демократический дух которого улавливали они из твореиий Гоголя. Сразу же появились свои Наливайки, Сагайдачные и Дорошенки. «И в этой истории наша сословная обида нашла себе утешение»,— вспоминал Г. Н. Потанин*.

В 1852 г. он окончил кадетский корпус. Началась семилетняя служба казачьего офицера, которая в будущем ничего не обещала, кроме обязательной 25-летней казачьей лямки. Выход в отставку ранее этого срока для казачьего офицера был почти невозможен. Однако служебные разъезды по Семиречью, встреча в Семипалатинске с Ф. М. Достоевским, в Омске с кружком молодых казачьих офицеров во главе с Ч. Валихановым и И. Пирожковым, знакомство с кружком более почтенных лиц, посещавших дом Я. Капустина, в частности, с петрашевцем С. Ф. Дуровым, профессором П. П. Семеновым, другом Чернышевского В. П. Лободовским, только что приехавшим в Омск, и другими участниками «салона» Капустиных, имели решающее значение в изменении настроения Г. Н. Потанина, формировании его политических убеждений, определивших его дальнейшую судьбу.

В кружке молодых офицеров — друзей, Г. Н. Потанин «очутился среди патриотических веяний». Ч. Валиханов и И. Пирожков были страстными пропагандистами служения малым народам, Ф. Усов — «казачьим патриотом», петрашевец С. Дуров — твердым противником монархии,

---

* Потанин Г. Н. Воспоминания — Газ. Сибирская жизнь, 1913, № 56.

П. Семенов — просветителем и пропагандистом идеи университетского образования для сибирской молодежи.

Г. Н. Потанин под влиянием П. П. Семенова загорелся мыслью ехать в университет, а генерал Крицкий помог эту мысль осуществить. «Генерал Крицкий был из московских студентов, читывал в молодости Сен-Симона и Фурье и был приятелем Спасовича. Он похвалил меня за решимость и любовь к просвещению и обещал лично попросить войскового доктора сочинить мне болезнь.

И вот с ложным свидетельством доктора и выдуманной болезнью я получил отставку и отправился в Петербург»,— писал Г. Н. Потанин в своей краткой «Автобиографии»*.

Политические убеждения Потанина в этот период еще окончательно не выработались. Как признавался он сам позднее в своих «Воспоминаниях», в молодом казачьем кружке он был «казачьим патриотом», а в доме Капустиных становился «сибирским патриотом», либералом и сторонником реформ. Это было время после Севастопольской кампании и Парижского мира. «В воздухе веяло «новым духом»; журналы заговорили смелее, запрещение говорить о крепостном праве было снято; разоблачения злоупотреблений сыпались как из рога изобилия. <...> Мы с жадностью хватали книжки «Современника» и либерального тогда «Русского вестника»**. Выработке окончательного credo помог В. П. Лободовский, но в чем оно состояло, Г. Н. Потанин не пояснил.

Можно не утруждать себя догадками на этот счет, достаточно учесть, что до поездки в Петербург в 1859 г. Г. Н. Потанин провел некоторое время в Томске, сошелся близко с М. А. Бакуниным, только что прибывшим в ссылку, познакомился с его богатой библиотекой, приобретенной у декабриста Г. С. Батенькова. И отправляясь в Петербург с «золотым караваном» и ста рублями, добытыми в дорогу Бакуниным, Г. Н. Потанин не мог не «прихватить» также неостывшего еще бунтарского духа этого молодежного кумира того времени.

В 1859 г. Г. Н. Потанин прибыл в Петербург с уже сложившейся системой взглядов. Встретив в Петербурге земляка, студента педагогического института Н. С. Щукина, Г. Н. Потанин нашел его «зараженным теми же идеями», с которыми прибыл он только что из Сибири.

---

* ЦГАЛИ, ф. 381, оп. 1, д. 235, л. 2.

** Потанин Г. Н. Воспоминания — Спб. жизнь, 1913, № 62.

Единомышленники-сибиряки проникались друг к другу уважением и сразу с головой окунулись в кипучую общественную жизнь столицы. Потанин вошел в щукинский студенческий кружок «Землячество», признав за ним идейное и организационное руководство. Н. С. Щукин познакомил Г. Н. Потанина с лондонскими изданиями Герцена и Огарева, уговорил его стать их корреспондентом, организовал посещения студенческих и литературных вечеров, чтений, сходок. С отъездом Щукина в Томск Потанин остался руководителем сибирского студенческого землячества.

Общий подъем массового и общественного движения в России в конце 50-х гг. и связанный с ним подъем общественного движения в Сибири пробудили жадный интерес сибирской молодежи к знаниям, к активной общественной деятельности. Вот почему в эти годы наблюдается небывалый прилив сибирской молодежи в Казанский, Петербургский, Московский университеты и другие высшие учебные заведения. Петербургское студенческое сибирское землячество к осени 1860 г. пополнилось большой группой гимназистов, выпускников Омского кадетского корпуса и бывших студентов Казанского университета. Для идейной и организационной жизни кружка сибиряков большое значение имел приезд из Томска Н. М. Ядринцева и Н. И. Наумова, из Омска — Ф. Н. Усова, Ч. Валиханова и И. Прожкова, из Тобольска — И. А. Худякова, из Казани — Н. М. Павлинова и в 1861 г. С. С. Шашкова и А. П. Щапова.

На собраниях кружка, объединявшего до 30 человек студентов различных учебных заведений, обсуждались новинки литературы, журнальные статьи, в том числе и публикации сибирских корреспондентов Герцена и петербургских демократических изданий («Современника», «Искры», «Русского слова»), студенческие волнения, ход подготовки реформы, будущность своей родины — Сибири и в первую очередь «инородческий» вопрос. Статья Г. Н. Потанина «К характеристике Сибири», опубликованная в «Колоколе» (1860, № 72) и выдвинувшая требование отмены крепостного состояния для приписных к заводам крестьян Западной Сибири и ликвидации других язв сибирской жизни, также обсуждалась в кружке и легла в основу формирующейся программы. Надежды на реформы сверху еще владели умами большинства членов кружка, вернувшихся, что вслед за отменой крепостного права последуют широкие демократические преобразова-

ния и перед Сибирью откроются блестящие перспективы. Однако 1861 г. внес существенные коррективы в складывающуюся программу снбирского студенческого кружка.

Обман, раскрывшийся после реформы 19 февраля 1861 г., крестьянские выступления, подъем студенческого и общественного движения в стране, критика реформы революционерами-демократами и призывы к революции заставили снбирскую молодежь по-иному подойти к оценке политики самодержавия и выбору средств борьбы за демократическое переустройство страны. Этому повороту в значительной степени способствовало и непосредственное участие в студенческих волнениях осенью 1861 г., за которое Г. Н. Потанину, Н. И. Наумову, В. М. Березовскому, Н. Лосеву, Д. Л. Кузнецову и Э. Шацу пришлось отсидеть по нескольку месяцев в Петропавловской и Кронштадтской крепостях. По выходе из заключения Г. Н. Потанин и Ч. Валиханов побывали на приеме у Н. Г. Чернышевского. Мы не знаем, о чем конкретно они беседовали, но по той активности, которую развил снбирский кружок с конца 1861 г., мы можем предположить, что речь шла об активизации общественной борьбы в Сибири, а может быть, и прямо о задачах революционной борьбы. «В эти годы,— вспоминал Г. Н. Потанин,— определилась наша индивидуальность, дано было направление нашим политическим взглядам, было указано нам особое место в общественной деятельности»*.

Политические взгляды Г. Н. Потанина в эти годы окончательно сложились под влиянием революционно-демократической идеологии А. И. Герцена и Н. П. Огарева, Н. А. Добролюбова и Н. Г. Чернышевского, федералистических концепций А. П. Щапова и Н. И. Костомарова. Политическая программа снбирского кружка в Петербурге больше всего отразила щаповское требование «федеральной или союзной общинно-демократической конституции»** и известное заявление Герцена и Огарева о праве на самобытность каждой народности, праве на областную автономию и самоуправление. В этом духе и было написано А. П. Щаповым стихотворение «К Снбири», призывавшее провинции вставать, «сзывать Советы областные».

Окончательных политических и социальных требований в программе снбирский кружок во главе с Потани-

* Потанин Г. Н. Воспоминания.— Сиб. жизнь, 1913, № 109.
** Литературное наследство. М., 1959, т. 67, с. 661.

ным и Ядринцевым еще не сформулировал, так как в целом объявил себя последователем идей Чернышевского и признал своей программу революционеров-демократов. Потанин и Ядринцев в 1862 г. вступили в тайное общество «Земля и воля», выполняли ряд поручений членов его центрального комитета. Поэтому в программе сибирского кружка нашли отражение прежде всего требования, содержавшие специфику сибирских социально-политических условий: о ссылке, о колониальной политике царизма и положении «инородцев», о свободе переселений и развитии народного просвещения и т. п. Так в сущности революционно-демократическая идейная платформа сибиряков внешне обрастала областными требованиями, закрепив за ней название областнической.

Характеризуя обстановку выработки этой платформы, Г. Н. Потанин писал: «Все эти наши размышления о местных делах происходили в рамках общего влияния русской прессы, в которой в то время обнаружились два направления, выразившиеся в двух журналах: «Современнике» и «Русском слове». В рамках одного направления перед нами прошли Чернышевский, Добролюбов и Антонович, в рамках другого — Писарев, Зайцев и др. Ядринцев и мы были противниками «писаревщины». Направление «Современника» казалось нам более здоровым; мы думали, что если бы мы вошли в редакцию этого журнала с изложением своих чувств и идей, то в редакции «Современника» к нам отнеслись бы с большею благосклонностью, чем в редакции, пропагандировавшей писаревские идеи»*.

С 1862 г. деятельность сибирского кружка в Петербурге протекает в тесной связи со столичными революционными кружками и группами и с местными сибирскими, в особенности с иркутским кружком Н. С. Щукина. К 1863 г., когда в Сибирь возвратилось большинство членов петербургского кружка — сибиряков, в том числе и Потанин с Ядринцевым, местные кружки создались почти во всех крупных городах Сибири. И формировались они, несомненно, по указанию центрального комитета общества «Земля и воля», в соответствии с планом и общей структурой землевольческой организации, предусматривавшей со временем создание в Сибири самостоятельного округа «Земли и воли». План этот был одобрен Чернышевским и реализация его должна была состояться

* Потанин Г. Н. Воспоминания.— Сиб. жизнь, 1913, № 114.

после поездки Н. В. Шелгунова в Сибирь с целью изучения обстановки на месте. Такая поездка, как известно, состоялась, и заключение Шелгунова на этот счет было весьма положительным*.

В этом самая вероятная причина неожиданного и поспешного возвращения на родину сибирских студентов, оставивших учебные заведения и взявшихся за живую пропагандистскую работу на местах. Причем многие из них везли с собой прокламации Шелгунова «К молодому поколению», прокламацию «Земли и воли» и были, вероятно, знакомы с подготовленной еще в Петербурге Г. Н. Потанинным прокламацией «К сибирским патриотам».

Вся деятельность сибирских кружков (Иркутска, Томска, Красноярска, Омска, Семипалатинска, Тобольска и др.) в 1863—1865 гг., до момента их разгрома, состояла в пропаганде и агитации, в подготовке общественного мнения к решительным переменам, к революционному свержению самодержавия и установлению демократического республиканского строя в России. И возглавляли всю эту работу, идейно и организационно, Г. Н. Потанин и Н. М. Ядринцев.

Единство программных и организационных основ в деятельности всех сибирских кружков и групп при главной руководящей роли Потанина и Ядринцева позволяет заключить, что в Сибири существовала единая революционная организация, хотя письменно оформленной ни программы, ни устава до сих пор не найдено. Но факты непосредственно практической деятельности этой организации по подготовке всеобщего восстания в Сибири, связи с петербургской организацией И. Худякова и русско-польской организацией политических ссыльных в Сибири, участие в замыслах ишутинцев по освобождению Н. Г. Чернышевского из нерчинской каторги являются теми дополнительными свидетельствами, которые позволяют прийти именно к такому выводу. Без наличия единой организации невозможно было бы вовлечь несколько десятков человек в осуществление столь больших и ответственных задач. По форме же своей практической деятельности сибирская организация Потанина — Ядринцева ничем не отличалась от «Земли и воли» (пропаганда посредством воскресных школ, литературных вечеров, лекций, библиотек, распространение нелегальной литературы

---

* Шелгунов Н. В. Сочинения. СПб., 1871, т. 1, с. 304—305.

и прокламаций, печатание острых публицистических статей, сбор средств для нуждающихся студентов и организации побегов политических ссыльных, проведение в жизнь демократических реформ и т. п.)*.

Финалом этой деятельности, как известно, была подготовка к печатанию и распространению в рукописях двух революционных прокламаций, подготовленных не только Потаниным, но и другими членами сибирской организации («К сибирским патриотам» и «К патриотам Сибири»). Та и другая были написаны по образцам прокламаций Шелгунова и Ланчневского («К молодому поколению» и «Молодая Россия»), выдержаны в том же революционно-демократическом духе, но имели ряд дополнений насчет возможного, при отсутствии всероссийской революции, завоевания независимости Сибири. В этом требовании нашла отражение рекомендация А. И. Герцена идти на этапе ликвидации феодально-крепостнических отношений в России путем крутой ломки централистских основ абсолютизма, как его главной опоры, и завоевания права на самоопределение вплоть до отделения. Это требование, не разделяющееся даже самими организаторами будущего всеобщего восстания в Сибири, в том числе и самим Г. Н. Потаниным, включено в прокламацию в расчете на поддержку некоторой части сибирского купечества, недовольного конкуренцией европейской торгово-промышленной буржуазии. Г. Н. Потанин неоднократно пояснял, что лозунг сепаратизма был оставлен из тактических соображений, в целях воспитания «местного патриотизма», что политический сепаратизм не входил в программу сибирской организации. Тем не менее после провала организации в мае 1865 г. царские жандармы ухватились за это положение сибирских прокламаций

---

* Деятельность Сибирской организации в 60-е гг. освещена в литературе уже довольно подробно, поэтому в настоящей статье автор ограничивается обобщенным изложением, рекомендуя для желающих познакомиться подробнее со следующими работами: Митина Н. П. Революционно-демократическое движение в Сибири в канун восстания польских ссыльных на Кругобайкальской дороге — Учен. зап. ин-та славяноведения АН СССР, т. 29. М., 1965; Она же. Во глубине сибирских руд. М., 1966; Коваль С. Ф. За правду и волю. Иркутск, 1966; Он же. Характер общественного движения 60-х годов XIX в. в Сибири — В сб. Общественно-политическое движение в Сибири в 1861—1917 гг. Новосибирск, 1967. История Сибири. Л., 1968, т. 3; Сесюнина М. Г. К вопросу о возникновении сибирского областничества.— Вопр. истории Сибири. Томск, 1955, вып. 2; и позднейшие ее работы и ряда других авторов (Лапина, Подольской, Шиловского и др.).

н в течение более двух следственных лет пытались доказать, что вся вина сибирских революционеров в их сепаратистских устремлениях, в намерениях отделить Сибирь от России.

Однако, как свидетельствуют материалы по истории русско-польской революционной организации политических ссыльных в Сибири, во главе которой некоторое время был Н. А. Серно-Соловьевич, ею также допускалась возможность образования сибирской республики Свободославии со своим временным революционным правительством, если не станет реальностью всероссийская революция. Самостоятельная сибирская республика — только первый этап в достижении конечной цели — всероссийской и всепольской революции или революционного освободительного похода повстанческой армии для освобождения от царизма всей Европейской России и Польши. Однако никому в голову не приходит назвать этот план сепаратизмом. План же сибирской организации, кстати, согласованный с руководством русско-польской организации, с легкой руки царских жандармов объявленный сепаратистским, продолжает бытовать в литературе до сих пор. Между тем возникшее следственное дело именовалось как «Дело об открытии виновных в распространении в Сибири вредной противоправительственной пропаганды», переименованное затем в «Дело о злонамеренных действиях некоторых лиц, стремившихся к ниспровержению существующего порядка управления в Сибири»*. Примерно так называлось большинство следственных дел на привлеченных за пропаганду и замыслы восстания революционеров 60—70-х гг. Да и в сибирской организации трудно было не заметить даже царским следователям и судьям главного в замыслах (программе) и практических действиях — революционно-демократического содержания, типичного для «Земли и воли».

На следствии и суде Г. Н. Потанин вел себя мужественно. Своей твердостью и точностью в показаниях, принятием главной вины на себя он спас от мук тюремного заключения не одного товарища по общему делу и в том числе А. П. Щапова. Эту же цель преследовал Г. Н. Потанин, когда писал свою «Записку» с откровенными признаниями своей главной вины, выгораживая других и из-

---

* См. Государственный архив Омской области (ГАОО), ф. 3, оп. 13, кор. 1067, д. 5.—1139 л.; ЦГИАЛ, ф. 1405, оп. 64, д. 7631.

лагая невинность их «мечтаний» об удовлетворении основных нужд Сибири. В вопросе комиссии о «противоправительственной партии», организованной в России в лице русского центрального комитета, поставившего своей целью всеобщее восстание, и требовании ее назвать главных лиц этого комитета Г. Н. Потанин почувствовал опасность раскрытия новых сторон деятельности сибирской организации и ее связи с центральными органами. Поэтому он поспешил ухватиться за последнюю «соломинку»—«признание во всех грехах», чтобы тем самым скорее кончить дело и спасти себя и своих товарищей от новых кар. И ему удалось это сделать. Он и его друзья, признанные важнейшими деятелями организации, выслушали, наконец, окончательный приговор и были высланы в 1868 г. в ссылку в северные губернии Европейской России. Большинство же за недостаточностью улик было освобождено под надзор полиции.

Определенные судом и утвержденные правительствующим Сенатом и Государственным советом различные сроки каторги Н. Щукину, С. Шашкову, А. Шайтанову, Н. Ядринцеву, Ф. Усову, Г. Усову, Н. Ушарову и А. Золотину были заменены царем высылкой на житье, а одному Г. Н. Потанину сохранена пятилетняя каторга в крепостях. Он же был удостоен чести испытать обряд гражданской казни на крепостной площади г. Омска, какую перенес четырьмя годами раньше Н. Г. Чернышевский в Петербурге. Разница, может быть, состояла только в том, что Потанину после проезда в позорной колеснице и стояния у позорного столба на эшафоте со связанными руками некому было преподнести букет цветов, так как на площадь никто из гражданских лиц не был допущен (публика, несмотря на раннее утро — было только 4 часа утра,— на площади присутствовала). В тот же день, вечером, в сопровождении жандарма Потанина повезли на Свеаборгскую каторгу, где он пробыл три года вместо пяти лет. Так завершился первый, почти десятилетний, период активной общественно-политической и революционной деятельности Г. Н. Потанина.

В 70—80-е гг. Г. Н. Потанин отошел от активной политической деятельности. Неудача первого опыта, тюрьма, следствие и суд, а затем каторга и тяжелая поселенческая жизнь в с. Никольском Вологодской губернии не могли пройти бесследно. К тому же полицейский надзор и отрыв от культурных центров исключали необходимые предпосылки для активной общественной жизни.

Постоянная нужда и даже полуголодная жизнь определили характер занятий Потанина в ссылке. Он вынужден был трудами добывать себе кусок хлеба. Литературные и научные занятия сблизили его с писательскими кругами, издателями журналов и газет. И постепенно Г. Н. Потанин стал постоянным сотрудником ряда передовых изданий, писал публицистические статьи на самые острые социально-политические темы. Под влиянием Н. М. Ядринцева, жившего в ссылке в Шенкурске, Г. Н. Потанин стал внимательно изучать передовые социально-политические теории того времени, познакомился с «Капиталом» К. Маркса и русским народническим учением. Этого требовали изменившиеся социально-политические условия России и развитие общественно-политической мысли.

Н. М. Ядринцев раньше Потанина начал увлекаться проблемами идеологии, искал ответы на выдвигавшиеся жизнью вопросы о путях дальнейшего развития России и родной Сибири, вовлекал в обсуждение этих проблем и своего старшего друга.

Ранее выработанная политическая программа в новых условиях не могла быть осуществлена. Требовалась разработка социальной программы сибирского общественного движения, четкое определение позиций по отношению к развивающемуся капитализму, к судьбам крестьянской общины, к появляющимся новым классам — пролетариату и буржуазии и т. п. Н. М. Ядринцев еще в Омской тюрьме в 1865—1868 гг занялся разработкой вопроса о русской общине, закончил работу в ссылке, и в 1872 г. появилась его книга «Русская община в тюрьме и ссылке». Уже в этой работе Н. М. Ядринцев, в сущности, изложил народнический взгляд на русскую общину как социальную ячейку, которая приведет к коренному переустройству социально-экономической жизни России, а также и Сибири, т. е. приведет к социализму. Община с ее драгоценными самобытными качествами — выборным началом, правом сходок и самоуправлением — таит в себе неисчерпаемую силу в конструировании новых общественных порядков.

Какого бы вопроса ни касался Н. М. Ядринцев, он всякий раз письмом знакомил Г. Н. Потанина со своим замыслом, планом разработки, источниками, которыми пользовался. То же делал и Потанин, причем именно Потанин часто подсказывал Ядринцеву новую тему, давал советы и т. д. Бывало и наоборот. Вот почему очень трудно разграничить точки зрения Н. М. Ядринцева и

Г. Н. Потанина по тому или иному вопросу. Они созревали в результате совместных трудов.

Так, излагая план своего будущего исследования по колониальному вопросу, Ядринцев в письме к Потанину 18 июня 1872 г. спешит поделиться и по вопросу об общине: «Я удивляюсь вашей проницательности в силу и способность крестьянской общины, высказанной на экономической почве, но так превосходно поддерживающейся и на политической. Да, в ней залог будущего и по ней можно предсказать историю государства. Она — источник автономии»*.

Взгляды Ядринцева и Потанина на русскую общину были одинаковы. Оба они замечали и классовое расслоение деревни, затронувшее и крестьянскую общину. Так, в статьях, помещенных в «Камско-Волжской газете» за 1873 г., Г. Н. Потанин, разбирая устройство яицкой общины, вопреки явным симпатиям, вынужден был признать, «что яицкое устройство далеко не верх совершенства», хотя в нем придуманы ограничения для богачей в земледелии и сенокошении, что экономическое равенство, которое сохраняется еще в яицкой общине, непрочно. Общинный дух проведен в общинных учреждениях, а внутри общины «свирепствует самый грубый эгоизм»; «являясь в общинных учреждениях народом общинников, в частной экономической жизни уральцы представляются самыми несимпатичными индивидуалистами, каких не найти ни в какой другой части России»**.

Только если Н. М. Ядринцев и С. С. Шашков разложение общины связывали с внутренними социально-экономическими процессами, порожденными капитализмом, то Г. Н. Потанин считал характер переживаемых общиной изменений случайным явлением, привнесенным извне, а не порождением капитализма. Ядринцев и Потанин разработку вопроса об общине поделили между собой: Потанин должен был заниматься экономическими отношениями, Ядринцев — общественной запашкой, кассами, артелями, товариществами, т. е. общиной в новейших формах, которые применимы и к рабочему сословию. Совместными усилиями и довольно успешно разрабатывали

---

* Письма Н. М. Ядринцева к Г. Н. Потанину. Красноярск, 1918, вып. 1, с. 40

** Авесов (Потанин Г. Н.). Яицкая община.— Камско-Волжская газ., 1873, № 85, 86; Индивидуализм в общине — Там же, № 92.

они и другие проблемы теоретического плана: судьбы капитализма в России и Сибири, колониальный вопрос, роль науки и просвещения в прогрессе общества и многие другие.

В вопросе о судьбах капитализма в России Н. М. Ядринцев и Г. Н. Потанин занимали для своего времени передовые позиции. Ядринцев, например, воспринял целиком точку зрения К. Маркса о прогрессивности капиталистической формации в сравнении с феодализмом, считал, что и России капитализма с его рабочим вопросом нечего бояться. «Рабочему будет лучше получить впоследствии из рук буржуазии промышленность, более направленную в соответствии с интересами страны, чем не получить ничего, голую пустыню, скалу! Фабричного рабочего вопроса нечего бояться, его разгадка найдена... Помогайте жизни в ее переходах, способствуйте ея родам, будьте «повивальной бабкой», как выражается Маркс, в этом задача, но вы не избежите все-таки известных переходных степеней, не избежите индивидуализма, «заимок» и ферм, фабрик и заводов с черными руками»*. Г. Н. Потанин был согласен с изложением Ядринцевым объективно закономерным путем развития России и в одном из писем 1873 г. рекомендовал для сибирского читателя нарисовать картину капиталистической Сибири, с ее фабриками и заводами, железными дорогами, доками и морскими судами, голодными рабочими, голыми детьми, нищими и т. д. «Нужно дать понять, что мы, если и говорим о развитии фабричности, то с оговоркой»**.

Оговорка Потанина и вызывалась его опасением, что с развитием капитализма в Сибири не удастся спасти крестьянскую общину, которая еще не подвержена той опасности разложения, какая реально нависла над общиной в Европейской России. Было и другое опасение, что с развитием путей сообщения, особенно железных дорог, за Сибирью как колонией может закрепиться только роль сырьевого придатка метрополии или, в лучшем случае, дорога будет служить интересам сибирского купечества, а не народа***. Беспокойство за судьбу крестьянской общины более ярко выражено в письме Потанина к Ядринцеву от 1 августа 1872 г.: «...но всего страшнее туча со

---

* Письма Н. М. Ядринцева к Г. Н. Потанину. Красноярск, 1918, вып. 1, с. 51—52.

** Томский областной краеведческий музей (ТОКМ), ф. Потанина оп. 14, д. 5, л. 7—8 об. (См. настоящий сб., с. 174).

*** Авесов (Потанин Г. Н.). Сырьевая дорога.— Камско-Волжская газ., 1873, № 32.

стороны капиталистов, когда окажется выгодным прилагать к земледелию капитал».

В отличие от Потанина Ядринцев уже не верил в возможность «совершить скачок прямо в социализм, минуя иные ступени общественного развития», т. е. минуя капиталистическую стадию развития. И в этом отношении он был ближе к марксистскому пониманию хода исторического процесса, чем Потанин. Но и Ядринцев, и Потанин, и Шашков как идеологи сибирского общественного движения 70—80-х гг. не вышли из рамок мелкобуржуазного, крестьянского социализма, каким и был социализм народнический. Противоречивость их суждений объяснялась мелкобуржуазной природой крестьянства, защитниками интересов которого они были. Поэтому политическая их программа не содержала боевых революционных требований, обрекала массы на пассивное выжидание условий, которые будут подготовлены самим развивающимся капитализмом, когда пробьет час штурма капитализма.

Ни Потанин, ни Ядринцев не отвергали революционного пути развития, но считали его для данного этапа преждевременным. Не были они и реформистами, хотя и не отрицали полезности некоторых реформ. В письме Ядринцеву от 28 февраля 1872 г. Потанин дал резкую оценку предполагавшейся бароном Корфом реформы школьного дела потому, что она ничего не давала крестьянским массам, а удовлетворяла лишь интересы одних мироедов.

К открытой политической борьбе, подобно революционным народникам, ни Ядринцев, ни Потанин уже не были способны. Но при случае они вступали в контакт с революционерами-народниками, помогали им, но главную свою цель видели в том, чтобы пробуждать общественное мнение средствами публицистики, возглавлять общественное движение вне рамок партийной принадлежности, ставя перед ним определенные задачи.

И в арсенале их средств по-прежнему ведущее место занимала печать, как наиболее действенное легальное средство борьбы за осуществление общедемократической программы. К нелегальным средствам прибегают редко и только в исключительных случаях, с соблюдением величайшей осторожности.

По-прежнему и Г. Н. Потанин и Н. М. Ядринцев в интеллигенции видят главную силу борцов за прогресс, за демократическое развитие всех сторон государственной и общественной жизни. И как писал Ядринцев: «Сила об-

разования, особенно университеты, будут способствовать развитию интеллигенции не в буржуазном, а в демократическом духе... Эта демократическая интеллигенция с народом в союзе не допустит олигархии»*. Г. Н. Потанин, например, в 1874 г. в связи с затруднениями в издании «Камско-Волжской газеты» рекомендовал Ядринцеву, Гацискому и Агафонову создать какое-нибудь общество, которое бы пробудило к общественной жизни женщин и молодежь обсуждением вопросов о сельской школе, об общине и ее переходе к земледельческим ассоциациям и др. И приобщало не к пути Сусловой и Кашеваровой, т. е. не к врачебной, «а к политической деятельности»**. Таким образом, политическая деятельность оставалась в центре внимания и Потанина и Ядринцева, именно на нее они ориентировали молодое поколение, призывая молодежь из народа учиться, идти в университеты, бороться за демократические преобразования в стране.

Изменились взгляды и в вопросе колониальном. Рассматривая по-прежнему Сибирь колонией, Потанин и Ядринцев теперь считали, что Сибирь получит больше выгод от тесных экономических и культурных связей с метрополией. В письме к Потанину от 12 июля 1872 г. Ядринцев излагал выгоды железной дороги, свободной торговли для Сибири: «Связь колонии с метрополией имеет поэтому свой смысл, и чем колония неразвитее, тем потребность в этой связи должна быть сильнее... Итак, приходится еще отделить все выгоды от известных сношений, как мы ранее замечали одне невыгодные, а потом взвесить те и другие. Так ли? Считайте»***.

Собственно, все уже было подсчитано и со старым «сепаратизмом» давно покончено. В общедемократической программе, изложенной в ряде статей в демократической прессе — журнале «Дело», «Камско-Волжской газете», в сибирском демократическом органе — газете «Сибирь», а затем и в «Восточном обозрении» Потанин и Ядринцев требовали местного самоуправления, автономии. Но это действительно демократическое требование не содержит как ничего социалистического, так и ничего сепаратистского, реакционного. Как идеологи сибирского общественного движения в 70—80-х гг. Потанин и Ядринцев раз-

---

* Письма Н. М. Ядринцева к Г. Н. Потанину, с. 130.

** Гос. лит. музей в Москве, ф. Гациского, д. 972, л. 17—19.

*** Письма Н. М. Ядринцева к Г. Н. Потанину, с. 52.

работали программу, в которой выдвинули следующие требования: ликвидацию штрафной колонизации (ссылки) и свобода переселений, покровительство сибирской торговле и промышленности, введение судов, широкой гласности, гражданского полноправия для всех народов Сибири, больших и малых, всестороннего образования, реорганизация сибирского управления, выборность органов самоуправления, развитие высшего образования и открытие университета, улучшение положения «инородцев», крестьянства и рабочего сословия. Такова программа-минимум, изложенная легально и представлявшая собой типичные буржуазно-демократические требования, в осуществлении которых заинтересованы были все слои сибирского общества. Эта программа нашла живой отклик в Сибири, сплачивала общественные силы на борьбу за ликвидацию средневековых форм во всех областях жизни, тормозивших экономическое, политическое и культурное развитие Сибири.

Реализация этой программы давала большой простор для развивающегося капитализма, а вместе с тем приблизила бы и облегчила бы борьбу за победу социализма. Поэтому мы не можем отрицать демократической сущности этой программы, ее большого прогрессивного значения, ее народнической основы «...И социал-демократы,— писал В. И. Ленин,— безусловно примыкают к требованию полного восстановления крестьянства в гражданских правах, полной отмены всяких привилегий дворянства, уничтожения бюрократической опеки над крестьянством и предоставления ему самоуправления. Вообще, русским коммунистам, последователям марксизма, более чем каким-нибудь другим, следует именовать себя *социал-демократами* и никогда не забывать в своей деятельности громадной важности *демократизма*»*.

Ни Ядринцев, ни Потанин никогда широко не объявляли требования своей программы и общественное движение в Сибири социалистическими. Правда, социалистами они себя еще продолжали считать — и не безосновательно: община для них оставалась ячейкой социализма для крестьян, для рабочих — артели и производственные ассоциации, царизм и буржуазия должны быть свергнуты, когда капитализм подготовит к тому условия и рабочий класс станет во главе штурма капитализма и т. д.

---

* Ленин В. И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов.— Полн. собр. соч., т. 1, с. 300.

Однако все эти положения социалистической программы остались у Потанина и Ядринцева до конца не разработанными. Увлекшись публицистикой и научными занятиями, они ограничили сферу своей общественной деятельности рамками общедемократической программы. Не вышли они за рамки этой программы и в своем идейном развитии. Но надо заметить, что Ядринцев и Потанин никогда не были противниками революции. Они только полагали, что революция в России еще не созрела, поэтому надо использовать любые реформы, чтобы приблизить час революционных действий, в которых уже не они сами, а новые поколения будут играть решающую роль. Исходя из этого, Ядринцев и Потанин осуждали народников за бесшабашность и бесполезную трату сил, гибель лучших сынов России.

Все эти суждения излагались устно и на бумаге, но когда дело доходило до практики, то «теория» отступала на задний план.

В 1874 г. Г. Н. Потанин освободился из ссылки и уже в 1878 г. начались его экспедиции в Монголию, Урянханский край, Китай, Тибет. Пользуясь расположением и поддержкой научных кругов Петербурга, и особенно П. П. Семенова, Потанин часто приезжал в Петербург для обработки собранного экспедицией материала и здесь возобновлял свои контакты с революционными народническими кружками. Так, в 1879 г. Потанин вместе с Н. М. Ядринцевым и А. П. Нестеровым установили связь со студентом университета К. Г. Неустроевым, членом народнической организации и создателем в 1881 г. народовольческого кружка в Иркутске, и другими революционерами. А. П. Нестеров по совету Г. Н. Потанина и Н. М. Ядринцева, приобретает в 1877 г. типографию для издания в Иркутске газеты «Сибирь», редакторство которой перешло к их старому другу и соратнику М. В. Загоскину. И в купленной А. П. Нестеровым типографии печатались народовольческие прокламации. Доказать это жандармам не удалось, чтобы привлечь Нестерова к ответственности. Но факт содействия побегу доктора Добровольского (из 193-х) и Лавровой, урожденной Чайковской, скрыть было невозможно. К тому же был арестован с прокламациями и некоторыми номерами «Земли и воли» нанятый в его типографию управляющим Бутаков, старый знакомый и дальний родственник. Нестеров с Бутаковым были заключены в Петропавловскую крепость, из которой Бутаков так и не вышел.

В 1879—1882 гг. в Иркутске А. П. Нестеров, Г. Н. Потанин, М. В. Загоскин, М. П. Шестунов, Н. В. Садовников и другие «шестидесятники» оказались причастными к деятельности кружка К. Г. Неустроева, помогая ему в доставке в тюрьму для политических заключенных корреспонденции, необходимых инструментов для организации побегов. Причем все это искусно маскировалось в посылки или подшивки газет («Сибирь» и др.). В Иркутске Нестеров с момента своего приезда в 1879 г. неоднократно подвергался арестам, обыскам, допросам. Та же участь грозила и Потанину, если бы он задержался в Иркутске. Встреченный настороженно полицией и получивший отказ в разрешении на сотрудничество в газете, он своевременно выехал в экспедицию в Монголию, хотя не избежал обысков и допросов.

В. И. Вагин, свидетель всех иркутских событий того времени и испытавший частично на себе преследования за революционную практику своих друзей, 7 апреля 1880 г. записал в своем «Дневнике»: «...Я с своей стороны, едва ли видел человека с более благородными личными качествами как Потанин. Дурно.. что он так чист душой и потому так горячо верит в других. Может быть, он потому верит и в Нестерова»*. А чуть раньше, 18 января, Вагин сделал другую любопытную запись, в которой отметил высокомерие и самоуверенность Нестерова, «особенно теперь, когда здесь Потанин, которому, по мнению Н. (Нестерова — *С. К.*) и Сад. (Садовникова — *С. К.*), все должны поклоняться как полубогу. Мы с Тюм. (Тюменцевым.— *С. К.*) к идолопоклонникам не принадлежим, но увы — к числу их принадлежит наш любезнейший М. В. (М. В. Загоскин.— *С. К.*)»**. Вагину не нравилась причастность редакции к революционным актам и «зангрывание» с политическими ссыльными, что обостряло отношение с администрацией и ухудшало состояние редакционных дел и типографии. И в самом деле, типография Нестерова неожиданно сгорела, когда петербургское дело хотели связать с иркутским. Для Нестерова кончилось все непродолжительным заключением и установлением почти пожизненного полицейского надзора и лишением права поступления на государственную службу. Потанин выехал в Монголию, не вняв предупреждениям насчет связей с революционерами.

---

* Государственный архив Иркутской области (ГАИО), ф. 162 (В. И. Вагин), оп. 1, д. 116, л. 66 об.

** Там же, л. 39

Во время отсутствия Г. Н. Потанина сибирское общественное движение развивалось под флагом идей, пропагандировавшихся Н. М. Ядринцевым и его «Восточным обозрением». Программа сибирского общественного движения (областничества) оставалась прежней, общедемократической, и не претерпела почти никаких изменений, несмотря на наступившую реакцию 80-х гг. Наоборот, Н. М. Ядринцев в своем произведении «Сибирь как колония» (1882 г.) более резко подчеркивал необходимость устройства быта «инородцев», принятия мер против мироедства и кулачества, улучшения участи золотопромышленных рабочих, оставляя и другие требования, включенные в программу еще в 70-х гг.

В 90-е гг. Ядринцев и Потанин внимательно относились к другим политическим группировкам и партиям, кружкам, появлявшимся в Сибири в связи с начавшейся марксистской и первой социал-демократической ссылкой в Сибирь, с развитием революционного рабочего и крестьянского движения. Сибирское общественное движение в эти годы пополняется новыми деятелями из числа молодежи и бывших революционеров-народников (И. И. Попов, Д. А. Клеменц, М. П. Овчинников и др.). Изменение социальных и политических условий, новая расстановка классовых сил, новые пополнения общественных деятелей внесли в некогда «единое» общественное движение тенденции к обособлению, выделению партийных группировок, правых и левых течений. Этот закономерный процесс не был понят и болезненно переживался Н. М. Ядринцевым в последние годы жизни. Другие, оставшиеся еще в живых, представители «старой гвардии» предпочли отойти «в обоз» (Н. М. и Е. М. Павлиновы), и только Г. Н. Потанин выдержал все испытания и оставался признанным идеологом сибирского «областнического» общественного движения.

Г. Н. Потанин сохранил свой авторитет не только выдающимся вкладом в науку, в развитие научных и культурных центров Сибири (отделов Географического общества, музеев, библиотек, обществ изучения Сибири, народных чтений и т. п.), но и непрекращавшейся политической деятельностью. Так, известно его участие в подготовке побега из Сибири народовольца Н. А. Чарушина, которому он доставал и посылал необходимые документы в 1889 г. В одном из писем Потанину Чарушин благодарил за «документ»: «...лучшего и желать невозможно. До сих пор я им еще не воспользовался, отчасти по той же

причине, по которой не писал Вам, а главное потому, что не стремлюсь в Россню, стало быть и хлопоты о своих правах пока не настоятельно необходимы»*.

Не без влияния Потанина редакция «Восточного обозрення» представила свон страннцы для полемики марксистов с народниками по вопросу о развитии капитализма в Снбири. В газете со статьей «Судьба капитализма в Снбнри» выступил в 1896 г. марксист Л. Б. Краснн**.

На рубеже XX столетня, в годы назревающего революционного подъема, Потаннн живо интересуется ходом событий и тем путем, которым Россия пойдет к социализму. Организовав поездку большой группы молодежи Сибири в Москву и Петербург учиться в университетах и на Высших женских курсах, Г. Н. Потанин ие порывал с ней связей, регулярно переписывался, помогал своими скудными средствами, участвовал в обсуждении многих проблем литературной, общественной и политической жизни страны В этой группе был и В. И. Анучин, письма которого к Потанину за эти годы сохранились. Из них-то мы и можем почерпнуть кое-какие сведення о настроеннн, взглядах и делах Г. Н. Потанниа в эти предреволюционные годы.

Так, Потаннна весьма волновал вопрос о состоянии литературы, и В. И. Анучнн в письме 3 ноября 1898 г. дает подробное описание спора в обществе литераторов, на котором присутствовал и В. Серошевскнй, когда обсуждался вопрос о реализме, романтизме — метод это или направленне — и какой будет литература при социализме. В письме от 4 февраля 1899 г. В. И. Анучнн изложил коротко содержаине одного из диспутов между марксистами и народниками по вопросу о пути прихода к социализму. Отвечая на упрек Потаинна, что он слишком увлекается политикой и мало литературой, Анучин пишет: «...Мало кто из нас знает: что такое Россня? На какой стадии исторического развития она находится? Какие социальные факторы обусловливают темпы и направление ее развития? Не имея ответов на эти вопросы, иельзя рассуждать о политике, невозможно строить планы и программы.

Может быть и нужно, как утверждают социал-демократы, чтобы наш мужик «переварился в фабричиом кот-

---

* ЦГАЛИ, ф. 381, оп. 1, д. 176, л. 9
** Вост. обозрение, 1896, № 121—123

ле», а может быть, и без этой приятной операции обойдется. Возможно, что «общиина» народников — путь к спасению — все это рецепты, еще не испытанные.

Я лично думаю, что линия жизни пройдет где-то посредине: и «переварнвать» мужика не понадобится и ие «община»— двери в социальный рай. Революции прошлого не могут послужить опытом, так как они происходили в совершенно иных условиях, на иной почве, при иных соотношениях общественных сил»*.

В. И. Анучин был оппонентом Потанина и в вопросе о сохранении традиций в искусстве: «Условия государственных и общественных отношений в России за последнее время сильно изменились,— и скажем, наумовские методы и тематика уже не пригодны для беллетриста наших дней»,— писал он 19 октября 1899 г. «Может быть, Вы имели в виду политические настроения? Но здесь нет сомнений. Сибирь по своему хозяйственно-экономическому положению не может родить писателя-консерватора, как не может соболь родить жабу»**.

На совет Потанина дать произведение, в котором бы был раскрыт социалистический строй, В. И. Анучин отвечает письмом 2 декабря 1901 г.: «Диктатуру буржуазии сменит диктатура пролетариата,— превосходно! Но исчезнут ли при этом пороки общественного строя, обусловленные свойствами человека? Напр., исчезнет ли, или хотя бы уменьшится преступность? Неизвестно!..

Опыт смены диктатур произвести следует, но было бы неосторожно связывать с такою сменою мессианские ожидания Вывод? Он и будет ответом на Ваш вопрос. В данное время у нас слишком мало знаний в отношении природы человека, что мешает возможности составить прогноз, а поэтому наши писатели не могут дать произведения, рисующего картину социального рая, у них нет точки опоры для взлета»***.

В. И. Анучин 14 февраля 1904 г. сообщал, что в Сибирский союз молодежи в Петербурге вошло новое землячество — «Семиреченское». «Там преобладают марксисты,— хорошие есть ребята». 7 октября 1904 г. он предсказывал: «...в течение предстоящих десяти лет неизбежны крутые общественные перемены. Да, Григорий Николаевич! Абсолютно неизбежны! Либо война, либо революция

---

* ЦГАЛИ, ф 381, оп. 1, д. 2а, л 14—15.
** Там же, л 16—17.
*** Там же, л 21 об.

выбьют Россию из неустойчивого развития». 5 февраля 1905 г. он писал об участии сибиряков в обсуждении «Заветных мыслей» Д. И. Менделеева у него на квартире, где рассуждали об эволюции капитализма, о революции, о пролетарском управлении, плановом хозяйстве и положении Сибири. Участвовали Н. М. Павлинов, П. М Головачев и др.*

Приведенных выдержек достаточно, чтобы признать, что не только молодому поколению в сибирском общественном движении, но и его ветерану, Г. Н. Потанину, не чужды были вопросы социальной политики, социализма, революций, и они не были в стороне от происходящих событий, вырабатывали свою идейную платформу и политическую линию поведения Причем никакой враждебности к социал-демократам, коммунистам, большевикам не наблюдается, наоборот, проявлен интерес к левым политическим партиям и положительное отношение к революции. Правда, сибирская областническая общественность не выступила и на стороне активно борющихся рабочих и крестьян, а осталась сторонней, хотя и сочувствующей наблюдательницей. Единственным актом участия в назревающих революционных событиях было собрание общественности в Томске 12 января 1905 г. по поводу 150-летия Московского университета, названное «Праздником просвещения». На этом своеобразном митинге, организованном в зале железнодорожного собрания, присутствовало около 400 человек, преимущественно студентов, было и около 20 рабочих. Присутствовали на собрании Г. Н. Потанин, Н. Н. Баранский и ряд других представителей Томского социал-демократического комитета. Г. Н. Потанин председательствовал на собрании и открывал его вступительной речью, которую посвятил завоеванию свободы слова и закончил призывом. «Прав не дают, а завоевывают». Дальше выступали ораторы по номерам, без объявлений фамилий. Второй оратор призывал к свержению монархии. Третьим был Н. Н. Баранский, который предложил: «1. Всеобщую уличную демонстрацию в г. Томске. 2. Восстание по всей линии Сибирской железной дороги. 3. Образование сибирского революционного отдела по примеру таких же в крупных центрах России.» Потанин как председательствующий предложил вотировать предложения Бараиского, и они были собранием приняты. Среди выступавших на собрании были

---

* ЦГАЛИ, ф. 381, оп. 1, д. 2а, л 28, 30 об., 31—32.

и рабочие, после которых Баранский предложил почтить память Балмашева, Сазонова и Сикорского. В перерыве распространялись прокламации Сибирского союзного комитета —«Еще шаг» и «О борьбе против монархии», свыше 100 экземпляров которых осталось после собрания, как доносил прокурор Томского окружного суда прокурору Омской судебной палаты 14 января 1905 г.* В перерыве и после собрания пелись революционные песни: «Марсельеза», «Машинушка» и др.

Потанин, Кийков, как организаторы манифестации, и ряд участников-студентов и преподавателей были арестованы и содержались под стражей. На допросе Потанин отказался давать какие-либо показания относительно лиц, выступавших на собрании, и содержания их речей. 8 февраля 1905 г. Потанин был освобожден из-под стражи под особый надзор полиции по месту жительства.

Этот весьма примечательный факт из политической биографии Г. Н. Потанина свидетельствует о многом Хотелось бы подчеркнуть только одно, что Г. Н. Потанин оставался сторонником революционной борьбы при сложившихся к тому условиях. Этот факт и общий исход революции 1905—1907 гг. не могли пройти бесследно для Потанина. Он сознавал, что в новых условиях небывалого подъема освободительного движения масс сибирская общественность не может стать во главе этого движения. Появились у масс свои вожди, свои политические партии Старое общедемократическое направление общественного движения не удовлетворяет самих деятелей этого движения. Областнический лозунг перестал объединять. Появились в рядах сибирской общественности группы, течения. Г. Н. Потанину же хотелось сохранить единство рядов.

Единственно желанием спасти расползающееся на группировки и партии и теряющее свое влияние на массы сибирское областническое общественное движение можно объяснить появление в 1908 г. статьи Г. Н. Потанина «Нужды Сибири», возрождавшей в памяти молодежи основные устои областничества. Но Потанину не удалось достигнуть этой цели. Правое крыло (Адрианов, Козьмин, Курский и др.) все более тяготело к конституционной монархии; левое — состоявшее из молодежи (Анучин, Головачев, Бахметьев, Гребенщиков, Шишков и др.)— за федеративную демократическую республику. Г. Н. По-

* ГАОО, ф. 190, оп. 1, д. 55 (св 6), л. 1—5.

танин же стремился примирить эти два течения на какой-нибудь центристской позиции.

С 1912 г., занятый многими общественными делами, литературными трудами, редакционной работой, помощью учащейся молодежи, примирением крайних сторон в областническом лагере, Г. Н. Потанин все больше прислушивается к левому течению в областническом движении и предпринимает ряд мер к практическому участию в будущей революции. По его заданию В. И. Анучин предпринимает поездку по всей Сибири с целью выяснения настроения различных слоев населения. Письмом от 28 декабря 1912 г. Анучин дал своего рода отчет о результатах своих наблюдений: переселенцы — «не станут на защиту старого строя, но они не поддержат и революцию»; казаки — «настроение хорошее... но требуют земельных преимуществ...»; солдаты — «заражены деревенскими настроениями», деревня — «старый строй не получит ни одного защитника, но надо признать, что деревня не пойдет начинать революцию,— она ее потом поддержит». Нет надобности говорить о рабочих».

«Если скинуть со счетов инертных и нейтральных, то по Сибири такой итог получится: 90—95% оппозиции и 10—5% реакционеров.

Революцию здесь сделают города и мобилизованная в армию деревня. Вторая часть *абсолютно необходима*, а отсюда вывод: революция возможна *только* в случае войны. Не иначе!»* Далее советует определить свою (областничества) роль в революции, а при наличии разногласий примирение невозможно. «Вы не раз говорили, что Вас смущают эти разногласия, значит надо их как-то ликвидировать, потому что они совершенно непримиримы. Или да, или нет! Или Адрианов, который так неприятно спекулирует Вашим именем, или мы! Средины нет, да и не подобает Вам сидеть между двух стульев...

...Мы уже упустили один случай (японская война), правда Красноярскую республику провалили меньшевики (ни дна б им ни покрышки), а не мы, но предстоящую войну упустить будет преступно»**.

Г. Н. Потанин и лично выяснял через знакомых ему крестьян политическое настроение крестьянской массы. В фонде Г. Н. Потанина сохранилось три письма Д. Маслова от 1910—1912 гг., в одном из них, датированном

---

* ЦГАЛИ, ф. 381, оп. 1, д. 2а, л. 34—35
** Там же, л. 35 об.

от 1 мая 1912 г., он отвечает на интересующий Потанина вопрос: «Вы интересуетесь знать о политическом настроении нашего крестьянского мира. Живя среди своих собратов крестьян и чувствуя вместе с другими гнет отражения административного произвола, так и думается, что наконец-то наши братья мужички поняли и узнали своих истинных врагов, но увы! Они не понимают»*.

Г. Н. Потанин поддерживал переписку со многими революционерами, побывавшими в сибирской ссылке, советовался с ними, а некоторых приглашал в Сибирь с лекциями, как Н. А. Морозова, которому удалось побывать здесь в 1914 г. Переписка в эти годы с В. Короленко, Л. Пантелеевым, Б. Дыбовским, И. Лясоцким, В. Серошевским, П. Баллодом, И. Жуковым, В. Панкратовым (шлиссельбуржцем), К. Юргановой, Н. Карповой, Лидией и Львом Ядринцевыми и многими другими посвящена самым различным вопросам, но в основном общественно-политическим. К Г. Н. Потанину обращались все обиженные и пострадавшие — и не было случая, чтобы он отказывал выполнить просьбу. Так, письмом от 15 января 1913 г. О. А. Дилевская просила помочь «нашим товарищам, сидящим в настоящее время в Томской тюрьме». Они арестованы в 20-х числах августа 1912 г. «за участие в похоронах, имевших демонстративный характер», а Нектарова еще и за произнесенные речи на могиле. «В Нарыме была арестована публика еще на Первомайскую демонстрацию и также сидит в безнадежном состоянии»**. И Потанин хлопотал, несмотря на то, что с 1913 г. зрение его резко ослабело, а с 1915 г. он уже почти не мог писать. С развитием слепоты прогрессировала и глухота.

Февральскую революцию, которую Г. Н. Потанин ждал и даже пытался посильно ее приблизить, встретил уже больным. Но встретил восторженно. Написанное от его имени приветствие к гражданам г. Томска от 12 марта 1917 г. он с большим трудом мог выправить и дописать здравицу: «Да здравствует русская демократическая республика»***.

Октябрьскую социалистическую революцию Г. Н. Потанин встречал уже слепым и глухим старцем. Встречал без восторгов, потому что не имел для этого физических сил, и потому что был совершенно дезинформирован

---

* ЦГАЛИ, ф. 381, оп. 2, д. 2, л. 100.
** Там же, д. 5, л. 1—3.
*** Там же, д. 2, л. 1.

кучкой явных врагов Советской власти, группой Адрианова, порвать с которой, как советовал еще в 1912 г., и позднее в 1916 г. В. Анучин, Г. Н. Потанин так и не смог. Он нашел в себе мужество отказаться от председательского места в Сибирской областной Думе и Совете в 1918 г., но пострадал от подлога в 1919 г., когда Адрианов сфабриковал призыв за подписью Потанина встать на защиту Колчака и опубликовал его во всех сибирских газетах*.

В 1920 г., в год своей смерти, Г. Н. Потанин искренне осознал свои ошибки и приветствовал Советскую власть, диктатуру пролетариата**.

---

* Вегман В. Областнические иллюзии, рассеянные революцией — Сиб. огни, 1923, № 3, с 96.

** Обручев В. А. Гр. Ник. Потанин. М.; Л.: АН СССР, 1947, с. 251.

ИЗ ПЕТЕРБУРГА
(август 1859—март 1862)

1 Н. И. НАУМОВУ

2 августа 1859 г. В Петербурге, на Васильевском острове, на Большом проспекте, в 3-й линии, в доме Юнкера, № квартиры 27-й

Извинпте, м. г., что не могу назвать Вас по отцу Вашему[1]. Я был весьма обрадован Вашим письмом[2]. При настоящей малочисленности сибиряков, старающихся приготовить из себя истинных слуг обществу, Вы — совершенный клад. Здесь я нашел небольшой кружок из шести[3], не более, своих земляков, дышащих общим желанием трудиться впоследствии для Сибири; только один из них[4] пришел сюда со странной целью составить себе карьеру. Мы, т. е. члены этого кружка, с живейшим участием принимаем всякое новое известие, что к этому кружку пристанет еще человек.

Вы сомиеваетесь, можете ли иадеяться на успех без хороших предварнтельиых позианий. Разумеется, можете: во-первых, горячая любовь к науке, которой нельзя не верить. прочитав Ваше письмо, одна достаточна заменить все прочее, что необходимо для успеха; во-вторых, кто же бывает хорошо подготовлен для поступлеиия в университет[5],— только немиогие исключения, по преимуществу дети университетских профессоров, остальные же как подготовлены? что они знают?— списки собствениых географических и исторических имеи. Мне кажется, важнейшие из других условий — это быть приготовленным нравствеино, т. е. иметь убеждение, что ищешь и желаешь науки только для того, чтобы служить науке и человечеству, а не делать из нее впоследствии только ремесла для своего

пропитания. А кто имеет непреодолимое врожденное влечение к науке, какое же тому нужно еще приготовление?

Я очень жалею, что Вы в своем письме не написали о главном — о материальных средствах, которыми Вы можете располагать, чтобы привести свое прекрасное намерение в исполнение. Я готов Вам служить всем и даже деньгами, если они будут. В Петербурге я осмеливаюсь предложить Вам на первый раз пристанище в своей квартире. Через несколько недель после моего письма в Томск приедет мой здешний знакомый, студент Щукин[6], едущий на Амур в Благовещенск учителем. С ним Вы получите другое письмо и притом можете переговорить с ним обо всем, что хотите узнать об университете. Что касается до математики, то почти все словесники, или лучше все те, у которых перевес на стороне сердца, а не на стороне рассудка, более или менее питают неприязнь к этой науке. Но здесь очень важно знание языков, древних и новых. Разумеется, что Вы не прочь заняться ими, а заняться ими всего лучше здесь. Я поехал в Петербург не с великими познаниями, т. е. умел только читать текст, и теперь перевожу с небольшой помощью лексикона с французского, а в зиму надеюсь одолеть и немецкий.

Я знаю среду, среди которой Вы живете, и, [вероятно, люди из этой среды смеются] над Вашими порывами. Если Вы уцелели, то я поздравляю Вас с великой будущностью. Идите смело к своей цели и верьте только своему внутреннему голосу. Ваши стремления называют увлечением молодости. Кто говорит так, разумеется, прав. Да только разве увлечение всегда недостаток? Разве благородное увлечение не заслуживает, скорее, названия добродетели? Кто скажет, что увлечение к добру вредно для кого бы то ни было?

Без увлечения ничего у нас не было бы. Без него открыли ли бы мы Америку? Нет, напрасно Вы стыдитесь упреков за этот божественный дар, упреков, которые делают люди, загасившие в своем сердце искру любви к ближнему, с которой они родились, сосредоточившие всю свою жизнь в самих себе, отгородившиеся от остального мира скорлупой, как устрица, и боящиеся оторваться от места, к которому прильнули извечно. Уважайте это увлечение, не будьте не по летам расчетливы, не делайтесь преждевременным стариком, потому что

Смешон и ветреный старик,
Смешон и юноша смиренный[7].

В этом нет никакого сомнения, что Вы будете полезнее на сцене более высокой, чем линейная служба. Чтобы думать так, вовсе не значит быть слишком высокомерным, потому что для линейной службы ведь очень мало требуется: нравственное и физическое бездействие. Подвигайте свое дело вперед, не обращая внимания на толки окружающих. Не ими Вы будете судимы. У нас будет другой суд, который иначе смотрит на дела людей. Этот другой суд, во-первых, не кто иной, как наша собственная совесть, и, во-вторых, мнение немногих, но стоящих выше толпы. Вы совершенно угадали, предполагая, что я в состоянии оценить Ваше положение посреди общества, совершенно равнодушного к Вашим усилиям. Я так же, как и Вы, пять лет носил в своей груди любовь чистую и неиссякаемую и благодаря ей слыл за какого-то нравственного урода, мечтателя. Но, как видно, я-таки добрался до общества, в котором моя цель достигается с большим рвением и достоинством, чем я могу это сделать. Приезжайте сюда, и Ваша благородная любовь не останется без братского отзыва и сочувствия.

Вы извините меня, что я хочу дать Вам поручение: сообщите как-нибудь Павлу Ивановичу Наумову[8] известие, что я получил недавно за статью в «Русском слове» об Алтае[9] 185 рублей и посылаю ему свой долг (25 р.) со студентом Щукиным, который отправится отсюда не позднее 25 сентября. Затем потрудитесь передать поклон Алек[сандру] Аф[анасьевичу] Зерчанинову[10] и отнести письмо к бывшему смотрителю уездного училища в Томске Ананьину[11]. Там есть несколько строк о Вас. Я Вам советую познакомиться с ним. Это теперь единственный либерал в целом Томске. Там же, может быть, встретите учителя латинского языка Як[ова] Гавр[иловича] Андреева[12], также человека благородного и занимающегося наукой. В обоих Вы встретите сочувствие. Ананьину я обязан тем, что сюда приехал. Он, впрочем, расскажет Вам это сам.

Я буду ждать от Вас письма, в котором Вы должны написать мне подробно: когда Вы намерены отправиться, имеете ли деньги, сколько и пр., и пр.

Желающий Вас скорее обнять

Гр. Потанин

Адрес: в Санкт-Петербург, в университет, вольнослушателю Григорию Потанину.

2. [Ф. Н. УСОВУ]

7 сентября 1859 г. Петербург

Я получил Ваше письмо, в котором Вы обещаетесь приехать с попутчиком. Сначала я рассердился на Вас, потому что признаваться так нагло в своем собственном бессилии — все равно что без стыда исполнять преступление, и только тогда успокоился, когда Вы более всего этим не отнимаете надежды увидеть Вас здесь, обещаясь приехать[1]. Даже Арс[ению] В[асильеви]чу[2] Ваше письмо показалось лишенным основательностн. Он думает, что Вам незачем ждать попутчика: во-первых, и отец Вам может дать [денег], а во-вторых, стоит Вам только захотеть, так Вы найдете попутчика; их много, они не заставят ждать.

Я послезавтра иду с Русиновым[3] на лекцию по истории средних веков Стасюлевича[4] и на уголовное право Спасовича[5]. Позавидуйте его счастью. Все это Папков подзадорнвает его, но оказывается, что Папков гораздо моложе, ближе к нашему поколению и его стремлениям, чем этот малолетний старец.

Вот Вам еще интересная новость: я получил письмо из Томска от незнакомого мне юикера Наумова. Он выходит в отставку, чтобы ехать в университет, и обращается ко мне за советом и одобрением. Это обращение меня очень обрадовало, потому что как будто возвышает меня над ничтожной враждой казачьих оф[ицеров] с гарнизонными. Впрочем, это ведь из Томска, а там так мало уже интересуются этим, что я в небольшом кружке тамошних офицеров был как у своих.

Посылаю Вам один экземпляр своей статьи «Полгода в Алтае»[6]. Может быть, в декабрьской книжке будет продолжение. За эту тетрадку, в которой 4 3/4 листа, я получил 185 рублей, т. е. гораздо более прежнего своего сотницкого жалованиия.

Кланяйтесь Пирожкову[7] и Чукрееву[8].

Вечер, который Вы описали, перенес меня к Вам, и мне ужасно захотелось посидеть в Вашей малеиькой комнатке при свечке до третьего часу ночи.

Я жалею очень, что Вы не опнсываете в своем письме впечатленнй своего путешествия по Войску, именно тех, которые Вы получали при встрече и знакомстве разных офицеров. Я бы хотел знать это. Особенно о Лаптеве и Хлебникове, которым я написал письма. Разузнайте,

пожалуйста, в каком нравственном состоянии находятся Иванов и Петров[9]. Русинов говорил, что Иванов пьет сильно; но ему верить-то! Вышел ли Казин[10] и куда, а если не вышел, то напишите, посещает ли Вас и беседуете ли Вы с ним об ученых предметах.

Потрудитесь для меня исполнить следующие поручения: 1) выпишите из архива формуляры Телятникова и Зобокова; 2) из дел правления попросите писаря Доронина составить табличку цен на войсковую рыбу за возможно продолжительный период.

О состоянии моей литературной деятельности сообщаю следующее: статья о несостоятельности нашего Войска все-то лежит в Сибирском комитете; я принимаюсь теперь за продолжение «Полгода в Алтае». Между тем я написал еще две небольшие вещи — одна уже помещена в «Русском слове» в «смеси» за октябрь —«Отрывок из кадетской жизни»[11]; другая — о торговле города Томска в 1652 году[12]— будет помещена в «Географ[ическом] вестнике». Последнюю Вы получите в отдельном оттиске. Кроме того, я уже извещал Вас, что [мной] начата еще большая статья о Сибири для «Русс[кого] вестника», но я не посылаю, жду, пока первую разрешат.

Ваше намерение написать повесть с целью показать, что и талантливый юноша заглохнет в Войске, подстрекнуло и меня написать вариант на ту же почти тему, а именно, что состояние казачьего офицера делает невозможным благородство. Сознание юношеством [из казачьего сословия] своего бесплодного будущего и неизбежности крушения уже есть шаг вперед. Кажется, прежде у нас смотрели равнодушнее на свою пассивность. Это значит, сознание вырабатывается. Чем дальше, тем больше я начинаю придавать значение нашему Войску, если б ему образования, единства, сознания. А для этого необходимо единство в действиях офицеров; следовало бы составить общество распространения грамотности в Войске, действовать сообща и в центре общества делать известными частные успехи членов; члены вносили бы, положим, по 5 р. в год, и если их 20, то всего было бы 100 р. На эти деньги можно было бы ежегодно выписывать для всех членов какую-нибудь дешевую, например русскую, газету, карты, глобусы, а главное, бумагу и карандаши, чего наши школы вовсе не имеют...[13]

3. [Ф. Н. УСОВУ]

27 октября 1859 г. Петербург

Другой экземпляр[1] передайте Казиину, будущему историку и романисту нашего Войска.

Просьба до Вас: напишите от меня просьбу об отсрочке отпуска задним числом, ранее 29 октября. Гербовый лист купите, а на деньги, которые Вы на это употребите, я Вам вышлю таких книг, каких Вы потребуете, по дешевой цене на Апраксином дворе[2]. Так, напр[имер], «Горе от ума» стоит 20 к.

Сегодня был у Арс[ения] Васильевича и слышал две новости: 1) разрешено казачьим войскам воспитывать своих детей в высших учебных и специальных заведениях, 2) хотят, чтобы все казачьи положения были пересмотрены на месте, вероятно, членами из сословия. И если они не будут заключать в себе чрезмерных требований, т. е. требований на полные человеческие права, то эти новые уставы будут утверждены. Таким образом, либеральное правительство[3] позволяет нам самим определить свои права. А Вы знаете, как у нас в Войске не развито чувство собственного достоинства, сознание своих человеческих прав! Все чувствуют, что страдают, но что страдают от отсутствия свободы, а не от начальства — то многие ли знают? Даже страшно за это новое положение, некому будет и предъявить требование на общечеловеческие права от нашего Войска. Кто будет членами этого местного комитета: Волков, который, вероятно, думает, что если успеет выхлопотать казакам по 3 тысячи лишних, то окажет невознаградимую услугу потомству; Абакумов, который на всякое благородное усилие будет смотреть с насмешкой? Это все эгоисты, между которыми только та разница, что один думает, что его не узнают[4], если он уединится, а другой, если он прикинется общественным человеком.

С нового года во всей империи начнутся публичные процессы и адвокатура, а у нас будет по-старому дурак Шкотский с похмелья решать судьбу казачьих задниц.

Ведь уже раз составили положение без участия казачьих офицеров. Да и кого бы могли принять в члены? Ведь не писаря же Волкова? Все равно и теперь также некого пригласить в комитет! А если и составят что-нибудь, то что это выйдет за варварский кекес [?]. И в такую минуту

Вы еще не едете сюда? Вы не хотите сделаться единственным юристом Войска?

Кланяйтесь Павлу Никифоровичу[5], Андрею Павловичу[6], Пирожкову и Чукрееву, а если будете у Павла Никифоровича, то лично засвидетельствуйте ему мое почтение или скажите что-нибудь поновее и изящнее Александре Павловне[7]. Пирожкову скажите, что мою комнату украшают этюды (ему, вероятно, нечего объяснять, что такое в живописи этюды, эскизы и картины) двух лучших пейзажистов — учеников Академии[8]. На одном — папоротники вокруг березовых стволов, на другом — внутри леса песчаная лысина и вокруг нее кипрей и белые зонтики.

Что ж Вы не порадуете меня какой-нибудь литературной работой? Так много ведь вокруг Вас материалов! Что Ваша повесть? Напишите мне каталог Вашей библиотеки. Хотел бы вложить в Вас часть самого себя; люблю Вас как брата. Только вот Вы все не оправдываете мою любовь и не по летам резонно рассуждаете. Не вздумаете ли и Вы написать что-нибудь о корпусе? Вы ведь больше помните и знаете. В таком случае потрудитесь заметить как о доказательстве небрежного воспитания о преп[одавании] языков без словаря и самостоятельных практических занятий. Уверяю Вас, если Вы возьметесь за этот предмет, Ваша статья выйдет и интереснее и разнообразнее. Притом это дало бы Вам такую сумму, что Вы могли бы основать библиотеку необходимых книг. Я получил за свою (было шесть писаных листов) 50 р. сер[ебром].

Ваш друг Потанин

Адрес: на Васильевском острове, на 3-й линии, на углу Большого проспекта, в доме Юнкера, квартира № 27.

4. Ф. Н. УСОВУ

5 февраля 1860 г. Петербург

Милостивый государь
Федор Николаевич!

Сегодня я услышал, что сюда приехал Павловский[1] и что Вы просились с ним сюда и хотели даже здесь остаться. Какой-то Вы пошатнулись! Я очень жалею, что Вам не удалось приехать с Павловским, но, вероятно, вскоре представится новый подобный случай. Спешите же скорее сюда! Время такое, что отовсюду сюда едут. Великие политические события готовятся! Нуж-

но и нам приготовиться к их встрече[2]. Я знал, что Вы сознаетесь в пустоте и бесплодиости дальнейшего пребывания в Омске и только указывали на себя как иа печальный пример позднего сознания этой бесплодности.

Изящество вашей хуиты и отсутствие в Вас той житейской мудрости, практической философии, которой так крепко держатся казачьи офицеры и которая делает их старчествующими юношами, были всегдашиим для меия залогом, что Вы недолго будете удовлетворяться тем высоким (относительно ближайшнх окрестиостей) положением, на которое Вас поставило начальство.

Эта новость сиова оживила во мие надежду видеть Вас здесь, и я снова мечтаю о будущих вечерах, которые мы будем проводнть с Вами. Не обманите же!

У Вас, я слышал, бездиа новостей! Комиссия для пересмотра устава! Напишите, кто [иазиачеи] членами? Так бы опять и возвратился к Вам.

Мне Папков сообщил интересиую вещь, что войсковая литография могла бы давать около 1500 р. с[еребром] ежегодио чистой прибыли, если бы не присванвал себе этих денег Львов[3]. Я даже рассчитываю уже иа эту сумму. Из литографии можио сделать типографию, и если повестн дело добросовестио, то она подиимется высоко, и тогда можио издавать войсковую газету иа том осиованни, как издаются «Донские ведомостн», ио программу можио, конечио, сделать другую и ие ограиичиваться одними войсковымн интересами, ио заниматься также иитересами всей Западиой Сибирн.

Послал бы я Вам несколько вещей неценз урного рода[4], да думаю, что, во-первых, Вы сами сюда будете, во-вторых— может быть, оии уже есть у Вас, а в-третьих,— разве вто особеино важно.

Виделн ли Вы в «Совремеиинке» список его подписчиков? Цифры красноречнво говорят о степеии любвн к чтеиню в иашей Снбнрн. Всего больше чнтает Иркутская губ., потом Тоб[ольская], потом Томская. Вообще Зап[адная] Снбирь далеко ииже Восточиой. То же самое можио заметнть и в отношенни к «любви к писанию или сочнннтельству». Вост[очная] Снб[нрь] имела больше писателей: Шукин[5], Мордвиков[6], Семевский[7], Авдеева[8], Зензинов[9], Юренский и др. А у нас [в Западной Снбнри] только Словцов[10] и Абрамов[11]; в Томской же [губернии] и вовсе втого добра не было.

Выезжайте же! Пойдем об руку.

У Восточной Сибири воспитывается множество питомцев в Казани, в Москве и здесь; у Зап[адиой] Сиб[ири] немного. Например, здесь на 7 студентов из В[осточной] Сиб[ири] из Запад[ной] я один.

Как ни заманчив Амур со своей новой жизнью и с ближайшей блестящей будущностью, я решаюсь остаться в Зап[адной] Сибири. Что за авантюрство? Будет и тут работа. Я теперь убеждаюсь, что Войско наше так невежественно, так лишено идей о человеческом достоинстве, что морализировать его весьма трудно. Но морализировать эту кучку — и то заслуга.

В самом деле, ужас подерет по коже, как в диком лесу, когда припомнишь наших офицеров, для которых нет другого мерила для достоинства человека, как его внешнее значение, его материальное достоинство. Для них человек с чистыми побуждениями немыслим; по их мнению, он притворяется. Я даже представить себе не могу, чтоб этих людей можно было изменить. Впрочем, по наружности намечаются; пример — Русинов! Видимо, портится в Петербурге — читает Белинского! Но ведь это изменяет мода, а не слово убеждения. И Вы в этой среде хотели оставаться, воображая, что Вам будет не душно, что Вы можете что-нибудь сделать, не приобретая теоретических или практических знаний! Нет, лучше прожить, ничего не делая, с несколькими друзьями, отвечающими на Ваши помыслы, чем жить в этой бездеятельности. Жизнь с друзьями также бездеятельна, но тут все-таки есть деятельность умственная, которая приносит ли обществу пользу или нет — дела нет. Облегчала бы только ему жизнь. А если хотите действовать, то запасайтесь *теорией*[12], потому что практика медленно завоевывается.

Прощайте, мой друг.

Ваш Потанин

Адрес: на Васильевском острове, 3-я линия, на углу Большого проспекта, дом Юнкера, квартира № 27.

P. S. Кланяйтесь Павлу Никифоровичу, Андрею Павловичу, Александре Павловне, Пирожкову и Чукрееву, своим братьям и Казину, а также, если увидите, Лободовскому[13].

Желал бы, чтоб письмо мое Вас застало.

Исполните мою просьбу: вышлите отпуск на следующий год, т. е. купите гербовый лист, сделайте ложную подпись и прочее, как по закону следует.

5. [Ф. Н. УСОВУ]

16 февраля 1860 г. Петербург

Отвечаю на Ваше письмо [от] 26 января. Оно возбудило во мне много вопросов, которые будут сейчас изложены в порядке.

Что за статья «Коряков[ская] станица», которую Вы читали? В печати или в рукописи Вы ее видели, и если в рукописи, то разузнайте, пожалуйста, как она попала в Омск? Если же в печати, то в каком журнале? Если это моя статья и если она напечатана[1], то я буду требовать денег за нее.

Кто такой этот Дмитриев, о котором Вы рассказываете, что посещает Вас?

Что за любовница Чукреева? Чем кончилась эта история?

Какое впечатление произвело мое письмо на Лободовского? Мне здесь даже совестно, потому что, вероятно, в нем есть какие-нибудь дебоширства. С чего Вы взяли, что в [моем] письме были выражения, неприятные для Лободовского? Я никогда не переставал уважать его, а если и показалось Вам что-нибудь таким, так это произошло не из сердечного источника, а просто из неумения выразиться. Впрочем, сколько помню, фразы, на мой взгляд, кажутся безукоризненные. Если же, на Ваш взгляд, не кажутся такими, то это значит, что Вы одарены более тонким чувством собств[енного] достоинства, с чем я всегда соглашусь, потому что могу определять это и биографическими данными.

За отпускной билет Вас благодарю.

Что это за путаницу Вы нагородили о корреспонденции для «Русского слова»? Верно я Вам перечел. Не 7 рублей за печатный лист платит «Слово», а 40 р. Печатный лист будет равняться четырем Вашим писанным листам. Если Вы ежемесячно будете представлять по два печатных листа, то это выйдет всего 960 р. [в год], а не 150 р. Но на два листа едва ли будет набираться у Вас материалов, если на лист, то и то слава богу, но и то придется 480 р.

Так Волков не соглашается, чтобы казачий офицер мог написать статью «Кор[яковская] ст[аница]»? Это забавно! По его, верно, казачий оф[ицер] должен только требовать в своих статьях прибавки десятин да с умилением смотреть на это учреждение, где и в отставку выйдешь — не убежишь от местного начальства.

Благодарю за сообщение об этом интимном комитете, которому поручена наша судьба. Что за члены? Слуцкий между ними, я думаю, кажется царственным умом. Он, выходит, представитель монархической власти, а это оппозиция, Петя Ребров, Шрамов, Волков, Елгаштин, вероятно, секретарь. Мило, мило! Я в восторге! Особенно гремит, я думаю, Петя дерзкими речами. Словом, комитет составлен из людей, мотавшихся при штабе по неспособности к настоящей службе. Этот комитет — злая насмешка человека с большим кулаком над нашим бессилием.

Павловский приехал сюда и говорит, что он хотел было взять Вас с собой, но заболел и потому только отказался сделать Вам такую приятную услугу. Но будто Вам непременно нужен даровой попутчик; сложитесь с кем-нибудь пополам. Я не менее Вас огорчен отказом Павловского, потому что я, как и Вы, давно мечтаю о том, как мы будем славно жить в одном городе, шляться по серым гранитным тротуарам невских набережных, не удивляясь нисколько, что эти тротуары в 3000 [верстах] от Омска. Во всяком случае, я теперь больше, чем когда-нибудь, имею надежду увидеть Вас здесь. Иногда возвращаюсь домой и думаю — хотя бы на столе найти записку: «Я был у Вас. Усов». В самом деле, ведь Вы нагрянете сюда неожиданно, и это-то и дает мне повод ждать Вас всякий раз, как Вы придете на память. Я бы Вас познакомил с несколькими художниками, у которых очень много общих сторон с нашими казачьими офицерами. Много есть вещей, которые хотел бы Вам передать, но в письмо это не уложится. Да много есть такого еще, что хотелось, чтобы Вы сами только видели. Приезжайте, весело заживем.

Если Вы выйдете в отставку здесь, а не поступите в Академию, то мы и жить будем вместе. Вы расскажете, в чем состояла Ваша служба! Ведь я не имею ровно никакого понятия о подобных вещах. Правда ли, например, говорят, что служба личных адъютантов состоит только в разливании супа за обедом, в разрезании жаркого, в стоянии на запятках у генеральши, когда она катается по городу? Пишите же более.

За формуляры не благодарю, потому что они отняли место в письме. Я желал бы лучше, чтобы все полтора листа Вы писали бы об одном себе, потому что Вы больше занимаете меня теперь, чем все эти материалы. Да накатайте статью в «Русское слово» о комитете. Это будет первый лист корреспонденции. О падеже скота и ценах

тут ие иужио; да и мие не пишите. Провиицней пахнет. Так-таки целую корреспондеицию и займите однимн рассужденнями о комитете. Начнпте, что в городе Омске сосредоточены нитересы Западной Снбнри и права казачьего Войска, что стонт читателей «Р[усского] слова» заиять судьбой 80 000, тем более, что этот вопрос касается не одних этих 80 000, но нескольких мнллнонов других войск и т. д.

Кланяйтесь Васнлню Петровичу Лободовскому, передайте ему записку, вложенную сюда, и вставьте там нмя его жены (Надежды... а далее не помню), потом Иванову, Нестерову, Александре Павловне, Чукрееву, Пнрожкову, Алексею Васнльевнчу, Старкову и поцелуйте младшего братца, а старшему отвесьте поклон, потому что ои, кажется, вырос уже нз-под поцелуев. Вы говорнте, что нз них нпчего не выйдет — это страшная аномалия природы! Казиину хотелось бы сказать какое-нибудь особое привет-ствие. Что, он не перестает литературничать? Это добрый знак! Да, скажите, какая судьба Татьяны Ивановны. Я думаю, много воды утекло. А ведь у меия [в памятн] все прежний веселый н светлый образ.

Если Вы сюда прнедете, то прямо из гостниицы, в которой остаиовнтесь, отправляйтесь по моему адресу на Васнльевский остров. Тут вы найдете Дарню Павловну Елагину нлн ее дочку, Анну Гаврнловну; у ннх Вы спросите, чтобы Вас онн прнвелн к художнику Джогиию нли к художнику Пескову, по прнмуществу же к первому, а онн Вам растолкуют, где мой настоящнй адрес, н, может быть, Джогнн проводит Вас. Илн просто ищите по 3-й лнини недалеко от Большого проспекта к Среднему дом Кроненшельда, а в нем квартнру 27.

Адрес [для писем]: на Васильевском острове, в 3-й лнинн, на углу Большого проспекта, в доме Юнкера, кв. № 27, г-же Елагиной для передачи г. Потаннну, и только.

6. Н. С. ЩУКИНУ

15 авг[уста] 1860 г. Петербург

Благодарю Вас за письмо, Николай Семеновнч, которое я получил по возвращении из Олонецкой губернии. Отвечаю Вам, не исполнивши и сотой части Ваших поручеиий, такое уж нетерпенне пришло перекинуться с Вамн письмом.

Все сибиряки в разъездах и еще не собрались: Красиков — в Саратов[ской губерини], Лосевы — в Ореиб[ургской][1], Пирожков[2] в Астраханск[ой], у калмыков, Березовский[3] — в Тверск[ой]. Я также ездил целое лето — был в Ряз[аиской] губ[ернии], на Валааме и в городе Олонце. О последнем надеюсь написать большую статью[4]. Кроме того, в «Иллюстрации» Вы, может быть, увидите о. Валаам с вндамн Валаамовского озера и Лещева. Это иаше с Шишк[иным][5].

Половиину из тех, кому Вы кланяетесь, я даже не знаю, кто они такие. Модестов[6] в Старой Руссе, Соковнии в Белорусснн управляющим откупом, Моровов в Москве[7].

Статья о Гасфорде напечатана в «Колоколе»[8]. Автор ее пока удачно скрывается от известности. Валиханов[9] и Усов говорили мие, что оиа производит впечатление на сибирских чиновников.

В «Указ[ателе] [политико-]эк[оиомическом]» напечатаиа моя статья «О реформе [Сибирского] каз[ачьего] войска»[10], которая должна в Омске тоже подействовать несколько наркотическнм образом.

В «Русском слове»[11] перемена редакции — Хмельницкий бежал, а его место занял Благосветлов. Это было для меия губительно. Я опять чрез это обстоятельство попал в состояиие линяния, т. е. сапоги продырявились с боков н снизу, сегодня занозил даже ногу, и приняли карасевидный образ; вместе с этнм возвратилась и боязнь выходить из своего камыша, как это бывает с лиияющими птицами.

Письмо Мих[аила] Алек[сандровича] попало к Кавелину, а он, боясь III отделения, спрятал его в киигу и ие может иайти[12].

В «[Русском] слове» лежит у меия статья «Заметки о Западной Сибири», 1-я глава[13]. Будут еще [главы]: в одной — страждущие остяки, в другой — страждущее казачество наше, в третьей — страждущие подзаводские, в четвертой — страждущие рабочие на заводах и промыслах, словом — страждущее человеч[ество] в Сибири.

А в голове у меня идет работа еще лучше, чем в письмениой деятельиости. Разрабатываю следствие зависимости нашей колоиии от метрополии; зимой хочу изучать войну за независимость в Сев[ерной] Америке и рядом с изучением начну писать об втом в «Амуре»[14]. Кстати, если будете писать хронику города Томска, то [печатайте] нигде как в «Амуре»— иам

нужно централизовать Сибирь, раздвоенную этим административным делением. Говорят, что иркутск[ие] купцы подавали просьбу об основ[ании] универс[итета] в Иркутске, но получили отказ; что компания купцов в Ирк[утске] основала там типографию. Вы, конечно, понимаете, как я обрадов[ался] послед[нему] обстоят[ельст-ву], как непреложному свидетельству зарождающегося у нас движения умственного. Как хотелось бы действовать, да чувствую, что еще рано, что сил и средств еще не приобретено. А заживем и замутим впоследствии с Вами на славу.

Вы говорили Усову, будто я опасался за Вас, что Вы потеряете энергию и изменитесь. Никогда, как я помню, я не думал так. Я всегда верил в Ваш самостоятельный родник энергичной, порывистой деятельности, который не нуждается в поддержке. Только я об одном жалею, что Вы не укрепили себя более серьезным воспитанием и приготовили из себя только либерального фельетониста. Наш «Амур» что-то плоховат. А вот Малороссия, которая, если можно так выразиться, параллельна теперь с нашей страной, начинает действовать.

Кулиш[15] затевает журнал «Основа»[16] на русском, малор[оссийском] языках, кроме того, «Украинский вестник»[17]. Завидно. Жду с нетерп[ением] [ответа].

У Полонского[18] умерла жена. Березовский усердно занимается химией и целую зиму ходил с подожженным глазом.

Ассигновано 16 млн. [рублей] на исправление Зимнего дворца, а между тем армия одну треть [года] прожила без жалованья. Комендант Зимнего дворца сбарышничал 200 тыс. р. Вместо того чтоб употребить их на что-нибудь лучшее, эти деньги роздали — часть Бараеву[19], часть Адлербергу[20], а коменданту ничего не дали.

7. [Н. С. ЩУКИНУ]

26 августа 1860 г. [Петербург]

Вот несколько подробностей из петербургской жизни, хотя давно прошедших, но, вероятно, не дошедших до Вас <...>.

Слышали Вы, конечно, о сборнике легенд Афанасьева[1]. Эта книга, пошедшая по 1 рублю, теперь стоит 8 р. Вто-

рой том не пропущеи в печать[2], конечно, по настоянию синода.

Не слыхали, я думаю, исторни студента князя Горчакова[3], заинтересовавшей весь город. Горчаков и еще кто-то играли в шахматы на лекции Полисадова[4]. Полисадов останавливал их, но не смог, и вышел наконец, не кончив лекции, объявив, что он не может продолжать ее при таких непристойных выходках. Студенты собрали сходку и потребовали, чтобы ст[удент] Горчаков извинился в своем поступке перед профессором и университетом. Горч[аков] сам не явился на сходку, а представил депутата Утина[5]. Последний объявил, что Горчаков извинится перед профессором и перед своим факультетом.

— Самого Горчакова, сюда!

— Он болен, господа!

— Послать депутата!

Депутат, кажется Геи, ездил и сообщил, что Горчаков не хочет знать университета. Начались крики: «Вон из университета! Подать от всего университета прошение».

Утин.— Господа! Мне кажется, что такое решение совершенно негуманно, что мы, вооружаясь против деспотизма и проповедуя свободу, сами делаемся деспотами.

— Вон, вон!

Тем кончилась сходка.

На другой день на дверях объявление: студентам запрещается делать сходки для подобных обсуждений.

Полисадов объявил, что он аристократов считает вежливейшими студентами Горчаков остался, и протест студентов был разрушен. Ныне, только через семь или восемь месяцев, Горчакову отказали.

Другая история Суигурова. Вы слышали о казанской истории? Суигуров собрал сходку в университете чуть ли еще не при Вас. III отделение запросило об этом ректора, последний обратился к редакторам, которые отказались объявить имя студента, собравшего сходку. Но когда ректор сказал, что вся ответственность этого происшествия падает теперь на него, Суигуров сам пошел и объявил свое имя. Суигурова потянули в III отделение Не знаю, какие мытарства он там проходил, только дело кончилось тем, что Сунгурову запретили вход в университет Нынешнею осенью сняли с него это запрещение, взявши с него клятву в верноподданническом поведении.

Я познакомился с Фел[никсом] Густ[авовичем] Толлем[6], которого, вероятно, многие знают в Томске, особенно в доме Квятковских[7].

[Я] сделался членом Географического общества и даже в собрании этнографического отделения читал свою статью «О культуре берестяной посуды»[8], которая с шумом шлепнулась. Не знаю, напечатают ли в «Геогр[афическом] вестнике». Если нет, то пошлю в «Русск[ую] беседу»[9]. Тут также всей администрацией завладели немцы.

У этногр[афического] отделения отняли последние деньги для издания этнографического сборника, а вздумали издавать целые томы таблиц метеорологических наблюдений, т. е. сборник самых сырых метеорол[огических] материалов. Они говорят, что этногр[афическое] отделение из узкого патриотизма не видит перевеса ученой важности на стороне метеорол[огического] сборника. Этнографическое отделение протестовало <...>. В стычках между собою [Литке[10] и Бэр[11]] порешили не давать протесту хода и от криков отделения как-нибудь отделываться молчанием. Наконец [этнографическое] отделение зашумело так, что Бэр объявил, что он уходит из председателей [отделения]

Что же Ник[олай] Ив[анович] Ананьин делает со своими материалами о калмыках? Подзадорьте, помогите ему сами заняться. Пусть хоть частями пускает их — обработает сначала одни пословицы, а потом песни. Или как знаете, только скорее. Кроме того, пожалуйста, пусть пишет свои воспоминания. Да, у Як[ова] Гавр[иловича] Андреева засели мои песни, а мне они нужны Пожалуйста, выхлопочите их

Зимой [предстоят] страшные труды — непременно примусь за немецкую философию. Кроме того, перечитаю все, что есть о Сибири в библиотеках. Примусь с компанией за составление каталога статей о Сибири в старинных журналах. Переведу с немецкого несколько вещей о Сибири: о движении населения у инородцев, об уменьш[ении] зверовых пром[ыслов] Бэра[12] и путевые заметки Шренка по Киргизской степи[13], о Западной Сибири статью Петермана[14].

Вам кланяются все те, которым Вы кланялись. Представьте всех их, с разных точек Петербурга, делающих в сию минуту враз один поклон Вам.

Наконец прощайте. Кланяйтесь Н И. Ананьину, Я. Г. Андрееву, П. И Наумову и Марии Николаевне.

Гр. Потанин

Кто это напнсал лесть Гасфорду в августовских номерах «Северной почты?* Мы с Валнхановым хотим перебрать все н старые лакейскне статьн.

Модестов, Васнльев, Смирнов[16] н прочне осталнсь в педагогических классах год в Петербурге. Я нанял сегодня квартиру в 3-й лннии, между Среднм и Малым проспектами, за 12 р. серебром, с фортепьяно. Словом, обстановка для снбнрских вечеров превосходная.

Бедный Мнхайловский умер от чахоткн.

Скоро ли Вы будете уведомлять меня о своих подвнгах, успехах, лнтературной н учебной деятельностн?

Будто бы прн празднованнн [открытня памятнпка тысячелетню Россни] в Новгороде [будет] всемирная выставка. Адрес: в квартиру Дарьн Яковлевны. А жнть где буду, еще не знаю, нбо воротнлся нз Олонца только третьего дня.

8. [Н. С. ЩУКИНУ]

6 сентября 1860 г Петербург

Вы, я слышал от Ядрнпцева[1], напнсали Попову[2] трн доноса на томского директора. Это меня даже напугало. Я хорошо знаю, что Вамн руководнло не только бескорыстне, но даже самопожертвованне, но представьте себе положенне Попова, что он на своем начальнпческом месте может подумать о человеке, нщущем места н делающем доносы; ведь он иначе н не может подумать, как только то, что молодой человек хочет пред нпм выслужиться. Ведь самый благонамереннный начальнпк испугается этой мыслн. Вот почему, кажется, Вы долго не можете получнть места.

Я сперва даже хотел писать Попову от себя н объяснпть ему нстину. Вы погубнте себя. Вам нужен умнтель, который бы удержнвал Вашн порывы к самопожертвованню Так бы и хотел стать подле Вас, чтоб помогать Вам и словом н делом. Но хорошо знаю, что мне еще стыдно воротиться в Снбнрь с тем, что я нмею.

Вот что! Еслн Вас стесняет Ваше обязательство в отношенпн Педагог[ического] нпст[итута], то его, кажется, легко нынче свергнуть. Мне на днях рассказывал Модестов, что некто Самсонов тотчас по выходе нз унпверснтета представнл, что он не имеет нн малейшей охоты занп-

* Я узнал, что тамошний полковой командир Гулькевич[15].

маться преподаванием, что желает быть актером и просит освободить его от службы по учебн[ому] ведомству и от уплаты за содержание в институте. И его немедленно освободили.

Кажется, хорош поп при арестантской роте, он настаивает у Павла Ив[ановича] Наумова на реформе. Познакомьтесь, а если не стоит, то напишите мне.

Ваш Гр. Потанин

Получили ли Вы мое письмо? Уведомьте. Статьи свои пришлю, когда расшевелятся деньги.

Шишкин пол[учил] золотую [медаль], Гине — Малую [золотую], Джогин — ничего, Якоби и Перов получили [тоже какую-]то[3]. Немцы заедают. Из заграницы выписали профессора византийской живописи Тирша с жалованием 5000 или 6000 р., т. е. более, чем какой-либо русский профессор получает.

Смирнов и Мод[естов] хотят издавать журнал года через два.

Адрес мой: На В. о., в 3-й линии, дом № 40 (Кривоногова), кв. № 4.

9. М. А. БАКУНИНУ

1 октября 1860 г. Петербург

Милостивый государь
Михайло Александрович!

Извините, что раньше не отвечал на Ваше письмо, которое я еще не получил до сих пор, но о котором я давно уже знал, что оно в Петербурге. Какими-то путями оно попало к Кавелину, а он запрятал его в книги и до сих пор не может его найти; впрочем, на днях он обещается найти его. Я же не писал Вам об этом потому, что все надеялся, что не сегодня, так завтра К[авелин] выдаст письмо. Вот почему и настоящее мое письмо не есть ответ на Ваше.

Передайте мой поклон Антонине Ксаверьевне[1].

Гр. Потанин

Мой адрес: на Васильевском острове, в 3-й линии, в доме Кривоногова (№ 40), кв. № 4

10. Н. С. ЩУКИНУ

3 сентября 1861 г. Петербург

Нпколай Семеновнч!

Кажется, Ваш был разбор монх статей, напечатанный в «Амуре» с подпнсью «-ъ»[1]? Посылаю Вам отдельный оттиск статьи «Заметкн о Снб[нрском] казачьем войске», напечатаиной в «Военном сборнике»[2]. В «Русском слове» в нюне напечатаиа моя статья «О рабочем классе в блнжней тайге»[3]. Можете рецензировать их.

Прнехал сюда наконец Нпк[олай] Ив[ановнч] Наумов; порассказал о Вашем бытье в Томске. Что-то Вы замолкли; были таким усердным монм корреспондентом, а теперь нн гу-гу; можно бы подумать, что Вы также начннаете садпться на дно провннцнального болота, еслн б не посторонние слухи, которые гласят, что Вы страиный человек, что на нашем языке означает совершенно другое.

Можете представнть, я только нынче начал заннматься как следует. Был нынешнпм летом в Калуге и там гербарнзировал н составил гербарнй вместе с Ив[аном] Андр[еевичем] Куклиным[4], которого готовлю в учнтели естеств[енных] наук в Ирк[утскую] гимн[азню]. Славный мальчнк, любнт искренно свон наукн.

Какой дурак, должно быть, Ваш Кнбальчнч[5]! Поручнл Полынцеву[6] купнть для гимназин книги по естеств[енным] наукам н выбор поручнл самому Полынцеву. Полынцев не зиаток этого дела и не зиает, что купнть. Хорош учнтель естеств[енных] наук, что не знает сам своей лнтературы!

Сидоров[7], как я ныне блнзко убедился, и негодяй, и недалекого ума. Я нмел глупость ввестн его на снбнрскне вечера: на одиом нз нпх он предложнл себя в диктаторы нашего кружка. На вечерах он познакомнлся с Ядрнпцевым, занял у него 600 р. сер[ебром], которые н пропали. Словом, оказался человеком, который превосходно сумел поэксплуатнровать нашу запальчнвость.

Пншнте же, что как «Амур» (не река, а журнал). Есть лн у Вас в Иркутске, как здесь, журнальные сплетни? Что делает Федоров[8]? Кланяйтесь ему. Пирожков[9]? Пожалуйста, уведомьте, которые Вашн статьн в «Амуре», чтоб я мог перечнтать нх.

С нетерпеннем жду нсхода срока, который я назначнл себе пробыть здесь. Рвусь домой, а ведь напрас-

но — приедешь, своим плечом не своротишь, а слушать-то не станут. Хоть бы побольше молодежи: по крайней мере, можно будет в своей квартире поболтать о будущей нашей судьбе.

Сюда-таки наезжают сибиряки, но дельных немного. Сказать Вам комплимент — я не знаю никого другого кто бы так смело и твердо исполнял свой долг в отношении к нашей родной трущобе, Сибири, как Вы, между тем как и понимающих-то его нет. И я, вспомнивши Вас, с большим нетерпением жду, когда мы будем вместе редижировать журналом!

Наверно, Вы и в Иркутске сформируете отдельный кружок и вечера, которые будут оппозиционным лагерем для пресловутых «литературных вечеров», где читается лесть даже перед тенью Муравьева[10]. Это походит на моленне остяков перед убитым медведем.

Ваш друг Потанин

Адрес мой: на Васильевском острове, в 3-й линии, в доме Краинхфельда между Большим и Малым проспектами, в кв. № 27.

11. Н. С. ЩУКИНУ, Н. М. ПАВЛИНОВУ[1], И. В. ФЕДОРОВУ[2] и ПИРОЖКОВУ[3]

[28 ноября 1861 г. Петербург]

Щукин, Павлинов, Федоров и Пирожков!

Пишу Вам из Петропавловской крепости. Вы, я думаю, уже читали о беспорядках, которые мы наделали в Петербурге[4]. За это нас, 80 шалунов, посадили в Петропавловскую крепость, а 240 — в Кронштадтскую[5]. Сидим уже 2 месяца и бог весть когда выйдем из этого заточения.

Павлинов обещался писать тотчас по приезде в Иркутск, а между тем молчит. А я-то здесь думаю, что у них там и литературные сходки, и предприятия какие-нибудь вроде Иркутской памятной книжки. Пожалуйста, пишите, господа, что Вы делаете и как пробавляется сибирская журналистика, есть ли надежда на улучшение «Амура» или на замену его новым журналом.

Я высокого мнения об иркутском купечестве Щукин, так ли это? Вы так вытрезвили меня относительно моих фаворитов в Томске. Да уведомьте, пожалуйста, кто мой рецензент в «Амуре».

Ну, больше не смею писать, нужно оставить бумагу другим. Здесь в каземате цены на предметы совсем иные, чем в остальном мире, да и культура иногда совсем другая — подсвечники сделаны не из меди, а из хлеба и т. п.

В Петропавловской кр[епости] сидят, кроме меня, Лосев и Березовский, а в Кронштадте — Кузнецов и Шац.

Ваш друг Потанин

12. Н. С. ЩУКИНУ

20 дек[абря] 1861 г [Петербург]

Я уж думал, что в Иркутске Вы еще более в гадком положении, чем были в Томске,— так я объяснял Ваше молчание. Лосев, Березов[ский] и я послали Вам месяц назад общее письмо. Не знаю, получите ли Вы его.

Новости из Иркутска, которые мы получили от Вас и в письме к Перетолчину[1], очень интересны. Хотелось бы соединиться и мне с Вами. Но нужно предварительно исполнить хоть несколько свой долг перед своими казаками.

Будущим летом или осенью и я выезжаю из Петербурга, разумеется, так же, как и Вы, без диплома.

Пожалуйста, сообщите программу Вашего юмористического журнала. Он будет политико-юмористич[ескии] или просто юмористич[еско]-карикатурным, как его назвали в письме к Перетолчиию? Если он будет местной «Искрой»[2], то, мне кажется, он будет иметь маленький успех. А политическ[ий]-то скоро ли у Вас там затеют?

Для сборника при «Амуре» у меня есть много интересных материалов, и я бы переслал их Вам только с непременным условием напечатать их и мне за это [прислать] книжку сборника. Потом рукописи передать в архив Географ[ического] отдела[3] в Иркутске. Если же нельзя их будет напечатать, то выслать их мне обратно. Отделку для издания Вы уж придайте им.

Там есть целая таблица, где подробно показано число якутов и количество ясака, собранного с них в один из годов половины прошлого столетия. Интересны сведения об Анадырском остроге — как там какой-то поручик, пользуясь отдаленностью, сделался деспотом (общий факт в Сибири прошлого столетия), сам себя пожаловал в полковники и довел Анадырь до бедственного состояния. Известие о бунте в Охотске, который сделали четыре коряка, содержавшиеся в тюрьме; они спелись с коряками,

жившими в Охотске в работниках, и составили заговор. Жители Охотска с трудом овладели тюрьмой, в которой защищались корякн ружьями, отбитыми у караульных солдат. Весь Охотск составил совет и приговорил коряков к немедленной казни, ибо гарнизон не ручается, что он укараулит их до разрешения казни из Иркутской канцелярии. Наконец, описание похода сержанта Белобородова для усмирения гижигинских коряков, в котором он ходил по их селениям, находил там по 8, по 10 человек, их всех с божией помощью побивал... Кроме того, есть еще другие сведения[4].

Нынешнее лето я вместе с Куклиным был в Калужской губернии и гербаризировал там так, что еще одна такая практика, и я мог [бы] совершить ботаническое путешествие не без результатов для науки. Какой у меня гербарий теперь — целый диван под крышкой завален им![5]

Затем только и остаюсь в Петербурге, чтоб весной совершить по Петерб[ургской] и Новг[ородской] губерниям геологическ[ое] путеш[ествие], и тогда я смогу отправиться в какую-инбудь среднеазиатскую terra incognita.

Что «Амур» так невыгоден — очень естественно. С самого начала его издания там не были задеты политические интересы Сибири. Слишком много бумаги тратится попусту. Хоть бы поменьше, да подельнее. И во внешнем виде его безалаберность.

Кружок, о котором Вы говорите, во имя каких интересов собирается? Или это патриоты сибирские разного сорта, или социалисты разных губерний?

Прощайте. Мажу и слепливаю письмо уже другой день. Головная боль, припадки жара и озноб, кашель уже шестой день, и к этому еще язва какая-то <...>. Нужно скорее и мне бежать из этого гнилья.

Гр. Потанин

Адрес тот же.

13. [Н. С. ЩУКИНУ]

[Январь 1862 г. Петербург]

Объявление свое Вы написали слабо. Вместо того, чтоб намекнуть соотечественникам, что журнал будет местнополитическим, Вы заговорили о какой-то сибирской беллетристике, которая будто расцвела бы, если бы не препятствия, и к которой Вы спешите на выручку со своим

журналом. Если действительно цель Ваша — положить основание сибирской беллетристике, то отказываюсь от сотрудничества. Я не подозревал, что Вы гоняетесь за такой жалкой целью.

Теперь время прокламаций, а Вы мечтаете о каких-то романах, повестях, о живописании и воспроизведении. Литература, по-моему, есть всегда памфлетистика; роман тоже памфлет, но слишком скромный для нашего времени. Теперь нам нужны Джефферсоны[1], Франклины, а Вы мечтаете о сибирском Тургеневе, Гончарове. В то время как Бокль[3] отнимает у литературы политическое значение, Вы явились с паегирпком ей, да еще и хвастаетесь, что Вы сами не чужды ее интересам. Нашел чем человек хвастаться! Солидарностью с литературой, льстившей, подслушивающей, молчавшей о серьезных вещах и болтавшей вздор и пустяки.

Неужели в Иркутске не знают, что ныне не в моде восхищаться влиятельными качествами литературы, а что нынче в моде сетовать на бесплодность этой массы труда, этой груды потраченной бумаги.

Нет, совсем не такое объявление написал бы я. Я написал бы, что вот, мол, в России не существует умственной жизни в провинции, что провинция — туловище, отправляющее один животно-растительные процессы, что Сибирь — одна из резко отмежевавшихся провинций, что в ней не было, впрочем, ни одного журнала, который был бы посвящен разработке условий ее политического быта, и что вот мы первые беремся за это дело. Что мы надеемся возбудить внимание к местно-политическим вопросам, к интересам своей провинции. И затем в журнале — ряд политических статей.

А Вы неужели начнете каким-нибудь романом с претензией воспроизвести сибирскую барышню и сибирское общество? Ну, тогда в Вашем журнале ничего не будет зажигательного, и он умрет смертью праведника. Публике нужно наиболее наркотического, а Вы хотите подать усыпляющее средство. Тут нужно схватиться рукой за самое нежное место, ударить на местные интересы, а Вы объявляете себя за какие-то интересы литературы, которой теперь и гимназисты стыдятся сочувствовать. Интересы народа, а не интересы литературы! Вы все еще последователь Белинского и, хватившн нынешнего, не можете отстать от старого и оба учения исповедуете!

Под местнымн нитересами я разумею не то, что разумеют «Иркутские ведомости» и «Амур», не облнченне какого-иибудь местиого моиополиста, откупщнка или взяточника, а автоиомию провинцнн. Мы хотнм жить н развиваться самостоятельно, нметь свон иравы и закоиы, читать и писать, что иам хочется, а не что прнкажут из Россни, воспнтывать детей по своему желаиию, по-своему собирать налоги и тратнть их только на себя же. Вот если Ваш журнал во всех статьях своих пел бы вту песню, тогда другое дело — он законное явление, нмеющее прочное основание в потребностн общества, которой он удовлетворяет, а не каприз человека, сказавшего себе: дай я создам сибирскую беллетристнку.

Ваша программа как будто иапнсана еще в 1856 г., во время возрождения иаук в России, [когда] «правительство и общество дружно пошли путем реформ». А на самом-то деле ин правительство, ии общество ие пошли по этой дороге, правнтельство надувает, а общество спит.

«Амур» и «Иркутские ведомостн», по-вашему, выразительиицы матернальных иужд страиы, н не надо бы другого журиала, да в инх нет места для большнх романов и повестей, н вот для этого-то Вы нздаете свой. Ведь я уже Вам пнсал об том, какого журнала хотелось бы мие, а Вы все-таки сделали по-своему. Хотел для первого же Вашего номера иаписать рецензню на книгу Завалишина[4] — и не напишу. Почему «политнку, адмннистрацию края, полемику, скаидалы, облнчення» — все это Вы оставляете для столичных журиалов? Это так невероятно от Вас слышать, что мы объясняем это Вашнм желанием успоконть только Корсакова[5]. Я не хочу и иметь Ваш журиал н ие выпншу, да н статьи никакой ие пошлю, пока не увижу первой кинжкн <...>.

Если Ваше объявление ие будет измеиено, дельные людн расхохочутся, когда прочитают его. А мне пока не смешио, а досадио — зачем я ие предвидел, что от Вас н не следовало ожидать серьезного предпрнятня И что за сотрудииkн, которымн Вы хвастаетесь! Все это романнсты, чай! Но Вы знаете, что это для журнала просто балласт, а цвет журналу должны дать публнцисты. Где же онн у Вас? Вы насчитываете 80 сотрудннков и думаете, что обеспечены 80 сотрудников нет и у столнчных журналов. Вы просто иасчитали в Снбири 80 человек пишу-

щих да и назвали их сотрудниками совершенно произвольно. И неужели все эти 80 человек одних убеждений? И когда они все заорут, так не выйдет разноголосицы?

Какая неопытность! Принимаетесь за трудное дело с детским незнанием его условий. Да не в 80 дело, а в двух, трех постоянных, плодовитых и дельных сотрудниках, которые и должны составить плоть и кровь журнала, его организацию, а все остальные наскоком появляющиеся сотрудники бывают не более как подспорье. «Русскому слову» придал жизнь один Писарев[6], «Современник» составлен из Чернышевского, Антоновича и Жуковского[7].

Повести Вы должны помещать в своем журнале с большим разбором. По-моему, Вы должны были сказать в своем объявлении, предвидя недостаток материалов для этого отдела, что Вы нередко будете потчевать снбирскую публику и повестями, так как ей скучно будет заниматься одними полемическими и ученымн трактатами, а Вы объявляете, что Вы им посвящаете преимуществеино свой журиал.

По-моему, самыми интересными отделами в Вашем журнале должны быть «смесь» и еще «критика», т. е. я хочу сказать, что, держась Вашей программы, можно сделать забавными и занимательными эти два отдела. Во втором отделе у Вас будет заседать скука, а в первом — просто потеря труда и времени.

Для кого Вы писали свое объявлеине? Кому Вы говорите, что в Снбири много литературных талантов кроется, да не могут обнаружиться? Или мы не знаем, кого Вы разумеете под такими талантами! Да очнитесь же, другой Словцов! Перестаньте видеть в мухе слона!

Нет, первый блин комом! Не хочу быть Вашим сотрудинком, да и никто здесь из Ваших друзей не расположен к журналу Вашего объявления. Все жалуются! Я лучше уеду в Омск и начну свою войсковую газету. Черт с Вами.

Потанин

14. Н. С. [ЩУКИНУ]

16 янв[аря] 1862 г. Петербург

[...][1] Просто завидно, что у Вас за жизнь в Иркутске: и литерат[урные], и медиц[инские], и юридич[еские] вечера, а у нас-то[2] в Омске! Впрочем, поздравьте нас с выборным устройством управления. В нашем Войске[3] все

чины по гражданской части управлеиия выбориые, н иыне съезжались для выбора в Омск 30 депутатов. Усов в восхищенин и бредит Женевой н Афинами вместе.

Будьте так добры, напишите мне возможно подробную историю «Амура»: кто его основал, на какне деньгн, к кому он переходнл во владение, чью собствеиность теперь составляет, н какое участне там прнннмают Милютин[4] н Загоскни[5], и что это за людн, чем онн прославились н какое имеют двнжимое нли недвнжнмое умственное нмущество.

Потом я нничего не знаю, что за комнссня случилась с библнотекой Шестунова[6].

Бывалн лн Вы в музее Геогр[афнческого] общ[ества] в Иркутске? Сообщите, что это за музей, сколько комнат, какого рода коллекцни н как богаты. Кто выбран секретарем вм[есто] Сельского[7]? Я хоть сам член этого Общества, но в вту зниу еще нн разу не был в заседаннях н потому не знаю.

Наконец, вот Вам стихотворенне, г. Щ[8]

Услышь хоть ты, страна родная,
Страна невольного нзгнанья,
Сибирь родная, золотая,
Услышь ты узника воззванне!*

Пора провинциям вставать,
Оковы, цепи вековые
Централизации свергать,
Сзывать советы областные!

Вот Польша уж давно готова,
Смотри, как бунт кипит!
Украйну будит уж «Основа!»[9]
За кем же дело все стоит?

Одна ленивая страна —
Великоросснн — в застое.
Раба царя, все спит она
В бюрократическом покое.

В ней центр царя Россни,
Центр рабства, деспотизма,
Самодержавной тирании,
Центр зла и византизма.

К тебе нз стеи тюрьмы взываю,
Отторгнутый от всех людей,
Тебе скажу, за что страдаю
В стране проклятых москалей!

* Автор сидел в крепостн за либеральную речь на панихиде по убитым в Казани; следователь-тюремщик дает совсем не тот смысл речи, какой хотел дать автор.

Несносно было видеть мне
Больное сердце всей России.
В великорусской стороне —
Бессудье, вольность тирании.

В ней все от лба царя, министров
Зависит — жизнь, судьба, свобода,
От лба бездушных формалистов
Зависит ум, права народа.

Совет отживших стариков
Судьбой народов управляет,
Совет жандармов-дураков
Совет народный заменяет!

Я все собираюсь доставить в редакцию «Амура» сведения о числе всех студентов в русских университетах. Эти сведения очень будут интересны для тех, кто интересуется успехами образования в нашей родине. Да вот все не могу собрать их, а то ведь статистическая цифра вещь очень возбудительная и также принадлежит к числу политических — наркотических средств.

Даже хорошо бы сделали, если бы Вы завели переписку с гг. Милованом[10] и Гаитимуровым[11], если они окажутся, по справкам, славными малыми. Гаитимуров, бывши кадетом, издавал во 2-м кадетском корпусе рукописный либеральный журнал и очень любил историю. Нам нужно перезнакомиться со всеми своими единомышленниками. Более будем чувствовать свою силу.

Кланяйтесь Павлинову, если он еще в Иркутске.

Описывайте же, что у Вас там происходит.

Прощайте

Гр. Потанин

Адрес: В. о., в 3-й линии, между Большим и Средним проспектами, в д. Кранихфельда, квартира № 27.

15. [Н. С. ЩУКИНУ]

[21—22 марта 1862 г. Петербург]

<...>[1] [Ваши книги] все такая пустошь, что я советовал бы Вам позволить мне обменять их здесь на толкучем [рынке] на другие книги, более ценные, хотя и в меньшем числе. И выслать их было бы легче, да и толку больше, а теперешние книги хоть не посылать, так в пору. Если вздумаете разрешить, то уведомьте об этом поскорее.

Напишите, пожалуйста, тот кружок, к которому Вы принадлежите, и тот, о литератур-

ных собраниях которого печатаются отчеты в «Амуре»,— одно и то же или нет.

Еще о О. П. Яблочкиной. Неужели Вы требуете возвращения ее для напечатания в своем новом журнале?[2] Неужели Вы думаете, что обнародование мелких сплетен буколической жизни составляет публицистику? Не осердитесь, я Вам откровенно передам общее мнение, какое здесь составилось о Вашей статье. Вы решились обличить Ольгу Павловну, к чему же здесь обличение ее отца, ее женихов? Потом в каком-то милом забвении Вы, не замечая, написали себе превосходную лесть. Описывая гнусное поведение Ольги Павловны, Вы превозносили гражданские добродетели какого-то неизвестного студента. Когда Вы писали свою статью, Вы тоже не знали имени этого студента? Это непростительная оплошность с Вашей стороны.

Еще совет — не увлекайтесь молодыми «талантами». У Вас есть эта пагубная добродетель. Так стихотворения Прасолова и ему подобных наводнят Ваш журнал.

22 марта

Ваше письмо о журнале было показано Щапову, и вот что мне пишет один господин об этом по городской почте: «Щапов принял известие о «Сибиряке» с патриотическим сочувствием. Он заикнулся даже написать статью для «Сибиряка», имея в виду, как я мог заключить, приглашение в сотрудники. Поэтому прошу Вас, Гр[игорий] Ник[олаевич], написать Николаю Семеновичу, чтобы он прислал ему письменное приглашение».

Далее, все спрашивают подробную программу, и Щапов также спрашивал о ней.

Бумагу 7 стоп выслать берет на себя Ядринцев. На днях выезжает отсюда в Томск Гинсбург. С ним она будет отправлена до Томска, а далее Гинсбург отправит ее со случаем.

Билетов Ваших роздано 7.

Здесь основывается II отделение Литературного фонда[3] для вспомоществования студентам. Хотят сделать это учреждение не столько благотворительным, сколько политическим. Думают, что под этой официальной формой можно будет организовать либеральные общества. Если бы это отделение имело агентства во многих городах, то эти агентства представили бы сеть одного, либерального общества, покрывающего [всю] Россию.

Это необходимо для единодушия в протестах. Агентства могут организоваться как самостоятельные общества с номинальной подчиненностью Петербургскому обществу. Организуйте подобное агентство в Иркутске, пригласите нескольких истинно либеральных людей, сострогим, однако ж, выбором (дело не в большинстве), сделаться членами фонда. Член платит 5 рублей [в год]. Во-вторых, возбудите подписку в пользу фонда; составьте сумму, которая могла бы служить основанием постоянной вспомогательной кассы для студентов-сибиряков, с условием, чтобы эта сумма была переведена в сибирский университет, когда он будет основан. Да и деньги, собранные на памятник Белинскому, лучше поворотить на дело, полезное для вольных людей, чем на бесполезную кирпичную кучу.

Написал по письму Ордынскому[4] и Павлинову, но всего пока имею 50 коп., которых еле достанет на булки до 1-го числа, а потому посылаю пока одно письмо к Вам.

Рудаков — томский казак; он [служит] директором тобольской гимназии вм[есто] Ершова.

Гр. Потанин

Адрес: В. о., в 9-й линии между Средним и Малым [проспектами] в доме Вельбрехта, в кв. г. Шмидта.

ИЗ СИБИРИ
(апрель 1863—май 1865)

16. А. Д. ШАЙТАНОВУ

[Апрель 1863 г. Омск]

Милостивый государь
Александр Дмитриевич!

Я отправляюсь завтра на Тарбагатай со Струве[1]. П. С. Пах[оруков][2] сообщил мие Вашу просьбу о рекомендательных письмах. Спешу исполиить Ваше желаиие.

Советую Вам в Петербурге ие столько ходить иа лекции, сколько хлопотать о зиакомстве с профессорами, чтоб можио было получать от иих советы иа дому. Я предвижу, что Вы преимущественно начиете заииматься химией, обзаведетесь домашией лабораторией и пр. В сих видах я посылаю Вам письмо к одиому студенту, с любовью заиимавшемуся химией. Фамилия его Березовский. Ои в то же время и ученик коисерватории. Об его адресе спрашивайте у сибиряков из Иркутска.

Г-н Паителеев[3], к которому я пишу другое письмо, юрист. У иего большие зиакомства с хорошими людьми, студеитами, журиалистами и пр. Об адресе [его] справьтесь в киижн[ом] магазине Тиблена[4] иа В[асильевском] острове

Да ие покидайте своими чувствами иашей родиины — Сибири. Возвратиться и стать в ряды ее патриотов да будет Вашей иеотразимой мечтой. Не слишком мечтайте о иаучиых целях, о том, чтобы самому произвесть переворот в иауке или хоть пополиить пробелы ее. На это есть иемцы, перевериут и пополият без иас. Переворот умов (в Сибири) и пополиение пустоты в (сибирских) головах — вот роль, иам предстоящая. А потому рядом с изучеиием материализма изучайте со-

циальные доктрины и занимайтесь чтением исторических и публицистических сочинений, изучайте законы революции и реакции и политических переворотов, клонящихся как к объединению народностей, так и к сепаратизму, и главное при этом чтении — приравнение ко всему прочитанному судеб нашей родины — Сибири. Тогда чтение Ваше будет плодотворно и создаст из Вас красного сепаратиста, что нашему патриотическому сердцу доставит истинное наслаждение.

Г. П.

17. В. М. БЕРЕЗОВСКОМУ

[Апрель 1863 г. Омск]

Березовский! Рекомендую Вам моего соотечественника, хорунжего Шайтанова (Александра Дмитриевича), который, кончивши курс в Сиб[ирском] кад[етском] корпусе, намерен слушать лекции в Петербургском университете. Он будет Вам собратом по науке, ибо наиболее всего любит химию.

Прошу Вас принять его благосклонно по доброй памяти ко мне. Познакомьте его с лучшими сибиряками. Если Н. И. Наумов будет еще в Петербурге, то рекомендуйте ему Шайтанова от моего имени как вновь возникающую надежду сибсепаратизма и пр.

Потанин

18. Н. С. ЩУКИНУ

30 июля 1864 г Урджар
Семипалатинской обл.

Николай Семенович!

Давно уж мы безмолвствовали друг перед другом. Да и правду сказать, о чем было глаголить. Теперь я очутился на своей почве. Надо так или иначе приниматься за дело. Идея о сибирском университете и сибирском журнале[1] требует, чтобы мы чаще сносились друг с другом; сообща нужно вести дело, дружно.

Наш любезный Ник[олай] Мих[айлович] тиснул речь, читанную [им] публично в Омске[2], я тоже подвизался на этом поприще. Ну, разумеется, где уж нам со своими старыми костями за прыткой молодежью. Ну, а все-таки

и я прочитал речь об университете (читал в Семипалатинске) и стяжал аплодисменты. Шашков[3] тоже обещается бунтоваться в том же смысле.

Оставим различные сердечные влечения, привязанности и прочее в стороне. Мы заплатили дань времени и своему возрасту, отличились любовью и преданностью друг к другу; будем же теперь смотреть на жизнь глазами возмужалыми, т. е. затеем снова переписку не для излияния сердечных ощущений и стремлений, а с практической целью. У нас есть общее дело; будем для него эксплуатировать друг друга. Мне нужно знать, в каком оно состоянии в Иркутске. Как пропагандируется и насколько популярно? Вам, я думаю, интересно знать, как оно подвигается в Запад[ной] Сибири. Взаимные услуги не личный наем, о котором Павлинов хочет подарить роднмую страиу трактатом. Итак, прошу Вас, Ник[олай] Сем[еновнч], будьте моим корреспондентом в Иркутске.

Кстати о Павлинове! Ну что, подвигается ли неизвестный трактат о личном найме? Эх, разлука! Не знаешь, ты ли ушел вперед, или ты остался позади. Интересно знать, что он поделывает. Я воображаю все, что у Вас в Иркутске весело (т. е. для гражданина). А может быть, это иллюзия, осмеянная русской пословицей: «славны бубны за горами»?

А я вот все шляюсь по степи Киргизской[4]. Ведь поездить бы только месяца два по сибирским деревням — вот и лакомое блюдо для патриота поспело бы. Что прикажешь делать, судьба! Скоро ли я развяжусь с этой экспедицией! Нынче, впрочем, на август месяц хочу поехать к каменщикам[5] в вершины Бухтармы и наконец ближе познакомить ученую Снбирь с этим выкидышем — республикой русского духа.

Пишите же, Ник[олай] Сем[еиович], об интересных явлениях иркутской жизни. Пока нет журнала, письма заменяют у патриотов журналистику. Напр[имер], получение письма Ник[олая] Мих[айловича] для меня то же самое, что и чтение нового номера сибирской газеты (будущей патриотической, а не мелютинско-чиновнической). Тут и беллетристика, и публицистика, и юмор даже — словом, литературная книжка с разнообразным содержанием.

Готовый к услугам Гр Потанин

Адрес мой: г. Семипалатинск, есаулу Андрею Павловичу Нестерову для передачи Г. Н. П-у.

19. А. Д. ШАЙТАНОВУ

[21 октября 1864 г. Томск]

М[илостивый] г[осударь]
Александр Дмитриевич!

Надеюсь, что Вы не откажетесь от предложения переписываться со мной. У нас будут некоторые нужды, для удовлетворения которых необходим петербургский комиссионер.

Лукин[1] прислал Егору Ив[ановичу] Пар[амонову][2] сборник рассказов, изд. Бакста. Пожалуйста, извещайте нас почаще о таких новинках. Мы будем выписывать. И вот ныне посылаю денег экземпляров на 30 этого сборника. Желательно бы иметь для простого народа дешевые рассказы из естествен[ных] наук о жизни животных и пр.

Мы здесь затеваем школу[3], и, кроме того, в виду имеется основание мастерской (столярной).

На днях [состоится] «благородный» спектакль в пользу студентов. Кроме того, приказчики здешнего гостиного двора также устраивают подписку (последняя, мож[ет] б[ыть], достигнет 100 р.). Сии последние более искренно участвуют, чем эти навозные, устраивающие театральное зрелище. Сие явствует из следующих фактов: «благородный» спектакль должен иметь образцовую обстановку; сделаем, говорят они, живую траву (в ящики деревянные насыплем землю и посеем овес). Сидорейко[4] в восторге, что он достал к спектаклю напрокат великолепный шлафрок, столь дорогой, что он из-за этого несколько лет лежал в магазине. Очевидно, что всем этим господам не столько хочется достать средства учащейся молодежи, сколько порисоваться перед публикой в великолепном шлафроке.

Деньги, кои будут посылаемы Вам, должны быть присуждаемы только [студентам], имеющим намерение возвратиться на родину. В противном случае очень легко может случиться, что наша энергия уменьшится. Мы, бедные сибиряки, чтоб стали еще благодетельствовать людям, которые будут полезны только России,— это будет для нас накладно, несправедливо. Скорее богатого в пользу бедного следует обобрать, чем бедного в пользу богатого.

В «Томских губ[ернских] вед[омостях]», каж[ется] в № 44, будет статья Ф. Усова о нынешних выборах в войске. В № 41 помещена статья Пахорукова о школах в 9-м округе. Я просил редак-

тора «Ведомостей» выслать сибирским студентам в Петербурге бесплатно одии экземпляр.

Я хочу напечатать в «Томских ведомостях» бюджет Томской губернии за 1863 год. Это, я думаю, будет интересно для всех сибиряков.

У нас предвидится литературный вечер («Об эмансипации»— Е. И. Парам[онов]; «Сибирь перед судом российской публицистики»— Ядринцев), лекция о нервной системе и психологии — одного доктора, ученика Сеченова, лекция о типах соврем[енной] русск[ой] беллетристики — Кузнецова[5], литературные собрания вроде литературного клуба, общество грамотности; лекции об истории Сибири Шашкова.

В Красноярске: литерат[урный] вечер (Шашков об университете); издание памятной книжки Енисейск[ой] губ[ернии], где будет статья Шашкова.

Готовый к услугам Гр. Потанин

Адрес: Томск, на Большой ул. в д. Коидинских.

20. Ф. Н. УСОВУ

[8 ноября 1864 г. Томск]

Федор Николаевич!

Адрес мой: на Большой ул., в д. Коидинских, впрочем, теперь и без адреса верно приносят письма. Деньги жду; получите не далее как по 1 ноября; с этого времени здесь получаю.

№ 44 [«Томских губернских ведомостей»] Вам отослан. Справлялся в типографии. Обещали послать еще несколько (до 4) экземпляров для утешения войсковых провинциалов, яко то каряковцев, семипалатинцев и пр. Из статьи Пахорукова (номер, в котором она напечатана, также был послан к Вам) сделано извлечение в «Северной почте».

Вопрошал у редактора об описании скандала, учиненного Лободовским. Согласен<...>.

Передайте письмо Н. М. Ядринцеву. Нестерову скажите, что жду ответа на письмо, которое я ему послал через Вас.

Да что же Ядринцев, едет он [сюда] или нет? Я получил одно письмо с уверением, что через три дня выезжает — и ни слуху ни духу. Если дело за деньгами, пусть пишет нам — пришлем.

На днях еще поговорю с Кузнецовым о посылке нескольких экземпляров в Вашу библиотеку.

Да о литературном вечере, пожалуйста, отчетец пришлите со скандальчиком вышеупомянутым.

Статьи высылайте или на мое имя, или на имя Дмитрия Львовича Кузнецова, учителя гимназии. И то и другое будет верно. В редакцию же газеты не адресуйте, ибо под этим именем здесь известна редакция официальной части «Ведомостей» (ибо здесь два редактора — официальной и неофициальной частей отдельно).

Г. П.

Уведомьте, пожалуйста, где теперь находится Струве.

21. Ф. Н. УСОВУ

[Декабрь 1864 г. Томск]

М[илостивый] г[осударь]
Федор Николаевич!

Что же статью о хозяйстве в Войске? Ждем!

Постарайтесь, нельзя ли будет Вам маленькую подписочку, хоть рублей в 15, смастерить в пользу казацкой сибирской студенческой библиотеки. Она будет очень хороша — не в сумме дело, а в факте заявления солидарности Войска с сибиряками студентами. Надо объединять Сибирь. В своих статьях бейте на эту цель — рисуйтесь горячим патриотом Сибири, будучи казаком. Это возбудительно будет действовать на остальных сибиряков. Для возбуждения же своих делайте намеки о значительной роли, которую придется играть Войску впоследствии в сибирской истории.

Все собираюсь ряд статеек написать в свои «Ведомости» о Войске. Не удается!

Да пишите же, что у Вас делается? Кажется, уже более месяца, как я не получаю от Вас писем.

Здесь дела идут плохо, мало подвигаются вперед.

У Колосова[1] в школе только 12 мальчиков. Попы читают проповеди своим прихожанам, чтоб не отдавали детей в его школу. Вообще против нигилизма собирается ополчение. Сановники зубами грызут, и только из одного страха быть описанными в «Искре», и молчание наше, кажется, ставит их в тупик и еще грозное для них, чем наш говор. Они испытывают тот пани-

ческий страх, который испытывали арабы ночью при встрече французских отрядов: они ложились на землю с притаенным дыханием.

Статью Вашу о спектакле не пропустил Лерхе[2]; говорит, что на Дюгамельшу[3] написана.

Готовый к услугам Потанин

22. А. Д. ШАЙТАНОВУ

29 дек[абря] 1864 г. Томск

Милостивый государь
Александр Дмитриевич!

Г-н Парамонов получил письмо Лукина. Так как Вы живете вместе и так как Лукин в своем письме делает рассуждение сибирского кружка об идеях, заключавшихся в моем письме, то в письме к Вам я намерен возражать г. Лукину или лучше тем, за которых он говорит.

Я не сетую на то, что несколько знаменитых имен Сибири принадлежит теперь своей деятельностью Европейской России. Когда они воспитывались, сибирское общество не выработало еще идеи о своей самобытности. Теперь уже преступление против человечества требовать, например, от Менделеева[1] возвращения на родину. Но желательно, чтоб с сей минуты, с которой мы начали сознавать себя, ни один сибирский грош и ни одна органическая клеточка не были бы истрачены не на себя, не на родину. Я бы желал сибирской педагогике придумать такие средства, посредством которых она не позволяла бы развиваться тем ученым страстям, которые ей не пригодятся. Нам пока нужны только химики-техники, а не химики-философы, и чтоб не воспитывалось последних.

Н. М. Ядринцев будет писать Вам о том, как опасно вверяться таким выражениям, как не зависящие от лица обстоятельства, помешавшие ему возвратиться на родину, или связь реформы провинциальной с петербургской, и как под этими ловко придуманными оправданиями скрывается полнейшая политическая бесцветность и подлое намерение прикрыть маской гражданских соображений гнусное желание выслуживаться в петербургских лакейских или привязанность к петербургским танцевальным вечерам с их лоретками.

Вы говорите, заранее не отличишь, кто уедет в Сибирь, а кто нет. Сначала, действительно, не отличишь, а потом можно. Пока нельзя отличить — можно давать

пособие, коль скоро же можно отличить, кто не поедет, то к черту его. Или уж так все 40 человек на счет этого вопроса прималчивают до самого окончания курса? Что же тогда руководит ими в их трудах, какая любовь, какие страсти? Или бескорыстная любовь к науке? Это досадно!

Я просил здешнего редактора посылать к Вам даром «Томские губ[ернские] ведомости» с нового года. Каковы ни есть, а все же будут они приносить известия с родины. Советовал бы Вам обратиться и в остальные редакции — в Тобольск, Красноярск и Иркутск и просить их высылать Вам по экземпляру даром, по примеру «Томских ведомостей». Получение этих газет будет, я думаю, другим скрепляющим средством, хотя и плохим, и очень[2].

23. А. Д. ШАЙТАНОВУ

[19—20 марта 1865 г. Томск]

Александр Дмитриевич!

Не можете ли узнать, не вышли ли следующие части «Геологии» Наумана[1] на немецком языке. Я имею 2-й Abtеilung 2-й части — 20 рублей.

Извещайте, пожалуйста, что нового выходит по естественным наукам в Петербурге и в Москве.

Справьтесь, какие есть лучшие сочинения на немецком языке по сравнительной анатомии, ихтиологии, орнитологии, о пауках, по патологии. Где можно прочитать об истории болезней? Сколько стоит «Зоологический атлас» Бурмейстера?[2]

Как называются на немецком языке сочинения Унгера[3] и Форбеса[4], касающиеся истории растений, и Мей[ена][5] по географии растений?

Мы затеваем сборник Сибирский по следующей программе: 1) история колонизации и управления Сибири; 2) естественноисторические особенности Сибири (сухость климата; особенности в растительном и животном царствах; развитие каменноугольной формации; качество народной пищи; 3) экономические условия Сибири: а) эксплуатация производ[ительных] сил Сибири народом и варварская эксплуатация природы: соболиный промысел, рыболовство, золотопромышленность; земледелие, скотоводство, пчеловодство; мануфактура с кожевничеством; мыловарение <...>; б) эксплуатация производительных сил Сибири государством: годовой бюджет сибирского крестьянства в сравнении с бюджетом русского; уплата, производимая

Сибирью России за мануфактурные товары; государственные налоги; обращение важных сибирских продуктов — металлов и рухляди — в государственную регалию; обращение лучших земледельческих округов в государственные домены; отсутствие косвенных налогов; абсентеизм золотопромышленников; содержание чиновничества и 4) историческое развитие умственных сил Сибири.

В апреле пришлю денег на покупку книг, необходимых для использования плана: Миддендорфа (последняя часть на немецком языке)[6] и статьи Козицкого и Мегницкого[7].

В «Томских ведомостях» были помещены статьи, на кои обращаю Ваше внимание:

1) «Сибирь, в 1 января 1865 года» Ядринцева[8];

2) «Общественная жизнь в Сибири»— его же[9];

3) «Сибирь перед судом русской литературы»— его же[10];

4) «Литер[атурный] веч[ер] в Омске» Усова[11];

5) «Списки студентов [сибиряков]» в Петербурге[12], Москве[13] и Казани[14];

6) Заметка на «Москов[ские] вед[омости]», приявшие цифру петерб[ургских] ст[удентов] 40 за число всех сибирских студентов[15], и вообще все мелкие известия проникнуты хорошим направлением.

В будущем будут статьи «О климате Сибири»[16] и «О сибирском университете»[17].

Брошюр об артелях не нужно. Пришлите черных лондонских.

Если найдете «Философию революции и социализм» Герцена[18], то пришлите 20 экземпляров; особенно же Фейербаха — «Лекции о религии»[19], а также Кеппап'а[20], ибо мы до сих пор обретаемся в невежестве. Потом прудоновских[21] и лун-блановских[22] произведений сколько найдете — все шлите. За все заплатим и поблагодарим.

Удержали ли 3 р. за сборник Бакста?

[20 марта]

Вы желаете знать о лекциях Шашкова. Они, кажется, больше взволновали начальство, чем публику. Жандарм донес, и теперь местное начальство запрашивают, на каком основании оно разрешило лекции. Местное начальство перепугано и не пропускает ни строчки о Шашкове.

На 1-й лекции было до 150 чел[овек], потом постепенно возрастало и на последней было чуть не 300. Гиляров[23], мож[ет] б[ыть], знаете, главный виновник доноса. Он стал настаивать, что нужно проверить, кем цензурованы лек-

ции, и на лекциях качал головой, заглядывая к лектору на стол (сидел в 1-м ряду), и произносил разные фразы. Дурак Фризель (пред[седатель] губ[ернского] пр[авления]) подражал ему. И взволнованы-то чем? Изображением грабившего народ в XVIII ст. чиновничества. Содержание лекций: инородцы, ясак, повинности, службы, сифилис, оспа, голод, бунты; русская колонизация в сравнении с американской; история администрации; анекдоты о воеводах и губернаторах; нужды Сибири; богатство природы, сравнение Сибири с Америкой; недостаток народонаселения и умственного развития; необходимость университета.

На четвертой лекции, в пику высоким местным особам, выказывавшим неудовольствие, лектор был встречен аплодисментами при вступлении на кафедру <...>.

Концы всех лекций, начиная с первой, были сопровождаемы громкими аплодисментами. Наконец, на 5-й, последней лекции, два раза речь прерывали аплодисменты, когда говорилось о сибирском университете. Было много приказчиков, и мещан, и также поляков.

Был на лекциях и сын Асташева[24], он также остался под сильным впечатлением. Даже говорят, [его] отец призывал к себе обедать жандарма и внушал ему, что лекции эти противоправительственны и нужно донести.

В торговых банях [даже] происходили разговоры о лекциях. Но все же не такое оживление, какого надо было бы. Результата вещественного не оказывается.

В Иркутске читаются публичные лекции Щукиным из истории города Иркутска и Павлиновым о правах женщин. Первые хвалят наши корреспонденты, вторые, как пишут, плохи.

В Омске был театр. Играли казачьи дамы и офицеры. Из выручки 25 р. с[еребром] послали в Петербург студентам, около 50 р. раздали казачьим бедным семействам, а 200 р. должны были отдать в руки филантроп[ического] общества в Омске за то, что последнее снабдило кулисами.

Феденька[25] написал об этом к нам, в «Ведомости», статью, но ее Фризель не пропускает; хотим губернатору, только что приехавшему[26], дать на цензуру.

Вы, вероятно, уже читали в «Моск[овских] вед[омостях]» заметку на напечатанный нами список студентов. Они приняли число 40 петерб[ургских] ст[удентов] за число всех сибир[ских] студ[ентов]. «Сев[ерная] почта» и «Петербургские ведомости» перепечатали. Учинился скандал. Мы очень рады, что Катков[27] так прорвался. Нам повод с достоинством поддержать идею о сибирском

университете, надо втот скандал раздуть на всю Россию. Надо сделать, чтобы петербургские противники Каткова обрадовались, что Катков зашибся об Сибирь, и воспользоваться этим случаем для посмеяния над ним. Посылаю на втот конец письмо к Елисееву[28] в «Современник», пишущему «Внутреннее обозрение». Перешлите [его] Лукину, чтобы он сам отнес это письмо, запечатанное предварительно.

Я просил передать деньги Лукину только потому, что в Москве[29], думаю, нельзя достать многих книг, а если можно, то буду высылать Вам деньги на следующие покупки.

24. Ф. Н. УСОВУ

[8 апреля 1865 г. Томск]

М[илостивый] г[осударь]
Федор Николаевич!

Статья о скотопромышленности[1] напечатана; статья же о театре пока лежит в редакции. [Она] была уже прокорректирована, но Фризель, остававшийся за губернатора, не пропустил, говорит, что нельзя против Дюгамельши печатать. Поэтому мы решились сначала сделать предвестие в мелких известиях, что был театр в Омске, а потом уж и напечатаем самую статью. И первая статья ведь также два раза была в корректуре; сначала Лерхе не согласился пропустить, а потом пропустил с поправкой.

Лекции Шашкова до сих пор занимают общество, ибо до настоящего времени неугомонившееся общество сочиняет сплетни, что или Шашкова велено арестовать, или кто-нибудь донос сделал и пр.

В «Ведомостях» запрещают о нем упоминать, как о Чернышевском в Петербурге. Даже не позволяют написать, что на его лекциях было до 300 человек. В особенности, кажется, пакостит Попов[2]. Хочет придраться к здешнему губернатору, зачем разрешил [лекции] без его на то согласия.

На неделе будут три литературных вечера.

Нельзя ли Вам в своих статейках подпускать казачье-сибирского патриотизма, чтоб видно было, что Сибирь сплачивается воедино. Казачье-патриотические возгласы возбудительно бы действовали на тех казаков, которые читают наши «Ведомости». На те номера,

в которых бывают статьи о Войске, в Войске обращают внимание. Номера, где были помещены [сведения] о выборах в Семипалатинске, истерли от чтения. Выписывают ли их в Корякове[3]?

В первый день пасхи[4] здесь случился знатный скандал с полицией и гражданами. Генеральша Пономарева, старая сплетница, сбрехала, что поляки составили заговор — в христовскую заутреню запереть церкви с молящимися православными и зажечь город. Многие почтенные особы не решились быть у заутрени. Полицмейстер расставил часовых с ружьями у церквей, и две роты были расставлены цепью вокруг города с ружьями, заряженными боевыми патронами. Конечно, ничего не было, за исключением обкрадения архимандрита до того, что он остался в том одеянии, в коем служил. Разумеется, обкрадение соаершено своими. В другую ночь — опять обкрадение.

Итак, русская сплетня обрушилась на русскую голову и дала возможность говорить полякам, что русские мошенники распускают про поляков нелепости, а сами занимаются кражей. Этот случай должен бы послужить к увеличению доверия к полякам. Но здешнее общество такое, что законы, по которым совершаются изменения воззрений в других обществах, к этому обществу прилагаемы быть не могут, ибо для последнего законы еще не писаны.

5 рублей серебром жертвую на казачью библиотеку.

Статью о войсковых финансах будем ждать, а также и о колонизации в степи. Сей последний вопрос очень интересен, а между тем о нем ничего нет печатного, так что Шашков в своих лекциях говорил только об одной современной колонизации— об амурской.

Колосов просил меня спросить у Вас, не уступите ли Вы ему литографию за 28 рублей серебром.

25. Н. С. ЩУКИНУ

[2 мая 1865 г. Томск]

Николай Семенович!

Очень мы рады, что Вы снова заявили себя в прежнем духе, в духе сибирского патриота — судим по заглавию Ваших публичных лекций. Я имею намерение просить Вас уступить эти лекции в наши «Ведомости», если только Вы

не нашли для них более выгодного помещения (в «Томских ведомостях» никакой платы не учреждено еще).

Вы, вероятно, читаете их? Надеемся, что мы придали им в нынешнем году направление, которое должно нравиться Вам. А потому осмеливаюсь обратиться к Вам с просьбою присылать нам время от времени корреспонденцию из Иркутска, а также мелкие статьи, которых, вероятно, у Вас найдется немало.

В последнем номере «Томских ведомостей» помещена моя статья об университете[1]. Боюсь, что не будет понят тайный смысл ее. Вместо толкования на нее будет вскоре помещена заметка Ядринцева[2].

Очень было бы также приятно иметь от Вас известия о Вашей иркутской жизни. Такая ли же там спячка, как здесь, или там более жизни? Много ли у Вас едет ныне в университет, и что за люди?

Готовый к услугам Г. Потанин

Адрес: в Томск, на Большой улице, в доме Кондинских.

26. [Ф. Н. УСОВУ]

[Май 1865 г. Томск]

Получил Ваше письмо и тотчас же отвечаю. Письма друзей в Вашем положении бывают приятны. Желал бы, чтобы мое Вас утешило несколько.

К довершению Вашего несчастья, у Вас плохи войсковые дела. У нас тоже ничего нет особенного, но, по крайней мере, работа есть. Работаем и втим наслаждаемся Сделаю Вам подробный отчет о нашей деятельности.

Ядринцев дает частные уроки, читает даром французский язык семинаристам, собирающимся в университет, и пишет в «Ведомостях», которые, вероятно, читаете.

Я два месяца читал лекции в обеих гимназиях по естественным наукам. Заводим акварнумы, составляем коллекцию черепов, набиваем чучела. И в семинарии и в гимназии началась гербаризация. Даже гимназистки собирают собачьи черепа. Правда, что все вто было бы очень невинно, если бы не вмешивался сюда Ник[олай] Мих[айлович]. Этот господин всем нашим забавам придает надлежащий оттенок.

Колосов устроил школу, которая очень туго подвигается; [в ней] в настоящее время только 12 мальчиков, но это потому, что особые требования от родителей (не подумайте, что денежные). Школа с хорошим направлением, но возбуждает в некоторых людях шипение. Один из здешних священников, прикидывающийся либералом (т. е. курящий и играющий в стуколку, хвалящий Добролюбова), читает в церкви проповеди против этой школы.

Я здесь не слыву за каторжника и богоотступника. Все здесь валится на Н[иколая] М[ихайловича], которого здесь в beau mond'e зовут Nicolas. Например, кто-нибудь говорит: «Я считал Пот[анин]а за солидного человека, а он оказывается другим Nicolas». Если девица позволяет себе выругать кого-нибудь дураком, ей замечает мамаша, что, вероятно, это она выучилась у Nicolas. Не пускают даже девиц в чужой дом, если знают, что там будет Nicolas. Имя его сделалось здесь бранным.

Второе после него пугало — это Колосов. Впрочем, есть люди, которым он нравится.

Ну а я немногим не нравлюсь; большая часть относится к моим действиям прималчивая, игнорирует <...>. Против меня тоже было направлено несколько стрел, но очень легких.

Лично о себе ничего не могу сказать, ибо собственное счастье перестало занимать, жениться и в помине нет. То, должно быть, был трудный перевал через 30-й год. Десятки вообще с трудом перевалиаются. Жениться и Вам не советую. Теперешнее желание пройдет. Это всегда бывает, что после потери друга хочется скорее завести другого, но потом можно свыкнуться с отсутствием его, как я привык.

Пишите и больше и скорее. Я Вам делаю предложение сообщать мне кое-что. Это займет и развлечет Ваш ум. Мне нужно знать, в каком положении находится старая папковская партия[1], и как к ней стоит молодая партия. Хочу писать ряд статеек о Войске в здешних «Ведомостях»— чтоб не ошибиться.

Напишите, как находите наши «Ведомости» и есть ли какой толк от того, над чем мы работаем.

Поклонитесь Авдотье Ивановне[2] и поцелуйте Мишу[3]. Н[иколай] М[ихайлович] также кланяется.

Готовый к услугам Гр. Потанин

ИЗ НИКОЛЬСКА И ТОТЬМЫ ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ
(февраль 1872—апрель 1874)

27. Н. М. ЯДРИНЦЕВУ

2 февраля 1872 г. Никольск

Николай Михайлович!

Слыхали ли Вы о городе Никольске Вологодской губ.? Вероятно, нет. А вот это именно тот самый город, куда я переселился нынешней осенью из Свеаборга[1]. Итак, пишите: в город Никольск Вологодской губ. Г. Н Потанину. Передайте мой поклон Серафиму Серафимовичу. Чтобы сразу определить свою настоящую обстановку, я лучше всего сделаю, если сравню Никольск с одним из известных Вам городов. Но и это трудно сделать, ибо Никольск хуже и беднее даже, чем Колывань[2]. Можете теперь судить об условиях для умственной работы. Кроме литературного труда, здесь нечем жить. Но не знаю, как прицепиться к литературе. Остается сделаться компилятором, но что компилировать и где достать первый источник? Надеюсь понемногу устроиться, но не скоро. «Бродячее население»[3] читал, и «Общину в остроге»[4], и о Томске с Любимовым[5], и острожные очерки[6], но, кажется, не все. Читал о скопцах и Иване Илларионовиче[7]. Что с ним сталось? Не имеете ли Вы отдельных оттисков Ваших статей? Если да, то пожертвуйте мне «полное собрание» своих сочинений; для моих работ они очень нужны, а здесь «Дело»[8], кажется, есть только за один год. Видел в газетах, что Вы поместили статью[9] в «Отечественных записках», но здесь этот журнал не выписывается. Что значит, что Вы переселились в другой журнал?[10]

Меня приглашал Пашино[11] работать в «Азиатск[ом] вестнике»[12]. И я бы не прочь, если только этот журнал не будет чем-нибудь вроде «Зари»[13] и если бы тоже и Вы там работали. Словом, нельзя ли устроиться, чтоб мы имели дело с одной редакцией?

Напишите мне, какие есть Ваши статьи в журналах или газетах, кроме «Дела».

Надеюсь, что и Сераф[им] Сераф[имович] подарит мне один экземпляр своей книги о женщине[14].

Не знаете ли Вы, где находится Колосов, у которого остались мои книги, и Андрей Алекс[андрович] Тахтаров[15], у которого находятся мои рукописи и архивные выписки? Хочу справиться, не уцелело ли что-нибудь. В «Чтениях» [Общества истории и] древностей [российских] напечатана моя статья о бухарской торговле[16], и 100 экземпл[яров] я получил и только наплакался с ними, пока не бросил в Петербурге. Летопись Андреева[17] напечатана недавно, и я хочу на днях писать Бодянскому[18].

Просьба до Серафима Серафимовича: так как он несколько знаком с литературой об инородцах и обладатель, вероятно, многих иностранных каталогов, то не окажет ли он мне услугу составлением записочки о книгах на французск[ом], немецк[ом] и английск[ом] языках об инородцах и дикарях Америки, Африки и Австралии, в которых разбирался бы вопрос об их «быть или не быть».

Готовый к услугам Гр. Потанин

28. Н. М. ЯДРИНЦЕВУ

28 февраля 1872 г. Никольск

Благодарю Вас искренно обоих за обещанные книги, полные собрания Ваших верхов, и каталоги. Сераф[им] С[ерафимович] спрашивал о состоянии моего кармана. Но главная моя беда состоит в следующем обстоятельстве. В Петербурге я оставил свои книги, словари и рукописи у Омулевского, нашего романиста; тогда мне предлагали деньги, но я отказался; приехав же в Никольск, я написал им, чтобы прислали и деньги и рукописи с книгами. 40 дней спустя я получил 25 р. (из которых 15 и теперь еще не израсходовал), но без письма; я снова написал, и вот опять будет скоро более месяца, как не могу дождаться ни строчки. А между тем, судя по стихотво-

ренням[1], которые являются в «Деле», Омулевскнй должен быть цел, невредим и, по-видимому, пользуется всеми правами гражданства. Не знаю, чем объясинть его молчание. Там у меня были кой-какие острожные заметки[2], и я, по примеру Вашему, хотел поэксплуатировать свои собственные «люты дни» и на это рассчитывал, как на первый заработок. По-видимому, Вы имеете сношения с Петербургом — не можете ли узнать, что значит молчание Омулевского; пожалуй, он не имеет денег, а сознаться не хочет; разъясните вто недоумение и выручите мон рукописи и мон словари.

Из книг, предлагаемых Сер[афимом] С[ерафимовичем], прошу прислать на первый раз Вайца[3] и Тейлора[4] и, если не слишком миого будет, то и «Zeitschrift für Ethnologie». Лёббока[5] и Бастнана[6] я также не видал. Что касается до газет, то я пробавляюсь только «Сыном отечества» и «Прав[ительственным] вест[ником]». Вести Ваши об «Азиатск[ом] вест[нике]» соблазняют меня иметь его; я бы написал Пашино и Благосветлову, но, не получив рукописей, не отваживаюсь; пожалуй, обещание доставить статьи дашь и обманешь. Дебютировать я хотел своими очерками и потом уже статьями по поводу книг. Омулевский подсек меня. Жду с нетерпением каталогов. Не имеете ли Вы полное собрание сочинений Руссо? «The Unity»[7] интересует меня не менее Вас. Если дело идет не о дикарях, а о зародыше местной интеллигенции, то Вам, как Колумбу втой Америки, и принадлежит право на эксплуатацию этой книжки; но если дело идет о дикарях, и как я думаю, о предмете, для Вас бессодержательном, то предоставьте мне — я именно нуждаюсь в книжке, где бы было говорено об инородцах и ни о чем более. Когда же я прочту Вам [свой] первый беллетристический блин? Вашему начинанию[8] рукоплещу. Я додумался, что местная беллетристика необходима, и не только хотел настаивать, чтобы Вы приняли на себя эту миссию зачинщика, но даже сам начерпал кое-какие материалы для повести из таежного быта, только «увенчать зданне» не могу. Не знаю, не подарить ли эти материалы Вам. Они также засели у Омулевского. Фантазии нет. Разговоры не вытанцовываются. Повесть эта — род протеста против штрафной колонизации — изображение, как портится девушка, воспитывающаяся со служанкой ссыльной, как деморализуется чиновник, имеющий дело с бродягами, наконец, тайга, представленная в качестве тюрьмы, и управляющие золотыми приисками в качестве тюремщиков[9]. Ваша книга о штрафной

колоннзацин[10] может мне послужнть поводом к рецензин. Надо Вас пососать.

От всех вашнх статей-проектов я в восхищеиин. Желал бы соревноваться с Вами и соперннчать. Предполагаю, что Вы богаты даннымн. Пришлнте мне список кннг о Востоке, какие нмеете, н о колониальиой политике. Может быть, понадобнтся мне, я буду просить Вас прнслать мне.

Догадываюсь, кто такой Богданов[11], который пишет «Новостн и заметкн» в «Азиатском вестиике». Это тоже одии нз хранителей монх рукопнсей, как кажется. Жнвы н деятельны, а меня держат в нензвестности.

Омулевский чнтал мие стнхотворенне, которое «Дело» не взялось тнснуть. Не хуже того, которое начинается: «Странник» н пр. Только у него все еще стародавиие взгляды на штрафн[ую] колоннзацию; он думает, что бродягн — это герои, удобряющие колоннальиую расу, а не гуляшне людн, ие ценящне свободу.

Н. И. Наумов в Петербурге; очерк «Торгаш»[12] он самолично прннес в редакцию, сказав, что у него и еще есть такне же. Куда же они девалнсь?[13]

Тахтарова и Евгення Яков[левнча] надо отыскнвать.

Об образе моей жнзнн в Свеаборге не хотелось бы писать, но вкратце постараюсь удовлетворить Ваше требоваине. Первые $1^1/_2$ года работал на площадях, бнл молотком щебень, вознл таратайкн с камнем, колол лед, пилнл дрова, пел «Дубинушку», снжнвал в гребях н пр. Накоиец начальство в виде улучшения моего положення назначнло меня в собакобон, н целое лето я был собачьнм Аттнлой н ужас насаждал в собачьи сердца. Потом меня повыснли еще выше — в дровораздаватели, потом в огородники н учители. Кормнли нас овсом, что и прилнчно было для жнвотных, возившнх таратайкн. Три года не пнл чаю, не ел говядины, жнл шекером и не получал нн от кого пнсем, кроме одного от Ив[ана] Федор[овнча] Соколова[14] да двух от Катанаева[15]. С офицерамн ие знакомнлся, потому что армейскне гораздо необразованнее наших сибирских. Еднистненное знакомство свел с пастором, да и тот все давал мне чнтать немецкне проповеди прошлого столетия и боялся выступить нз инструкции, ограинчив арестантское чтение одннмн назндательнымн кннжкамн. Раз только ои как-то состроумннчал н дал мне «Путешествне Ламартнна по Святой Земле». Между тем он оказался фииляндским лнтератором, профессором Кастреиом[16], н одинм нз сотрудников Ленрута[17] по собиранию песеи «Калева-

лы», вкземпляр немецкого перевода которой он мне подарнл на память о демократнческой Фннляндни. Эта «Калевала» также засела у Омулевского. Словом, жизнь далеко хуже, чем в нашнх руднпках. Читал почтн однн бнблнн да еваигелня. Впрочем, последние $1^1/_2$ года нмел «Сына отечества» и «Дело».

Не нмеете ли известнй о Чичероваккно?[18] Что сталось с гнмназнстками Федоровой н Егоровой?

Надо слова два скавать о настоящем моем образе жизнн. Занимаю так называемую «кухоньку», 3 шага в квадрате, с русской печью, н сам варю свой обед. Повтому жду от Вас в следующем письме карнкатуры, изображающей меня с ухватом в руке, окруженного местными представителямн гончарного пронзводства, пред пылающим огнем, с сосредоточенным взором н с затаенным бненнем сердца следящнм за первымн шагамн дебюта горшка-иовокупкн.

Да, Нпкол[ай] Михайл[овнч], похлопочнте устроить мне регулярную жнзнь, регулярный приток денег. У меня тоже есть кое-какне проекты, но я о ннх не пишу, потому что онн еще не нмеют прочных фундаментов. Назову только однн. Я хочу написать книжку, которая бы заменила [работу] Завалншина[19], не в внде сухого рассказа, а напнсанную бегло, не для штуднрования, а скорей для развлечения, в которой сконцентрнровать все, пнсанное доселе н разбросанное по журналам по поводу местных вопросов. Хотя вто не должно быть сочнненнем строго ученым, но все-такн оно должно находнться в согласнн с наукой, а потому я должен наперед обзавестись литературой научной.

Как это Вы устроилн, что все трое[20] собралнсь вместе? Как бы я желал быть с Вамн вместе и порыться в Вашем портфеле, как я вто делывал в Томске. Если пишете Шайтанову, то передайте ему мой поклон н желанне успеха в его нзобретенни (догадываюсь, что вто нзобретенне есть не что нное, как норвежская водка нз оленьего мха). Экславянофнлу[21] также васвидетельствуйте поклон.

Не желаете лн для своей статьн о промышленностн в XVIII веке воспользоваться следующей аллегорней. Есть немецк[ая] легенда, переделанная в стнхн Улаидом[22]. На башне сндят три девы; подъевжает к замку отец: «Вот я сегодня упромыслнл для тебя, старшая дочь, стрелу. Я встретнл в поле внтязя со стрелой н потребовал, чтобы он отдал ее мие. Он отказал, н я убнл его». Старшая дочь берет стрелу, ндет в поле (чуть лн даже не в лес),

находит под деревом убитого витязя и падает грудью на стрелу. На башне сидят две девы; отец подъезжает к замку: «Вот я сегодня упромыслил для тебя, моя средняя дочь, золотую цепь. Я встретил в поле витязя с золотой цепью и пр.» Средняя дочь берет цепь и над трупом убитого витязя вешается. На башне сидит одна младшая дочь; подъезжает отец: «Вот я сегодня для тебя упромыслил, милая дочь, цветок. Я встретил сад и в нем садовника. Я потребовал у него цветок, он отказал. Я убил его». Дочь спустилась в долину, приложила цветок к груди и тихо умерла. Вот Вам в аллегории представлены три века: соболиный, золотопромышленный и земледельческий.

Советую обратить Ваше внимание на историю промышленности в связи с историей русского тарифа: преобразования последнего много влияли на цены и ход первой. Тариф протекционный имел целью защитить нашу мануфактуру от зависимости английской, в чем и успел, конечно; только законодатель хотел, разумеется, чтобы развитие мануфактуры совершилось бы повсеместно; вместо того развитие получил только небольшой так называемый мануфактурный округ. При покровительстве огулом при централизационном протекционизме всегда будет так; это походит на то, как богатые именинники иногда кидали деньги в народ; кто посильнее, тому одному все и достанутся; то же самое происходит и с просвещением. Положим, школьное дело внесено теперь в крестьянскую среду; но вопрос, не делает ли барон Корф[23] более умными и ловкими только одних мироедов. Государственный человек, основывающий развитие культуры на интеллектуальном развитии привилегированного класса, который будто передаст культурные усовершенствования в массу, походит на химика, бросающего в жидкость каплю фермента; он дает только начало молекулярному распространению культуры. Но движение это может идти только до предельной линии, за которой вместо дрожжей химик получает только продукты разложения. У Луи Блана в его истории 1879 года и след.[24] есть цитата из Гальяни[25]: сравнение земледельческой страны с нгроком. В высшей степени остроумно. Надеюсь, Вы не преминете воспользоваться!

У киргизов есть легенда о травке из породы злаков, очень сытной для скота, кот[орую] они назыв[ают] битега, а русские зовут кипец: когда бог раздавал землю народам (или их родоначальникам, патриархам), китаец ухватился за землю — он теперь земледелец, киргиз за битега — он

скотовод, русский за лес — он зверолов. Даже киргизы считают нашу культуру ниже. Да и в самом деле они нас снабжают армяком, а не мы их.

29. Н. М ЯДРИНЦЕВУ

13 марта 1872 г. Никольск

Я получил от Вас два письма: от 20 февраля и 5 марта*. На первое я отвечал, но, очевидно, Вы еще не получили моего ответа. Теперь я затрудняюсь, отвечать ли Вам на оба [письма] или на одно последнее. Для верности решаюсь на первое.

В том письме своем я Вас затруднял просьбою насчет моих рукописей, которые засели в Питере. Это дело приняло новый оборот. Я получил наконец от секретаря редакции «Дела» Н. Е. Битлинда[1], одного из моих знакомых, письмо, в котором он обещается добыть мои рукописи и переслать. К тому же наш друг, Андр[ей] Павл[ович] Нестеров, который с августа прошл[ого] года находится в Петербурге (он был там в то самое время, как я проходил через Питер, но мы не видались), прислал мне письмо с предложением услуг. Теперь я описал ему всю эту историю, пусть он познакомится с Омулевским и примет на себя процедуру пересылки рукописей в Никольск.

Очень рад, что буду получать «Азиатск[ий] в[естник]». Но откуда Вы знаете это и кому я обязан этим? Я и сам просил о том Битлинда, который уже обещал мне присылку «Дела» и «Недели».

«Азиатск[ий] вестник» очень хочется видеть. Надеюсь, что Ваши «Переселенцы»[2] никому не доставят столько наслаждения, как мне. Действительно, никто меня в жизни не угощал и рейнвейном и ликером более вкусным, чем Вы, и вместе с Гейне я должен прибавить: да, нынче мало встречается таких юношей.

Не бросайте беллетристики. «Азиат[ский] в[естник]» очень в ней нуждается; это рычаг, более — это блочная система, которая с малой тратой сил подним[ает] большие тяжести.

Ждали ли? Я сам пустился в беллетристику и набросал повесть «Таежане»[3]. Это еще протест против штрафной колонизации. К сожалению, не могу довершить затеянного дела, разговоры вялы, да к тому же автор, при-

* Ваше письмо, написанное через губернатора, я не получил.

думавший множество деталей, не доработал еще фабулы и остановился за недостатком плана*. Мое намерение: прислать весь материал Вам, и Вы должны привести все к благополучному концу. Согласны ли?

Жаль, что Сераф[им] С[ерафимович] без материалов. Действительно, чтобы от него выжать повесть так[ого] рода, как Вам это хочется, надо его снабдить новыми документами. Нельзя ли так сделать, чтобы редакция приняла на себя труды добывать эти материалы, как, например, дело о Гагарине[4], записки Броневского[5], работы Баиташ-Каменского[6], его извлеч[ения] из госуд[арственных] архивов, оставшиеся в рукописях, бумаги Щукина, Словцова и проч. Владея изданиями некот[орых] материалов, Вам легко было бы составить статью о недостатках разработки сибирской истории, о бедности, какую мы встречаем в изданиях, существующих в столичных обществах; так, в 2 томах Историч[еского] сборника только и есть одни материалы о Крылове[7].

Тема, которую Вы мне предлагаете о значении путешествий Палласа[8] и пр., отличная, но она так велика, так много требует предварительного чтения и особенно размышлений, что я, при настоящих своих средствах и знаниях да и кармане взяться за нее боюсь. Однако ж начну над ней трудиться.

Вы писали, что составляете статью о просвещении в Сибири. Я получил письмо от Юлии Ардальоновны[9] из Омска со сведениями, я думаю, не безынтересными для Вас, об ее собственной школе: число детей с каждым летом увеличивается; теперь в ней 37 чел[век] об[его] п[ола], Ю[лия] А[рдальоновна] отзыв[ается] с похвалой о детях; по-видимому, между нею и детьми образовалась взаимная привязанность. Занятия ежедневные с 10-го до 4-го часа. Школа делится на 2 класса; в младш[ем] — первоначальное чтение, письмо, 4 правила арифм[етики] умственно, письменно и на счетах два первые; первое знакомство с географ[ией], наприм[ер] вид Земли, ее движение, пояса, меридианы и параллельные круги, реки, озера, острова и т. д. В старш[ем] классе: из арифм[етики] дроби и именованные числа, из географии подробно ознакомились с картами Европы и Азии. Из естеств[енной] истории в младш[ем] классе читает она статьи Ушинского[10], а некоторые мальчики проходят подробнее зоологию и ботанику. Для чтения выписывает журнал «Семейные

* Это мой коренной порок вследствие недостаточности логического воспитания.

вечера»[11]. На нздержки дает Ив[ан] Фед[оровнч] не жалея. По-виднмому, школа им в убыток и сущест[ует] иа началах благотворнтельности. Преобладающий элемент состонт из крайних бедняков и только 7 состоятельных. Ив[ан] Ф[едорович] и молодой Сапожников разделяют труды преподавання с Ю[лней] А[рдальоновной]. За дальнейшнмн сведеинями Вы н сами можете обратнться к ией.

Для Вашей статьи Ив[ан] Фед[оровнч] мог бы доставнть Вам сведеиия о штабной тнпографни н вообще о типографском деле в Омске.

От Ив[аиа] Ф[едоровича] самого также получнл пнсьмо, из которого узиал, между прочнм, что Мнхайлов[12], иаш protégé, выехал в Питер и прнпят в консерваторню стипеидиатом. Ученое общ[ество] в Омске ннчего ие делает. Сам Ив[аи] Ф[едорович] исправио ведет диевнпк прн помощн моего барометра, который добыл из Томска.

Поклои Шашкову и Ушарову.

Прншлнте мне список кнпг, какне у Вас есть у обонх.

Ник[олай] Ив[аиович] Наумов в Питере — ои сам прнпес своего «Торгаша» в редакцню «Дела». Не найдете ли удобиым поручить Аидр[ею] Павл[овнчу] разыскать его и привлечь к «Азиатск[ому] в[естнпку]».

Если получнлн «The Unity», сообщнте, что это за киига.

Прншлите прочесть н Дарвнна[13], здесь едва ли есть. Что такое Миддендорфова «Бараба»?[14] Шлите н «Бараба» н Третьякова[15]. Если только карман выиесет. Каталогн жду с иетерпеиием.

Я получил от Ив[ана] Ф[едоровнча] 50 р.; не выслать лн на пересылку? Прошу Сер[афнма] С[ерафнмовнча] сообщить мие, какой том «Актов Археогр[афической] комнсснн» заключает докумеиты по истории Снбнрн[16].

Грнг. Потаннн

30. Н. М. ЯДРИНЦЕВУ

5 апреля 1872 г. Никольск

Кинги н пнсьмо Ваше, и потом еще пнсьмо я получнл. Спасибо за присылку «Азиатск[ого] в[естнпка]». В то время как Вы сообщаете мне грустные нзвестия[1], я получ[нл] от А[ндрея] Павл[овича] две строки, одиа из которых гласнт: «посылается Аз[иатский] в[естнпк]», т. е. мне, ио о прекращеинн его ни слова. Мож[ет] быть, строкн Вашн и не совсем основательиы?

Адрес Андр[ея] Павл[овича]: на углу Почтамтской улицы и Исаакиевской площади, д. № 1, кв. № 31.

Я ранее его не сообщил, думая, что он Вам сам напишет. Я надеюсь, что он очень будет рад Вашему письму; в этом я уверен; настолько я его знаю, что могу ручаться. Вспомните, что этот человек первый пришел к нам в тюрьму.

Жду «Историч[ескнх] этюдов»[2]; вероятно, там будут помещены статьи об инородцах, нравах и пр.

Я составил записку по предмету, который Вас так занимает, и так как Вы не отказываетесь продолжать работу, хотя «А[зиатский] в[естник]» и готовится к смерти, то я буду высылать Вам ливрезонами.

Известны ли Вам следующие статьи: Венюкова[3]— «О торговле [по данным] Петропавл[овской] и Семипал[атинской] таможен», помещенная в собр[аннн] его статей, вышедшем отдельно; Савельева[4]—«Мусульманская нумизматика» (здесь находятся сведения о древнейшей торговле через север Азии); Радлова[5]—«Торговые сношения России с Зап[адной] Монгол[ией]» (во II т. «Зап[исок] Русского геогр[афического] общества» по отд[елению] статистики). Не знаю, о чем тут, о Кульдже или о Кобдо, о современной торговле или о древней. В «От[ечественных] зап[исках»] была хорошая статейка «С Амура».

Есть еще мои статьи, вероятно, неизвестные Вам: 1) о Тарбагатае[6] (тут есть заметки о торговле в той местности, кажется, бюджет киргизов, и о роли бухарцев во время сбора ясака); 2) Очерк развития ярмарок в Кир[гизской] ст[епи][7]. Первая помещена, кажется, в «Литерат[урной] библ[иотеке]», издаваемой Богушевичем; вторая — в прибавлениях к «Биржев[ым] вед[омостям]». Что они напечатаны, писал мне Катанаев*.

В моем отчете о разъездах нашнх со Струве[8] Вы также найдете известие о бухарцах; там именно указан эпизод о борьбе бухарца Бинджа, эпизод с эпиграфом из Пушкина.

О споре булата с золотом «Тайжан» написал две главы, но оставил остальные до присылки рукописей, где есть материалы для них.

Если будете опять посылать ко мне транспорт, то не забудьте вложить Красовского[9] и Третьякова[10] для прочтения. О «Барабе» [Миддендорфа] написал рецензию;

* Сей юноша, кажется, еще учится в Москве. Я написал ему письмо, но он, кажется, боится отвечать.

отошлю Андр[ею] Пав[ловичу], не приютит ли где.[11] Мейера[12] я читал еще в Омске. А Принтц?[13] Верно, его не напечатают благодаря щекотливости помещичьих интересов заводоуправлений.

Бухарцу Вашему[14] завидую. Надеюсь, что Вы почерпнете в этом кудуке (колодце) не только для себя, но и для меня, на каковой случай я с удовольствием прислал бы Вам программу.

Здесь есть, кажется, татарин; но я еще не познакомился с ним, а хочу.

Из Петербурга получил два письма; одно от одного беллетриста, который пишет, что рукописи мои собраны и пошлются в сам[ом] непродолж[ительном] времени (только это не Омул[евский]), другое от нашего musicien'a[15] с приписской А[ндрея] П[авловича], что рукописи посылаются сегодня же.

А я сегодня же пишу Андр[ею] П[авловичу] с просьбой разъяснить все те вопросы, которые Вас мучают; и прежде всего о печатании Вашей книги. К сожалению, Вы не сообщили мне имени Вашего книгопродавца.

Не измыслим ли мы втроем, купно с Ан[дреем] П[авловичем], рассказца из прииртышской жизни? Нужно гуманизировать наших пионеров; изобразить молодую казачку, влюбленную в киргиза,— факт, который у нас на Иртыше не редкость.

Наш музыкант собирается писать оперу «Огородник»; содержание из некрасовск[ого] «Огородника». Он прислал мне программу: 1-е действие — вечер; хороводы на улице и бал дворян; дочь дворянская окружена марсами; контраст народных песен с марсовскими вроде воеводы Пальмерстона. 2-е действие — огородник в саду ухаживает за яблоками; свидание. 3-е действие — привал арестантов; огород[ник] вспоминает прошлое свое в песне: «Не гулял с кистенем».

Пишите ему: письмо можете вложить в общий конверт Ан[дрею] П[авлович]у. Для нас, конечно, особенно интересно разобрать последнее действие. Я напишу ему, чтоб он непременно вошел в сношения с Вами. Он пишет, что не знает, кто напишет ему либретто, и чуть ли не сам хочет писать.

Пишете ли Вы стихи? Вы упоминали о как[их]-то стихотвор[ениях], посланных Омулевскому. Не можете ли прислать их мне?

Как Вы найдете сию тему для стихотворения, заимств[ованную] у киргизов: песня летит по небу; под ней

благослов[енные] теплые степи; пастухи праздно лежат в ковылях, слов[ом] — киргизская идиллия. Она спускается инже, поет, и люди слушают ее. Но вот она летит далее в новый край; люди роняют лес, копают в рудниках, пашут, охотятся; дети, старики, женщины — все заняты заботой о куске хлеба, и никто ее не слушает. Она поднимается высоко, «вдругорядь» прилечу, говорит, когда окончат крыть свой непокрытый балаган.

Сколько прислать Вам денег на пересылку книг?

31. Н. М. ЯДРИНЦЕВУ

24 апреля 1872 г. [Никольск]

Книги Ваши все я получил давно, наполовину уже прочел и давно писал Вам об этом. Если Вы не получили моего письма, то, вероятно, вследствие замешательства в почтах, произведенного водами.

Наверно, Вы его получите несколько позже или, может быть, уже получили.

Из этого Вы видите, что с моей стороны неисправности никакой не было, и я могу Вам сказать: почто усомнился, маловер? как сказал пророк апостолу, учившемуся ходить по воде.

Андр[ей] Павл[ович] писал мне, что «Аз[иатский] в[естник]», кажется, больше не будет выходить. Сам он, т. е. А[ндрей] П[авлович], переехал в Москву. Его странные передвижения до сей поры для меня загадка, которую письма его нисколько не разъясняют.

О Вашей книге у Шигина[1] я просил справиться секретаря «Дела» Бибикова.

Книг моих и рукописей до сей поры нет. А[ндрей] П[авлович] писал, что послал их, но почта за почтой приходит, не принося мне ничего.

Письмо мое, в котором я уведомлял Вас о получении книг, имело большое приложение: извлечения из записки, составленной собственно для Вас, по поводу предположенной Вами истории промышленности.

Михайлов писал мне, что он хочет приняться за оперу «Огородники», содержанием из Некрасова. Но адреса [своего] не прислал в письме, так что с отъездом А[ндрея] П[авловича] не знаю, куда писать. Чтоб самому же А[ндрею] П[авловичу] писать, можно адресовать, как он просил меня в своем последнем письме, таким образом: в Москву, в Петровское-Разумовское, студенту Земле-

дельч[еской] акад[емии] Георгию Ефремовичу Катанаеву. Пишите ему; я думаю, он будет очень рад переписываться с Вами.

Сижу по-прежнему без журналов и без газет. Ходил к одному подписчику «О[течественных] з[аписок]». «Зайдите через месяц»,— был ответ. Захожу через месяц и 4 дня; опять: «Заходите через месяц, не прочитал еще». Ухожу, надеваю калоши в прихожей, а подписчик кричит из-за стены: «Только я могу Вам дать с условием, чтобы Вы книгу не задерживали». Книгу еще через месяц обещают дать, а уже дают выговор за задерживание. Вот у нас как, Н[иколай] М[ихайлович], не то, что у Вас. Судя по всему, я январские книжки увижу не раньше декабря.

3 мая

Наконец я получил свои книги. Примусь за приготовление к печати своих заметок о каменном мешке. Боюсь, напечатают ли? Эти «Записки из мертвого дома» порядочно надоели, а притом мои рассказы выйдут более похожи на шарж. Исписал целую тетрадищу и жду с нетерпением дня, когда буду в состоянии отослать свои заметки Вам.

Гр. Потанин

32. Н. М. ЯДРИНЦЕВУ

21 мая 1872 г. Никольск

Великое спасибо С[ерафиму] С[ерафимовичу] за его новый подарок — «Историч[еские] вт[юды]», которые я недавно получил. Жаль, что, выражаясь по-солдатски, я не могу ему ничем «соответствовать».

Ваше письмо со стихами[1] также получил. За перечень газетных известий благодарю и впредь прошу сообщать их, ибо я слежу только по двум газетам — «Пр[авительственному] в[естнику]» и «С[ыну] о[течества]». Прислали мне несколько номеров «Нов[ого] вр[емени]» с тем, что если я начну сотрудничать, то будут высылать и впредь. Но я так засел за свои «Люты дни», что не имею времени что-нибудь писать другое. Советы, которые Вы даете Михайлову по поводу его оперы «Огородник», можете переслать ему прямо — он живет ныне вместе с Андр[еем] Павл[овичем] Нестеровым на Почтамтской.

Я завидую Вашему книжному богатству. Все, что Вы прочитали (как Кэри[2], Маркса[3]), и я бы хотел прочесть. Вопрос о колониальной политике для меня самый первый, и в нем я совершенный профан и брожу всегда не при свете европейской науки, а при свете масляной лампы, которая чадит в моем собственном мозгу. Вы меня должны просветить в этом предмете.

Не знаю, сделаю ли что-нибудь с инородческим вопросом. Очень, кажется, не хлебно. Я, однако ж, выписал Герланда[4] о вымирании рас. В «Zeitschrift für Ethnologie» я нашел беглую заметку, что будто дикари сев[еро]-западного берега [Соединенных штатов Северной] Америки, т. е Орегона, быстро усваивают европейскую культуру и вовсе не рассчитывают вымирать[5]. Подобные случаи «невымирающих дикарей» наиболее важны. Я бы желал, чтобы можно было написать статью: «Невымирающие дикари». Только где найти подробности об орегонцах? У Вайца приведено несколько американских Чокаков Валиханових, только жаль — коротко.

От Ан[дрея] П[авловича] и Катан[аева] получил письма. Нестеров едет опять в Петерб[ург], где пробудет до июня, а потом поедет в Иркутск на должность старш[его] адъютанта в окруж[ной] штаб. Он теперь в отставке. Его история: сначала он приобрел репутацию благонадежного человека у семипалат[инского] губ[ернатора] Полторацкого[6], который его даже назначил каркаралинск[им] мировым судьей, но вскоре его убрали с этого места по прикосновенности к одному делу. Он опять сделался праздным человеком. В это время он написал корреспонденцию о Жомини[7] в «Петербургских ведомостях». Эта корресп[онденция] так понравилась, что ему дали место в Благовещенске. Иркутск[ому] начальству он понравился, и когда он подал в отставку, его стали удерживать, но он рвался в Пинтер. Хотел тут устроиться, но не удалось.

О Тахтарове пишут: женился в Харькове и хочет разбогатеть посредств[ом] издательской деятельности. Адрес его: в Харьков, в библиотеку А. и С. Карп, Антонине Мартыновне Тахтаровой.

У Катанаева в руках 100 экземпляров «Летописи Андреева», изданной мною. Он составляет каталог статей о Востоке и уже собрал материал на 4 печатных листах.

Я получил письмо от барона Остен-Сакена[8], бывш[его] секретаря Геогр[афического] общ[ества]. Предлагает работу для Общества и обещает высылать книги. Об этом они

советовались с Семеиов[ым][9]. Я хочу вызваться писать статистич[еское] описание Сибири.

Получил «Отечествеиные записки» за 4 мес. благодаря хлопотам Гл[еба] Успенского.

О «Коршуиовцах»[10] еще не читал в «Деле», да и «Отечественные записки» лежат непрочитаиными. Все время захватили «Люты дни», коих оглавлеиие следующее: 1) «Гоият»; 2) «Первые сутки»; 3) «Адъютантша», 4) «Лотерея»; 5) «Клубисты»; 6) «Бвии-Изравль в остроге»; 7) «Милый человек»; 8) «На морском берегу»; 9) «Никола с травой, Митрий с мармеладцем»; 10) «Аул»; 11) «Последний день»; 12) «У. о. старого режима»; 13) «У окиа»; 14) «Доицы-молодцы»; 15) «Скрипкии бог»; 16) «Светлые дни».

Жаль, что Вы не придумали мне псевдонима. Теперь я сам должен измышлять и теряюсь в поисках.

Статья в «Азиатск[ом] вест[иике]» о депутатах есть искалечеиная статья, конечно, ие Демерта, а Нестерова.

Ц[ерафиму] С[ерафимовичу] дарю следующий анекдот для иллюминации какой-иибудь из будущих его статей о русских женщинах, анекдот, создаииый народом. Самодур-крестьяннн входит в избу и садится иа лавку. «Кто дому ключ?»— спрашивает он.— «Ты, Иван Иваиович! Ты, Иван Иваиович!»— суетятся кругом его снохи. «С терему верх!» Сиохи снимают шапку. «С бочки обруч!» Сиохи снимают пояс. «С дуба кору!» Снохи сиимают шубу. «В пять лык!» Снохи кланяются в ноги.

Для стихов сошью особую тетрадь. Это сделалось моей страстью. Осмеливаюсь в критику пуститься. Лучшее из [Ваших стихотворений] — это «К неизвестному другу». Другое — «О друг мой, помнишь ли»— тоже хорошо, из исключением двух неловких строчек, в которых вороная стала навеки гнедой вдали от света. Кроме того, зачем [у Вас] золото течет, а не лежит? Этак было бы правдивее. Я придаю большую цеиу стихотвореииям, а Вы их мало уважаете. Вы поторопились переработать в стихи предложенный мною мотив, а стихотворение вышло слабее других. Пусть оио полежит в Вашем портфеле, потом Вы исправьте его еще раза два, три, тогда, может быть, выйдет стихотвореиие, удобное для печатн. А мотив отличный, стоящий [чтобы его] разраббтать. Образность есть. В поэзин главиое образиость. С Вашей же стороиы требуется вдохновлениый язык. Я было хотел завербовать для этой целн Омулевского, ио ои исчез у меня совершеино из виду. Дальнейшне матерналы пришлю, но нужио для этого

порыться предварительно в тетрадках. Так киргизскую песню отделывайте хорошенько; до зарезу нужна. Хочу непременно ее напечатать.

Гр. Потанин

Вот втот куплет мне что-то не нравится:

Здесь номад с стадами праздно
Кочевал, довольный долей.
И мечтал, глядя на небо,
На траве душистой вволю[11].

Не так ясно, что [номад], более обеспеченный природой, имеет повод быть довольным [своей] долей.

33. Н. М. ЯДРИНЦЕВУ

4—10 июня 1872 г. Никольск

Получил два Ваших письма, и последнее из них все-таки не ответ на мое, которое, вероятно, теперь Вы уже получили. Из него Вы увидите, что «Отечественные записки» было излишне посылать; я имею уже и майскую книжку. Дарвина и другие прочитанные книги вышлю в скором времени.

Из Петерб[урга] давно не имею сведений, хотя послал туда деньги и множество писем. Зато получил [известия] из Москвы. Музыкант Михайлов сидит без денег, и потому Вы, может быть, получите от него неутешительное письмо разочарованного, но не смущайтесь — говорят, это с ним бывает часто при бездеятельности.

Из Москвы мне прислали образцы составляемого библиографического каталога[1]. Это не только перечень статей, но при каждом названии краткий реферат содержания, в котором сквозят и субъективные взгляды составителя. Это труд почтенный. Автор хочет просить для окончания его отсрочки своего отпуска, но я сомневаюсь в успехе, разве, побывав в Омске, он выпросит увольнение для этой цели. Просьбу свою он хочет направить через Омское ученое общество. Я уверен, что, прибыв в Омск, он оживит это общество — он мож[ет] быть его секретарем. Литературу, нужную для того, он всю прочитал, по крайней мере больше нашего, нарочно ездил в Питер и занимался в Публич[ной] библиотеке, и не пропустил таких специальных журналов, как «Горный журнал».

Подписчик на «Отечественные записки» не акцизный [чиновник] и не лесни[чий], а миров[ой] посредник.

Вас удивляет здеш[ний] город, но представление о нем, которое сложилось у Вас по моим письмам, может быть,

еще ие совсем справедливо; я сам хорошо ие знаю города и с учителями ие знакомился. Я еще никуда ие появлялся, впрочем, сделаю скоро вылазку.

Вы пишете о влияиии интеллигентиой депортации, особеино иапирая иа Шелгуиова[2]. То, что я узиал об втом здесь, мало говорит о благодетельиом его влияиии иа [здешиюю] среду.

Надеюсь, что Вы ие оставите меия без лакомого блюда: пришлете «Известия [Сибирского отдела] Геогр[афического] общества».

По поводу Турбииа[3] я буду ждать от Вас превкусной вещицы. Оправдайте иас перед обществом, [которое] иолагает, будто мы зачитываемся Ипполитом Завалишиным.

Меия удивляет, что «Отечествеиные записки» прииняли сторону Клауса[4] (см. речь Васильчикова[5]). У вас в Шеикурске как об втом думают? Клаус указывает иа потомков Сусаиииа[6] и говорит, что они пользовались более обширными привилегиями, чем [меиионитские] колонии[7] [в России], а забыл три условия: 1) Сусаиины ие были изъяты из общ[его] управлення империи; 2) они ие пользовались ииоткуда пособиями, как [меиионитские] колонии от своих европейских метрополий; 3) иа иих ие было обращено такого виимания высшего правительства, которое в течеиие ста лет само вырабатывало для меиионитов коистнтуцию. А коиечно, протекционизм к [меиионитским] колониям ощущался и ие в одиом составлеиии коиститу-ции. Клаус восхищается разрешеиием вопроса об Anwohner'ах и Einwohner'ах[8]; я ие читал его «Наши колонии», но это счастливое разрешеиие совершено чуть ли ие по иастояиию [иашего] правительства и вопреки даже желаиию хозяев, которые хотели было закрепить порядок иеравиомериого распределеиия земли. Если так, то правительству это было легко создать с горстью меиионитов.

Но представьте всю Россию разделеииою иа хозяев, анвонеров и ейивоиеров — хватит ли у правительства сил выступить против миллиоиов хозяев, в руках которых будут земли, капиталы и интеллигеиция.

Клаус описывает, как образуется балаис в голосах и как аивоиеры регулируют соотн[ошеиие] [голосов]; я сиачала был ослеплеи этой красивой картиной, но обращаюсь вспять и читаю: «Итак, *закон* (сам Клаус подчеркиул вто слово) постаиовляет: взрослые работиики, ие владеющие ии усадебиою оседлостью, ии полевым иаделом, но платящие подушиый иалог (т. е. безземельиые), посылают иа сход по одиому выборному от каждых 10 человек сих

работников». Таким образ[ом], мы получим 1612 хозяев против 1613 Anwohner'ов и Einwohner'ов. Машина ловко придумана; но только вто машина, а не организм, потому что она нуждается в приводе. Привод — это закон. Не так ли, Н[иколай] М[ихайлович]? Ведь втот хитрый порядок, вынуждающий хозяев покупать для Einwohner'ов новые земли, чем гарантирован? Законом, который гарантирует высшее правительство своей силой. А будь сила в руках Wirth'ов, разве они бы поцеремонились подобный закон уничтожить? А ведь меннонитский порядок в России — не значит ли вручить хозяевам силу, которой у них теперь нет? И не есть ли Клаус — Wirth, который придумал ловко провести нас, чтоб в конце концов доставить торжество молочанским Wirth'ам, придумав создать им могущественную партию русских хозяев? Или такое недоразумение со стороны «О[течественных] з[аписок]»[9], или еще большее недоразумение с моей стороны? Разъясните?

Ровинский[10] действительно, кажется, мой петербургский знакомый. Имение одного слависта с подобным имением я знавал и даже был у него. Если это тот, то он напишет [описание] путешествия лучше Шелгунова и других. Очень рад, что начинают ездить путешественники для изучения не обычаев инородцев или геолог[ических] формаций, а экономического быта населения. Что он там говорит о моем мнении о неустановившемся хозяйстве в Сибири? Судя по Вашей фразе, выходит, что он оппонирует мне по поводу сибирской общины; если б я сам ее наблюдал, я, м[ожет] б[ыть], пришел бы к тому же мнению; даже живя вдали от человеч[еского] общества во время своей жизни в Свеаборге, я все-таки пришел к идее, подходящей, кажется, к мнению Ровинского. Именно, мне кажется, что период, прожитый Сибирью до настоящего времени, есть период индивидуализма. Леса давали большой простор для индивидуальной жизни; жизнь зверолова не есть социальная; какой-нибудь устюжанин, живущий на р. Лосихе целые десятки лет, был человеком, совершенно освободившимся от уз общины. В то время как Яицкая община все более и более кристаллизовалась, вообще все мелкие общины в России также, в Сибири община снова растворилась. Такое растворение или распадение прежде, может быть, и в [Европейской] России бывало часто; но, распавшись, они снова кристаллизовались. Посредником при этом не была ли артель? Мы теперь видим, как в России люди, оторвавшиеся от общины временно, организуются в артели, которая представляет

нечто среднее между общиной и семьей. Иногда, может быть, артель, усевшись оседло, превращается в общину: так, например, Сермакская рыболовная община[11], состоящ[ая] из 90 деревень, заинмающ[аяся] теперь земледелием, м[ожет] б[ыть], была вначале рыболовной артелью; м[ожет] б[ыть], Троицкая община, владетельница Брусяной горы[12], была также артелью камеиоломов.

Это социальное явление напоминает перемеиные геиерации медуз: оседлая форма почкует странствующие, страиствующие родят оседлых. Сам Яик мне кажется разбойничьей артелью, обратившейся в общину. И, иакоиец, Новгород [Велнкий] ие был ли разбойиической артелью? Ушкуйничество ие есть ли остаток стариииых артельиых, дообщиииых иравов? Иначе как объяснить такую огромиую общиниую территорию? Только города разбойничьи, как Яицк, Рим, привыкают рассматривать райоиы своих грабежей как собств[еииое] владение. Земледельч[еская] община ограиичивается полем и выгоном для скота.

Каким образом община возрождается в Снбири? Артель звероловческая слишком мала (3 или 4 чел.) да и ие так всеобща (миого было одиноких охотников), чтобы община зародилась из иее. Приесли ли ее виовь иовоселы или первые опытовщики? Но и теперь еще общиие сибирской далеко до окоичательного сложеиия. Действит[ельио], есть обычаи — кто выехал первый в поле с сохой, тот и пашет эту землю; а в других местах? Так, отец иашего Аидр[ея] Павл[овича] захватил сто десятии, а кто стаиет в середиие между его полосами пахать, того ои гоиит словами: разве мала степь? Не индивидуалист ли это? Разве ои подчииняетсв приговору общииы? Здесь, в [Европейской] России, община следит друг за другом, чтобы каждая свою землю тщательио уиавоживала. В Сибири хозяии ие стесиеи коитролем общииы. В этом Ровиискнй дейст[ительио] прав, говоря, что там иет ассоциацни сил. Но почему постройка заимок ие есть стремлеиие к собствеииости? Я бы желал поподробиее выслушать его.

Кажется, было бы справедливо такое выражеиие: в Сибири должна сложиться община благодаря тому, что земля осталась свободиою, иезакрепощеииою ии за собствеиниками, ии за государством. Тут важиая разница между сибирск[ой] колоиизацией и американской. Там (в Сев[ериой] Ам[ерике]) земля была объявлена или собствеииостью папы или государства; в Сибири же этого ие было. Народ колоиизовал [страиу] на доисторический маиер. Вероятио,

так же поступали и первые колонисты Новгородской земли, первые колонисты Рима, Германии, Европы. От чего у нас[13] выгон окружает непосредственно деревню, а поле — за выгоном, т. е. наоборот, чем вто в России? Это было когда-то и в Европе; не от того ли, что первые колонисты Европы были скотоводами, вроде нынешних киргизов, т. е. с подчиненным земледелием. Напротив, сибирские колонисты были земледельцами по преимуществу с подчиненным скотоводством.

Я Вам обещал[14] послать остроумную параллель, которую делает Galiani между чисто земледельческой страной и игроком. Вот она: «Dialogues sur le commerce des blés»: «Qui ne sait l'histoire du joueur, son caractere âpre et généreux, ses transes morbides et ses défaux et ses folies, son luxe mêlé d'indigence, ses superstitions, sa ruine presque inevitable? Eh bien, cette hustoire c'est celle d'un peuple exclusivement agricole. Voyez ce laboureur: il jette des rouleaux de louis sur une vaste table de pharaon, que est la terre; mais ce sont les elements qui tiennent la banque. L'inconnu est donc le dieu qu'un peuple agricole invoque toujours. Ballotte sans cesse entre la crainte et l'esperance, un peuple agricole est continuellement expose à voir le sort de jouer ses calcules; il croit aux malefices; il est superstitieux. D'un autre côté, mâle, endurci en travail, et naturellement fier, il ne redoute point les combats: il est belliqueux. Mais la guerre est le luxe des nations: c'est par là qu'elles se ruinnent quand elles n'ont pas assez de manufacture pour parer un surplus de depenses que la guerre entraine. On aliene à vil prix, on emprunte à gros intérêt: c'est l'epoque de joueur endette. CheZ un peuple agricole, les grands se laissent aller volontiers à apprimer les faibles, et il arrive un jour ou la multitude en désespoir appelle a son secours le despotisme d'un seul; le joueur est en prison; c'est la monarchie»*.

Потании

---

* «Кто не знает истории игрока, его характера, жадного к наживе и одновременно щедрого, его болезненных страхов, его ошибок и безумств, его роскоши, смешанной с нищетой, его суеверия, его разорения почти неминуемого? Ну что же, это история исключительно земледельческого народа. Посмотрите на этого земледельца: он бросает горсть луидоров на большой игорный стол, что есть земля, но этим самым он держит банк Неизвестный — вто бог, которого земледельческий народ постоянно призывает. Без конца колеблющийся между страхом и надеждой, земледельческий народ постоянно подвергается судьбе игрока: он верит в темные силы, он суеверен; с другой стороны, он мужествен, закален трудом и, есте-

34. Н. М. ЯДРИНЦЕВУ

[Июль 1872 г. Никольск]

Письмо Ваше (от 18 июня 1872) я получил. Статьей Вашей[1], разумеется, доволен. Она — новое для меня открытие. Жалею вместе с Вами, что эти «америки» приходится Вам открывать только из вторых рук, из общих сочинений и компиляций. Если бы я заправился в финансов[ом] отношении, я бы предложил Вам затрату на транспорт из Мельбурна и Квебека разделить вдвоем. К сожалению, до сих пор я все еще вишу в воздухе. Послал в Петербург 10 р. на книги — ответа два месяца нет; послал туда свои «Люты дни» — тоже с месяц нет ответа. А между тем оборотный капитал чахнет.

Ваши взгляды на свободную торговлю вполне разделяю; советую полнее провести параллель между тарифом и отсутств[ием] путей сообщ[ения] или между свободн[ой] торговлей и железной дорогой и вопрос о последней поставить менее отвлеченно, а локальнее. Отвлечению мало ли что есть хорошего; идея Парагвая[2] ведь вещь очень хорошая, а на практике никуда не годится. Если представить весь мир достигшим идеального состояния, все страны равно образованными, развитыми и богатыми, тогда железн[ые] дороги не только величайшее благодеяние для всех вообще, но и для каждой страны в отдельности также. Но иначе будет дело, если страны неодинаково развиты в мануфактурном отношении. Вот Вам еще цитата из Луи Блана. Предположим, что народы вдруг примирились. Вечный мир обещан человечеству; всякая вражда погашена и замерла; соперничество потухло; война стала невозможною навсегда. Народы образуют только одно огромное семейство, предназначенное делить между собой плоды земли; и этот дележ, возвышающий уровень общест[венного] благосостояния, сам обеспечивает согласие между народами — результат, в свою очередь обращающийся в причину. В этой широкой картине, которую привыкли называть грезами, проблема, так беспокоящая нас,

---

ственно, горд, он не боится борьбы, он воинствен. Но война — это роскошь для народов. Через нее они разоряются, когда у них не хватает мануфактурных товаров, чтобы оплатить излишние расходы, вызываемые войной. Тогда продают свое имущество по низкой цене, занимают за большие проценты — это судьба игрока, обремененного долгами. У земледельческого народа богатые землевладельцы охотно подавляют бедных, и наступает наконец день, когда народные массы из чувства отчаяния подчиняются деспотизму одного лица; игрок в тюрьме; это — монархия».

находит, разумеется, свое разрешение. Когда тропическое солнце производит на Антильских островах сахарный тростник, зачем европейцам мучиться добывать такими дорогими средствами сахар, который содержится в их овощах? Не существует ли для кажд[ого] земного произведения своя избранная страна? Кофе, благородный виноград, чай, ваниль — не имеют ли каждое свое отечество? И зачем после того с трудом создавать искусственный климат для продуктов, которые по ту сторону таможенной линии благоприятная температура доставляет самосевом или в лучш[ем] качестве? Итак, свободная торговля есть одно из благодеяний идеи братства (un des bienfaits du système de Fraternité)!

«Но дайте ход конкуренции, и вопрос сейчас изменит свою физиономию. Потому что для всякого разумного правителя, президента республики или министра неограничен[ной] монархии, Кромвеля или Кольбера, предстоит необходимость, долг покровительствовать народу, которым он управляет, в борьбе, где слабый непременно погибает. Война требует окопов; запрещение (prohibition) — это окопы, шанцы, потому что конкуренция есть не что иное, как война. Экономисты не видят, что они предают проклятию результат, благословляя в то же время причину на том основании, что свободная торговля есть принцип братства — да только в приложении к целому миру». Что Л[уи] Бл[ан] говорит о своб[одной] тор[говле], можно сказать и о железн[ой] дороге. Ж[елезная] дор[ога] в стране, во-первых, уж находящейся под внешним мануф[актурным] гнетом, во-вторых, не имеющей администр[ативных] местных органов для защиты, в-третьих, обреченной на штрафн[ую] колон[изацию], которая наносит стране громадный вред, роняя цену рабочей платы, железн[ая] дор[ога] не мож[ет] принести ничего, кроме разорения. Все выгоды, которые выкапыв[ают] отвлечен[ные] мыслители, рассеиваются; мыслитель говорит: ж[елезная] д[орога] ввозит машины — но маш[ины] служ[ат] к эксплуат[ации] и к скопл[ению] капит[ала] в одн[их] руках; ввоз чужеземцев — но всякая колонизация вносит в страну брак, отбросы общества, «навоз»; вносит капитал — но не для того, чтобы он тут остался, а чтобы мог быть вывезен назад удесятеренный*; вывозит туземцев — только усиливает абсентизм. Только

---

* Скажут, а туземцу все-таки перепадает что-нибудь; мож[ет] быть! Но капиталист вывезет из страны вдесятеро. А что вывезено из страны, то украдено у потомства

в одн[ом] случае я вижу ее пользу — имеино, где мануфактура начинается на старых предприним[ательских] началах; а если бы можно было надеяться, что эта страна по истечен[ии] некот[орого] времени могла бы приступить к сооруж[ению] фабрик на акционерных началах, тогда ж[елезная] д[орога], разрушив зародыш мануфактуры и отдаляя на некот[орое] время ее вторичн[ое] пришествие, принесла бы действительную пользу, расчистив поле для основания мануф[актурных] ассоциаций.

То, что я говорю здесь, не совсем относится к Вашей статье, но полезно разобрать и побочные идеи, а потому я пускаюсь в дальнейшие разглагольствования по поводу тарифов. Мне доставляет истинное удовольствие известие, что Вы хотите изобличить двухцветность наших протекционистов, у которых протекционен только один бок, а другой фридредерен (хотя бы у того же Колюпанова[3], который в одно и то же время вкстрапротекционист и интрафридредер). Да они и по отношению к ассоциац[ионному] вопросу едва ли не с одного только бока помазаны. По моему мнению, Колюпан[ов] все-таки должен допустить обратные тарифы. Это было бы с его стороны логично! Но смелое развитие идеи идет далеко — оно требует протекции для деревни, для фирмы! Ну а тут мы дошли до абсурда. Как окружить таможенной линией фирму! Здесь, кажется, мы одинаково с Вами думаем. Вот где la grande question trouve la solution[4], выражаясь торжественно. В ассоциац[ионном] движении, как в море ключи, находят свой конец все социальные вопросы: и рабочий, и женский, и педагогический*, и штрафной, и колониальный. Как солнце есть источник всей жизни на Земле, как огонь есть источник всей человеческой культуры, так эта новая идея есть солнце и огонь новой цивилизации. Сен-Симон[7] — это Прометей будущего. Он похитил огонь у кровожадного божества, именуемого «экономической анархией». И я, временно превращаясь в огнепоклонника, вместе с псалмопевцем «Ригведы»[8] (незвышенные молитвы которого, к сожалению, неоткуда теперь цитировать)

*Я читал в извлечении статью Мечникова о воспитании в «В[естнике] Евр[опы]»[5]. С [его] данными согласен, но вывод, который сделан «Делом»[6], так же нелеп, как тот социальный вывод, который делают из дарвинизма. По мнению «Дела», педагогическая система должна уединить детей от отцов, влияние которых вредно. А по моему мнению, культурное значение детей настолько важно, что устранение их влияния на отцов (которое, по моему мнению, несомненно, огромно) отразится губительными последствиями. Мы видим результаты отсутствия детей в обществе взрослых в тюрьмах.

восклицаю перед горящей сальной свечкой: о Васиштха! о царь! о Варуна! о божественный огонь! и проч.*.

Если Вы представите 4 миллиона составляющими коалицию ассоциаций, тогда что такое их взаимные договоры, как не видоизменение протекционизм? Но если под тарифом разуметь увесистый том, государственное учреждение, тогда вопрос изменяет свою физиономию. Он походит на самодура, бросающего золото в толпу,— золото не будет распределяться поровну, а достанется некоторым, которым ловчее его ловить. Один тариф для целой страны — вред. И чем обширнее страна, тем вред больше. Представьте сначала общину в 80 тыс. жителей, ограждению таможней,— тут, пожалуй, еще благо тарифа распределится равномерно. Но представьте затем страну в 4 млн., в 80 млн., в 200 млн., в 1800 млн., т. е. целую планету. Что вышло? Свободная торговля со всеми ее дурными последствиями, т. е. с зависимостью культуры и обмена от того неравномерного распределения благоприятных условий для прогресса, которые существуют в природе (отсутствие морского пути, изолированность степями и горами, слишком холодный или жаркий климат и пр.). Представьте страну в 80 млн. с общим тарифом: найдется одна часть, которая превратится в «бойкое место», в промышл[енный] центр, а остальное пространство останется «медвежьим углом» и обратится в рынок сырья. Чем протекционнее будет при этом тариф, тем энергичнее будет индустриальный полет фабричного оазиса, кот[орый], м[ожет] б[ыть], будет составлять 1/10 принятого нами населения (не потому ли так энергичен был прогресс древних цивилизаций — ассирийской, египетской и греческой в сравнении с новейшей?)**. Представьте страну в 4 млн. ж[ителей]; учредите для нее покровит[ельственный] тариф, и в ней найдется место, которое одно только и разовьет мануфактуру в ущерб другим частям, и сделается фабричным садом посреди степей сырья. Что это за места, какие в них заключаются предпосылки? Относит[ельно] Англии — это, кажется, ее центральное полож[ение] в мире. Вообще дороги тут, кажется, главное. Замечательно, что тариф всегда вредит больше ближайшим окрестностям (напр., в Англии хуже всех Ирландии, потом колониям, потом остальной вселенной). Разумеется,

---

* Я имею одну из молитв Ригведы к огню, и она так хороша, что непременно пришлю ее Вам в переводе с немецкого.

** Чем страна обширнее, тем Колюпанову менее приличия быть интрафридредером.

Англия подиялась ие одиими тарифами. А чем еще? Рассмотрите эти побочные вспомогат[ельные] средства, и окажется, зероятио, что по своей иатуре оии суррогаты тарифа. Теперь же, когда оиа стала госпожой мира, к чему ей свой тариф — лишние издержки иа стражу, пот[ому], что капитал сам в себе имеет власть; покровит[ельствеи-иого] тарифа иет, а течеиие дел показывает, как будто в Англии существует самый протекциоиией тариф. Такова власть и всемогущество капитала, иакоиец утвердившего свое безграиичиое господство.

Представьте всю Европу даже до Чукотского иоса под властью аглийского короля — будто зто было так лет 200 иазад — и я увереи (пусть даже иа престоле Англии царствует дииастия «Благословеииых» или ряд каких-иибудь Марков Аврелиев) — вся Европа была бы пустыней сырья, Франции и Германии было бы хуже, чем какому-иибудь Мозамбику (когда гоият толпу, «задиему хуже всех», говорит русская поговорка — так и в толпе перед экоиомическим гоиителем), и скорее маиуфактура возиикла бы иа Чукотском иосе, чем в Москве. Ну а теперь европейские товарищи, благодаря своим Кольберам[9], сами коекак выкарабкались иа высоту Англии, и потому иеразумно им между собой разгораживаться тарифами. Открыт огромный рыиок, гарнизоны в Цеитральиой Азии, проиикиовеиие европейцев в Цеитр[альиую] Африку, повсеместио распростраияющееся умиротвореиие и размиожеиие иаселеиия в девствеииых страиах — все зто предъявляет громадиый запрос, удовлетворить который, при всей иителлектуальиой силе, одиа Англия ие в силах — коммерческое движеиие силой втягивает всю Европу и даже Россию. Я увереи, что откажись Колюпаиов от своего барабаиа протекциоииого, разумеется, малеиькие баикротства и падеиия были бы иа первый раз, ио общий поток так хочет широко разлиться, что малеиькое иесчастье оказалось бы преходящим. Но другое дело ныиешиим рыикам сырья, страиам подмылья и рухляди маиуфактурюй, тщеславие которых удовлетворяется одиноким заведеиием, делающим 3 палочки сургуча в год.

Вот как я разболтался! Я бы хотел сам пискиуть по этому поводу, ио надо бы несколько кииг иметь для этого — имеиио Гельвальда[10] и одиу в том же роде аиглийскую брошюру.

Что Вы сделались в коице коицов пьер-жакистом[11] в пику Луи Блаиу — этому я рукоплещу. Последиий ужасный цеитралист, и при обработке вопроса Вам следует

непременно иметь это в виду. Для Франции несчастию сложились условия, что пьер-жаковские идеи находят в ней сочувствие только в старых партиях; в 1849 г. пьержакизм проводило областное дворяйство; иные также адресы в пьер-жаковском духе подавало областное невежество. Но не следует смешивать идеи Пьера Жака с задними мыслями этих адресантов. Пьер Жак мне кажется проницательным, и в этом деле, как всегда, его унисон с чернью попадет в цель; он, как Антей, прикасаясь к черноземy, всегда получает прибыль в силе.

Луи Блан проводит контраст между двумя философиями — Вольтера и Руссо. Всю блестящую литературу XVIII в. с Тюрго, физиократами, Смитом и пр.[12] он представляет как школу Вольтера; Руссо одинок. Все движение XVIII в., по мнению Луи Блана, было вольтерианским; только в конце переворота выступают руссисты, и неудачно. Все, что добыто человечеством величественного, все поразительное в нашей жизни, до чего мы дошли и чем владеем, все это в духе Вольтера, а не Руссо. И мне кажется, что его собственный патриотизм, оскорбляющийся перед адресами областного дворянства XVIII в., тоже более в духе первого, чем второго философа. Далее — это уж читатель сам принужден прикатиться к такому выводу, поставленный автором на наклонную плоскость,— Америка есть учреждение вольтерианское, а не руссистское. Форм руссистских, практически осуществленных, нигде нет. Вы пишете о трех вновь заложенных фундаментах: Канада, Кап и Австралия. Канада — это лакомый кусок; я давно в него прицелился, только, к сожалению, за неимением винтовки и пороха, указательным пальцем. Прочитал несколько путешествий и, познакомившись с постановкой там полит[ических] и экоиом[ических] вопросов, из которых первый разум[но] выдвинут далеко вперед (если только второй не отсутствует вовсе), я хотел бы примазать к этому обозрению философию Луи Блана.

Но руссизм не умер — Пьер Жак, может быть, Лассаль[13] и, вероятно, Карл Маркс*— все вто руссисты[14]. Найдется, вероятно, и колония, которая начнет свою жизнь экоиом[ическим] вопросом! А в американской истории, по-видимому, легче, чем где-либо, разрешиться вопросу о рабочих, но здесь это может совершиться не иначе, как путем революций, более кровавых, чем освобожд[ение] негров. Отцы республики положили гадкую закваску в свою квашню — вольтерьянизм. Разумеется, их винить

* За обещание [книги] последнего чувствительнейше благодарю!

нельзя. Не без основания так не любил эту страну Пьер Жак. Даже жаль, что южане составляют такую гнусную партию, что им нельзя сочувствовать. Пьеру Жаку и здесь не везет — за него и здесь рабовладельцы.

Прочел в «О[течественных] з[аписках]» о Вудхол[15]— это, они говорят, гений. Не вижу ничего гениального в том, что она сумела воспользоваться тем, что некогда законодатель сротозейничал.

Навалихин в «Совр[еменном] Карф[агене]»[16] ругает Англию за буржуазное воспитание, а все-таки, каково бы оно ни было, оно дало ей Байрона. В Америке Байрон немыслим вследствие еще более крайне исключительного воспит[ания] в буржуази[ом] духе.

Теперь период, когда интеллектуальные силы в руках буржуазии; если мы замечаем движение антипьержаковское в Швейцарии, во Франции, Америке, то это только показывает, что влияние буржуазии пока возрастает.

Катан[аев] составл[яет] каталог[17], я посоветовал ему написать к этой библиографии руководящую статью, в которой было бы изложено, в чем состоят пробелы существ[ующей] литературы, почему есть литература о стране, но нет литературы страны, почему не развита беллетристика и вообще искусство, а также журналистика, отсутствие интеллигенции — вина в этом общинного и серозипунного быта, вообще препятствие для развития провинциальной журналистики. Я обещал помочь ему и мыслями, и фактами. Так[им] обр[азом], каталог будет иметь характер руководящий, а не просто явится сухой книгой. Надеюсь, что и Вы поможете в этом деле, т. е. сообщите материалы и идеи для более подробной руководящей статьи. Кроме того, составьте списочек статей С[ерафима] С[ерафимови]ча, Ушарова («Байкал»[18] в «М[орском] сб[орнике]») и Ваших («Тюлень», «Невысокий полет»[19] в «Искре» и другие мелочи, которые незнакомый составитель каталога пропустить может). В «Искре» были, кажется, напеч[атаны] стихи из Иркутска (спросите С[ерафима] С[ерафимови]ча).

Попов[20], составитель кат[алога] в Ирк[утске], не наш ли знакомый?

Вспомнил Ваше обещание прислать Вашу повесть[21] (да разве ее нельзя напечатать в друг[ом] журнале?) и написать о свидании с Сидоровым[22].

Имеете ли Вы [описание] путеш[ествия] Русселе?[23]

Что это за соч[инение]: «Амур, В[осточная] Сибирь, Зап[адная] Сибирь и Урал»[24], ц. 450 р. с[еребром]?

«Коршуновцев» наконец прочитал; пока легонькая статейка. Желал бы, чтобы это не был неудачный дебют.

Из Харькова получил только свод, сделанный мною для статьи о томских «инородцах»[25]; но о некоторых волостях нужно добавить по «Материал[ам] для истории Сибири» (если имеете экземпляр, пришлите во временное пользование, по миновании надобности возвращу), по Миллеру[26] и Фишеру[27]. Последних где достать? А пуще всего надо бы просмотреть листы сорокалистной карты Зап[адной Сиб[ири] за Бариаульск[им] уезд[ом], а то одна волость Кумыш-Орская[28] неизвестно где должна быть помещена на моей сборной карте. Статей Радлова в «Архиве» Эрмана[29] нет под рукой. Наконец, в Ремезовск[ом] атласе, хранящемся в Московск[ом] Румянцевск[ом] музее, есть один лист, посвящ[енный] распределению инородцев по Сибири. Надо скопировать. Буду просить Геогр[афическое] общ[ество] о средствах для издания при моей статье одного листа.

Катан[аев] хочет хлопотать у Хрущева[30] об издании целого атласа.

Где остальные мои выписки из архива, ни К[атанаев], ни П[ахтаров] не пишут. А я бы хотел сначала написать по ним статью «О падении Джунгарии» и потом издать самые выписки у Бодянского полностью.

Только, мне кажется, что, написав кое-что для Общества, я могу начать хлопоты о географин собственного местожительства.

Вы пишете о канале между Енисеем и Чулымом[31] и что дело за миллионами. Отчего ж бы не пожертвовать и миллионы? Этот канал и расчистка Ангарских порогов, наконец, ж[елезная] дорога от Томска до Красноярска — вот что желательно вместо ж[елезной] д[ороги] в Тюмень. Отчего, наконец, не построить железной дороги от Чулыма до Енисея?

Бухарца у меня, вероятно, найдется о чем спросить, но на первый раз узнайте только эту глупость: откуда к ним в Бухару идет каури, т. е. раковина (Cipraea moneta), которую употребляют в тихоокеанских [странах] вместо денег, а у киргиз[ов] — для украшения рубах и головных уборов под названием, кажется, джилан-бас (змеиная головка)?[32] В следующий раз приготовлю ряд вопросов. Посылаю привет.

Жду присылки «Известий» Снб[ирского] [отдела] Геогр[афического] общ[ества], да не можете ли достать мне «Степь» Красовского?[33] Не будете ли писать рецензию

по поводу иовой книги о Спераиском?[34] Не худо бы. Ваше миеиие, что его душевиое расположеиие было испорчено чувством ссыльиого, справедливо. Я отлично испытал чувство чалдоиа, проходя по живописиой южной Финляидии. Только очерк, в котором описал сие, остался ие послаииым в Питер.

Да что же, будет ли адвокатская речь протнв Турбиниа? Будете ли нметь Спераиского — если да, то пришлите прочесть. Вторую серию стихов прошу иепремеиио выслать. Да киргизскую песню сиова прислать. Месяц даю пождаиья, а потом иепремеиио потребую.

О Пудовкине[35] ие слыхал, а от Тахтар[ова] получнл иаконец письмо. Кат[аиаев] что-то им всегда иедоволен, называет чем-то вроде Паиглоса[36], а я так думаю, ие порадоваться ли этому. А то ведь прежде Андр[ей] Ал[ександрович] производил весьма грустное впечатлеиие сетованиями о собствеиием иесовершеистве и лишием присутствии в мире — та же болезиь, которою страдал Н. И. Наумов. Сам Тахт[аров] пишет, что заииматься исторней раздумал, но что изучает фииаисов[ое] право, баики, политич[ескую] экономию и кооперацию. Буду ему отвечать и пошлю поклон от Вас. Впрочем, ои пишет, что Вам от себя посылает письмо. Жалуется, что по 12 ч. работает в деиь для хлеба, а иекогда писать; ио что пописывает изредка пустячки в газетах.

Вы упоминаете в своей статье о сатире Фраиклииа — против депортации, что ли? Если да, то, сколько помию, по Неймаиу[37], вто ие Фраиклииовская вещь, а Пеиа[38].

Читали ли Вы пророков? Отличио-с! Исвйя, Иеремия и Иезекииль отиосятся друг к другу, как Эсхил, Софокл и Еврипнд. Первый более объективеи и спокоен; но последиий ие жалеет красок и выражеиий, и Иерусалим ие иначе иазывает, как «проституткой в объятиях Егнпта»*.

Привожу Вам отрывки.

Исайя: на ваших полях будут бедунны подкарауливать караваиы, иа ваших виноградииках, где вы ныли от первой любви,— встречаться орлы и вороны, иа ваших ложах, где вы делили любовь, совы совьют себе гиезда; песок и ветер осилят плодотвориую силу земли.

Иеремия: ты меня соблазиил, Иегова, ты меня осилил (подсидел, хочет сказать пророк), и я стал посмеши-

---

*Надушняться ими время от времеии здорово. Щедрин по сравнению с Иезекинлем ребенок беззубый.

щем; все смеются надо мною. Слово бога стало для меня позором и поношением. Я решаюсь: не буду так думать и так проповедовать вперед от имени бога. Но в моем сердце пылающий огонь, который я ни переносить, ни сдержать не в состоянии (втрющился!).

Давид: меч моих врагов в моих костях, я стал их посмешищем, и они говорят мне: где твой бог?

Из этих двух последних открывков можно написать хорошее стихотворение, локализировав идею.

Потанин

N. B. Знаете ли, откуда Гейне взял: «Брось свои иносказанья»? У пророка Аввакума.

Получили ли посланные книги и одновременно с ними отправленное письмо? Книги: сочинение Дарвина, «В[естник] Европы», три книжки «О[течественных] з[апи]сок».

У Вас есть, кажется, сочинение Шперка о «Киренск[ом] округе в санитарн[ом] отнош[ении]»[39].

35. Н. М. ЯДРИНЦЕВУ

10 июля 1872 г. Никольск

Спасибо за передачу права на рецензию «Изв[естий] Снб[ирского] отд[ела] [Географического общества]». Постараюсь удовлетворить Ваше желание, заявленное в Вашем письме[1]. Мож[ет] б[ыть], пришью тут и «Барабу»[2]; отдельно же ее не стоило разбирать.

Мне суждено разгадывать загадки, которые жизнь делает Вам. Я, кажется, открыл благодетеля, которому Вы обязаны «Известиями». Ев[гений] Я[ковлевич] Колосов пишет мне, что Черский[3] состоит консерватором музея и библиотекарем Геогр[афического] общ[ества] в Иркутске, занимается усердно остеологией и из него вырабатывается серьезный ученый.

«Внутр[еннее] обозр[ение]» последней книжки, кажется, составлено в Шенкурске[4]. Это был для меня праздник. Кажется, только при передаче некоторых фактов не освещены некоторые важные стороны, например в деле о сечении девушки в Нерчинском зав[оде]. Этот захват краской неравноправности равноправного гражданина (сеченная кнутом была ведь избавлена от телесного наказания)— материал для специалиста по штрафной колонизации. Вы осветили надлежащим светом томские «ноябрьские дни»[5],

но, помнится, Вы ни разу в своих статьях не указывали на зло штр[афной] кол[ониза]ции, состоящее в креатизации Лоскутовых, Любимовых, нерчинск[их] смотр[ителей] Демидовых. Мне как-то Б.,[6] саксонский вице-презид[ент], так характеризовал Озерского: этот человек 20 лет был инспектором классов в гор. Иркутске и на весь мир смотрит, как на кадетов. То же самое и с Лоскутовыми — они на весь мир смотрят, как на каринцев или, по крайней мере, как на фильтикультяпных героев.

Надеюсь полакомиться всласть жарким из Турбина — это жаркое Вы непременно должны изготовить, ибо Ваша статья, напечатанная в последней книжке «Дела», для моего желудка есть ингредиент индифферентный, как вкусный, но непитательный обабок[7], в сметане зажаренный.

Во «Всемирн[ом] путешественнике» я читал о путеш[ествии] Валласа [Уоллеса][8] в Малайск[ий] архип[елаг]: он больно расхваливает опеку на Яве. Сомнительно, но следует обратить внимание. Ив его же слов можно догадываться, что сам он находится под сильным впечатлением какой-то английской книги Монея «Как управлять колонией», которая специально посвящена описанию голландской колониальной политики на Яве.

От Андр[ея] Павл[овича] получил известие — сидит без денег в Питере, пот[ому] что нет еще из Иркутска представления в министерство о принятии его на службу; думает, что с приездом Синельникова[9] в Питер решится его судьба.

Он пишет, что Федор и Григорий[10] Усовы получили дозволение возвратиться на родину, и первый с возвращением чинов и орденов. Андр[ей] Павл[ович] уже видел его в Питере — изменился, пишет, к худшему. «Узнать нельзя», выражается Андр[ей] П[авлович]. Хлопотал о них Хрущев.

Мои «Люты дни» получены в Питере, но не отнесены еще в редакцию.

Геогр[афическое] общ[ество], кажется, поручит мне писать: «Северную окраину Китая», а не статистику Сибири. Да это и к лучшему, ибо мне не под силу написать «Гагемейстера 1872-го года»[11], подобный труд можно бы ожидать от Семенова; доброкачественный же суррогат Ипп[олита] Завалишина, куда вошли бы все вопросы, свеже разработанные нашей крошечной интеллигенцией,— это опять сочинение не в характере Географ[ического] общ[ества]. И если б сие последнее поручило мне стат[истику] Сибири, то я должен бы был живой рассказ пожерт-

вовать географической суши. Итак статистика откладывается, откладывается до более благоприятного времени.

Вы спрашиваете о Калачове[12]. Кроме хорошего, о нем ничего не слыхал. Я, впрочем, лично его не знаю; проходя Питер, искал его, но не нашел; но, судя по слухам, он и новый наш библиограф[13] (они ровесники) угрожают нам тем, что упразднят нас за старостью лет. Какую он специальность избрал из общечеловеч[еских] знаний, я не знаю, а желал бы и сам узнать. Спросите у Андр[ея] П[авловича]— есть еще время. Адрес Нестерова, который живет теперь вместе с Битлиндом, секретарем «Дела»,— по Мойке, против реформаторской церкви, дом № 82, кв. № 24, а еще лучше в книжный магазин для иногородних, на Невск[ом] просп[екте], № 36, против Думы, Николаю Егоров[ичу] Битлинду, для перед[ачи] Андр[ею] П[авловичу] Н[естерову].

Сообщите свои заметки об общине, мне очень нужно. Насчет того, что община устарела и разлагается (если только я не искажаю Ваше мнение), я другого мнения; общине действительно угрожает дезорганизация, но причины этого вне общины, а не внутри. Мне кажется, что община не только на Востоке, но даже и здесь находится в прогрессирующем состоянии; она усложняется, сплачивается и развивается по мере уменьшения земель; тут нет противоречия: община терпит крушения, но не разлагается; ей угрожает насильственная, но не естественная смерть. Положим, что в Смолен[ской] губернии она дошла до Геркулесовых столбов, и нужно переплыть океан, чтобы открыть Америку. Это она может совершить только при помощи интеллигенции, которой у ней нет. Но чему же вообще русская интеллигенция служит? Не следует ли ее разверстать по общинам, учинить раскладку. Впрочем, рациональнее будет создать внутри каждой общины свою внутреннюю интеллигенцию. Разумеется, нынешняя община для этого слишком ничтожная дробь. Политик-философ должен определить норму территории; по-моему, она, кажется, должна приближаться к норме Яицкой общины. Жизнь вырабатает за областным правом «общинное право», за област[ным] патриотизмом — общинный и за федерацией — коллективную ассоциацию.

Г. П.

Пришлите же, пожалуйста, [книгу] Красовского и «Материалы для истории Сибири».

Гаикин[14] заведует около Твери кузнечными артелями, учрежд[енными] от земства.

36. П. В. и А. Н. ЗАСОДИМСКИМ

14 июля 1872 г. Никольск

Я думаю, что ничего, что я пишу вам обоим в одном письме — ради экономии. Вы извините меня. «Дело» я получаю и потому новейшие творения Павла В[ладимировича] прочитал[1].

Что это за журнал «Детское чтение»[2], кто его издает и хорош ли?

У меня есть в Омске знакомая дама[3], которая содержит школу; она брала уроки математики у известного вам теперь Галкина, и я с ней по поводу школы в переписке, но, к сожалению, не могу ей служить советами как следует, живя в глуши. Если еще увидите Галкина, скажите ему, что я ему шлю поклон, соберусь и письмо напишу, и о школе в Омске сообщите, что в ней 32 девочки и 22 мальчика.

Так как вы некогда вызывались даже сами написать корреспонденцию, чтоб доставить мне случай иметь «Петерб[ургские] вед[омости]», то я хочу воспользоваться теперь этим вызовом и просить вас, если у Н[иколая] Е[горовича] не будет времени самому это сделать, взять у него посланную ему корреспонденцию из «Омска» и передать в редакцию и даже подсократить и сгладить ее, если того потребует редакция, если же ее напечатают[4], то пусть дают мне газету на полгода или на 3 месяца — сколько причтется, а я между тем, может быть, напишу корреспонденцию и из Никольска[5].

«Положение рабочих в России»[6] я бы хотел иметь, и если она выйдет (без запрещения), пришлите экземпляр, а деньги я пришлю.

С о. Аристархом все еще не знаком, но порываюсь познакомиться, потому что он заведует здесь единственной библиотекой.

Что касается до моей просьбы к Александре Николаевне, то, кажется, мне ее придется прекратить. Я начал собирать здесь разные сведения о жизни народа, и сначала мне показалось, что я буду много слышать о женских болезнях, потому что в первый же раз наткнулся на такой рассказ — о какой-то болезни мальчика. Жалел, но потом подобного не встретилось. Впрочем, так как у меня есть знакомые женщины и так как я отчасти этнограф, т. е. собиратель этногр[афического] материала, то под рукой я мог бы узнавать о недостатках в крестьянской жизни.

По Вашей специальности (так как ничего не читал по этой части, да и негде мне здесь прочитать) Вы можете мне предложить ряд вопросов, вероятно интересующих Вас, и некоторые ответы я мог бы узнать от своих знакомых крестьян. Я думаю, что и Вы, получив наконец место в земстве, не будете заниматься исключительно здесь практикой, а будете посвящать время и на литературу о земских вопросах.

Елизавете Игнатьевне прошу передать поклон. Юлию Николаевну я не забыл и в знак того ныне же просил Ник[олая] Е[горовича], если он выручит мои карточки, одну из них доставить ей.

Помнит ли меня Надя С.? Ваши намеки — вроде Магомета, идущего с гор, но я не приучаю себя к надежде на такое удовольствие. Живу я до сих пор уединенно, так что родина Павла Влад[имировича] для меня есть продолжение Свеаборга — дамского общества не имею и потому с каждым днем чувствую усиливающийся во мне черствый, буржуазный характер, за который меня нередко ругал Галкин. Правда, я имею знакомства среди крестьян, и эти «трамбовочки», выражаясь языком их кавалеров, восхищают меня своим простодушием — они ждут своего Жоржа Занда, но с ними я не на короткой ноге, сколько ни интересуют меня их горести, печали, нужды — до сих пор я в них не посвящен.

Забирайтесь-ка, Павел Владимирович, в деревенскую глушь, и Вы тут откроете новый мир для беллетристики!

Да, что ж вы мне не прислали списочка статей об общине?[7] Я стараюсь здесь собрать сведения по этой части, но из рассказов крестьян, которых я встречаю в городе, с трудом добываются известия. Всякое открытие, сделанное мной, делается случайно. Сколько я ни придумывал программ вопросов — пользы никакой, [так как] ответы получаются в виде общих мест. Но вдруг крестьянин вставит в свой рассказ незнакомое слово; расспрашиваю, что оно значит, и тут нечаянно знакомлюсь с какой-нибудь интересной процедурой.

Уважающий вас Григорий Потанин

37. Н. М. ЯДРИНЦЕВУ

22 июля 1872 г. Никольск

Это ответ на Ваше письмо от 12 июля. Письмо это произвело на меня грустное впечатление Вашими известиями о том, как Бл[агосветлов] поступает со своими сотрудниками[1].

За Ваши заботы обо мне[2] благодарю.

Вчера получил письмо от Битлинда — рукопись моя сдана в ред[акцию] «Отеч[ественных] зап[исок]», куда я просил отдать ее, так как по недоразумению приписал щедрости редакции подарок экземпляра эт[ого] журнала за этот год. Я хотел отблагодарить редакцию, хоть «Люты дии» и плох[ая] вещь, но лучше[го] все-таки для «От[ечественных] з[аписок]» у меня не будет ничего. М[ежду] тем оказалось, что подарок я получил не от редакции, а от Глеба Успенского, уезжавшего тогда в Парнж[3]. 25 июля редакция обещала дать ответ. За этот м[есяц] ею заведует Никол[ай] Курочкин[4].

Мои 10 р. также получены, и Герлаида[5] выписали, скоро пришлют. Остается за Битлиндом 8 р. Не знаю, что выписать, еще не решил: или «Алтай» Котта[6], или о Канаде. Битлинд спрашивает, откуда заимствовано известие о книге «Unity of siberian people»; ни в магазине, ни в каталоге ои ее не нашел. Если, он пишет, будет известен источник, из которого получено известие об ее выходе, можно будет найти ее. Сообщите ему прямо от себя № «Снб[ирского] в[естника]», где о ней напечатано; впрочем, я сомневаюсь, чтобы это было для него достаточной опорной точкой.

Из Москвы ни строчки, а из Омска получил милые каракули Юлии Ардальоновны. Школа ее растет — в ней теперь 32 девочки и 22 мальчика, всего 54. Помогает ей какая-то девица и Сапожников. Девица Муфель, гимназистка, на которую я возлагал надежды, уехав в Барнаул, вышла счастливо замуж, и надежды мои [не сбылись], точно так же как и хлопоты Ев[гения] Яковлевича о другой девушке в Омске, некой Сергеевой, с которой он занимался. Она накопила до 100 р., чтобы ехать в Питер, да и раздумала и осталась в Омске.

Жалуется Юлия Ардальоновна, что кончающ[ие] курс в гимназии только выходят замуж — ни учиться более не хотят, ни обществ[енной] деятельности хотя менее посвятить себя. Жалуется на более чем несочувствие к ее школе местного педагогического высшего мира и пишет, что в моем сочувствии находит большую нравственную поддержку. Советую Вам, когда выйдет Ваша книга, послать Юлии Ардальоновне один экземпляр при письме, которое должно поддержать в ней охоту продолжать начатое ею дело — женщины и вообще люди, в зрелых летах избравшие род деятельности, тверже остаются вер-

ными своему избранию, чем молод[ые] девицы и юноши, это правда, а все-таки подпорочки не мешают.

Братья Бутины[7] издали брошюру, выпишу через Битлиида.

Известна ли Вам эта новость: 14 июня разрешено инженер-капитану Клиндеру издавать в Иркутске еженедельную и 2-[недельную] газету «Сибирь». (Зри программу в «Правит[ельственном] в[естнике]», № 160). Будет отдел для истории, статистики, географии и литературы Сибири; специальный отдел для разработки вопроса о будущ[ей] железной дороге в Сибири; свед[ения] о Пермск[ой] губ., Туркестане, Китае, Японии и Америке; критический разбор сочинений и статей о Сибири. Цена с пересылкой 5 руб. Мож[ет] б[ыть], Вас уже пригласили сотрудничать? Нет беллетристики и стихов. А в том же № «Пр[авительственного] в[естника]» помещ[ена] программа «Доиской газеты»— [в ней] это есть. А ведь это нужно. Под видом повести можно и полезное обличение поместить, а иногда и в тенденциозном роде написать бывает полезно. Не скрывается ли этот отдел под словом «литература», ибо если это не беллетристика и стихи, то что же это такое? Критический разбор сочинений о Сибири? Да ведь для этого целый особый отдел есть.

Замечательно, что я один терплю одиночество — если в Архаиг[ельской] Швейцарии одна колония[8], то в Питере другая; с Битлиидом в общей квартире живут Нестеров, Калачов, Михайлов[9] и Беляев[10].

Получил другой поклон от Гаикина — он служит в Тверском земстве. Надо написать ему, а через него снова возобновить знакомство с яицкими[11].

Придумал написать корреспонденцию из Омска о школе Юлии Ардальоновны и о беспутном преподавании в женск[их] гимназиях, наполняемых дочерьми бюрократов. Сейчас же и накатал и посылаю с первой почтой.

Главный вопрос относительно Андр[ея] Алек[сандров]ича, который Вы мне задаете, и мной [самим] не разрешен. Тот же вопрос занимает, вероятно, и Вас, а равно и меня в отношении Калачова — и тоже не решен. Узнаю, мож[ет] б[ыть], от Нестерова.

Пудовкин — не знаю где и как его искать. Я думаю, это легче всего через Чичероваккио — только длинная история.

«Дело» получаю исправно, «Отеч[ественные] з[аписки]» также.

Тюремный конгресс в Лондоне меня очень интересует, только в «С[ыне] о[течества]» речь Гастингса[12] не приведена даже в кратком извлечении, а только упомянуто, что он отрицает всякую пользу штрафной колонизации для страны. Можно ли надеяться, что вто даст Вам случай написать статью. Я пишу Битлиниду, нельзя ли отчет или собрания резолюций Конгресса выписать. Так как я имею в виду писать по поводу Вашей книги, то мне для руководства необходимо иметь речи на этом конгрессе.

По поводу Турбина слюнки текут; только боюсь, что Вы не тронули его места об американцах. А касаться, хоть легонько, до этого предмета нужно — чтоб идея шаяла[13].

Стихов жду.

Что эта за «Беседа»?[14] Знаю, что славянофил[ьский] [орган], но в каком роде?

Адрес Катанаева: в Москву, в Петровское-Разумовское, студ[енту] Петр[овской] землед[ельческой] ак[адемии] Георгию Ефремовичу Катанаеву. От него я уже с лета не имею письма, а потому и не могу ответить Вам о времени издания его каталога; я думаю, впрочем, не скоро, ибо он хочет издать увесистый, обстоятельный том.

«Тайжан» стыдно послать в их грязных рубахах. Имеете ли Вы тип чиновника конца 50-х годов, который при напыве либерализма устраивается так — напустил на себя вид излишней измышленной подлости, чтобы отнять у людей возможность рассчитывать втянуть и его в либеральный поток. Он напускной пессимист, не верит на словах в хорошее будущ[ее] человека, издевается над надежд[ами] молод[ого] поколения и его верой в народ, цитирует Писарева: из меня вырастет лопух и пр., и все это, чтобы старую свою грязь прикрыть модной философией. И другой тип: взяточник добродушный, попав в круговорот 50-х годов, подшучивает над своими грехами. Если [такие типы] есть, то могу передать Вам [своих] «Тайжан» и в том виде, в каком они находятся в настоящее время.

38. Н. М. ЯДРИНЦЕВУ

1 августа 1872 г. [Никольск]

Книжки получил, а также и письмо от 24 июля. В «Материалах»[1] не оказалось того, что мне надо, именно актов, относящихся до вступления телеутов[2] в подданство России и разорения Алтая киргизскими батырями.

[Книгу] Красовского[3] просмотрел — составлена по генерально-штабски, т. е. даже без компиляторского искусства — просто разнородный без системы нахватанный материал сшит в одну кучу и отдан в печать; [автор] даже разные таблицы не потрудился лишить канцелярского вида. Огромная не в счет абонемента глава о таможне — просто докладная записка. Конечно, в этой груде есть немного интересных фактов.

Все ли Вы прислали «Известия»[4] — тут только четыре тетради.

Из Питера я получил Герланда[5] и Дарвина (половой подбор); [последнюю] книжку я, впрочем, не просил, но прислали вроде подарка.

От Андр[ея] Павловича получил письмо с ответом Семенова, который переиначивает все дело к Вашему удовольствию. Он ответил, чтоб я написал в «Труды» Общества (а так как «Труды» есть сборник самостоятельных изысканий, а не компиляций, то этот труд для меня физич[ески] невозможен); [затем] чтоб я написал исследование местное для ученого журнала, дабы это сочинение послужило поводом к ходатайству о расширении свободы для ученых поездок, и, наконец, чтоб я составил популярное описание Сибири (он обещает достать денег на [это] издание, чтобы книга доставила мне хлеб).

Вы [оба] имеете [уже] по книге, создали себе эмеритуру[6], или, как мой хозяин выражается, «сына завели»; и меня эта же мысль соблазняет. Мне кажется, в популярной книге о Сибири недостаток и потребность. [Книга] Завалишина никуда не годна, и то была издана два раза. Я не буду задаваться целью написать полное описание, но напишу, однако ж, в серьезном роде, чтобы сочинение имело вид ряда любопытных ученых картин. Со статистикой я надеюсь больше сладить, чем с физич[еской] географией, но и тут будет пробел в отношении статистики движения народонаселения.

Итак, можете, значит, успокоиться и обратиться всецело к вопросам о колонизации и смежным и не угрожать мне местью тою же монетой.

Слухи о сближении с Вами и здесь есть, но только все-таки между нами остается расстояние, п[отому] ч[то] здесь не говорят об одной вашей губернии, как депортационной, а об ограничении в каждой губернии числа депортационных городов числом до двух. Это дело решено теперь: я назначен в город Тотьму и через месяц, вероят-

но, буду уже там; сколько-нибудь здесь проживу, а по этапу, кажется, ходу 14 дней.

Вышла книжка: Czaplicki, F. M. W. (autor «Czarney Księgi») W Sybirskich taigach. Obrazek z zisba posielencow, Krakow, 1870 г.[7]

Вот все, что могу сообщить Вам нового.

Шлите факты об общинах, их дезорганизации, об артелях, обществ[енных] рыби[ых] ловлях и пр. Нельзя ли сообщить историю о 40 обезземельных семьях подробнее. Вы пишете об обидах во время переделов; так как я этого факта не знаю, то сообщите факты и пр. Нужно. Вы спрашиваете свед[ения] о прогрессирующем состоянии здешней общины. Думаю, что не очень обрадую Вас тем, что сообщу. Вы, кажется, не поняли моего выражения, потому что я не совсем уместно употребил слово «прогресс». Под этим я разумел вот что. Община на Востоке (тут я разумел Сибирь) только что складывается, усложняется: в деревне образуется борьба между мироедами и рядовыми крестьянами, и рядовые одерживают верх, община слагается. Это я гипотезирую. Я сказал, что не только на Востоке, но и здесь, т. е. в Ник[ольском] уезде, община усложняется, устраивается, а не разлагается. И действительно, здесь множество починков, основанных лет 10 и менее назад. В них землевладение «покулижно», т. е. кто разработал кулигу[8], тому она и принадлежит. Каждый для этого срубает деревья, катит, жжет; словом, чистит «новину», выворотив пни. Работа эта трудная и заставляющая «почина» смотреть на расчищенный клочок как на свою собственность. Это не захват, это капитал. И между тем на «починок» переселилось еще несколько семей. С «новины» позволяется взять только пять трав «палочника» (Alopecurus) — это в уплату за расчистку, а потом «новина» поступает в общее поле, т. е. кулижное земледелие прекращается, и землей владеют уже «покойно». Вот что значит «покойно». Положим, поле 300 саж. длиной; нужно его поделить между душами. Душ в деревне, положим, 25. Берут шест (например в 2 саж. длиной), условливают на каждую душу по такому шесту отмерять. Начинают отмерять от конца поля, сначала, положим, Ермаченкам, потом Демидейкам и следующим семьям. Намерили. Следов[ательно], ушло 50 саж. А ведь еще осталось 250? И вот снова отмеряют: Ермачейку, потом Демидейку и т. д. Еще отмерили 50 саж. Осталось 200. Тогда опять меряют Ермачейку, Демидейку и т. д. Бывают деревни — это уж, разумеется, старые, где в одном

поле из трех до 20 полос, и каждая так узка, что бороиа ие помещается. Та же самая история и с покосами. Но если поля ие все [отмереиы] покоиио, то покосы тем более. Здесь, иапример, есть деревия Аксеитьево, где делеиие покоиио разработаио до удивительиого совершеиства, и есть иекоторые математические фокусы, цели которых я еще ие раэгадал. В другой деревие Селиваиово поле [раэделеио] покоиио, а покосы — покулижио. Одии хоэяии имеет эдесь 4 пожии и ставит 40 промежиов, другой иа всей своей пожие может поставить только одии промежеи. Хотели устроить покоиио, ио пока еще дело ие состоялось.

Вообще в уеэде крайиее разиообраэие. В одиих «почиках» через 6 лет уже [существует отмер] покоиио, в других же до 10 и даже до 13 лет существует «почииок», а владеют в ием покулижио. Иногда кулижиое землевладеиие раэверстаио так, что переворот «покоиио» ие измеиит количеств[еииого] отиошеиия. Повсюду борьба с богатыми мужиками, и борьба иеодииаково удачиая. Только дело не закоичеио, борьба продолжается; богач силеи, бьются [с иим] кое-как. Собствеиио, я ие эиаю — что при этом бывает. [Если] рядовые одолели, богатый мужик иачииает «почииок», т. е. колоиию; «старииа» (это местиая термииология), т. е. метрополия, иичего ему ие дает; ои разрабатывает почииок лет 9 иногда, а живет иа «старииe», так как боится переселиться: переселился — сейчас же в деревие возвышается голос, что ои свою землю иа «старииe» плохо уиавоживает, «бекар»[9] ему в земле, и земля его раэверстывается, только остаются за иим пожни, кот[орыми] почиицы владеют на «старииах» иногда лет по 20 и в 20 верстах расстояиия от почиика. Дошла ли общииа эдесь до nec plus ultra? Не эиаю. Аксеитьево — самая сложиая, усоверш[еиствоваииая] общииа; ио все ли оиа совершила — не эиаю. Есть где-то деревия Рамеиье, в которой, я полагаю, устройство поземельиого пользоваиия еще сложиее, мелочиее. Откроешь одиу более сложиую общииу, а там вдали видиеется [еще] более сложиаи. Это заставляет сказать, что дело полиого устройства общиины далеко ие закончилось. Положим, деревия Аксеитьево дошла до геркулесовых столбов, ио таких общиииых земель — одиа сотаи в уеэде; остальиое состоит в полукулижиом, или в кулижиом, или ии в каком владеииии.

«Почииок», колоиию, заводят обычио крестьяие выше средиего достатка, т. е. богатеишие земледельцы. Маклак,

торговец-крестьяиин, может довольствоваться и ничтожным иаделом, ио тот, у кого богатство основано не на маклачестве, а иа широте земледелия,— для этого иужиы лишиие работиикн и лошади. И «старины» поступают с почнницами очеиь круто. Оии им ие дают никакого пособия, и не более, как через три года разверстыэают их землю иа «старине» между соседями. Здесь, следов[ательно], выселяются не «Einwohner'ы», как в клаусовских иемецких колониях, а «Wirth'ы». Следовательно, здесь выжимается не пролетариат. Это, впрочем, и в европейской общине так было — сиачала выходили из общиины те, которые богаче; оии обращались в землевладельцев. Но оии, кажется, присваивали себе земли общиины, и чуть ли ие лучшие, так что дело это ие совсем похоже иа здешиие обстоятельства. А для этого [т. е. для того, чтобы присвоить лучшие земли общиины] они должны [были] быть родоиачальиикамн, состоять адмиинстратнвиой главой клаиа. Вот в киргизской общиие, пожалуй, султаиы превратятся в поземельиую аристократию.

Правда, поконные порядки преимущественно касаются полей; покосы, пожии меиее устроеиы; иакоиец, хозяйство с общест[еиными] мельницами, лесами — безобразно. Все это показывает, как будто во всем этом есть рука адмиинстрации, т. е. ие без помощи последией происходит «покоиный» переворот. И видио, что покоиное устройство есть плод тысячелетия — сами крестьяне изумляются ему: «Эко, как мудро придумано»,— говорят оии, ие подозревая, что это оии сами же бессозиательиые творцы этой системы. Это будет все развито в отдельи[ом] сочиииии, которое я представлю Семеиову как ответ на вторую его задачу.

Отиосительио врагов общиины я все-таки думаю, что их более вие (и это опасиее), чем виутри. Эти враги: капиталисты виешние и богатые общиииики (мироеды). Последиих легиои в Сибири, ио это потому, что там еще ие общиииое, а кулижное землевладеиие, и слагающаяся общиина укротит их или вытурит из ее города. В Смолеи[ской] губ., я думаю, мироеды опаснее; здесь их жадиые глаза иаправлеиы ие иа «иовиины», а на общественные земли. Но всего страшиее туча со стороиы капиталистов, когда окажется выгодным прилагать к земледелию капитал. Этот переворот проиесется по русской земле ураганом, и в иесколько десятилетий превратит общиины в обломки. Правда, все, что общиина создала, относится к одному земледелию.

Но ведь что же мы делали с общиной до настоящего времени кроме того, что только ломали ее. Вместо того чтобы устроить для общины род школы, в которой она практиковалась бы в самоуправлении, мы всячески лишали ее этого: леса отобрали в казну, обществ[енные] мельницы изъяли из обществ[енного] управления, передав в вед[омство] волости[ых] правлен[ий], которые не суть органы общественные, а полицейские. Община и волость лишены своего управления, на место которого поставлено вол[остное] правл[ение] — полицейская контора. А история Яика?

Многоуважаемый джентльмен, сидящий насупротив, восклицает: «Если историч[еский] закон так поступает со всеми общинами, то не понимаю, почему русская [община] должна составить исключение? Так дарвинист и вольтерианец?»

Я отвечу почтенному противнику так[им] обр[азом]. Человечество до сей поры находилось под варварским законом естеств[енного] подбора. Понимаете ли Вы, почему человечество впредь должно быть избавлено от этого возмутительного закона? Вот, собственно, вопрос в чем: стоит ли остановиться на реорганизации патриархальной общины или махнуть рукой, предоставить ее дезорганизации, отдать ее в жертву капиталу и уповать, что у нас хватит силы на развалинах устроить совершеннейшую общину? Что последнее возможно, т. е. устройство общины там, где и традиций о ней нет, я верю, иначе надо было бы иметь слишком пессимистские взгляды на будущее европейской цивилизации. Но не понимаю, почему мы должны проходить непременно тот же путь с Европой? Почему старый кирпич не может пригодиться в новом здании? Евангелич[еская] поговорка: «старые мехи» и пр. не имеет универсальн[ого] значения. Я так думаю, что этот кирпич можно рекомендовать вставить в алюминиевый дворец.

Любопытно узнать, что Вы мне напишете об интеллигенции (как обещано в Вашем письме). В этом вся суть; в этом вся беда, что интеллигенция удалилась от общины и образовала враждебный лагерь. Кстати о выражении: «внутри общины лежащие дезорганизационные элементы»[10]. Для логической точности предлагаю употреблять это выражение только в таком смысле, если в самой общине есть условия, которые приведут общину к тому, что она добровольно сложит свои клейноды[11] к ногам своих местных индивидуалистов и разойдется в батраки, т. е.

если партия мироедов, виртов, окажется многочисленнее и сильнее в общине, чем партия рядовых. Но гроза со стороны некогда из общины выделившихся, но теперь ей чуждых элементов — я считаю за силы внешние. Если не сделать этого различия, то никаких внешних причин не остается — все будут внутренние. Итак, вот вопрос: в состоянии ли патриархальн[ая] община снова принять в себя интеллигенцию? Или нет? Без интеллигенции, я согласен с Вами, дальнейшая борьба немыслима. Но скажете ли Вы, что к настоящей общине невозможно привить интеллигенцию? Правда, мы имеем во всей России только одну общину, в которой зарождается своя интеллигенция,— это Яик. Но этот факт наш может служить и руководящим обстоятельством. Яик я всегда, как Вам известно, представлял в виде отчекананной, выкристаллизовавшейся общинной формы, подлежащей к сдаче в архив; между тем земледелие у него кулижное, от которого сделан только один шаг — ни одни члены общины не может близ станицы распахать земли более 40 десятин: 100-десятинники же должны ехать в пустые степи, что и делается.

Итак, вот Вам прогрессирующая община в обоих смыслах — и в смысле эмпирического усложнения законов землепользования, и в смысле создания местной интеллигенции, стремящейся к созиательн[ому] усовершенствован[ию] местной общинной жизни при помощи европейск[ой] науки. Устройте всесословную волость, дайте свободу сходки и пропаганды, отделите экономическое деление от полицейского, [и тогда] часть интеллигенции добровольно разверстается по общинам, другая возникнет в самой общине, и тогда едва ли нужны будут покровительств[енные] меры для общины. Покров[ительст]во необходимо, но [в отношении] современной бессильной общины; вооруженная же автономией община не будет нуждаться в протекторате. Вы открываете замечательную вещь: что существуют обоюдоострые протекционисты, обоюдоострые общинники (хотя не ясно, но Вы намекаете, что внутри общины может существовать индивидуализм,— с чем и я согласен). Ваши позитивисты шекурские, Вы говорите, убеждены, что община разлагается. Аминь, аминь, говорю Вам, что положение ее действительно критическое — на мазях к разложению, но ни одна еще не разложилась. Ни одна община в целой России не уничтожила у себя мирским приговором общинного землевладения. Или Вы имеете противоположные факты? В таком случае

подробнейше сообщите. В противн[ом] случае ие имеете права говорить, что общиина в разложении.

Адрес Колосова: г. Нерчинск, Забайк[альской] области, Якову Степаиовичу Колосову для передачи Евг[еиию] Яковлевичу. Он заиимается частиыми уроками.

39. Н. М. ЯДРИНЦЕВУ

19 августа 1872 г. Тотьма

С 16-го августа я в Тотьме. Еще раз совершил, слава богу, премилую эту дорогу. Теперь прошу иаправлять посылки в этот город. Это путешествие, совершеиное по образу и подобию альпнйских путешественников, отчасти разорило меия (деиьги, приготовлеиные иа покупку «Central Asia and Russia» и другие кииги, ушли иа путевые издержки и иовое домообзаводство в Тотьме). Зато и польза есть от иего — я собирал сведения по дороге об общиие. Не зиаю, не будет лн это даже новостью — я открыл в двух деревиях кошеиие «общиною» и дележ сеиа в копиах по-сербскн. Я имею осиоваиие думать, что этот обычай не есть традиция, заиесеииая с юга, а местно выработаиный обычай, ибо я иашел н подтверждеиия его в побочных фактах. Все записаииое я хочу представить Семеиову в виде путевого диевиика от Никольска до Тотьмы.

Спешу ответить иа вопросы Вашего бухарца. Русско-татарск[ого] словаря я ие зиаю. У меия в Омске был словарь, составлеииый в Казаии ие помию кем, ио то был татарско-русский, а ие русско-татарский, т. е. был расположеи по татарск[ому] алфавиту. Этот словарь очеиь стар. Из иовейших же издаиий в каталогах я встречаю только два: словарь азербайджаиского наречия турецкого языка, составлеииый, кажется, Лазаревым[1], и словарь джагатайского взыка, иа котором иаписаи «Бабе́рнамэ», т. е. «Запнски о жизии хаиа Бабе́ра», мусульманск[ого] завоевателя Иидии[2], родииа которого Коканд. Этот словарь составлеи Вельямииовым-Зериовым[3].

Вполне ие помию, верио ли все это, что я сообщаю. Татарской грамматики, кажется, до снх пор иет лучше той, уже довольио старой, которая составлеиа Березниым, ио издаиа от имеии Казем-бека. Рекомендуют обыкновеиио первое нздание, где работа Березниа сохранена в большей целостиости; второе же издаиие испорчеио Казем-беком[4]. Посоветуйте ему лучше обратиться с вопросами к казан-

скому профессору Ильминскому[5], который в настоящее время занят изданием книг татарских для народного чтения и, вероятно, вполне знаком с татарской книжной торговлей в Казани.

Списка новостей жду, тем более что путешествие сделало в моем газетном чтении перерыв.

Поправкой стихотворения «О песне»[6] совершенно доволен. Жду новых.

За Ваше длинное рассуждение об общине большое спасибо. Разрешите кое-что украсть из него для моего сочинения. Часть желал бы присвоить, против другой буду немножко полемизировать. Сообщите факты о пользовании богачами землей, оставленной людьми, ушедшими на отхожие промыслы, а также факты о богачах, пользующихся землей на большое число душ.

Г. Потанин

40. Н. М. ЯДРИНЦЕВУ

[28 августа 1872 г. Тотьма]

Письмо Ваше от 16 августа получил, т. е. то, которое Вы послали, не зная еще, что я в Тотьме. Письмо Ваше сходило сначала в Никольск, а потом уже сюда.

Уселся за ответное письмо, вернувшись с фейерверка, устроенного в обществ[енном] саду,— штука, которая здесь бывает раз в 10 лет, а все-таки бывает — это не то, что Никольск. Вообще физиономия Тотьмы гораздо представительнее моей старой резиденции — каменные палаццо есть, вывески etc. Больше изрезан оврагами и напоминает Томск в миниатюре. Когда я жил в Никольске, я думал, что я в земледельческой Минусе[1]— там и местность гористая и самый плодород[ный] угол в Волог[одской] губ[ернии]. Здесь — будто в Томске. Для большего сходства здесь есть даже и свой Горохов и свой конкурс. Вид города в сравнении с Никольском хоть куда интеллигентный — есть даже Латинский квартал: у[ездное] учил[ище], прих[одское] уч[илище], учительск[ая] семинария и женск[ая] прогимназия. Так все и захватило целый квартал. Здесь, мож[ет] быть, не буду жить эрмитом[2].

Об общине получил Ваш трактат и прошу уполномочить меня внести его в мое сочинение, для которого я, конечно, письмо Ваше обделаю литературно, и имя автора не будет выставлено.

Номера «Голоса»[3] постараюсь достать (здесь есть публичн[ая] библиотека) и прочесть; мало этого: надо писать об этом предмете — и засяду.

О Виноградове* мне писал Катанаев. Катанаев ездил на Верещаг[инские] сыроварни[4] и нашел там сего юношу за изучен[ием] английск[ого] языка и собиравшегося ехать в Америку учиться делать впрок сливки сгущенные, так как из Сибири будто молочные продукты лучше всего в этой обработке сбывать в Европу. Где он, лучше всего узнать через Ганкина, который заведует артельн[ыми] кузницами тверск[ого] земства и, вероятно, знаком с Верещагиным.

Статью Ушарова об «Историч[еском] сборнике»[5] прочитал, но не догадался что это он [автор],— очень рад. Желаю ему побольше в так[ом] случае трудолюбия.

Вам любопытно знать мое мнение об «Юровой» Н. И. Наумова или, как Вы говорите, впечатление, ею на меня произведенное. Оно не одно с тем, какое произведено на Вас. Вы не довольны, я же, напротив, весьма доволен. По поводу двух его картинок: «Сельский торгаш» и «Юровая»— я бы [написал статью] в газету Клиндера. Желаю написать рецензию о типе маклака; это тип национальный, это местная язва, и ряд таких очерков — клад для рецензента-обобщителя. К чему это Вам понадобилось, чтобы в «Юровой» была завершена фабула стачки — это даже очень политично, с тактом художествен[ным] автор не досказал. Досказать — дело рецензента. Что касается до языка народного, я нахожу его удовлетворительным. Для меня больше не нужно, коли есть наблюдательность, и Вы ее не отвергаете. Все-таки автор добросовестен, он сам измыслил мужицкий жаргон. Вот только [выведенный им] тип однообразен — и сельский торгаш, и скупщик рыбы в «Юровой» (один в Алтае, другой в низовьях Оби) — все один и тот же характер, один и тот же портрет. Автор не заметил, что маклаки бывают разнообразные: есть веселенькие, краснощекие, вроде нашего Кузнецова, вечно поющие; другие угрюмые; есть мрачные лицемеры, молящиеся со вздохами и щедрые для храмов; есть маклаки, у которых находим странное примирение их черствых правил с искренней набожностью; есть маклаки по жадности, маклаки по трусости, и мало ли каких есть.

---

* Виноградов — уроженец Минусы и был сначала, кажется, в Москов[ском] универс[итете], но [ему] не повезло

Вы ждете от Н[иколая] И[вановича] всестороннеи картины общества, а он между тем народный бытописатель, и лучше, если он не будет свертывать с дороги. То же, чего Вы от него ждете, следует ждать и от Вас, милостивый государь.

Автор на славную группу иаткнулся, но жаль, если в дальнейших очерках будет тот же, а не другой маклак. Я именно желал бы, чтоб он написал книгу о маклаках. Для иас важно, чтоб были затроиуты типы, пусть хоть два, три штриха — лишь бы они были, во-первых, с иатуры, т. е. ие измышлены, во-вторых, взяты с общеиационального типа, характеризующего эпоху, служащего выражением экономического и соцнального быта данного времени и места.

«Тайжан» женнть иа чужой стороне будет отличио, только чужестранцев описать уж придется Вам, нбо свонхто я обворовал догола ради своих «Лютых».

Мурза-беку, которого вы почему-то иазвали байбиче, что значит у киргизов старшая жеиа, поклон.

На диях сажусь за работу и по поводу Сибир[ского] отдела [Географического общества], и «Барабы» Миддендорфа, и пр., и пр. Темы, предложенные Вами, также прииимаю.

А пуще хотелось в полном голосе расписаться. Только куда [послать рукопнсн]— кажется, и «Неделя» и «Новое время» возобиовляютси. Этн лучше примут.

Извините, что за длнниое письмо плачу короткнм.

Нн от «бнблнографа»[6], ин нз Питера ие нмею писем.

Я писал Вам о предложении мие Семенова писать популяриое статнст[ическое] опис[ание] Снбнрн. Ждал от Вас рукоплесканий. А Вы будто ие получали письма, молчите. Надеюсь, что Вы будете содействовать всеми зависящ[ими] средствамн — доставите все киигн, какне у Вас есть для этого, а главное, дадите советы, идеи и пр. Не можете ли составить программу или лучше конспект — помните, как я составлял для Тахтарова,— с условием, коиечио, чтоб он был для меия не абсолютио обязателен.

41. Н. М. ЯДРИНЦЕВУ

Октябрь 1872 г. Тотьма

Жив я и здоров, и причииа моего молчаиия заключается — как Вы проницательно догадываетесь — в итальянских финансах.

Все Ваши предшествующие письма и книги получил и уже прочитал. По поводу «Известий» я написал статью «Бюрократическая наука на нашем Востоке»[1]. Пошлю в «Дело», только сомневаюсь, чтобы поместили,— что им до нас! А я, кажется, с слишком субъективной точки зрения написал статью.

Кэри возбудил во мне мысль написать статейку о земледельческ[ом] характере Сибири. Эту статейку пошлю в «Неделю». Только все это не так прочно, не надежно. Нет книг, нет денег на книги. На посланные деньги в Петербург прислали мне русские переводы Дарвина и Милля[2], которые мне, как собственность, были совсем при настоящем положении некстати. Из одного Гердаида о вымирающ[их] расах жаркого не сделаешь. Оказывается, что я решительно не могу, подобно Вам, основать свое существование на журналистике. Дошел я наконец до того, что последний собственный рубль израсходовал.

Андр[ей] Павл[ович] известил и меня, что выезжает на службу, и более ни он, ни Битлинд не подают признаков жизни. Раньше уведомили только, что моя рукопись, сданная в «Отеч[ественные] зап[иски]», возвращена редакцией, и мои душеприказчики передали ее в «Дело». Не можете ли ускорить приговор?

Номера «Голоса» с передовыми статьями о Сибири все перечитал.

С этим переходом в Тотьму я только разорился: во-первых, [имущество] рублей на 10 должен был бросить в Никольске, так как переход я должен был совершить пешком, а в Тотьме те же вещи покупать снова; во-вторых, каким-то образом потерял возможность получать «От[ечественные] зап[иски]» и «Дело», которые получал прежде, и потому и Вашей статьи не видел, так как «Дела» в целой Тотьме, кажется, нет.

За стихи спасибо. Все они хороши; отчего перевод из Гавличка[3] не пошлете в «Дело»?

Вот поправки к «Родным цветам»[4], которые одни мне показались неудовлетворительными; вообще мне кажется, абстрактные стихотворения у Вас выходят удачнее, чем образные. Первое четверостишие хорошо. Во втором 1-й стих вял; слово «мой» делает его сентиментальным; «бедный цветок» ничего не объясняет. «Тихо склоняясь... перед последней стужей» хорошо, 3-е четверостишье хорошо; 4-е и 5-е советую из своей речи обратить в продолжение жалобы цветка, начатой в 3-м четверостишии, и потому поставить их также в кавычки. Поэтому слова:

«вижу затем я», которыми начинается 4-я строфа, не нужны, а слова «взошли», «встретили» заменить теми же словами или в будущ[ем] или в настоящ[ем] времени. 6-ю и 7-ю строфы уничтожьте; «альпийская роза» лишняя, по-моему. Вместо того не мешает вставить в уста ветрянки еще строфу, в которой она говорила бы о себе, как проводит жизнь в одиночестве и в холодных бурях, даже иногда и снежок попадет в ее бледно-желтую чашечку. Яснее будет, что стихотворение основано на этимологии названия цветка. Вы поминте поэтические картины «сиверка»[5], который дует со снежком весной по полям, на которых рассыпаны ветрянки. Не лишнее украшение для стихотворения был бы еще намек, что цветок этот — сверстник умирающих чахоточниц и, подобно последним, умирает в то время, как вся природа идет к развитию и общему наслаждению. Это, пожалуй, уже строфа, в которой ветрянка от своего лица описывает ожидающую ее смерть. Последние две строчки 4-й строфы лучше было бы так: «их пышно разряженный хоровод встретит природа теплом». Слово «хоровод» было бы противопоставлением одиночеству ветряники. Затем последняя строфа: первые две строчки придумайте какие-нибудь, хоть вроде того, что пошел, мол, я домой или что стало грустно,— и потом пусть будут последними строчками это удачное двоестишие: «в раннем цветке я свой жребий прочь, в позднем цветке — счастье родины милой».

Плохо, Ник[олай] Мих[айлович]! Начинаю страдать «кладбищеиством».

Г. П.

42. Н. М. ЯДРИНЦЕВУ

[25 ноября 1872 г.] г. Тотьма

Два письма Ваших — от 22 октября и 7 ноября — получил, а также и деньги 50 рублей из Петербурга. Последняя посылка пришла во время моего полнейшего безденежья, и я Вам за нее очень благодарен.

Рецензию в «Дело» о Снб[ирском] отделе [Географического общества[1]] посылаю сегодня.

За последний год три выпуска «Известий» мне также прислали из Иркутска, из них один номер новый, в котором статья Ровинского о Забайкалье[2] и заметка Черского о каменных орудиях, вырытых в Иркутске[3].

Черский написал мне письмо и прислал бурятск[ий] перевод книжечки о мироздании.

Пока все из Сибири получено по запросу моему об инородцах.

Пирожков, Колосов и Чукреев молчат.

Уведомьте, чей татарский словарь выписал Мурза Мединч?[4] Бабе́р написал книгу под названием «Бабе́р-намэ» («Записки о жизни Бабе́ра»). Она содержит его автобиографию, описание его походов в Индию, географическое описание его владений от Коканда до р. Инда, описание Самарканда во время самого цветущего его состояния, Кабульской долины, в которой Бабе́р учредил свою резиденцию, и пр. Читается, говорят, любителями Востока с большим интересом; написана, кажется, на джагатайском наречии.

Стихи, которые Вы получили, были привезены из Симбирска в Петербург г. Пашино, который на Волге познакомился с автором их, т. е. с Вашим зятем Векшиным.

Пашино будто затевает снова издавать «Азиатск[ий] вестник» и хочет опять возобновить сношения с Вами. Для Ефименки[5] заготовлю вопросы, когда буду обрабатывать для Географического общества свой путевой дневник.

Теперь же прошу Вас собрать сведения в Архангельской губ. (даже нельзя ли напи́сать Шайтанову) о северном олене: где проводит зиму, где лето; в какое время года роняет рога, в какое ярует, мечет телят; ходит ли табунами или попадается отдельными экземплярами; есть ли домашние или только в дик[ом] состоянии, составляющие исключительно предмет охоты; когда бывает самый наилучший лов; способ ловли и охоты; если есть домашние: как пасут, как доят; продукты, приготовляемые из молока и из шкуры. Нет ли песен об олене, вроде: «Тепло ли те, олень?» Инородческие названия оленей и разных предметов, относящихся до его культуры. Нет ли преданий о жертвоприношениях оленей.

«Дела» так и не получили и не читал [из Ваших работ] ни по колонизац[ионному вопросу][6], ни [о книге] Турбина.

Жду Вашей книги с нетерпением — рецензию постараюсь написать, хотя я и получил деньги, но все-таки, кажется, останусь без книг.

Вышло «Историко-статистич[еское] описание Нерч[инского] горн[ого] округа» Боголюбова. Я думаю, интересная книга. [Ее автор]— молодой юрист, бывавший у меня в Петербурге, когда был еще студентом.

Об инородцах тоже хочу напи́сать, но прежде всего засяду за работы для Геогр[афического] общ[ества]». Нуж-

но заявить о своем существовании и «иедремании» состоянии, выражаясь языком командиров иртышских прошл[ого] столетия.

Об общине я ие намерен писать никакой компиляции — мало знаком с иностран[ной] литератур[ой] по этому предмету, но если пришлете Лавелэ[7] и Мена[8], то прочитаю непременно, даже за долг почту. Собранный материал я намерен рассеять в виде дневника для издан[ий] Геогр[афического] общества. Когда же отошлю дневник, то из него, в виде извлечения для литературного журнала, напишу статью под названием «Община в Суземе»— ради хлеба.

Статистическ[ое] описание Сибири, которое я хочу предпринять по совету Семенова, я думаю написать не вроде Завалишина или не в виде ученого сухого многотомного сборника вроде сочинения Словцова, а дать популярное описание, которое бы заменило [книгу] Завалишина. Разве Завалишин удовлетворяет потребности в популяр[ном] описании, потребности, существование которой доказывает быстрый успех этой книжонки? Но я разумею под популярным изложением не легкое описание, а серьезную сводку, которая, впрочем, написана не для ученых по профессии, а для публики. Потому мое описание будет строго научное. [Предполагаю написать его] в двух частях: географической и историко-статистической. В первой части будут рельефно выявлены особенности сибирской природы; для второй наметил следующую программу: татарск[ая] колонизация; этнографическ[ая] карта Сибири; Ермак; русская колонизация; борьба с бухарцами; соболиный период; переход к земледелию; выход из тайги; золотопромышленность. Характер колонизации: пионерские [походы], звероловн[ые] избушки, скиты, пасеки и пр. Характер колонистов: гуляющие люди прошл[ого] ст[олетия] и бродяги нынешнего; штрафная колонизация; торговый баланс и отсутствие интеллигенции. Община в Сибири, положение женщины, регресс в культуре, отсутствие провинц[иальной] журналистики, чиновничество, вопрос об инородцах и пр., и пр. Сибирские нужды — университет и т. п. Одним словом, это описание довольно серьезно ознакомит читателя с естественноисторическ[ими] данными, добытыми наукой, и притом в характеристиках, имеющих философ[ский] смысл (простое накопление географ[ических] фактов и статист[ических] данных не допускается). Кроме того, предполагаю дать картину обществ[енного] положения и обществ[енные] вопросы.

Вот развейте эти мысли; мне иужна ие программа, а миения Ваши по [этим] вопросам.

Гр. Потаиии

Что Сер[афим] Сер[афимович] предполагает иаписать статью об Иидии, о привитии там европейск[их] идей к туземщиие,— мысль мие иравится. Это для иас полезио. Это в иекотором роде даже местный предмет. В особениости было бы хорошо, если бы ои провел параллель между южиой и сeвериой Азией.

Еще об олеие: мие иужио, во-первых, определить южиую граиицу распространеиия аз[иатского] оленя; во-вторых, разиицу в культуре, уходе за оленем в Арханг[ельской] губ. сравиительио с Лапландией; в-третьих, существует ли сходство в перекочевках олеия в Арханг[ельской] губ. с Сев[ериой] Америкой или с Сибирью. Дело в том, что в [Сeвериой] Америке олень кочует зимой в лесу, здесь ярует, бросает рога и мечет телят; самцы заходят южиее в лес, чем самки; летом ои идет к морю и пасется иа туидре. В Сибири — зимой к морю, летом в лес. А в Архаигельск[ой] туидре как? Сeвериый олень — это культуриое животиое Сибири, и, вероятио, культура его иачалась в Саяиах; отсюда ои явился и иа Чукот[ский полуостров], как и к Нордкапу. Значеиие этого животиого велико в отиошеиии к расселеиию человека и к междуиародиым сношениям в древиости. Когда Европа вела торговые сиошеиия через север[иый] Урал, олень послужил человеку так же много, как верблюд в Снр[ии] и в Африке.

Г. П.

43. Н. М. ЯДРИНЦЕВУ

[Декабрь 1872 г. Тотьма]

Капризиее меия Вы едва ли зиавали человека! Представьте, до какой степеии я, посидев три года в одиом месте и сорвавшись с цепи, как говорится, сделался до крайиости легкомыслеииым человеком. Много ли я посидел в Никольске, пришла фаитазия: иет, скучио в Никольске, дай поеду в Тотьму. Но миого ли пожил здесь? И сиова елу в Никольск — вто вологодское Тимбукту[1]. Ни латиискиий квартал, ии миогочисленные параллели с Томском — иичто ие могло меия удержать здесь. Дией через шесть, семь я буду снова в Тимбукту. А потому следующие свои письма прошу Вас адресовать в этот африкаиский город.

Я уже писал Вам, что я получил 50 рублей (30 не Ваших+20 Ваших), и Вы думаете, что я из них выписал книги. Но переход вызвал такие расходы, которых я не ожидал. Кроме того, я решил не идти пешком в Никольск, а ехать, что мне будет стоить около 5 рублей. Потом, конечно, как и всегда, нужно немножко здесь бросить, а там снова завести. Поэтому едва ли что-нибудь я выпишу капитальное.

Вещи мои и книги увез вперед Андр[ей] Павл[ович]. Туда же уехали и Ваши книги, а потому и рецензию о Вашей книге[2] буду писать только в Никольске. Боюсь, что запоздаю. [Книга] Вайца тоже там. Прибыв в Никольск, тотчас же вышлю «Мексику»[3].

Как Вы, любезнейший мой друг, не могли сами избрать, кому послать спорный экземпляр[4]: Ив[ану] Фед[оровичу] или Геор[гию] Ефрем[овичу]? Конечно, последнему, и скорее, чем кому-либо другому.

«Тайжане» уже в пути к Вам, может быть, Вы и не скоро их получите.

Наконец я получил все [номера] «Дела» и прочитал «Колонизацию» и изжареиного Турбина. Ваша «Колонизация» возбудила во мне такую мысль: историю ее можно разделить на три периода: 1 — Colonisation spontanée, 2 — Colonisation organisée и 3 — Colonisation [comme] humanité. Вы непременно должны написать ряд очерков о колониях. По поводу Каиады Вам следует непременно привести Ваши соображения о предстоящем осуществлении идей одного французского философа прошлого столетия[5]. Что касается [труда] Рошера[6] по колонизации, то я готов служить Вам — я сделаю из него извлечения, если пришлете оригинал.

По приезде в Никольск займусь статьей о сибирских и других инородцах. К сожалению, я, по совету Андр[ея] Павл[овича], должен также спешить с представлением кое-каких работ в Геогр[афическое] общ[ество].

Флеровского о рабочем классе[7] не читал, а это нужно сделать, ввиду именно той работы, какую я хочу написать для Географ[ического] общ[ества].

Так как Серафим Серафимович специалист по женск[ому] вопросу, то справьтесь у него, какие есть школы для фельдшериц в России, условия приема, лета, экзамен вступительный, плата за слушание и пр. Один временный, как и я, тотемский обыватель желал бы пристроить в такое заведение свою воспитанницу.

Что Сер[афим] Сер[афимович] предпринимает труд об Индии, это меня радует — рукоплещу. Все-таки это для нас имеет интерес.

Кто-то Вам подшпионил о том, что стихотворение Ваше «Я из той страны» не в моем духе. Это дифирамб природе, написанный после чтения книг, а не по [личному] впечатлению. Больше ничего не могу сказать.

Что касается до «Ветряки», то жду ее со следующей почтой в исправленной редакции.

Кроме ряда статей о колонизации, не то чтобы иные же, а по истечении, конечно, некоторого времени, я бы посоветовал Вам (или Сер[афиму] Сер[афимови]чу) предпринять вот какие сочинения: ряд очерков о возрождении нации. Какие же идеи способствовали возрождению различных наций? Оказывается, они были у разных народов различны.

По поводу Ваших вопросов, о которых Вы собираетесь писать брошюру, я поговорю впоследствии подробно о каждом в отдельности. Теперь же предложу Вам только вопросы: согласны ли Вы, что самыми важнейшими из них должно признать три, а именно (в порядке по важности): 1) штрафная колониз[ация], 2) мануфакт[урное] иго, 3) отсутствие интеллигенции. Интеллигенцию можно приобрести только при мануфакт[урном] развитии, а сие последнее невозможно при депортации. Затем остальные вопросы все составляют особую статью, подчиненную первой, как, например, административный, о путях сообщ[ения], народческ[ий] и пр. Только вопрос об общине стоит непосредственно за первыми тремя.

Гр. Потанин

Прилагаю программу для собирания сведений об оленях. За Ваши натуралистич[еские] известия спасибо — вставлю. Проверьте хорошенько известие о том, что охотники бросают платье в погоне за оленем, чтобы мне внести это определение или в виде истины или народного предрассудка. С вопросами об олене нет надобности обращ[аться] к специалистам-натуралистам, а [нужно] к охотникам, священникам, объезд[чикам] (если Вы знакомы с лесничим).

44. Н. М. ЯДРИНЦЕВУ

[Январь 1873 г. Никольск]

Письмо свое я должен начать извинениямн, что ие отвечал на целых три Ваших письма. Писал, видите ли, две статьи для Географического общества; одиу уже отослал, а другую докаичиваю.

О северном олеие вот что мужио бы узиать: в каких местиостях уезда он водится, на каких болотах; [жители] каких деревень преимущественно за ним охотятся; какие они совершают передвижения, бродят ли в одной местности или кочуют маятиым порядком, т. е. может быть, летом уходят к Бел[ому] морю на тундру, а на зиму возвращаются в леса (как в barrenground[1] — caribou[2] Североиой Америки) или наоборот (как олень Лены и Колымы). Ваше известие, что олени яруют весной, должно быть, написано Вамн по ошнбке — с[еверные] олени Сев[ерной] Амер[ики] яруют осенью; да и здесь в Волог[одской] губ[ернии] весной их стада встречают уже с телятами. Не славятся ли у вас какие-нибудь места на реках как постоянные переправы оленей? Употребляют ли на них клепи[3] при охоте? Нет ли таких преданий, что прежде олень сам выходил в деревню к известному празднику, и давал себя заколоть? Здесь олень водится иа моховых болотах, лежащих на водоразделах рек; у вас не так же ли?

Из новостей, которые мне известны, самая важная, что наш Адриан Кондр[атьевич] Шешуков[4] основал фабрику мыла и помады, продает на 15% дешевле московских прейскурантов. Вычитал я это в «Камско-Волжской газете»[5], где помещена длиниая корреспонденция из Тюмени с подробным отчетом об ее промышл[енном] прогрессе.

Газета эта основана двумя студентами[6] на 50 рублей, даниых заимообразио; купец дал бумагу с тем, чтоб плата [была] по истечении года; типографщики согласились печатать с уплатой по истечении третей. При таких-то условиях и началась эта провинциальная газета. Сотрудники, редакторы, корреспонденты — все работали даром. Попадаются корреспоидеиции из Еиисейска и Тюмени; но большая часть из городов по Волге и Каме. Не иайдется ли у Вас излишней статьи для нее? Да не слыхали ли чего-нибудь о Клиндере?

«Неделю» мне высылали, ио с 1 января прекратили. Статью Авесова[7] читал. Мы, может быть, напишем по

поводу «Камско-Волжской газеты» статью о провинц[иальной] журналистике.

Об «Общине в тюрьме и ссылке» я, кажется, напишу сжатую рецензию в «Неделю».

Я был очень рад, что «Тайжане» Вам понравились, и в особенности, когда узнал, что Вы отказались от намерения превратить их в универсальную картину и оставляете их в пределах штрафного вопроса. Я только хотел Вас уговаривать сделать так. С другими усовершенствованиями этого романа я совершенно согласен, только зачем Вы, во-первых, хотите дать новое название; я бы просил Вас оставить название «Тайжане»; во-вторых, не советую так кончать, чтоб напоминало эпизод о Тальцинской фабрике из романа Омулевского «Шаг за шагом»; в-третьих, почему Вам не нравится угрюмый характер тайги; вообще хвойная трущоба наводит на человека тоску; ведь это и здесь испытывают люди, шляясь по здешнему сузёму; если Вы не оставите этого сурового колорита тайги, если Вы введете малейший дифирамб какому-нибудь высиженному в голове пейзажу, Вы испортите единство романа. Указываю Вам, что в нем все (природа, сцены, типы, монологи, аллегории) должно составлять единодушное сетование на существующее положение вещей. Что касается до сцены Бакаева с Ваныкиным, которую Вы просите сочинить, то я, право, не берусь; материалов не имею. Советую только Вам сделать такое начало знакомства: Роман Каэтонович приводит Ваныкина к Бакаеву; застают в саду; Бакаев показывает сад какому-то провинциальн[ому] аристократику, 20-летнему фату; тут же немец садовник, которого Бакаев держал, чтобы напоминал Германию. Провинц[иальный] фат расхвалил из вежливости сад. Это, говорит он, впослед[ствии] будет служить украш[ением] города; начальство должно поощрить Ваши труды.

— А как Вам нравится стебелек этой веймутовой сосны?— спрашивает Бакаев.

— Очень милое растеньице!— говорит фат по обязанности. И потом спрашивает:— А это паршивое деревцо отчего Вы не вырвете?

— Да это и есть веймутова сосна, которую Вы только что хвалили,— сказал Бакаев, громко хохоча над опростоволосившимся фатом.

Бакаев отвык от многих русских слов, часто сомневается, так ли он называет вещи, и, забыв, что он не в Германии, рефлекторно обращается к собеседнику с не-

мецк[ой] фразой, особеиио когда это служит приэетствием или приглашеиием. Так, он Ваиыкииа вводит в кабинет, спрашивает: «Rauchen Sie?» — и потом спохватывается.

Спор Бакаиова с Ромуальдом я советую не так изложить, как Вы предположили. У Вас Бакаиов — космополит, побиваемый Ромуальдом; а я бы советовал так написать, чтоб Баканов побивал Ромуальда во второй половиие спора, а в первую [половиию] верх одерживал бы Ромуальд. Когда Ромуальд говорит о метисации, понижеиии расы, Вы должиы изобразить Бакаиова остроумио оппонирующим, положим, и такими фразамн, как «The course vices»[8] и пр. (только зачем по-аиглийски, а ие по-русски?), но он ие должеи торжествовать, иначе Вы впадете в роль славянофила, ващитиика иародных доблестей и прикрывателя народных недостатков. Речь же Ромуальда представляет прекрасиый случай громово разразиться филиппикой против иеразвитого общества, в котором трудио жить иителлигеитиому человеку. Когда же космополит Бакаиов порывает узкие взгляды Ромуальда, дайте Баканову перевес. Бакаиов говорит с верой во все части человечества, ои рисует фугу[9] Гете постепенного развития цивилизации, ои не верит в преимущество [иекоторых] рас и тем развязыва[ет] руки карыму Ваиыкиию; в сердце последиего проиикает иадежда, что и он ие обижен богом дарованием, что и он может участвовать в фуге цивилизации. Так[им] образом, дифирамб космополитизму зажигает огоиь в груди Ваиыкииа; и то, что Вы хотели доказать моиологами, вставленными в уста дебатеров, доказывается чувством Ваиыкииа. Не вто ли иастоящее искусство художиика, более — драматурга? Читатель будет сиачала в восторге от поразительиых доводов и картии Бакаиова, а потом вдруг почувствует, что при всем том в его теории иужио сделать кое-какую поправку. А Вы между тем избегнете упрека критики, что Ваши герои есть просто клички со вставлениыми в их уста собствеиными рассуждениями автора. Такие риторические фигуры вызываются энергическими переходами в чужой лагерь. А и вправду, разве ие космополитизм вызывает иовые голоса в фуге?

Вы, кажется, хотите, чтобы Васька Смазной не был убит коиюхом, а удачно убежал из тайги. Оио и лучше, если будет меиьше походить иа Каразниа. В таком случае для времеии его бегства по тайге я Вам предлагаю следующее сравиеиие. Еще барои Гильвен[10] сравнивал тайгу с океаиом, в котором без компаса иельзя страиствовать. В тайге есть заломки, где лес вырваи с корием на десять,

а иногда на двадцать верст. Многие такие заломки встречаются и внутри леса. В них растущие деревья перемешаны с упавшими; тут болото, сгнившие, лежащие на боку стволы, растущие деревья — и все это в коварно-хаотическ[ом] смешении; мхи покрывают огромный труп, лежащий на боку, но внутри одна гнилость; другие стволы облокотились своими вершинами на соседние, как будто в изнеможении, так и высохли в полулежачем положении; вода и ветер осочили их. Вы наступаете на их как будто крепкую бескорую поверхность, но коварство — толстый ствол разваливается, и вы проваливаетесь в болото, из которого едва спасаетесь. Подобно тому, как реки в пустынях теряются в песках, не достигая устья, так и реки тайги теряются в заломках. Тут концы колодника постепенно переходят химически в почву, и почва и болото взбираются на поверхность павших деревьев. Вот по такой-то дорожке и идет Васька Смазной; идет сутки, идет другие. Плохо он продвигается вперед; то он ныряет между лежащими стволами, то снова восходит на колодник. Он давно уже идет, он устал, останавливается и осматривает тайгу, но она так однообразна, как волны морские, и то, что он теперь видит, кажется ему тою же местностью, из которой он вышел утром; подобно тому как гребец в шлюпке, находясь в море далеко от берегов, старается пересекать волны, они то опускаются вместе с его шлюпкой, то выносят ее вверх, но всякий раз, как он очутится на гребне волны, перед ним та же картина, какая представлялась и с вершины предыдущей волны.

Не найдете ли нужным ввести галлюцинацию с Васькой? Бродяги вообще визионеры; им грезятся блестящие, как медь, свившиеся на дне долин змеи, или греющиеся у огня, разложенного бродягой, лешие, которые с вспыхиванием пламени укорачиваются в пигмея, а с потуханием растут, растут наравне с елью и т. д.

Наконец, уж если Вам захочется вставить эпизоды об отказе рабочих продолжать работу, то поберегитесь, чтоб из Ваныкина не вышел Светлов. Не знаю, удержите ли Вы за Ваныкиным те характерные его черты, которые я хотел в нем видеть. Понимаете ли в чем дело? Люди делятся на два типа: одни — болтливы, не унывают ни при какой погоде как скворцы (по Брэму), добродушны, полны гуманных чувств — это у них врожденный инстинкт, и они не могут переносить никаких страданий — страдай человек или канарейка, это все равно; по свойствам своей натуры они способны быть только пропагандистами. Это —

Ванькнн. Другие — молчалнвые, сосредоточенные, в душе у ннх нет сострадания, и еслн в инх есть чувство гуманности, то оно развито воспнтанием нли соображеннями ума, по характеру же они — противоположиость первому типу, как Дон Карлос Пушкина Дону Жуану. В них врожденное влечение к подвалам, вертепам, к тайнам н к ночным похождениям. Это Аркашов. Этн два типа друг друга пополняют, н дело, в котором оин соединятся, пойдет отлнчно, но в романе вти два тнпа во вражде. Я ведь и сам было иапнсал такой конец, но отрезал. В этом конце у меня, впрочем, выходнло так, что Ванькин оказывался вовсе не нскусным; Аркашов даже предлагает ему доиграть свою роль, но Ваиькнн конфузнтся н боится, а Аркашов нздевается над ннм и говорит: а вот посмотрите, как я ловко все обделываю. Ведь я уже опытен. Я знаю, что такое русская оппозицня: свистнет соловей-разбойннк, старший хоронится за среднего, среднй за младшего, а младший окорачь ползет. Затем он выходнт к толпе н говорит речь, в которой иесколько раз возвращается к одной просьбе: не меия пожалейте, пожалейте мою мать-старушку, у которой я еднпств[енный] сын (а матери, может быть, даже и не было в живых); я смерти ннкогда не боялся, я был в стычках на Кавказе, стрелялся на дуэлн, но теперь, как вспомню, что мать моя остаиется одна, в один прекр[асный] день ей сообщат... и пр. Речь производнт магическое действие, нбо у самых испорчеиных людей ндея о любящей матерн заставила шевельнуться сердце.

Кстати, тут тнп, который Вы можете вывестн предварительно: вто пантенст, солдат; он звал себя Скрнпкинбог, потому что делал скрипки; он артист, скрипач, шутник; всякому проходящему он что-нибудь скажет такое, что тот ради поддержанння шутки бросается с ннм барахтаться; большеносому он крикнет: «Руль направо!» плешивому: «Ох, как воссняло!», корявому: «Щеку зашпаклюй» илн: «Как ковыряный!», черномазому: «Словно смазной»! Начнет рассказывать, кругом слушатели впиваются в иего глазами, а он то н дело прерывает свой рассказ: «Пн, пи, пн!»— вдруг он передразнивает защебетавшую пташку в тайге. «Пальба рядами!— крикиет, когда раздастся звон разбитого стекла.— Слава богу! Кто-то влетел! Полтнинник стекольщнку есть»! Илн вдруг скомандует: «Батальон, стой! Пуговнцу нашлн!» Затем останавливается рассказывать, вынимает нз-под рукн пойманную блоху н казнит ее иа иогте, говоря: «На 12 ветров

к расстрелу!» Он к женщинам питает жалость, но никогда не был влюблен; полюбил он свою мать, она умерла, но он жил воспоминаниями о ней. Он рассказывал юмористические анекдоты, как они ссорились, как она ругала его: «О треклято-ой! Уж наажрался!»,— как он молча брался за горшок и принимался молоть для нее табак, что означало: «Корюсь!»— и как она, смеиив грозу на милость, шла в кабачок за косушкой. Своя губер[ния] (Симб[ирская]) ему была дорога: во-первых, там могила любимой матери, во-вторых, ряд детских воспоминаний. Он был влюблен в одно живое существо (в мать) и затем в общие формы симбирской жизни. Августовские спасы в тайге без спеющих яблок и т. п., отсутствие черт симбирской жизни давили его грудь; не те картины, не те фазы социальной жизни, и он страдал ностальгией. Он говорил: «Уйду, лягу на могилу матери и умру, а в карман положу записку, чтоб положили рядом с ней». Мать унесла у него все счастье; для него было немыслимо, чтоб кто-нибудь еще мог его полюбить с такой непритворностью. Он был пантеистом; обоготворял солнце. Весной высунет лицо в окно на солнце и пригласит его дружески, ласковым голосом: «Ну, ну, солнышко, обогрей мою паршивую харю!» Перед гербовым столбом на границе Симб[ирской] губ[ернии] он распростерся на землю и возгласил: «Прощай, матушка Симб[ирская] губерниюшка!»— поцеловал [землю] и заплакал.

Речь Аркашова производит впечатление на Скрипкина-бога; он первый ей поддается. Как оно распространяется на других, Вы сами измыслите.

Я напишу Битлинду, чтоб он зашел в редакцию «Дела» (с которой он поссорился), взял мои очерки («Люты дни») и переслал Вам. Вы можете из них извлечь кое-что и для «Тайжак», а остальное обработать в «Искру». А я оказываюсь совсем не беллетристом.

«Ветрянка» в последней редакции не оставляет желать ничего лучшего, только извините, что я одно слово заменил, вместо: «счастливый стократ» написал: «много счастливый». Мне кажется, в первом случае ударение получается неловкое: стóкрат. Стихи из Гейне хороши. Напечатайте, пожалуйста, «Песню».

Григорий Потанин

45. Н. М. ЯДРИНЦЕВУ

[16 февраля 1873 г. Никольск][1]

<...>[2] Я просил Битлиида взять «Лютые дии» из редакции [«Дела»] и послать Вам. Если же ои этого ие сделает, пошлю Вам свои черновые. Вы миогим можете воспользоваться из иих.

И я тоже закоичил очерк соображеиием, что крепостничество приучило вас строить дурака, прикидываться шутом гороховым, лазаря корчить. У очерка эпиграф из Гете: Ist villeicht nur die Welt ein grosser Kerker, und frei ist nur der Tolle, der sich Ketten zu Kränzen ein-Schägt» (т. е.: может быть, мир есть ие что иное, как большая тюрьма, и свободеи одии только дурак, который цепи избирает вместо веика).

Вашей заметкой об этом предмете и я воспользуюсь для заметки об иородцах, которую хочу поместить у г. Агафоиова: упомяну тут и те иасмешки иародные, которые г. Максимов[3] так иеуместио поместил вм[есто] впиграфа к своему «Краю крещеиого мира» и т. п.

Очерк Каразиина[4] буду ждать с иетерпеиием; буду считать это в долгу за Вами.

Еще просьба: до иастоящего времеии г. Агафоиов[5] был без устаиовившегося иаправления, просто хотел издавать газету в либералъиом духе; если Вы иаходите ее плохою, то [вто, во-первых], потому, что трудио возиться с цеивурой, а во-вторых, люди ее игиорируют, а из молодежи в провииции иет людей даровитых. После того как газета лишилась главиого сотрудиика[6], иекому писать передовых статей. Но в иастоящее время редакция остановилась иа Пьер Жаке[7]; оиа думает, что оиа открыла иакоиец то, чего искала, и будущий путь все более и более проясияется. Прежде редакция думала, что местиый иитерес — вто зиачит водопровод, актриса — любимица местн[ого] общества и т. п. Теперь созиали, что [местиый иитерес] — это зиачит что-то высшее; ио все еще сама редакция ие может овладеть предметом иастолько, чтобы сама могла ставить статьи. Поэтому ие возьметесь ли Вы написать ряд передов[ых] статей: что такое местиые вопросы, местиый патриотизм; чем местиые вопросы отличаются от общих, с одиой стороиы, и от водопроводов и т. п. quasi местиых, с другой. Я думаю от общих [вопросов местиые отличаются] тем, что существуют только для даиной местиости, имеют, следов[ательио], ограиичеииое географическое зиачеиие, от quasi местиых тем, что послед-

нне представляют интерес и для всех другнх областей, несмотря иа то что оии местные.

Об уважении народных иистиктов: иужио ие презирать их, а пользоваться [ими]. По Дарвиу, оказыв[ается], что все социальиые инстинкты вынесены нами еще из мира дочеловеческого, животиого: героизм, самопожертвование, любовь к отечеству — все вто существовало давио, только в грубой форме, которая исчезла со времеием. Народиые симпатии и антипатии всегда вериый указатель, что в блестящей со всех сторои игрушке заключается какое-иибудь скотоподобие: «Le peuple est mauveis juge de causes, mais grand connesseur des effets»[8],— сказал велнкий Галнани. Руссо и Пьер Жак по многим вопросам подошли, как будто иаведеииые иародными антипатиями, как, например, к иауке, к цивилизации. Наука, ие справляясь с симпатиями иарода, рискует обратиться в академическую, уиестись в заоблачиые пространства или в слугу буржуазни. Философ, ие спускающийся к народу, всегда, как Антей, прикрепившись к земле, подиимается с удвоенною силою. Местиый патриотизм — это могущественный инстиикт, ие призванный к жнзни, бесполезно таящийся, робко прозябающий в сердцах людей, и способиый сотворить чудеса, как он это и делает в Америке, если сделать к нему призыв. Пусть он мельчится, дробится до общин, тем больше окажется жизни в обществе. Ваши страницы о патриотизме привели нас в восхищение своею ясностью. Непременно иужио, чтобы Вы написали и для Клиидера, и для Агаф[оиова].

Необходимо написать о Япоиии. Надо сделать это дело как можно более общеизвестиым. Что, не догадается Серафим] С[ерафимович] для «Дела» иаписать большую статью, а потом от крох [ее] и мы бы попользовались. Елисеев понял, какое значение может иметь ознакомление с микадо[9]. А Вы? Люди завистливы, нужио эксплуатировать завнсть. Зиаете, что микадо сделал: тайга была доселе Прачешиым переулком[10] или Волковым кладбищем[11], а теперь станет Дворцовой иабережной Тихого океаиа.

В иастоящее время я заият перепиской статьи для Географ[ического] общества. Затем я вздохиу свободиее и засяду за рецензию Вашей книги. Пошлю в «Неделю». [Оиа] будет иебольшой, но сжатой статьей. Хотел удивить Вас сюрпризом, но порешил лучше посоветоваться, ибо пишем же мы ведь ие только друг для друга...[12].

46. А. С. ГАЦИСКОМУ

[Февраль 1873 г. Никольск]

Милостивый государь
Александр Серафимович!

Географическое общество (в Петербурге) поручило мне написать «Описание сверной окраины Китая»[1]. Для этой цели оно снабжает меня книгами и рукописями по каталогу, который я представил г. секретарю Общества. Между прочим я просил председательствующего в физико-математическом отделении барона Остен-Сакена[2] доставить мне сочинения о Нижегородской ярмарке, с литературой о которой я вообще знаком и которая, однако ж, имеет интерес при составлении моего «Описания Сверного Китая», так как сочинение это должно преимущественно служить для ознакомления с тем краем нашего купечества, а потому в нем должны быть приняты во внимание интересы его. Барон Остен-Сакен уведомил меня, что он не нашел в своем распоряжении ничего, чтобы удовлетворить меня в этом отношении, и просил обратиться в Нижний Новгород. К счастью моему, в г. Никольске я познакомился с г. Лаврским[3], который и доставил издаваемый Вами «Сборник Нижегородский» в 4 томах, где я нашел статью Овсянникова об отношении сибирского транзита к Нижегородской ярмарке[4], а также Вашу статью[5]. Я еще не успел познакомиться с этими статьями и должен спешить писать Вам письмо, не прочитав их, потому не могу Вам сказать, найду ли в них все, что мне нужно.

Меня интересует собственно баланс между массами сырья и фабрикатов, вывозимых из Сибири и ввозимых в Сибирь. Ответ на это могли бы дать только цифры, если они собраны Нижегородским статистическим комитетом. По рекомендации Конст[антина] Викт[оровича] я решился обратиться к Вам с просьбой, во-первых, сообщить мне перечень сочинений о Нижегородской губернии, какие Вы знаете, во-вторых, не можете ли передать мне во временное распоряжение цифровые данные о Нижегородской ярмарке, если у Вас таковые имеются.

Готовый к услугам Григорий Потанин

47. Н. М. ЯДРИНЦЕВУ

4 марта 1873 г. Никольск

Вам из газет, вероятно, известно, что я представил в Географ[ическое] общество карту распределения инородцев в Томской губ. и что ее возвращают мне для дополнения. За карту эту мне выдали 100 рублей, которые я уже и получил при письме секретаря Общества, графа Литке[1], который пишет, что для меня посланы из Общества книги для составления «Описания северной окраины Китая». Я их еще не получил.

Вместе с тем я получил письмо от Калачова, он заходил к Семенову, и тот ему сказал, что он будет хлопотать о моей свободе. Кроме того, один из членов Общества говорил, что меня по освобождении чуть ли не пошлют дописывать «Окраину» на месте.

Таким образом, судьба моя хочет быть похожей на судьбу кучумовского татарина, о котором я мало знаю (знаете ли Вы?), потому что рассказ о нем я читал только в коротенькой летописи, хранящейся в Румянцевск[ом] музее. Кучум[2] приговорил одного татарина за какое-то преступление к смерти, но [одновременно] обещал ему амнистию, если он высмотрит лагерь Ермака и принесет оттуда стрелу. Я даже жду переложения в альбом этой легенды. Наши казаки поют песню, чуть ли не переложение этой легенды; в ней татарин обращается к какому-то хану со словами: «Не прикажи, хан, казнить, прикажи слово говорить»,— и потом рассказывает, что он видел неприятельский лагерь. Чтобы стихотворение имело гуманное значение, нужно в уста татарина вложить упрек хану полночных стран в конце его речи.

Статьи Ваши «Новости нашего Востока»[3] и ответ г. Авесову[4] я читал; по их поводу я еще напишу статейку. Нечего и говорить, что я доволен обеими, т. е. мыслью, в них вложенною, но вот что. Ответ-то куда лучше написан, чем «Новости», которые не более как сокращение и обеднение «Ответа». Там и мальчик из Саина, а тут поместили Изиду без всякого мальчика*. Я было уже хотел сетовать на Вас за такое малое участие к тем газетным столбцам, на которых помещены «Новости», но догадался, что это просто произошло от Вашего неведения — будет ли напечатан «Ответ».

---

* Кстати, меня просят достать сведения об этой легенде, которой и я не знаю.

В будущем же я жду рядом с «Новостями» самых милейших для меня статей. Я Вам даю отпуск увольнительный в «Дело» и пр. только для материальиого заработка.

Во имя fundamentum relationis[5] иашей дружбы прошу Вас ие жалеть блеска языка, знаиий, патриотизма и пр. и для той газеты[6], в которой и я буду по преимуществу работать. Я приглашу к тому же Аидр[ея] П[авловича] и Геор[гия] Ефр[емови]ча. Оиа нуждается в поддержке, в придаиии ей авторитета и блеска. Надо показать, что в ней не гиушаются писать и люди, печатающиеся в толстых журиалах и издающие целые трактаты. Поэтому подписывайтесь собствеи[иым] именем. Упросите также С[ерафима] С[ерафимовича], чтоб и он дал что-иибудь за своей подписью. Он стал так популяреи, что Шигин говорил А[идрею] П[авловичу]: «Киижку, которую Вы предлагаете, не могу рискиуть печатать; вот дело другое, кабы Шашков. Его киигу, я увереи, расхвалят, и в убытке не будешь». Передайте ему мое письмо и употребите влияиие. У иего иепремеиио найдется что-иибудь о Востоке, Иидии и о жеищинах.

По поводу постигающей меня судьбы кучумского татариина я хочу устроить для одного своего товарища пельмеии, ио, к сожалеиию, нет поэзии; надеюсь, что и Вы во имя мое в Шеикурске устроите пельмеиецию. Когда я устраивал такие для А[идрея] П[авлови]ча в Тотьме, он прочел вирши Омулевского, ио это розеигеймовщииа[7], а хотелось бы что-иибудь влегически-патриотическое. Не забудьте, что пельмеии — блюдо артельиое, и все те, которые приглашаются иа пельмени, должиы и участвовать в стряпие. Это даже зиают и русские в Казани благодаря популяризации сибирских студеитов. Надеюсь, что Вы поймете свою роль, очутитесь иа высоте мииуты и стаиете душою издаиия. Жду от Вас передовых статей, рецеизий беллетристики и журиалов, фельетоиов со стишками, рассказов и пр. Пишите статейки с философскнм характером вообще, о необходимости локализации иауки, о пульверизации патриотизма, об общиие и иеобходимости виовь вдохнуть в нее чувство братства, кот[орое], мож[ет] б[ыть], ее некогда оживляло и по крайией мере теперь уже ие оживляет, о колонизации штрафиой и иештрафиой, т. е. колоиизации толстого и тоикого поведеиия, о конвиктах[8] и пр., и пр.

У Вас был собраи материал о цеитрализации и против луи-блаиизма — ие можете ли оттуда кроху уделить,

[а также] о провинц[иальной] журналистике, провинц[иальной] беллетристике, по поводу очерков Ник[олая] Ив[ановича] Наумова (это, впрочем, можно и к Клиндеру[9]), о Сперанском (по Вагнеру[10]) как конвикте, о статьях Шапова. Последнее очень бы кстати было в этой газете, потому что память об нем жива в этих местах.

А я напишу о другой личности, также связанной хорошими традициями с краем,— о г. Ровинском и его этногр[афических] исследованиях[11].

Стихи Ваши я все обратил в свою собственность и, за исключением только «Из Гавличка», все отсылаю на днях в нашу редакцию[12].

Два слова о «Тайжанах». Не изобразить ли любовь Ванькина к Наталье меланхолическою преданностью, к какой обыкновенно наклонны народцы. Припомните г. Бадмаева и его любовь к одной студентке. Подобная любовь заключается в какой-то безграничной преданности, в покорности ко всяким малейшим приказаниям, в желании, пожалуй, закабалить себя, сложить с себя полномочия независимого характера зверолова-народца и положить к ногам женщины. Наталья дарит Ванькину запонки, он пишет ей в записке, что не сымет их никогда; тогда Наталья призывает его в свою комнату, показывает ему его записку, берет карандаш и говорит: «Подите сюда!» и зачеркивает слово «никогда», предупреждая, что он не должен никогда писать этого слова. Ванькину, как карыму, такая любовь кстати, а если Вы не знаете, что народцы отличаются феноменальной Freigebigkeit[13], то об этом Вы прочтете в рецензии на Вашу книгу, которую буду вскоре писать и которая будет такой же рельефной, как Вы выразились, статьей, как и «Где рынок».

Еще: Васька Смазной в яме; не можете ли вложить ему в голову такие мысли в это время, что он продолжает еще фантазировать на те темы, на которые фантазировал на свободе. Подобно тому как человек, соскочив с пролетки, еще бежит по инерции дальше, так наши мысли в тюрьме все еще долго продолжают жить тем, чем жили до секретки. Я в Омске с месяц, по крайней мере, все еще продолжал сочинять статьи для «Томских ведомостей»[14].

Если Вы не обратили внимания на корреспонденцию из Кишинева (С.-П[етербургские] в[едомости], № 38, 1873), то обратите. В особенности Вы сделали бы недурно, если бы Ваш голос обратился для поддержки г. Михайловского[15]. Издание будет бездушно, если в нем не будет статей против дарвинизма в приложении к социологии,

против вольтерианизма и пр. Разумеется, не нужно отдельных статей по этим вопросам, но нужно в других статьях своих давать чувствовать, что не принадлежишь к числу сухих сторонников науки и цивилизации. Передайте мое письмо Мурзе Медичу. А очерка о нем все-таки непременно жду.

С карымской преданностью любящий Вас

Гр. Потанин

P. S. Не лучше ли было бы переставить строчки так[им] образом:

Предок наш любил пельмени.
В назидание потомству
Сделал он пельмень огромный...[16]

и тут четвертую строчку придумать новую. Неужели Вы не превратите того, что писали о Мурзе Медиче, в беллетристич[еский] очерк? Это было бы весьма кстати для казанской газеты; в особенности было бы хорошо, если бы прислали очерк сюда, чтобы я к нему написал передовую и можно было бы напечатать их в одном номере. Я бы написал передовую о гуманном обращении с инородцами, о неумении у нас даже деликатно обращаться с этим предметом наших писателей, вроде Максимова, иллюминовавшего свой край крещеного мира пошлыми эпиграфами из насмешек народных над инородцами.

О значении Казани как передового поста русской культуры на Востоке пишите, это очень нужно. О том же и я соберусь написать.

Итак, за Вами я считаю долг: [статью] о Казани как о пункте, обращ[ением] на Восток,— это раз, о Мурзе Медиче — два, о предстоящем административном разделе Сибири — три и «что такое провинция»— четыре.

Последняя статья развила во мне даже болезненную чувствительность. Что касается до Вашего административн[ого] проекта, то в большей его части, в подробностях, я признаю себя некомпетентным судьей, но в главном, т. е. в сохранении генерал-губернаторской власти, согласен и даже желал бы, чтобы власть эта была расширена до власти наместника. Если Вы напишете об этом в «Камско-Волжской газете», это будет кстати; ибо другой сотрудник, сколько мне известно, готовит передовую статью о земской единице, в которой хочет похаять современное деление на земские уезды и губернии как деление

искусственное и хочет предложить земскую волость, земский округ и земскую область. Под последними он разумеет группу губерний, целый край, естественно обособленный природой и экономич[еской] жизнью.

Итак, если в России появляется стремление к слитию губерний в области, то незачем раздроблять Восток. Генерал-губернаторским городом, по-моему, должен остаться Иркутск, и незачем резиденцию переносить в Томск. Впрочем, это мелочь, а в мелочи не хочу вмешиваться.

Андр[ей] Павл[ович] уехал с убеждением в необходимости наместника, и притом из высокопоставленных лиц. В «Сибири» напечатано, что [великий князь] Алексей Алекс[андрович] поедет через Сибирь весной. В Петербурге носился слух, что его предназначали в наместники.

Любящий Вас Григор. Потанин

48. ГРАФУ К. Ф. ЛИТКЕ

9 марта 1873 г. Никольск

Многоуважаемый граф
Константин Федорович!

Письмо Ваше со 100 рублями получил и посылаю расписку.

Из Географического общества я получил следующие посылки: 1) термометр Цельсия, 2) дождемер с бланками, 3) «Землеведение Азии» Риттера, тома II, III, IV и V, 4) «Der Altai» von Cotta и только.

Книг, отобранных для меня бароном Федором Романовичем перед своим отъездом за границу, я не получал, а потому вновь посылаю список необходимых мне книг при составлении описания северной окраины Китая:

1) Труды сибирской экспедиции Шварца[1];

2) Путешествие Радде на Амур[2];

3) Путешествие Чихачева на Алтай[3];

4) Корсак: Историческое описание кяхтинской торговли[4] (точного названия не знаю);

5) «Вестник Географического общества», в котором помещена поездка г-на Пермикина на Косогол[5];

6) Записки Геогр[афического] общ[ества] (тот том, в котором поездки Принтца в Кобдо и Струве и Потанина в южный Алтай)[6];

7) Ermann's Archiv für Russland — книжки, в которых помещены путевые заметки Радлова по Алтаю[7].

К этим книгам я просил бы Вас прибавить еще II том «Записок по отдел[ению] статистики» со статьей г. Радлова «Торговые сношения России с Западной Монголией».

И не знаю, рукопись ли это, хранящаяся в архиве Общества, или напечатанная статья купца Веселкова «О торговле с Западным Китаем со стороны Минусинского округа Енисейской губернии»[8].

Кроме того, барон Федор Романович писал мне о маршруте г. Матусовского в Кобдо и Улясутай[9], с которого необходимо снять копию.

Искренне преданный Вам Григорий Потанин

49. А. С. ГАЦИСКОМУ

17 марта 1873 г. Никольск

Милостивый государь
Александр Серафимович!

Указаниями Вашими на статьи «Правительственного вестника» воспользуюсь. За Ваше предложение снабдить меня некоторыми сочинениями о Нижегородской ярмарке очень благодарю и, если это не составит для Вас больших хлопот, прошу Вас выслать мне два каких-нибудь из тех, названия которых Вы сообщили в своем письме. Сам я сделать выбор не в состоянии, потому что совсем не знаком с этой литературой. Выберите только поновее и пополнее. Издержки на присылку позвольте мне принять на свой счет.

Направление, которое Вы придаете исследованиям о Нижегородской ярмарке, заключающееся в разработке данных о распределении московских фабрикатов по областям и о доле участия каждой отдельной области в деле снабжения фабричного имперского центра сырьем, дает повод надеяться, что Вы когда-нибудь посвятите свои труды выяснению отношений, существующих между Нижегородской ярмаркой и Сибирью. Увидев статью г. Овсянникова об отношении Киева, Костромы, Курска и пр.[1], я пожалел, что нет подобных же статей касательно русского Востока.

Искренне преданный Вам Григорий Потанин

50. Н. М. ЯДРИНЦЕВУ

[Март 1873 г. Никольск]

Получил я [Ваше] grande lettre и другое письмо с оценкой провинциальной газеты, первое от 25 февр[аля], второе от 4 марта. От Аидр[ея] Павл[овича] получил последнее письмо из Усть-Камеиогорска. Пишут мне также, что Георгию Ефр[емовичу] ие нашли подходящего по его знаниям места и прикомандировали к учебной команде для обучения грамоте казаков.

В большом письме Вы пишете, что, может быть, Вы принуждены будете пережить кризис денежный. Пожалуйста, напишите тотчас мне, не нуждаетесь ли. У меня есть теперь деньги, и я могу поделиться. Я даже хотел просто послать Вам денег, но во втором письме Вы уже не жалуетесь. Я надеюсь, что Вы не будете со мною церемониться.

В одном из номеров газеты, которую Вы получаете, обратили ли Вы внимание на корресп[ондепцию] из Саратова — какая-то г-ка Переводчикова, сибирячка, основала хорошую школу для крестьянских детей, а известная Вам Настасья Попова (по словам Г[еоргия] Ефр[емовича]) дает уроки русского языка в Копенгагене.

Рад очень, что Сер[афим] Сер[афимович] начинает хлопотать о свободе. Чем больше вырвется на свободу наших товарищей, тем легче будет освободиться и остальным. Меня здесь уговаривают хлопотать на этом основании, что с прощением меня, как главного, хлопоты для остальных упростятся.

По поводу Вашей книги все еще собираюсь писать. Затянулось дело потому, что Вашу книгу берут почитать. Между прочим, брал ее здешний судья и очень хвалил; он читал ее еще журнальными статьями. Он говорил, что давно уже служит на таких должностях, где приходил в частые сношения с арестантами, много доводилось слышать интимных рассказов их, и все, что он читал в Вашей книге, нашел в высшей степени правдивым.

Что касается до «Тайжан», то можете поступить с ними, как хотите. Все перемены и вставки делайте по своей охоте. Если я давал доселе кое-какие советы — это не значит, что я желал бы, чтоб Вы от своих измепений отступились. Есть там некоторые мои любимые аллегории, намеки, но я уверен, что они и Вам по сердцу и останутся в романе. Что касается до того, что Вы все специальнее начинаете понимать идею романа, это меня лишь радует.

Почему только Вы уже совсем не хотите ничего вставлять из «Чужой стороны»? Может быть, Вы имеете уважительные причины, но я желал бы все-таки, чтобы жизнь рабочего класса была подробнее развита, чем у меня.

Не найдете ли удобным ввести такой материал.

В мае или июне месяце, когда приехал Ваныкин, Гильзен устраивает в свои имеиины народный праздник, воздвигает исполинский столб и аплодирует кедровщику, который продолжает продвигаться по жерди вверх, несмотря на то что вершина делает размахи в сажень. Веселые лица, улыбки приводят Гильзена в восхищение, и он говорит: что за милый этот русский народ, за него он готов сражаться и пр. Но когда начинается банкротство, когда его осаждают просители, он поимает, что нехорошо делает, отпуская народ с прииска без отеческой заботливости и предоставляя его собственной, может быть, гибельной судьбе, он сердится и по странному устройству человеческого ума ругает тех же рабочих лентяями, невеждами, не умеющими встать на высоту, минуту быть героями.

Можете изобразить такую картину: зало, в углу о. Паисий в золоте, Гильзен и рабочие, входящие и уходящие силой, несмотря на усилия лакея остановить врывающихся в зало с женамн и больн[ыми] детьми. [Рабочие] бросаются на колени, хватают [Гильзена] за ноги и умоляют его дать хоть часть заработанных денег. Ваныкин видит эту сцену и размышляет так: винить ли Гильзена? Ведь он так привык к своему образу жизни, как я, например, к тому, чтоб у меня был чай и крупитчатый хлеб; если б мне пришлось отказаться от чая и тому подобных мелочей, едва ли бы я поступил героически*.

Вы спрашиваете, на каких условиях я согласился бы издать роман? Распорядитесь как знаете, и весь доход, какой роман может принести, Ваш, а не мой.

Я получаю «Неделю» и «Дело»; январск[ая] книжка затерялась, и в февральской ничего нет, кроме разве статьи Ефименко, которую я не читал. Кто это? Я думал, это холмогорский этнограф, а это, оказывается, дама.

Жаль, что у Сер[афима] Сер[афимовича] не нашлось сведений о современном состоянии нителлигенции индусов. Нельзя ли узнать, по крайней мере, каким путем их достать. Некоторые факты из индийск[ой] жизни, сооб-

---

* Эти сцены мне сообщил г. Лаврский из своих воспоминаний, я просил его подарить этот материал для нашего романа

щ[ениые] им, были новы для меня, так, например, то, что индусы требуют парламента, не подозревая, что у них были уже такие личности, как Дварканат. Но что касается до ваххабитского движения, тут, кажется, чутье изменило Сер[афиму] Сер[афимовичу], по крайней мере он так неудачно выразился, как будто можно надеяться, что ваххабитское движение превратится в просветительное, между тем оно и явилось-то как реакция европеизирующим усилиям мусульманских султанов[1]. Это — мусульманская беспоповщина, это — яицкие пуритане.

Когда Вы прочитаете мою статейку о колонизации, это Вас, вероятно, подстегнет написать статью о том же предмете, но о том, что полезнее было бы дать новые начала этому делу, т. е. вместо починковой колонизации устроить общинную, кооперативную колонизацию. Впрочем, в России существуют оба рода: починковый, или заключный, на расстоянии не более 100 верст от родины, общинный на дальних расстояниях, из Ворон[ежской] губ., например, на Амур.

Вставки Ваши: гимназич[еские] воспомин[ания] Ванькина, судьба детей Горохова, Мухин бугор, Томск во время возвращения рабочих — все это хорошо. Только лесные пожары мне показались лишними — обилие картин может сделать из романа столпотворение картин и главную идею отодвинуть из виду.

Картина возвращения рабочих в Томск ведь была и в действительном романе, с которого мы пишем фотографию. Я уже был в Томске, Гильзен оставался на прииске, и я слышал, в городе говорили, что через Томь плавится[2] народ с Гильзен[ского] прииска, ругает и проклинает и прииск и Гильзена.

В grande lettre (в прииске) сбоку у Вас написано о каких-то стихотворениях по поводу смерти — жду их.

Вы пишете, что Маркс находит вредной колонизацию для метрополий[3]. Может быть, но этот вопрос нужно решать с точки зрения всего человечества; удерживать от колонизации, мало того, просто не поощрять колонизацию значит создавать в одной части земного шара эксплуататорский центр[4]. Мне кажется, что не только русский центральный капитал должен сделать ссуду нашему Востоку, но даже и Англия, если только она хочет быть гуманною нацией XIX века.

Вашу рукописную рецензию о провинциальной газете я имел глупость — так, кажется, следует назвать мой по-

ступок — передать целиком одиому человеку, который составляет в иастоящее время мое общество. Так как он имеет иекоторое касательство до этого дела, то мог прииять всю строгость Вашей рецензии на свой счет. Я, впрочем, потому только поступил так, что ие приписываю слабость провинциальной газеты редакции, а внешиим обстоятельствам.

Вы пишете, что можно бы знакомить с уииверситетской жизиью. Говорят, ее нет. Все живое в рядах профессоров повыходило в отставку. Студеиты же такой иарод, что ие умеют писать, и две статейки в год, иапнсаииые студеитами,— слава богу, да и то иужио сиитаксис исправлять в редакции. Миеиия земск[ого] меиьшинства иельзя печатать без разрешения губериатора; даже городской голова, желающий что-иибудь сам иапечатать, просит редакцию съездить за разрешеиием к губериатору, а без его разрешеиия ие печатают. Самому провиициальиому редактору делать обществ[еииые] иаблюден[ия] и исследован[ия] иекогда. Ои доходов от газеты ие имеет; провиициальиая газета в иастоящее время окупает только бумагу и типографск[ие] расходы. Ои живет одиими уроками; и все время его поглощеио заиятиями то по урокам, то по коиторе редакции.

Вы пишете, что ответствеииость за время, которое потратите иа статьи, возлагаете иа меия, и я ее прииимаю. Будьте увереиы, что вид газеты, который Вас поразил, есть результат ие желаиий редакции, а виешиих обстоятельств. Да и то примите во виимаиие, что в цеитре России трудиее выработать решеиие иа вопрос: что такое местиый иитерес?— чем иа окраииах.

Кусочек из Вашего письма о бродягах виесу целиком в свою рецеизию о Вашей кииге.

Неймаиа[5] читаю. Вскоре вышлю залежавшиеся у меия кииги; вместе с тем пошлю Вам деньги для пересылки и буду просить присылки Маркса, Тэйлора и Дрэпера[6].

От Битлиида кииг ие получил еще. Газету «Сибирь» также еще ие высылают.

Я завожу здесь иакоиец и иедвижимую собствеииость, усадьбу — столб с будкой для термометра и дождемера. С 1 апреля, кажется, иачиу [метеорологические] иаблюдеиия. Сам же я живу в фоиаре одиого лица: так мы иазываем мое жилище, потому что моя лампа иа письмеииом столе освещает вход в малеиький домик, в котором живет студент-техиолог и Лутохии[7] dans l'alliance menagée[8].

Впрочем, фонарь богаче обставлен, чем дворец, у подъезда которого он стоит.

Для г. Христофорова[9] мы отберем номера [газет] прошлого года, в которых была помещена лесгафтовская история[10]. Не даст ли это ему повод написать для газеты университетскне аоспоминания за его время. Подобная статья была бы очень полезна в местном отношенин для некоторого оживления студенч[еской] массы, поглощеииой в настоящее время однпм вопросом о дппломе и хорошем жалованье. Эти воспоминания со дня, которым они кончатся, будут продолжены другнм лицом (скажите ему, между прочим, что г. Лаврский, который в настоящее время здесь, помнит его по университету).

Известно лн Вам бродяжеское выражение «непокрытый балаган»? Так бродягн называют сибиряков: «Эй ты, непокрытый балаган, поди сюда»!— крнчали в Свеаборге сибиряку мужнку, попавшему в солдаты (там были и томские и еиисейские урожеицы). В Свеаборге «сибиряком» назыв[али] тех арестантов, которые только бродяжили в Сибири; даже говорят, будто сибиряки песни нмпровизируют, как дикари, о том, на что смотрят, и поют: «Балаган мой, балаган, иепокрытый балаган!», «Бродии мои, бродни, бродни с напусками!»

Вы желали бы знать, кто такой г. Агафоиов. Это студеит 60-х годов. Кроме этого иечего больше мие сказать, да Вам и довольно, чтоб знать, что это ие спекулятор.

Буду ждать с нетерпением фельетона и журнальи[ого] обозреиия.

За статью «Воврождающаяся Азия»[11] спасибо. Да напишите, намерены ли Вы нам дать что-иибудь из материалов о местиых цеитрах, от которых отказался Благосв[етлов]. Нельзя ли ждать от Вас каких-иибудь статеек такнх, чтоб чнтатели увидели, что участие в сотрудиичестве прииимают люди, знающие ннострапиые, даже аиглийский, языкн. Внешний авторитет иеобходим в деле издаиия. Вы возмутилнсь по поводу театра, а между тем провииц[иальиая] публика только и читает ради театральных фельетоиов. И притом вспомните Бериа, бывшего театральиым рецензеитом.

Вот бы еще какое нужно сделать усовершенствование — ввести полумесячное политическое обозреиие; раз посвятить его Канаде, в другой раз — Швейцарии, в третий — Испании, в четвертый — Австрии или Чехии, пятый — Ирландии и Уэльсу и т. д. Войдите в сношеиия иепосредствеино от себя с советами, предложениями. Я ручаюсь,

Вы будете приняты благосклонно. Имя редактора — Ник[олай] Яковл[евич]. Напишите списочек статей, которые Вы имеете написать для нас; это и нас поощряет к труду. Я написал «Яицкую общину»[12] и еще напишу «Г. Ровинский в Сибири»[13], «Сибирь и Яик» (параллель) и «Забайкальская Русь»[14] по Ровинскому. Последнюю я так и начну: у меня есть знакомый славянофил, ходящий «в большом и малом наряде», поющий песню о куйчупском попе и т. д.

Рецензию свою под названием «Казанские татары» Вы только и могли написать, не зная лично людей.

Может быть, Вы увидите в печати мою заметку, что место городским сплетням не впереди газеты, а назади. Это я написал прежде, чем получил от Вас письмо. Пожалуйста, не возгордитесь и не припишите это себе. Я намерен отстаивать, что это и моя собств[енная] мысль. Кроме шуток, это показывает только, что люди, имеющие какое-нибудь fundamentum relationis, непременно должны приходить к одинаковым идеям. Ваша мысль, что обличения городской жизни могут иметь значение только в американской прессе, у нас же газета может только тогда стоять на высоте своей задачи, если она занята област[ными] вопросами, очень понравилась à M-r Lavrsky, rédacteur intérieur de la gazette, de Cama-Wolga, и он просит Вас ее подарить ему.

Карымский учитель, кличка, данная Вами мне, вошла у нас в употребление, а потому, подражая цветистому слогу известного филолога и сибирского путешественника Кастрена, подписываюсь

Ваш карымский брат Г. П.

51. Н. М. ЯДРИНЦЕВУ

3/15 апреля 1873 г. [г. Никольск]

Пишу Вам ответ разом на два письма (от 14 и 18 марта). Передайте мою радость Шайтанову по поводу его освобождения.

Если Вы можете достать сведения о новейших попытках постройки заводов в Пинеге[1], то достаньте — мне пригодится.

Когда он [Шайтанов] поедет, пусть зайдет к Николаю Яковл[евичу] Агафонову и попросит его послать по

экземпляру «[Камско-Волжской] газеты» тем лицам, адреса которых Вы придумаете, и вообще попросите Шайтанова, чтоб доставил ей побольше подписчиков, сотрудников, корреспондеитов и пр.

Вы писали, что можно бы писать об университете. Чем он стал ныне, можете судить по двум статьям в той же газете: Шпилевск[ого][2] («Путешествие Екатерины II по Волге») и Гвоздева[3] (медиц[инская] заметка по делу Бельского). Первый еще декан факультета.

Венюков, о котором Вы спрашиваете,— оф[ицер] ген[ерального] шт[аба]. Вы не так поняли то обстоятельство, что он статью [мою] нашел неполною; у меня у самого в предисловии было сказано, что она не полна, пот[ому] что не имею под рукой печатных сочинений.

Денежные обстоят[ельства] «Кам[ско]-Волжск[ой] [газеты]» улучшаются: в прошл[ом] году она печаталась в числе 500 экземпляров, ныне в 800 (даровых ныне менее), и все почти расходятся. В то время как в прошлом году она выходила раз в неделю, ныне — три раза. Вероятно, с половины года формат газеты увеличится. Обзор текущей журналистики напечатан; к сожалению, он очень скромен; вероятно, автор боялся за возможность быть откровеннее; это жаль.

Не можете ли Вы написать (или посоветовать Христоф[орову] написать) очерк о статьях [Н. К.] Михайловского. Редакция желала бы познакомить своих читателей с этим философом. Вы же, кстати, способны сделать не простое из него извлечение, а написать поправку к нему с провинциальной точки зрения.

Г. Лаврский получил три первых номера «Сибири», а я все еще не получаю. Мы пришлем Вам их вскоре.

Сибирские новости: в Томске [открылся] сибирский книжный магазин; какой-то будто талантливый сибирский писатель написал истор[ическую] повесть «Илимский воевода Обухов» и роман «Много званых и пр.», которые будут печататься в «Сибири».

В 3 номерах [этой газеты] помещены две передовые корресп[онденции] из Якутска и письмо рабочего, нанявшегося на Олекму. Последнее любопытно по фактам. Остальное занято сведениями об убийствах, кражах не только во всех губерниях как В[осточной], так и З[ападной] Сибири, но даже в Соедин[енных] Штатах Америки, так что я не знаю, для чего узнал, что в Иллинойсе г. Чук был обвинен в покраже цыпленка, но по недостаточности

улик освобожден из-под ареста, что в Индиане некая Карроль убила кого-то и пр. Первая передовая начинается сетованиями, что мы, сибиряки, молчим, тогда как все в России гуторят, хотя и мы такие же православные. Язык типичный [для] провинциальных писателей-обывателей. Далее передовая говорит, что мы, сибиряки, чего-то искали, чего-то ждали. Чего же? Человека, облеченного властью, который бы устроил нашу жизнь. И вот он найден, этот человек, в нынешнем начальнике края. Есть перечень всех типографий в Сибири.

Ваш ответ Авесову на статью «Где наш рынок сырья?» напечатан в «Неделе», но в котором номере — не помню. Я Вам пришлю его, так же как и «Нижегор[одский] статист[ический] сборник», где есть статья об отношении сибирского транзита к Нижегор[одской] ярмарке.

Жду с нетерпением появления Ваших статей. Не советую Вам писать статей по поводу Авесова, и если только найдете вздор в его статьях, то только тогда пишите возражение, да и тогда лучше, если Вы напишете как будто самостоятельную статью и только предуведомите читателей таким образом: «в чем мы, как видит читатель, не сходимся с одним из наш[их] сотрудников». А то для местной публики будет странно, если газета обратится в дуэт каких-то Авесова и Семилужинского.

«Ветряку» и «Песню» пропечатали[4]. Надо бы написать в «Камско-Волжскую газету» по поводу комиссии [Деспот]-Зеновича[5] и припомнить статьи «Голоса». Жаль, что здесь, в Ник[ольске], нет этой газеты.

Что касается легенды о кучумов[ском] татарине, то я думаю, что из него выйдет только хорошее гуманное стихотворение, вроде шиллеровской перчатки.

«Пельмень» вышло недурным стихотворением. Мой знакомый даже в восторге, но я нахожу это преувеличением. Для меня же самого только кажется, что второй стих — «И как с ними снел знакомство» — требует непременного изменения. Выбросьте этот стих и вставьте другой.

Генерал Черкасов, назначен[ный] член[ом] от воен[ного] мин[истерства] в комиссию [Деспот]-Зеновича, был начальником штаба в Иркутске и оставил службу по ссоре с Синельниковым[6]. Черкасов покровительствовал Андр[ею] Павл[овичу].

Ваш Гр. Потанин

52. А. С. ГАЦИСКОМУ

16 апреля 1873 г. Никольск

Многоуважаемый Александр Серафимович!

Книжки Ваши получил. Очень благодарен за них. В «Нижегородском сборнике» прочитал все статьи, относящиеся до Нижегородской ярмарки. Направление, придаиное новым исследованиям г. Овсянникова, подмывает и меня что-нибудь совершить в том же смысле на настоящем месте моего жительства, тем более что статья г. Журавского[1], мне кажется, мало содержит в себе того, что должна содержать. Он вышарил по всему северу все статьи, которые отводятся Нижегородской ярмарке, но ничего не говорит о том, что приводится в них. Попробую собрать сведения относительно одного Никольского уезда. Уезд этот, кажется, ничего не везет на Нижегородскую ярмарку; весь сбыт его направлен к Архангельскому порту, откуда он получает деньги, которые отправляет на Нижегородскую ярмарку и там закупает фабрикаты. Если мне удастся что-нибудь собрать дельное, я пришлю в Ваш сборник.

Я очень рад, что Вы давно уже думали о разъяснении отношений нашего русского Востока к Нижегородской ярмарке. Когда-нибудь мысль эта войдет в сознание самого купечества, а главное — областных земств. А пока нужно проводить и распространять газетным путем. Поэтому я хочу написать статью по поводу статей «Нижегородского сборника» в «Камско-Волжскую газету»[2].

Готовый к услугам Григорий Потанин

53. Н. М. ЯДРИНЦЕВУ

18 апреля (1 мая) 1873 г. Никольск

Отвечаю на два Ваших письма — от 1 апреля и 4 апреля — и на одно от 8 апреля (с поэзией).

В прошлом письме я не советовал Вам писать ответы Авесову: но так как (судя по письмам Вашим) у Вас составился большой материал, то это другое дело: но нельзя ли не озаглавливать статьи «ответом» г. Авесову, а если и придется возражать, то привести фамилию внутри текста. А то выйдет, что два литератора сделали из газеты место для взаимной популяризации своих имен.

Секр[етарь] стат[истического] комит[ета] в Ниж[нем] Новгороде[1] прочитал «Сырьевую дорогу»[2] и пишет, что прочитал ее «с тем большим интересом, что г. Ав[есов] смотрит на дело с третьей стороны, без азарта, заслоняющего свет от глаз первых двух сторон (т. е. защиты и противника южного направления)». Что касается до камертона, то он поизгится, вероятно, в следующих номерах газеты.

Жалею, что до сей поры прочитал только одну Вашу статью о провинциальной журналистике (стат[истический] оч[ерк]). Г-н Авесов, как кукушонок, вытеснил своим толстым телом всех других сотрудников. Но это продолжится недолго; об «умственных центрах»[3]— это его последняя статья. Затем, вероятно, потянутся шенкурцы.

Главное затруднение при издании провинциальной газеты не идеи, не принципы, а намеки, обличения, частные интересы. Всего труднее, подивитесь, проводить статьи о каком-нибудь местном скандале, об актрисе, которая, может быть, пользуется протекцией помпадура, и пр. Выговоры, получаемые провинциальным цензором, имеют основанием оскорбленное честолюбие какой-нибудь важной особы.

Мои метеорологические наблюдения продолжаются, но встречают кучу помех; то дождемер течет, то флюгер не к чему приставить, нет в городе ни одного компаса, нет ни одних верных часов. Кроме термометрической будочки, я воздвиг и мачту с флюгером.

От Андрея Павл[овича] не получал до сих пор писем; Кат[анае]ва (я, кажется, писал [об этом]) прикомандировали в Омске к учебной сотне — учить казаков грамоте.

В пет[ербургских] газ[етах] извещают, что Качалова[4] назначают вост[очно]-сиб[ирским] генерал-губернатор[ом], и он соглашается, но требует сенаторской ревизии в Енисейск[ой] губернии. Поместите маленькую заметку о Качалове, о его деятельности в бытность в Архангельской] губ[ернии] и проч. в отделе внутр[енних] известий в КВГ.

Ваши заметки о мулле сумасшедшем навели меня на мысль сообщить Вам, что и здесь есть чуть ли не трое помешанных: один старый чиновник, ходящий по городу в папильотках, какой-то поручик, молящийся в церкви с такой же страстной жестикуляцией, как наш Воинов, и, наконец, какой-то молоденький юнкер, одевающийся иногда в дамское платье, румянящийся, одним словом, что-то вроде тех уженоподобившихся мужчин, какие бывают у североамериканских дикарей. Место их скорее в Калинкин-

ской больнице, чем в ссылке. Не знаю, впрочем, насколько сама ссылка виновница в развитии или даже в первоначальном обнаружении наклонности к умопомешательству.

За стихи спасибо; разумеется, больше всех мне понравилась «Вероника»[5]. Что касается до головомойки, заданной Вами мне по поводу подписи Семилуж[енский], то, разумеется, я выслушал ее с покорностью и без сопротивления отправился в угол, но я знал также, что Вы тотчас же меня из угла возвратите в свои объятия. Да к тому же стихи эти ничего не заключают в себе такого, за что их можно было охаять. Что касается серии абстрактных стихотворений, то их я не хотел посылать, но меня упросили и уверили, что они хороши. Жаль только, что я не решился присоединить к ним лучшее (Из «Гавличка»). Не разрешите ли? Если, [конечно], оно не будет напечатано в петер[бургских] журналах.

По поводу «Вероники». Поэт «Камско-Волжской газеты» превращается в ботаника, а ботаник (профессор Казанск[ого] университета Сорокин[6]) пишет стихи — ему принадлежат стихи, предшествовавшие «Ветрянке» и «Песне», написанные в виде пародий на «Сказку о рыбаке и рыбке». Судите теперь о профессорах. Не напоминает ли он Вам Вашего томского Сергеева (Пашеньку). А Сорокин считается [ведь] лучшим казанским профессором.

Между прочим, небезынтересно будет для Вас известие, что мы ждем нового исправника: старый давно уже умер, а нового еще не назначен и, вероятно, уже немного времени придется ожидать, чтоб назначили нового. Много новых лиц появляется у нас: новый лесничий, с которым я познакомился, земский техник (уроженец Казани); земство вызывает учителя на 800 руб. ежегодно[го] жалов[ания]; кроме того, летом ожидается межевой отряд для нарезки крестьянам земли.

Получил и еще Ваше письмо от 13 апр[еля] (по пометке Шенк[урской] поч[товой] конт[оры]). Вы пишете: «Может быть, познакомлю с моей врудицией о франц[узских] пров[инциях] в КВГ». Не «может быть», а мы непременно ждем этого.

По поводу книги «В память графа Сперанского» давайте рецензию в КВГ с указанием, как этот сановный конвикт[7] был отравляем во все время своей реформат[орской] деятельности в Сибири сознанием своей ссылки, и было бы недурно украсить статью легендой о кучумовом татарине, идущем в неприятельский стан за стрелой.

В моем портфеле готовы статьи: г. Ровинск[ий] на Востоке, Яицкая община, Индивидуализм в общине (по поводу Уральск[ого] в[ойскового] ведом[ства])[14], заметки по поводу Ланге[15], что такое колония (по поводу книги «Речи Брайта»[16]), современное направление исследований о Нижегородск[ой] ярмарке[17], библиограф[ическая] заметка о кн[иге] Вагина[18]. Другой сотрудник[19] приготовил о Казан[ском] университ[ете][20] и по поводу рабоч[их] книжек на зав[оде] Алафузова[21], и я настою еще на двух — о самарск[ом] голоде[22] и хар[актере] земледе[лия], об области как земской единице[23].

54. Н. М. ЯДРИНЦЕВУ

19 апреля (2 мая) 1873 г. Никольск

Я получил [книги] Вагина[1] и Бутина[2] (не зная, что и Вы имеете последнего). Вагина непременно Вам пришлю для написания рецензии в «Дело».

В одной главе Вагин говорит, что реформа Сперанского не имела существ[енных] последствий потому, что не было людей; сетует [и] на современный недостаток в интеллигенции и сочувственно относится к тем, которые стремятся в университет; говорит, что их теперь незнаемые имена воспомянутся впоследствии с благодарностью, [что] только впоследствии узнают, какое они имели культурное значение для страны, и, наоборот, бросает упрек тем, которые преследуют цели честолюбивые и личные, забывая службу своей родине. Этот Вагин привел меня в такой восторг, что я не мог удержаться, чтобы не написать для нашей газеты хвалебную заметку о книге[3], хотя с другой стороны, я не имел бы на то права, пот[ому] что автор в одном месте, приведши цитату из одной моей статьи, очевидно ему очень понравившуюся, очень лестно назвал меня. Вы можете похвалить его с большей непринужденностью. Книга сама просто сборник сырых материалов; но для нас это рудник. Читать книгу невозможно, но нет, кажется, ни одного местного вопроса, по которому Вам не пришлось бы лезть туда за справками. Потому что Сперанский обхватил жизнь со всех сторон. Жаль, во-первых, что В[агин] делал извлечения [лишь] из одного в[осточно]-сибирск[ого] архива, а потому у него нет, например, документа о прекращении работорговли в Петропавловске; во-вторых, нет материалов о мерах по нарол[ному] образованию. Последнее не потому ли, что он [Сперан-

Книг буду ждать. Вероятно, Вы не откажетесь прислать мне и книгу о Сперанском; жаль, если я в Вашей книге не найду Дрэпера.

Г-н Лавр[ский] желал бы написать статью по поводу самарского голода, и в ней распространиться о невыгодах чисто земледельческого характера страны. Ему было бы это очень полезно. В последнем номере КВГ статья «Местные интересы» принадлежит ему. Пока это высшая нота диапазона Константина Викторовича, выше которого она не поднимется без нашего разрешения.

В том же номере фельетон какого-то «Антона из Булака», для нас статья совсем непонятна, но для [жителей] города полная намеков (между прочим, тут фигурируют купцы Алафузов и Кожевников). Такие статьи вытесинть окончательно еще нельзя (под другой формой нельзя писать обличений). По поводу Каразина не мешало бы Вам статейку в КВГ, а также по поводу Строгина[8]. Впрочем, если можно было бы Вам прислать [книгу] Строгина, то это мы бы здесь сделали. Впрочем, Ваше выражение «très désirable» дает повод думать, что Вы сами не прочь это сделать. В том же смысле я понимаю и Ваши слова: надо популяризировать малорос[сийского] поэта, т. е. что Вы напишите для КВГ маленькую характеристику поэта.

Кстати же и я когда-нибудь соберусь написать маленькую статейку по поводу нашего Ник[олая] Ив[ановича][9] о развитии местной беллетристики. Я в ней разовью поподробнее (если, конечно, хватит искусства) мысль г. Скабичевского[10] в его критической статье, помещенной в «Азиатском вестнике» о том, отчего иссякает местный элемент у русских беллетристов, а с ними иногда и талант (или по крайней мере талант объективного изображения жизни).

В КВГ есть еще три статьи знакомого Вам пера (в том числе два тюремных очерка)[11], и затем придется только нам читать Вас. Надеюсь, что Вы воспользуетесь г. Шайт[ановым], чтоб доставить побольше подписчиков и сотрудников газеты. Я знаю только, что редакция высылает по экз[емпляру] Андр[ею] П[анловичу] в Иркутск и Кат[анаеву] в Омск; затем она послала по номеру в Тюмень — Адрианову Шешук[ову], в Павлодар — П. И. Иванову и в Усть-К[аменогорск] — Халдееву. Не послано: Андр[ею] Ал[ександровичу] Тахт[арову] и пр. Иван Павл[ович] Нечаев[12] живет в Тюмени. Где Зерчанинов и Еркичев[13], не знаю.

ский] мало касался этого предмета, находя его в хороших руках своего друга, Словцова. Теперь бы Вагиу следовало предприиять еще биографию Словцова как сподвижника и друга Сперанского.

Письмо Ваше к редактору я получил и прочел вместе; если оно предназиачеио для другого редактора[4], то Вам было бы удобиее отослать прямо. Что касается до иас, то мы с иим частью согласны, частью иет. Имеиио относительио урезываиия статеек неопытиых писателей, пожалуй, можио согласиться, но относительио иесоедииеиия манеры Грили[5] с маиерой Беинета[6] иельэя; Грили было легко начать дело, потому что в стране уже привыкли к газетам с иаправлеиием, и можио было во всякое время иачать газету такого рода; а здесь имеиио приходится, чтобы учить одних, эксплуатировать предрассудки других. Уж, пожалуй, теперь миогие недовольиы сокращеиием отдела слухов и городских иовостей. Одии из читателей Вашего письма иаписал было ответ, но, к сожалеиию, уиичтожил его. А мие приходит мысль из всей этой истории сделать маленький фельетоичик в иазидаиие любителей списка о происшествиях. Вот, иапример, «Сибирь» Клиидера даже так поиимает, что от иее хотят, что печатает, кто сегодня подавился за завтраком в С.-Фраициско, а ие только в Иркутске.

Отиосительио моих очерков, отослаиных в «Дело», похлопочите, чтоб их выслали Вам, и что хотите, то с иими и сделайте — я из них уже два очерка отослал Ник[олаю] Яков[левичу] для иапечатаиия в его газете, и это, кажется, самые лучшие[7]. Следов[ательио], печатать их в «Деле» более иевозможио. Материалу же в иих для Вас все-таки миого.

Я, одиако ж, удивляюсь успеху «Камско-Волжской газеты». Представьте, что в городе [Казаии] есть у иих соперник «Каз[аиский] бирж[евой] лист[ок]», и какой соперник. Издается он с гараитией от биржевого комитета, что в случае дефицита он будет пополияем из средств комитета — это раз; биржевой комитет доставляет туда все получаемые им торговые известия — это два, а это и есть главное условие для хорошей подписки провинц[иальиого] журиала; кроме того, комитет предоставляет даровую квартиру для редакции, что сберегает до 300 р.,— вто три; потом формат его меньше — это четыре; [иакоиец] издается в неделю ие 3 раза, а только 2 раза — это пять; да и подписиая цеиа только иа 40 коп. больше — это шесть. При всех этих иевыгодах в пользу КВГ, оиа все-таки,

как видите, существует и еще разрастается. Значит, в области есть потребность просто в газете занимательной.

Что касается до рецензий по поводу Вашей книги, все еще не собрался, и вот почему: г-н Лавр[ский] дал ее прочесть одной своей знакомой даме, та другой и т. д. Дело дошло до того господина, о котором я Вам как-то написал давно, как я у него добивался журналов, как он просил меня зайти через месяц, а потом еще через месяц, и как, откладывая еще на месяц, он, однако ж, не дав еще книги, просил меня ее не задерживать долго у себя, а книги все-таки не дал. Теперь, залучив мою книгу, он учит меня опять, как скоро следует читать или по крайней мере возвращать чужие книги: несмотря на напоминания и прочее, оттягивает неделя за неделей доставление книги. Во всяком случае статью напишу — надо же и мне хоть два слова сказать о штрафной колонизации.

Не мешало бы Вам поменяться своей книгой с Вагиным. Объявление в «Сибири», конечно, следовало бы дать; что касается до КВГ, то мы уже написали об этом, и это Вам не будет стоить, разумеется, никаких расходов.

Лаиге прочитал. На днях пошлю транспорт к Вам. Нет ли у Вас и еще чего-нибудь, вроде Ланге? Даже написал по поводу нее заметку для КВГ.

55. ГРАФУ К. Ф. ЛИТКЕ

25 апреля (7 мая) 1873 г. Никольск

Многоуважаемый граф Константин Федорович!

Посылаю Вам этнографические материалы, собранные мною в Никольском уезде[1], а также книгу из библиотеки Общества, находившуюся у меня,— «Алтай» Котта.

Я Вас уведомил, что не получил книг, отобранных для меня бароном Федором Романовичем, и приложил вновь список. Этих книг я не получил и до настоящего времени.

Наблюдения пришлю. За май месяц пришлю по окончании месяца. Вместе с тем и за половину апреля, которые, впрочем, не очень точны, потому что в это время я только еще устраивал будочку, флюгер.

Искренне преданный Вам Григорий Потанин

56. Н. М. ЯДРИНЦЕВУ

26 апреля (8 мая) 1873 г. Никольск

Я отправил Вам книги: Ланге, Кэри, Дарвина, Вагина(2 т.) и кипу провинц[иальных] газет, в [том] числе 3 номера «Снбирн».

Не наведет ли это Вас на мысль написать для какой-нибудь петерб[ургской] газеты статью о провинц[иальной] журналистике на Востоке?[1] Если обратитесь к Ник[олаю] Яков[левичу] прямо, то можете получить более номеров. При этом не мешало бы (чтобы дать Ник[олаю] Яков[левичу] оружие для отражения навязчивых сотрудников вроде профессора Сорокина) сделать и «Камско-Волжской газете» маленький выговор. А то он боится ему отказать, так как иногда это полезный сотрудник, в особенности [он будет нужен], когда в Казани будет съезд естественников[2]. За корреспондента в Ворон[еж] спасибо.

Ал[ександру] Дм[итриевичу] написал было письмо, но раздумал — не застанет; я напишу ему прямо в Усть-Каменогорск. Жаль, если он не зайдет в Казани в редакцию; ему тут предложили бы с удовольствием и квартиру и извозчика.

Карту Волог[одской] губернии я возвратил. [«Капитал»] Маркса здесь есть теперь у г. Лаврского. Пришлите, пожалуйста, франц[узские] или немецк[ие] книги.

Я написал Засодимскому письмо, не может ли он писать корреспонденции из Петербурга. Очень трудно устроить: политические обозрения, журнальные обозрения и новости художественные. А это какой бы хороший фон доставило для руководящих статей. О европейской жизни нечего и говорить; при обозрении журналов следовало бы указывать и даже цитировать места, благоприятные в смысле областного развития. Следовало бы сделать перепечатку [отзывов] из петерб[ургских] газет о картине Репина «Бурлаки».

«Саратов[ский] справ[очный] листок», который Вам послан в числе других, и дешевле «Камско-Волжской газеты», и больше форматом, но это потому, что он печатается в собств[енной] типографии.

Вы спрашиваете об одном знакомом[3], давно ли он здесь; немного больше месяца, но предварительно жил в Тотьме, именно с июля прошлого года.

Переложите-ка в стихи известия и сказку о Эдипе[4], которому было предсказано, что он убьет отца и сядет на его престол. У Стасова[5] я встретил ту же самую скав-

ку в примененнн к герою Рамаяны: отец отсылает ребенка, чтоб он воспитался в неведенни о своем происхожденнн. И вот он в стране, где жнтелн заняты скотоводством; описывается, как юноша живет тут, одеваясь просто, украшает себя венками н цветамн нлн ожерельем из плодов (девочкн на Алтае украшают ожерельем нз темновишнев[ых] семян, марьнных кореньев[6], нлн пионов, и венком нз желтых цветов). Он не сознает при этом нн своего царского происхожденія, нн велнкого будущего, которое ему предстонт, нн великнх подвигов, которые ему суждено совершнть. Он нграет наравне с другнми прнмнтнвнымн номадамн на пастушеск[ой] дудке, стреляет нз лука в некошь[7], закрывает глаза от наслажденія, н еслн есть у него какая-нибудь жажда, то только к верховой езде, нлн у него еще не образовался вкус. Тут можете одно четверостншне посвятнть прнроде, его окружающей, нменно сказать, что это была страна, где ярко светнлн звезды, где росли крупные н яркне цветы. Разумеется, чтобы не шокнровать литературных деятелей, собств[енных] нмен нн героя, нн короля [называть] ие нужно; все дело происходнло у татарского хана. Предсказывает хану гнбель от рукн сына хранитель ханскнх драгоценностей и мехов, сухой н злой старнкашка. Хорошо было бы представнть его честным, но помешавшнмся на сбереженнн ханской казны старнком.

Другое стнхотворенне просит Вас напнсать г. Л[аврский]. Он пишет статью о рабочих на одиой из казан[скнх] фабрнк (Алафузова н Александрова)[8]; поэтому хотелось бы в том же номере поместнть н подходящне стнхн; нменно: нзобразнть в двух картннах, какое ощущение пронзводнт фабричный утреннній свнсток на мать-сибарнтку н на мать-работницу. Свнсток, майское утро, яблони цветут, птичнй гам оглашает сад, легкне, точно кисейные, облака плывут высоко. Сибарнтка-мать пробуждается от свнстка, и вто пробуждение дает ей только случай полюбоваться утром, полюбоваться своим ребенком н лншнй раз поцеловать его н набожно поблагодарнть создателя за вту мнпуту счастья. Бедная же мать-работнпца, пробуждающаяся от того же самого свнстка, расстается неохотно с ложем, расталкнвает ребенка, будит его, берет на рукн н отправляется с нм на фабрнку, а в прнроде в вто время так хорошо!

Вот Вам н еще стнхн: песня казанскнх татар. Перевод этого стнхотворенія таков: не пой, чнбшнк (какая-то певчая птичка), громко не пой (поннзьте, г. чнбшнк, камер-

тон). Если громко будешь петь, тебя застрелят (или подстрелят). Когда придешь в полный возраст, продадут в чужую землю.

Из этого четверостишия Вы можете сделать 5—6 строф. Соловей воспевает свою родину; он поет о ее теплой весне, о ее цветах; ему не советуют петь так обольстительно: тебя изловят, и ты кончишь жизнь в клетке, вдали от родины, вдали от своей любимой.

У Дрвпера на страинце 151 я нашел следующее место: некто работает до истощения, чтоб выкупить свою любимую женщину у плантатора, чтобы добыть ей свободу; он забывает даже о своей свободе; он украдкой учится грамматике или арифметике, потому что это ему запрещено, украдкой читает евангелие; и в сердце его горит надежда, что настанет день, когда его милая будет свободна.

Из Тэйлора: всякое сооружение требует жертвы; строят ли мост, крепость, канал или хоть непокрытый балаган, стихия требует, чтоб был человек замурован; обыкновенно это или невинный ребенок, или девственница. У Тейлора есть несколько примеров: например, при постройке крепости Либенштейн ребенок, полузамурованный в стену, говорит: «Я тебя, мама, еще вижу»; потом: «Я тебя, еще немножко вижу»— и, наконец: «Я тебя, мама, не вижу». Как видите, все это песни о нетелячьих жертвах.

1/13 мая. Сегодня получил Ваше письмо, внушенное статьей в № 39 КВГ. Вам теперь уже известно, что Вы приписали статью не тому автору. Одновременно с этим почта принесла и Ваши три статьи: «Виниманне проэинцин», «Возрождающаяся» и «Администрацня»[9].

Кроме того, пишут и из Казани. Был день, богатый хорошими впечатлениями. Ваша «Азня»[10] так понравилась орнеиталисту Готвальду[11] (он же цензор КВГ), что он долго носился с ней с ликующим видом по городу.

Газета приобрела за последнее время новых 50 подписчиков, так что с № 36 печатается не в 800, а в 850 экземпляров. Формат, говорит, уже трудно увеличить, ибо бумага заготовлена; но будут прилагаться добавочные листы.

Никол[ай] Яков[левич] хочет издавать сборник, который мог бы впоследствии обратиться в ежемесячный журнал — на кооперативных началах. Направление и содержание то же, и если он будет посвящен Востоку, то разрешение на подобный журнал легко будет испросить при содействии г. Готвальда.

Войдите в прямые по этому вопросу сношения с Ник[олаем] Яковл[евичем]. Плата сотрудникам после распродажи экземпляров из суммы, остающейся от сметы новых издержек на второй выпуск. Не можете ли туда поместить «Тайжан»?

«Капитал» Маркса получил.

Что Вы так заинтересованы газетой, я очень рад. Жду с нетерпением, когда загремит батарея, т. е. «Провинциальные письма».

Письма Ваши или, лучше, мнения Ваших друзей о статье в № 39[12] автор не оставит без красноречивого ответа на столбцах той же газеты. Эти мнения возбудили в нем ретивое желание продолжать в том же счастливом направлении.

По-видимому, газета приобретает внимание; секрет[арь] Ниж[егородского] статистического ком[итета][13] пишет мне, что не только согласен с автором «О необходимости умств[енных] вост[очных] центров»[14], но даже и сам писал об этом три года назад. Не знаю только, читают ли КВГ восточнее Казани и знают ли о ее существовании.

Головомойку по поводу подписи под стихами не трудитесь делать: я, взявши газету в руки, уже испытал ее и без Вашего реального содействия к тому. По ошибке одно самостоятельное четверостишие прилипло к стихотворению «Неизвестн[ому] другу»[15], и вышел «по нашей небрежности» непонятный конгломерат.

57. Н. М. ЯДРИНЦЕВУ

[Май 1873 г. Никольск]

Получил два Ваших майских письма (9 и 14). Поручения Ваши постараюсь исполнить; о Кузьме[1], т. е. о высылке ему пробного номера, будет написано в редакцию. Совет, который Вы даете,— употребить некоторые номера вм[есто] реклам — давно уже исполняется. Вы [книжку] Бутина поджарили[2], а мы в КВГ ее похвалили[3]. Из «Гавличка» отошлю в редакцию.

С нетерпением ждем «Провинцию во Франции»[4] и особенно «Провинциальн[ых] писем». С передовыми в один номер с Вашей нам не успеть, надо их еще писать, а что написано, то все идет только в фельетон.

Киргизская песня[5], записанная Вами, вещь замечательная, и ее нужно перевести для «Камско-Волжской газеты»; не можете ли Вы ее записать по-киргизски и при-

слать мне? Не сделать ли так, ие написать ли мие в «Камско-Волжской газете» «Очеркн киргизск[ой] жизни»[6] со вставкой в них разиых песен, легеид и пр. и в том чнсле сообщнть Вам перевод последией песии?

На вопрос Вашего знакомого отвечаю, что г. Лутохнн сказал мие: в деньгах ои будто ие иуждается, а желал бы, если можно, получнть слесариый ииструмент, за который он обещает уплатнть половнну через год; ио я должен прибавить, что первое положеиие составлено нм по деликатиости.

За прнобретенне сотрудника н переводчика Хрнстофорова[7] мы оба с К[онстантином] В[нкторовнчем] благодарнм Вас, хотя Вы предварнтельно своимн нзвестнямн так нас напугалн, что н теперь не вернтся, чтоб это приобретенне действнтельно случнлось. А еслн ои в самом деле позиакомнт с Бонмэром[8], это было бы очень хорошо н как иельзя прнличиее для «Камско-Волжской газеты».

Посылаю Вам еще несколько номеров «Сибири». Эти уже получеиы здесь на мое нмя. Вместе с нимн получены н объявлення от Иркутского кабинета для чтенння н от книжного магазнна в Томске.

Когда мон темы[9] будут обделаны, прошу выслать на мое нмя, а ие прямо в редакцню, еслн не все, так, по крайней мере, по поводу татарской песенкн: «Ты не пой, чнбшик, не пой» н пр.

А вот Вам и еще, еслн будет расположенне.

Я замечал над собой гадкнй ложный стыд, еслн кто нз монх родных нлн из друзей (в такой среде, в глазах которой мой друг представляет мон вкусы) скажет что-инбудь несообразное. Так, напрнм[ер], я всегда боялся за поведенне в хорош[ем] обществе своего отца; я стыднлся, еслн мой хорошнй друг сморознт [что-лнбо] в обществе. Стнхотвореиие: «Я полюбил тебя, дурочка, но боюсь, как бы ты не бухиула мещанское словечко; я полюбнл тебя, дурочка, н боюсь, как бы ты ие облнчнла себя, что ты, кроме тайги, нигде не находнлась», н пр.

Что касается до Клиндера, то Коист[антнн] Внкт[оровнч] Л[аврскнй] советует Вам писать не стесняясь. Мне даже кажется, что статья с эпнграфом о попке была бы выгодна для редакцнн — это заинтересовало бы восточных чнтателей, н подписка газеты увелнчнлась бы.

Также н обовренне газет провинцнальных К[онстантнн] Внкт[оровнч] желал бы вндеть в своей газете.

Что касается до выговора казанской редакции, [то Лаврскнй] говорит — будем лучше ждать выговора от са-

мих петербуржцев; если Вы рассчитываете на деньги, то редакция заплатит лучше Вам за статью, чем упустит такую подходящую для себя.

Конст[антин] Викт[орович] должен переселиться в Самарск[ую] губернию.

Полемизировать с противником № 39[10] я и не думал, все Ваши советы относительно его постараюсь выполнить.

В настоящее время я сильно занят собиранием жуков и гербаризированием и потому ни писать, ни читать не удается. Забот и хлопот полны руки.

Пришлите для моей коллекции засушенную веточку с цветком морошки.

Для удовлетворения противника № 39 я постараюсь написать ряд статей об общине и вообще высказаться пояснее насчет рабочего вопроса.

Кого Вы вербовали в сотрудники в Бузулуке? Кто Ваши знакомые в Самарской губернии? Итак, я от Вас жду в будущем для газеты [статью] о Сперанском как конвикте, обозрение провинц[иальных] газет, о Клиндере и о колонизации. Относительно последней спешу указать на известие в «Сиб[ирском] вес[тнике]» № 107, и приб[авленном] листе: вятское земство предложило котельническому ознакомить крестьян со статьей 33 высочайше утвержденных правил о владенных записях, которая предоставляет им права на переселение с пособием от правительства. Помяните об этом в своей статье.

Конст[антин] В[икторович] просил сообщить Вам, что фраза о критич[еском] отделе в иностран[ных] журналах есть не его собственная, а цитата из Ткачева[11] и неясно была изложена или, может быть, исковеркана наборщиком. Вообще корректура порядочно-таки искажает не только слова, но и смысл.

Статьи Ваши мы читаем здесь с удовольствием.

В «Петерб[ургских] вед[омостях]» напеч[атано] известие, что первая дорога, которая будет разрешена, будет сибирская (№ 129). В той же газете [помещено] известие, что проектирован новый устав уголовных наказаний, в числе которых ссылки нет, за исключением ссылки за веру. Ее нет ни в числе наказаний, ни в числе последствий, следующих за наказаниями.

Мне выслали обратно из Геогра[фического] общ[ества] мою инородческ[ую] карту для дополнения и вместе с тем «Список населенных мест Томск[ой] губернии», при котором Зиринск[им][12] составлено географо-статистич[еское] описание губернии; составлено не так рельефно, как опи-

санне[13] при списке Енисейск[ой] губернии, но так подробно, как ни при каком другом списке. И так как Томск[ой] губернии до сей поры не посчастливилось получить какого-нибудь статист[ического] описания, то описание Зверинского есть самое лучшее в настоящ[ее] время.

Какая судьба постигла рукопись Принтца?[14] Я встретил имя полковника Принтца в числе офицеров, командующих отрядами, идущими на Хиву.

Песню о фабричном свистке, которую мы Вам заказали, вышлите прямо для скорости в редакцию и поторопитесь ее сочинить. И при этом напишите Ник[олаю] Яковл[евичу], чтобы он поместил ее не иначе, как в одном номере с четвертой статьей [Лаврского] об Алафузове.

Ваши письма всегда поджигают К[онстантина] В[икторовича] к работе, и так как он часто впадает в минорное настроение духа и апатию, то советую Вам поддерживать его письмами в Самаре.

О том, что Вы провели в статье «Чем мы покорили Азию»[15], я думал написать, но только хотел вместо Сибирь поставить Казань; спустя некоторое время ту же мысль можно еще повторить в том смысле, как вто хотел сделать я.

Тем тоном, которым Вы начали писать, выражаясь жаргоном бродяг, «открыли род своей жизни».[?] Побольше подобных открытий. Пользуйтесь всяким случаем заявить свои привязанности и любовь.

Петерб[ургская] литература, ей-богу, держит нас в какой-то казарменной дисциплине, так что мы не только не смеем свое суждение иметь, но даже и свою привязанность.

Из Сибири ни одного письмишка не получал.

58. Л. Н. МАЙКОВУ

31 мая 1873 г. Никольск, Вологодской губернии

Милостивый государь!

Письмо Ваше с моей картой и «Списком населенных мест Томской губернии»[1] я получил и постараюсь дополнить свою статью.

С удовольствием пользуюсь Вашим предложением о доставлении мне книг и покорнейше прошу выслать следующие:

1) те номера «Archiv für Russland» Эрмана, в которых помещены путевые заметки г. Радлова по Алтаю[2]; 2) Кастрена «Reisebrife»[3]; 3) список снбирскому чертежу, изд. Спасского.

Не найдет ли также отделение [этнографии] возможным в одной из будущих книжек своих «Записок» отпечатать интересный лист из атласа Ремезова, содержащий в себе распределение инородцев в Снбири. Атлас этот хранится в Румянц[евском] музее и теперь находится в Москве[4].

Прошу принять уверение в моем отличном почтении

Григорий Потанин

P. S. К изданию Ремезовского листа я мог бы сделать примечания относительно Западн[ой] Снбири, если бы копия с него была мне предварительно доставлена.

59. Н. М. ЯДРИНЦЕВУ

19 июня 1873 г. Никольск

Извините, Никол[ай] М[ихайлович], что не послал «Снбирь» с прошлой почтой, ну зато теперь одним номером больше. Кроме 8 номеров, тут же Вы найдете литографир[ованное] прибавление к 8-му номеру и два объяснения о книжном магазине в Томске и о читальне в Иркутске.

«Снбирь» прошу не уничтожать и впоследствии, по извлечении всего курьезного, прислать назад.

Объявления о книжных магазинах и сведения о школах, о библиотеках, напеч[атанные] в «Снбири», могут Вам доставить материал на статью о просвещении в Снбири. Типографское дело тоже интересно, и материала теперь накопилось много.

Редактор «Снбири» просит не писать в статьях иностранных слов иностранной транскрипцией, пот[ому] что редакция в затруднении и русск[ий]-то текст печатать. Припомните, что «Тоб[ольские] вед[омости]» в первый год своего существования по недостатку в букве «о» принуждены были вм[есто] нее ставить букву «в», которая была в изнашке (или, может быть, наоборот), и предуведомить читателей, чтоб они, где написано «глубзкз» читали «глубоко» и в эт[ом] роде. Я думаю, редакция немало невольных каламбуров сказала так[им] образом.

Статья об «Администрации в Снбири» Ваша; ее я также вложил под бандероль. Прошу, однако ж, ее не терять

н возвратить, нбо такими статьями я дорожу и для будущего статист[ического] описания Сибири мне она будет нужна.

Что это за автор, бросающий из кустов цветы и напи-савший в «Пет[ербургских] вед[омостях]» оценку сиб[ирского] уложения Сперанского? Я догадываюсь, что это г. Семилужский, не так ли?

От Андрея Павл[овича] получил письмо — он остается жить в Иркутске; познакомился с Ровинским, Черским и Мих[аилом] Ал[ександровичем] Селетовым[1]; Семен Про[кофьевич] Пичугин умер два года назад, а Ванечка Куклин зарезался, страдая меланхолией.

Адрес Анд[рея] Павловича: 3-я Солдатская, дом Синицыной (в Иркутске).

Нельзя ли о Семене Прокофьевиче поместить [несколько слов] в «Новостях с Востока», когда будете разрабатывать ковровцев.

По поводу Щапова (в «Известиях») непременно напишу. Советами относительно рецензии на Н. И. Наумова воспользуюсь. Да, кстати, узнайте от Благосв[етлова] адрес Н[иколая] И[ванови]ча; пошлем [ему] из редакции несколько номеров.

За стихи благодарю; и фабричный «Свисток»[2], и «Стрела»[3] татарская пойдут в редакцию. В легенде о «Люненбурге»[4] вначале поместите слова «старцев», что только те стены, в которых замурован невинный человек, могут устоять против каких угодно нерчинских труб; только та крепость неприступна, неодолима, фундамент которой цементирован кровью невинной жертвы.

Вы, верно, заметили, что здесь и весна элегическая. Выйдя в лес, и я здесь был поражен тем же чувством, чувством какой-то признательности к бедной северной природе, которая, несмотря на свои скудные [возможности], все-таки гонит из почвы какие-то тщедушные колоски на утеху людям, усердная, как евангелическая еврейка, положившая лепту.

Из «Лютых дней» в «Камско-Волжской газете» будет помещен еще только один очерк[5], затем весь остальной материал дарю Вам. Это будет для Вас дружеская услуга. Вам нужно продолжать тюремный вопрос, а материал, я думаю, подобрался. Также и для очерка «О поднадзорном» пришлю. Я написал для газеты десять статей, но они еще не отосланы.

Карточку [Вашу] я повесил над Андр[еем] Павловичем и Катан[аевым]; довольны ли Вы соседством?

Любящий Вас Григорий Потанин

Не можете ли что-нибудь написать Щапову, чтобы с письмом послать к нему Андр[ея] Павл[овича], дабы он познакомился с историком. Не оставьте Андр[ея] Павл[овича] без советов относительно увеличения числа подписчиков и корреспондентов газеты.

60. А. С. ГАЦИСКОМУ

[Июнь 1873 г. Никольск]

Милостивый государь
Александр Серафимович!

Коист[антин] Викт[орович] передаст Вам книжки Ваши (числом четыре), за которые Вас благодарю. Из них я только увидел, что все-таки лучшее сочинение об ярмарке — это статья г. Овсянникова[1]. А потому я просил К[онстантина] В[икторовича] оставить у меня «Нижегородский сборник». За собирание материалов об отношении здешней местности к Нижегородской ярмарке я еще не принимался. Теперь лето, и я гербаризирую [местную флору], а потому никаких литературных трудов, кроме мелочей, я не пишу. Но в начале зимы непременно займусь этим вопросом, потому что тогда я намерен вообще заняться статистикой Никольского уезда.

Готовый к услугам Григорий Потанин

Вы мне как-то писали, что разделяете мнение, высказанное в статье «О необходимости местных центров»[2], и даже сами писали об этом в «Нижегородских губернских ведомостях» (кстати, если это не составит для Вас затруднения, я был бы очень рад прочесть ее). Так как я предаюсь всей душой делу «К[амско]-В[олжской] газеты», то не могу воздержаться, чтоб не просить Вас поддержать в ней мысль мою о необходимости сконцентрирования немногочисленных честных сил в провинциях для организации более успешной борьбы[3].

Г. П.

61. Н. М. ЯДРИНЦЕВУ

[Июнь 1873 г. Никольск]

Прошлое Ваше письмо было очень мрачным. Вывернулись ли Вы? Что касается до меня, то я готов поделиться [с Вами] из тех остатков, которые еще есть от прошлых деяний. Я, кажется, уже Вам писал, что в подобных случаях, т. е. при желании, чтоб я прислал Вам что-нибудь, Вы должны так и написать. Я буду принужден послать потому, что это не составит для меня подвига, а также потому, что поздно или рано и мне придется опять обращаться к Вам.

Не прислать ли? Напишите скорее!

Что касается до обращения Вашего к Ник[олаю] Як[овлевичу], то К[онстантин] В[икторович] находит его вполне законным; он даже сам писал об этом ему как-то. Да и я напишу, чтоб он выслал кое-какие крохи, падающие с редакторского стола, нам — и мне, и Вам,— по крайней мере хоть бы на книги. А то ведь нельзя же вести дело газеты без иностранных книжек, без литературных новостей Европы.

Я послал 20 р. Гайдебурону[1] и прошу его купить дельный лексикон полит[ической] вконом[ии] на франц[узском] яз[ыке]. Такую затрату, для меня немаловажную, я сделал именно ради «Камско-Волжской газеты». Не будь ее, я бы эти деньги употребил на составление сибирск[ой] библиотечки в видах составления статист[ического] описания Сибири.

Стихи Ваши мы получили; Вы нас извините, за некоторые перемены; название мы изменили на «Казак и киргиз»[2], потому что прежнее заключало в себе название «Кесары», настоящее же, не испорченное русскими ими было Кеисары. Примечание я немного добавил; посвящение казачьим войскам сделал с примечанием и оговоркой, чтоб они не приняли это за оду, а напротив, почувствовали бы, какую роль они играют во всей этой истории.

К[онстантин] В[икторович] находит «Стрелу» и этот «Wacht am Rhein»[3] стихотворениями, которые возбудят большой интерес. Читал ему «Я из той страны»[4], говорит, что на Востоке [это стихотворение] будут наизусть выучивать; только что местами следует изменить, что можно и здесь сделать. Но вот что я предложил и на что он согласился: прибавить к этому стихотворению, состоящему уже из 2 частей, еще третью часть такого содержания: я из той страны, в которой горбуют, едят сырое мясо,

сырую рыбу и т. д. Мне кажется, что Вы будете против этого. Уступаю, тем более что после заключит[ельного] четверостишия, я чую, уже неловко ироиизировать.

В таком случае иельзя ли отдельное стихотворенне смастерить когда-иибудь. Дифирамб этот, мне кажется, следует все-таки сократить, сжатость придает более силы. Мысль, что нам приходится гордиться только «чашами-озерами, розами у склоиов, соболем» и пр., т. е. природой, а не человеком,— рекомендую Вам когда-иибудь при месте высказать в «Новостях»[5].

Также там советовал бы Вам «привычку» к месснанским иадеждам где-иибудь в «Новостях» заметить. Словом, перечень событий, газетных известий пусть будет только скелетом; ио пусть они блестят мыслями, надеждами, шутками, философ[скими] заметками, параллелями, социальи[ыми] сравнениями и пр. Возвращайтесь к старому: к статьям Шелгунова[6].

Последиий фельетои[7], где Вы разговариваете с Бутиным,— лучше всех. Даже Диккенсоном украшеи.

Подновить в «Сибнри» иекоторые места из шелгуиовских статей «По большой дороге» и «Гражданскне элементы» нужио бы.

Я бы желал, чтобы Вы как-инбудь предались мечтаниям, каким бы следовало предаться местному буржуа: фабрики дымят и покрывают копотью дворцы, свистят паровозы, жаидарм выкрикивает: стаиция Зашиверск! 15 минут! На морск[ом] берегу докн, груды выгружен[ных] товаров в ящиках и бочках, лес мачт, вымпела реют; капитал растет и пр., и пр., рабочие же умирают с голоду, иа Ушаковке[8] вознпк своего рода Вайт-Чапель (Уайт-Чапл[9]), бледно-желтые лица женщин, голые дети, ие выходящие из-под лохмотьев, служащ[их] вме[сто] одеяла, иищие, питающиеся выброшенными нз фруктовой лавки гнилыми произведениями, м[ожет] б[ыть], Иидии и т. п. Такими же картинами иужио сглаживать свое сочувствие развитию мануфактуры. Нужио дать поиять, что мы еслн и говорим о развитии фабричности, то с оговоркой.

Получен новый иомер «Сибири»; будете ли Вы иа юбилее? Курьезов для Вас миого. Юбиляр сказал речь: «Я бы желал слышать ие одни похвалы, но и получнть выговор за ошибки. Будьте откровеиины».

Я знаю, Вы были на юбилее, рукоплескали этим словам и уже подиялись, [чтобы] удовлетворнть желаиие юбиляра, ио вдруг язык прилип к гортаии; Вы вспомнили

следующий эпизод из одиой киргизской сказки, которую я Вам рассказывал и которая представляет вариацию истории Аидрокла[10]. Одии благородиый юиоша, чуть ли ие прииц, [будучи] изгиаи из отечества, скитался в степи. Встречает тигра с распухшей от заиозы лапой. Сей просит: выиь! Юиоша соглашается, ио говорит: прежде я, однако, вырою яму и лягу туда; буду вытаскивать, тебе будет больио, иеравно рефлективио закатишь плюху, а ведь с твоей плюхи ие зацветешь здоровьем, улетишь подальше Зашиверска. Так и было сделаио. И тигр, благодариый [юиоше], иаградил [его] тремя волосками из своей шкуры, которые дали [ему] власть иад всеми силами природы, отворяли ему двеиадцать замков иа 12 дверях тюрем и пр. и сделали его под коиец жизии королем. Необходима яма, т. е. необходима иеприкосиовеиность особы, а ею пользуются в соврем[еиием] мире только послаииики и депутаты, т. е. представители самодержавия of King or of people[11]. Не воспользуетесь ли Вы всем этим?

К[онстаитии] В[икторович] хвалит стихотвореиие «Пельмеиь», иадо иапечатать, говорит; я ие иахожу удобиым напечатать отдельио; ио ие устроите ли Вы себе где-иибудь обед во время разъездов и ие прочитаете ли его там. Это было бы хорошо.

В «Неделе» помещеиа корреспоидеиция г. Журавского[12] из Еиисейска, вероятно, Вы встретитесь с иим в своих «Новостях» и потому иебезынтересио Вам зиать, что это за господии. Ои то и дело перепрашивается и этим пользуется для изучеиия России. Ои жил прежде в Пинеге, был где-то в Нижегородской губернии, потом в Пермской и т. д., а [теперь] ои в Еиисейске также по собств[ениому] желанию.

Шайтаиов должеи был бы слышать пинежские рассказы о ием.

Когда с иим увидитесь, спросите его, ие боится [ли] ои печатать такие корреспоидеиции. Или ои иарочио пишет о вытяиувшихся физиоиомиях в ожидаиии сенаторской ревизии, чтоб его отправили в новое путешествие. Нашел средство изучать географию отечества. Помните, Зябловский[13], автор когда-то самой подробиой русской геогрвфии, говорят, ие имея средств, пешком обошел всю европейскую часть России. Но тогда были времеиа, когда бродяжество всякого рода (и учеиых в том числе) ие преследовалось. Но после того, как П. И. Якушкии[14] попал в сибирку за пешеходство, иеприличиое учеиому челове-

ку, не имеющему наследственного, остается прибегнуть к просвещенному покровительству Рыкачева и пр.

Корреспонденция из Енисейска — прекрасный случай для сопоставления. Я помню, мне рассказывали в Уральске, что был там атаман Гекк, когда он отъезжал, давали прощальный обед, готовили спичи: под Вашим управлением в войске окрепла правда и благоденствие возросло, как никогда, и пр. И в то же время несколько южных станиц подали [заявление о том], что они разорены управлением администрации. Тут юбилей, а тут ждут с нетерпением сенаторской ревизии.

Г-н Ж[уравский] говорит, что он изучал клушинскую ревизию[15] и уверяет, что то будет тенью перед будущей енисейской [ревизией], если Клушина же и туда пошлют. Не правда, ли, что г-н Ж[уравский] делает удовольствие юбиляру — чего тот просит, он и дает.

Не правда ли также, что это киргизский юноша, который не вырыл предварительно ямы. Судьба киргизского юноши меня сильно занимает. Прошу Вас даже поместить это в Ваш фельетон.

Не найдете ли нужным написать Журавскому и просить его о разработке какой-нибудь темы через редакцию КВГ. Г-н Ж[уравский] печатал уже корреспонденции в ней из Тюмени и др[16]. Полезно было привлечь его к разработке местных вопросов.

Нельзя ли в стихотворении «Пельмень» переменить вторую фразу: «И как свел он с ним знакомство».

Я буду участвовать в составлении «Новостей Востока» сообщением Вам идей и украшений риторических.

И вот еще: в одном из писем напишите, что Вы абсентинировались. Все в Сибири абсентинируются: и золотопромышленник Соловьев; и студенты, и гимназисты; абсентинируется капитал; абсентинируется сибирское типографское дело, чуть не абсентинировалась газета; абсентинировались, наконец, местные патриоты; и еще более — решил абсентинироваться сам репортер сибирский.

Жаль, что Вы по поводу фабрикаитов не заметили, что Сибирь получает брак во всех отношениях — брак чиновников, брак духовенства, брак колонизации, брак медиков, брак приказчиков и, наконец, даже, как говорят, памятник, заказанный по случаю победы под Малоярославцем, что ли, не оказавшийся соответствующим чему-то или вообще неудачным по выполнению, поворотили на памятник Ермаку.

И еще хорошенькую картинку могли бы Вы нарисовать. Я могу только дать мысль, но воображение и остроумие необходимы Ваши — изобразить сибирского гражданина, одетого в брачную шляпу, в брачные сапоги, в брачные брюки; из-за брачного галстука торчат брачные воротинчки; он сидит на диване, обитом брачным штофом и пьет брачное вино из брачного стакана.

Вчера с почтой принесли «Камско-Волжскую газету» с продолжением «Французской провинции»[17] (этой половиной я доволен еще более, чем первой). Теперь хорошо бы против Гамбетты[18] статейку. В одном из номеров [газеты помещена] корреспонденция из Енисейска Скорякова[19], полная патриотических чувств; автор беспокоится соревнованием с Японией.

Из Геогр[афического] общ[ества] Венюков прислал мне «Архив» Эрмана с путешествием Радлова по Алтаю; там я встретил маленькую заметку о сибир[ском] университете, о пожертвованиях Сидорова[20] и о том, что капитал, положенный Демидовым[21], должен теперь возрасти не до 70 000 рублей, как где-то было сказано, а до 900 000 рублей с лишком, т. е. почти миллиона[22]. Упомяну как-нибудь в газете.

62. Н. Я. АГАФОНОВУ

[Июнь 1873 г. Никольск]

Милостивый государь Николай Яковлевич!

Так как завтра Конст[антин] Викторович уезжает отсюда в Самару и я уже не буду в состоянии получать от него сведений о ходе газеты, то я решил вступить в непосредственную переписку с Вами. Надеюсь, что Вы не откажетесь иногда написать два, три слова. Адрес мой: в город Никольск Вологодской губернии Григорию Николаевичу Потанину.

Конст[антин] Викт[орович] писал Вам, чтобы Вы прислали сборник Общества казанских естествоиспытателей (со статьей Богданова[1]). Собственно, это было нужно для меня. Я обещал Конст[антину] Викторовичу к конгрессу натуралистов в Казани написать статью о необходимости разработки естествен[ных] наук в видах составления учебников с местным характером[2]. А потому я прошу Вас прислать, если возможно, эту книгу. Книги, которые Вы будете высылать [мне], будут в исправности Вам возвращаться.

Газеты, которые Вы нам послали («Сарат[овский] листок», «Уральск[ие] вед[омости]»), отослаиы Ник[олаю] Мих[айловичу] Ядриицеву для составлеиия статьи о провинциальиой журиалистике. Сам же я ограиичился озиакомлением читателей иашей газеты со статьей одиого уральца. Если Вы выписываете «Доискую газету», издаваемую в Новочеркасске,— пришлите; я иапишу что-иибудь по поводу ее[3].

Я послал 20 рублей в Петербург на покупку политико-экоиомического словаря иа иностраииом языке именно в видах моих дальиейших работ в «Камско-Волжской газете», но дальиейшие расходы делать ие в состояиии, а между тем журиальиое дело иевозможно вести без иностраииых книг, а потому я буду просить Вас высылать мие и Николаю Мих[айловичу] Ядриицеву время от времени деиег на покупку кииг, которые мы иайдем нужными для иаших работ. По миноваиии в иих иадобности книги эти мы можем, если того пожелает редакция, высылать в редакцию, которая будет иметь возможиость или образовывать свою библиотеку, или продавать их.

Так, например, я желал бы в Вашей газете позиакомить читателей с Лаиге, противиником Бебеля[4] и критиком Кэри, и иа одиу киижку его я имею за магазиием деньги; когда ее пришлют, я иапишу для Вас статью[5]. Но этого мало. Я надеюсь, что Вы ие сомиеваетесь в том, что я все это говорю в иитересах Вашей газеты. Я вижу ва газетой, между прочим, снбирскую публику, для которой я готов работать и в ущерб себе.

Глубоко уважающий Вас Григорий Потаиии

63. К. В. ЛАВРСКОМУ

8 августа 1873 г. [Никольск]

Джеитльмеи, отстоящий за иесколько сот миль!

Вы и Николай Мих[айлович] в одни и тот же деиь испортили мие вечер; от обоих получил ие совсем веселые письма.

Николай Михайлович опять плачется за газету[1], зачем оиа ие выдается из ряда других. Обозрев всю провииц[иальиую] журиалистику, ои говорит, что либерализм провииициальиый отиосится только к части явлеиий, [что ои] ие обобщает. Нет возвышеииости, пареиия, и либеральиое звучит уиылыми иотами вроде «за что обижаете?». «Письмо скорбящей к иеуиывающей»[2] ои иазывает

[песней] милосердной, спетой по жеиск[ому] вопросу (а милосердной у нас в Сибири называется хор[овая] [песия], которую поют арестаиты и бродяги, проходя через деревию). «Мои заметки о Казани»[3] называются мостовой эпопеей и пр., и пр. В самом деле, вдохните Вы хоть в Паломиика и в других господ одушевлеиие местиым патриотизмом. Надо любить, чтобы горячо желать. Статья «Что такое местиые иитересы?» иаписана, Profession de foi[4] высказано, а иичего в газете не делается. Нужно подиимать местиые вопросы Камско-Волжского края! Оргаи для разработки местиых вопросов — наша газета, а вопрос разрабатывается Мордовцевым[5] в «Деле»[6]. Я, впрочем, все упования возлагаю на Вас. Вы будете жить в пределах края — Вам нетрудно будет изучать его иужды, и мы будем иметь ряд интересных статей. С другой стороиы, опять Вы недовольны Ник[олаем] Мих[айловичем]. Впрочем, я и сам остался иедоволен коицом[7]. Еще раньше в письме он как-то разругал французов, что оии не умеют делать историю. Я иапишу ему, чтоб загладил в газете это впечатление каким-нибудь дифирамбом в пользу фраицузов. Прочитавши его коиец, я хотел было тоже писать рецензию иа киигу Славинского[8] и отдуть всех, которые умеют делать историю, как немцы, но [они] умеют делать это, когда им светит в потемках Фраиция (да, опять вспомиил, что одна из умеющих делать историю стран — Американские Соединеиные Штаты — находятся также под Вашей протекцией, и остановился).

Но все эти неприятности иичто, а вот что нехорошо. Что это Вы вздумали требовать с нас какого-то официальиого заключения договора. Или Вы меня мало знаете? Я в теории враг договоров и терпеть не могу английского долга. В приливе чувств я способеи обречь себя иа кабалу, но всегда зато призиаю за собой право прекратить ее. Доказаио, что трактаты всякие бывают непрочиы, договоров не нужно, мие хотелось бы просто осиовываться на доверии к хозяевам газеты. И какой Вы иедальновидный! Бисмарк![9] Разве Вы ие видите, что Италия без предварительного договора будет участвовать в войне Пруссии с Австрией, и у ней нет другого союзника. Если в Европ[ейской] России провииициальиая журналистика при существоваиии университетских городов не может стать прочно, то когда же это будет в Сибири? Клиидеры, конечно, иайдутся и теперь, но мы не можем работать у Клиидера[10]. Можете быть уверены, что пока Вы даете нам место для восточиых статей, мы будем самыми усерд-

ными сотрудиниками газеты. Вот это обстоятельстэо и есть скрепа у иотариуса иашего договора. Одиако будет об этом скучиом предмете. Одио только еще прибавлю: печатайте «Новости Востока». Мие кажется, что чем эти фельетоны будут замечательиее, тем более будут производить эффект иа Востоке, и если мы там что сможем проэести, то только в этой легкой форме. Я это поиял и отиыие буду участвовать в этом фельетоие столько же, сколько прежде участвовал в поэзии Ник[олая] Мих[айловича]. Ник[олай] Мих[айлович] в одиом письме пишет, что ои рожден, чтоб жить около печатиого станка, ои чувствует праздиик, когда видит свою статью в печати. Ник[олай] Як[овлевич] обещал прибавочиые листы и ии одиого не прибавил; боится, дело стаиет за статьями. Но пусть дают ежедиевиым почитателям отдел, пусть увеличат перепечатку из других газет, а за нами дело ие станет, особенио эа Ник[олаем] Мих[айловичем]. Не видя своих статей в печати, ои не пишет иовых. Убедите Ник[олая] Як[овлевича], что чем скорее он будет опустошать свой портфель, тем более будет возбуждать иас к работе.

Был в Вашей квартире — пусто. Ник[олай] Павл[овнч] оказался таким совестливым, что не смел до настоящего времеии эзять головку из Дарвина. Уже сама П[араскева] М[аксимовна] стала мне гоиорить, что вто излишиий стыд, и я унес картиiу. Все Вам клаияются. Давали мие читать Ваше письмо, которое, по выражеиию П[араскевы] М[аксимовиы], иаписаио ие то чтобы как, а с умыслом, т. е. с умом. Пил у инх чай, и снтцевые подблюдца были. Просят передать поклон в Нижний [Новгород] и в Казань. Письмо Ваше читали в первый раз, прерывая чтеиие слезами (по словам Цыпышева).

Семяи иасобирал, но мало, любки кажется иет, но зато есть Gymnadenia, которая пахнет также хорошо, ио имеет не желто-зелеиые, а лиловые цветы. Теперь расцвели Utricularia и Impatiens nolitangere[11]. Если бы Вы эидели их, Вы пришли бы в восторг, особеиио от первой.

Начал читать протоколы и думаю иаписать три статьи: во-первых, просто отчет о четырехлетией деятельности Общества[12], чтоб позиакомить читателей газеты с научными открытиями в крае; во-вторых, критику его деятельиости и, в-третьих, об учебнике географии с местиым характером.

Кому подписать [фотографические] карточки и куда их послать? Разрешил вопрос отиосительио трех; две я эиаю кому — одиу Вам, другую — Александре Викторовие[13].

64. Н. Я. АГАФОНОВУ

[Август 1873 г. Никольск]

Милостивый государь
Николай Яковлевич!

Спасибо за деньги и письмо. Извините, что не сейчас посылаю Вам свои статьи. Хотел разом все послать и писал без отдыха. Теперь такую груду написал, что сам ужасаюсь труда переписки. Перепишу и пошлю на имя цензора. Там будут и ответы Шелгунову [на его статьи] в «Неделе» и в «Деле», т. е. две статьи «Заметок провинциальиого читателя»[1].

Вы просите беллетристики. Ник[олай] Мих[айлович] сообщил мне, что для Вас он написал «Мирское дитя» и «Голопупов»[2]. Кроме того, я просил его из «Лютых дней» обработать «Мокея — милого человека»[3] — это история саратовского пастуха; это даже местиый рассказ.

У меня иаходятся [еще] два рассказа Ник[олая] Мих[айловича]: «Инородцы в ссылке» и «Исхак-Мулла»[4]. Накоиец, я записал «Рассказ мастерицы»[5]. Мало этого. На руках Николая Михайловича иаходится моя повесть «Тайжаие», в которой описывается семейство золотопромышленника в тайге, ио рабочие — урожеицы Симбирской и Саратовской губериий; таким образом, тут соединеиы и Сибирь и Поволжье. Это будет так иазываемый фельетоииый романи. Его можно растягивать и печатать в фельетонах. Ои будет подготовлен к печати наскоро, но ие лишен иитереса и теидеиции; собствеиио, ои иаправлен против штрафной колонизации. Всех статей, иаписаиных мной ныне для газеты, 15, из иих некоторые на 3 или 4 иомера.

Очеиь рад успеху газеты. Мой друг (Андрей Павлович Нестеров) из Иркутска пишет о «Камско-Волжской газете» следующее (я нахожу лучше всего сообщить Вам в извлечеиии): КВГ ие иравится мие потому, что миого места, и притом иа первой страиице, оиа дает объявлениям; в ией иет постояниого полит[ического] отдела, нет постояи[иого] обозреи[ия] действий земства, нет и школьного дела. Не мешало бы: 1) вместо месяцеслова, помещаемого виачале, давать оглавлеиие статей; 2) все объявлеиия с первой страницы перенести на последиюю; 3) образовать постояииое политическое обозренне, как вто делается в «Неделе»; 4) вместо судебного отдела, который уже иадоел публике, ибо и столичные газеты им миого занимаются, создать систематическое обозреиие деятель-

ности земства и городских общественных управлений. Два [новых] отдела — политический и земский — необходимы, так как читатели интересуются ими; если такие отделы появятся, читатели вполне будут удовлетворены газетой, и тогда она заменит им все другие: ни «Голос», ни «Петербургские ведомости» не будут нужны.

А. П. Нестеров сообщает мне, что у КВГ будет свой иркутский корреспондент. Один из сибирских литераторов (бывший редактор газеты «Амур» Михаил Васильевич Загоскин) обещал написать в КВГ о школьном деле[6].

Обратите внимание на политический отдел. С нового года следовало бы его завести в каждом номере. До сей поры он велся как-то отрывочно, без системы. Чтобы он производил впечатление, следовало бы всегда помещать политическое обозрение, посвящающееся выдающемуся политич[ескому] факту или стране, которая в этот момент интересует человечество. В ближайшем номере поместите следующую заметку.

«Нам пишут из Никольска Вологодской губернии, что известие о самарском голоде вызвало со стороны местной земской уездной управы обращение к населению с приглашением к пожертвованиям. Воззвание это было разослано не по волостным правлениям, что, конечно, имело бы последствием грошовый сбор, а к лицам, известным управе своим достатком или по своему расположению содействовать этому делу. Таким образом, оно было отослано к лицам, имеющим доход свыше 300 рублей. Приношения уже начинают поступать. К сожалению, воззвание это можно было написать только в ограниченном числе (не больше 30 экз.). Полезно было бы снабдить земские управы и частных лиц для этой цели печатными бланками, которые могли бы быть рассылаемы по селам.

В то время как в Финляндии организованный комитет с ветвями своими уже доставил 13 000 рублей, следовало бы ожидать, что и у нас по губерниям возникнут подобные же организации, которые соединят около себя отдельных лиц, живущих в уездах и желающих принять на себя труд сбора пожертвований, но здесь о такой организации не слышно и из здешних жителей никто ниоткуда не приглашен быть агентом».

Не можете ли мне доставить несколько или один последний выпуск «Известий» Казанского университета? Я бы написал маленькую заметку.

65. Н. Я. АГАФОНОВУ

[8 августа 1873 г. Никольск]

Милостивый государь Николай Яковлевич!

Получил [книгу] Богдаиова и протоколы и на иеделе же постараюсь иаписать статьи в КВГ. Я в предыдущем письме просил Вас прислать татарские издания Ильминского, которые можно будет потом возвратить. Не можете ли также мие прислать тот иомер «Казанск[ого] биржев[ого] листка», в котором статья Крестовиикова[1] о торговле салом, для составления заметки о казаиском рынке.

Выпксал иа 20 руб. из присланиых Вами деиег книг. Вчера же получил письмо от Ник[олая] Мих[айловича]. Из иего узиал, что и им отправлена статья об отмеие ссылки в Сибирь, а потому прошу мою статью о том же предмете мие вериуть; оригинальиые места я виесу в другую свою статью о штрафиой колоинзации, а черновой экземпляра статьи у меия не осталось.

Я прилагаю письмо к Коист[аитииу] Викт[оровичу]; передайте ему или отошлите. В последием случае Вы можете его прочесть, предварнтельио, потому что я к иему пишу о газете то, что в письме к Вам я ие помещаю.

Посылаю Вам свою карточку.

К[оистаитии] В[нкторовнч] пишет мие, что число сибирскнх подписчиков иа газету туго увеличивается. Нельзя ли будет иапечатать в газете «Сибирь» иовое объявление, которое я прилагаю, с указаннем иа восточиые статьи в иашей газете. «Сибирь», по-видимому, читается в Якутске, Нарыме, Тобольске, Канске и многих других городах Сибири.

Что касается городских известий, которые доставляют главиый коитиигеит подписчиков, я иичего против этого ие имею. Они заиимают так мало места, что я даже допустил бы увеличеиие его. Если бы в газете он одии [городской отдел] бы и был, а ие было бы иичего теоретического, то те господа, которые иазывают газету за этот отдел «сплетиицей», самн сплетают ие больше как сплетии.

Нельзя ли длиииые статьи, ие помещающиеся в один номер, печатать в иескольклх иомерах кряду ие оттягивая, чтобы коиец статьи читался под впечатлеиием прочитаиного вчера. Нельзя ли [также] не задерживать статей по Востоку. Ник[олай] Мих[айловкч] ие прииимается за иовый фельетои, пока ие иапечатается посланиый.

Вот объявление, которое можно было бы напечатать в «Сибири» Клиндера.

«Камско-Волжская газета» выходит в Казани по 3 раза в неделю. Цена с пересылкою 6 р. 50 к., за полгода 4 р.

Газета не ограничивается интересами одного Камско-Волжского края, но и дает обширное место статьям о русском Востоке. Газета имеет корреспондентов в Енисейске, Омске и Томске, она принимает также меры, чтобы иметь их и в других городах Сибири. До настоящего времени, кроме корреспонденций, в ней были помещены следующие статьи, относящиеся к Сибири: «Сырьевая дорога» (3 ст.) Авесова, «Русское движение на Востоке» (2 ст.), рецензия на книгу Вагина — его же, «Возрождающаяся Азия»— Я[дринцева], «Чем мы покорим Азию?» (2 ст.), «Крестовый поход науки на Восток» (2 ст.), «На сибирском пароходе» (3 ст.) Викентия Журавского, «Пельмень» Пельменелюбова и др. Кроме того, в газете помещались стихотворения одного сибирского поэта, а также и фельетон «Новости нашего Востока» (5 ст.), в юмористической форме следящий за явлениями сибирской жизни. Редакция имеет в своем распоряжении большой запас статей по разным насущным местным вопросам Сибири, и вообще постоянное появление в газете статей об этой стране редакциею вполне обеспечено.

Телеграммы, напечатанные в «Камско-Волжской газете», приходят в Сибирь прежде телеграмм всех других газет.

Письма с деньгами адресовать в Казань в редакцию «Камско-Волжской газеты».

Объявление это можно напечатать в Казани, а «Сибирь» только просит разослать при одном из ее номеров.

Пошлите один номер газеты в Томской губ., Бийского округа, в дер. Улала начальнику Алтайской миссии[2].

В протоколе [«Казанского общества естествоиспытателей»] прочитал, что попечитель Казанского учебного округа Шестаков[3] составил какие-то «соображения о системе образования инородцев, обитающих в этом учебном округе». Пришлите, пожалуйста, с брошюрами Ильминского. Может быть, об этом предмете есть что-нибудь в университете. Для полноты необходимо.

66. Н. М. ЯДРИНЦЕВУ

10 августа 1873 г. Никольск

Получил Ваше огромное письмо, в котором Вы описыв[аете] Ваши исследования о провинц[иальной] журналистике, пишете о Португалове[1], о письме Христофорова и пр. Из письма Христофорова сделайте статейку в КВГ.

И я тоже написал статейку по поводу отмены ссылки; в ней я хотел только познакомить сибиряков с проектом, а потому надергал все хорошие места и только сделал маленькое заключение о значении для Сибири вопроса о штрафной колонизации. Узнав, что и Вы послали такую же статью[2], я написал редактору, чтоб мою возвратил — оригинальное вставлю в свою статейку о штр[афной] колон[изации], которую обещал К[онстантину] В[икторовичу] написать в газету.

Агафонов потому не желает печатать [Ваших] «Новостей»[3], что имеет их одну рукопись в портфеле. Будь их три, четыре, он поторопился бы. Не стесняйтесь тем, пишите один фельетон за другим; если скопится материала много, он будет к газете прилагать прибавочные листы.

Я написал рекламу о газете и советую Ник[олаю] Як[овлевичу] напечатать ее в газете «Сибирь». Беда в том, что у газеты вовсе нет сибирских адресов, хотя бы имен председателей судеб[ных] палат, мировых посредников, акцизных надзирателей, горных чиновников, учителей, купцов. Напишите Шайтанову, чтобы он собрал побольше таких адресов по всей Западной Сибири и доставил в редакцию, будь то люди и мало читающие, лишь бы в каждый город, в каждое село попала реклама газеты, которую мы напишем к новому году. Надо попросить Ник[олая] Як[овлевича], чтобы он дозволил Вам написать для сибирск[их] подписчиков особую рекламу, издал бы ее и разослал «стогнам» и «весям»[4] Востока. Попросите Шайтанова, чтоб он представил в редакцию, кроме списка всех уездных городов, [также список] сел и рудников (Салаир, Барса, Белозерка, Белоглазово, Локоть, Чарышское, Антоньево, Юдино, Бухтарма и пр., и пр.).

От К[онстантина] В[икторовича] получил письмо; надеется остаться в Самаре; за него хлопочет казан[ская] полиция и другие влиятельн[ые] люди.

Он виделся с Агафонычем. Под именем Авесова, в Казани думают, пишет Щапов.

У «Камско-Волжской газеты» 850 подписч[иков], из них 500 городск[их] и 350 иногородн[их]. Заметки «Антона

с Булака»[5] доставили газете 50 подписчиков лишних. В самой Казани газета имеет довольно серьезное влияние на официальные сферы, но не теоретической стороной, а практической: много было случаев, когда начиналнсь судебные] дознания по поводу указания газеты. Купец Алафузов даже предлагал редактору взятку, чтоб только тот молчал о его фабрике.

«Редактор до глубины души благодарен Вам (т. е. мне) и Нпк[олаю] Мих[айловичу], не смущается вторжением восточного элемента и, если найдет это возможным, готов уделить ему особое место с особым общим названием». Ни формат газеты увеличить, ни сделать газету ежедневной с нов[ого] года Нпк[олай] Як[овлевич] не соглашается. Пусть окрепнет, говорит.

Конец Вашей «Французской провинции»[6] не понравился К. В. Лаврскому: «Мне,—говорит он,— было больно видеть в газете выражение таких отношений к героям последних событий в Париже. Что это за холодность, что за способность относиться свысока к героизму, что за умеренность!» И затем он высказывает надежду, что эта заметка не изменит наших хороших отношений. Я и сам читал конец [Вашей статьи] не с тем удовольствием, как начало. Зачем отнесли все к целому народу, а не к его представителям; попеняли бы [на] Луи Блана, Гамбетту, а народ надо было оставить в стороне. Я вспомнил Ваше письмо, в котором Вы упрекали французов, что они не умеют сделать свою историю. Вы забываете, что другие, которые умеют-то, делают ее при свете лампы, которую всегда держит Франция. Ведь нигде не умирают за свободу, за человечество. Немец много что ради науки пожертвует своим спокойствием и редко жизнью; из англичан герои только китобои; одни французы умирают за счастье человечества. Чем же они виноваты, что у них такие традиции, такие образовались исторические рефлексы, что им обратилось в плоть и кровь быть народом-жертвой?

В статье о провинц[иальной] журнал[истике] в «Неделю»[7] упомянете, что провинц[иальный] журнал полезен в том отношении, что сближает рассеянных самородков и соединяет по области честных людей; они обращаются в редакцию за советами и с вопросами; за кулисами редакции образуется фон сношений и взаимных обобщений. Это дает опору отдельно работающим силам. Упомяните, как легко начинать дело: с 50 р. (не помни[те] КВГ), лишь бы была преданность делу. И что можно бы

издавать газеты в Архангельске, Вятке и других городах. Городские известия, согласитесь, необходимы; без городск[ого] репортера невозможно; нужно даже на жалованье взять нескольких. Плохо только, что втот отдел бросается в глаза по отсутствию в газете принципиально местных статей.

Нет ли у Вас Истории XVIII ст. Шлоссера[8]; если есть, сделайте для меня две цитаты: одну о Толенде[9], другую о Мальбраише[10]; обе находятся в том месте, где Шлоссер обозревает английскую литературу. Эти цитаты мне нужны.

Вот Вам «Пельмень»:

Предок наш любил пельмени
И явил свое желанье
Сделать сам пельмень огромный
Для потомства в назиданье.
Поравил пельмень тот видом
И своей массивной грудью,
Ровно кит заморский, вышел
Он пельменем чудо-юдо
Как и следует пельменю,
Был он с длинными ушами.
И лежал между Уралом
И Амура берегами.
«Не угодно ли откушать!»—
Предложил наш предок миру.
Повалил народ российский,
Повалил ко звану пиру,
Благо был пельмень пшеничный,
Начиненный вдосталь мясом
И пропитанный рассолом.
Ровно был подернут маслом.
Стали гости его кушать
Да похваливать от сердца
Даже жарить принялися,
Посыпая щедро перцем.
Ели три дня и три ночи,
Говорят: «Какая туша!»
Ели много, ели жадно.
Не могли, однако, скушать,
Жидковаты они были,
Не хватило у них духа.
Тот пельмень мог уместиться
Лишь купцам сибирским в брюхо.
Но на пире этом званом
Только извранные были,
А сибирские желудки
Почему-то повабыли[11].

Мотив о брачном костюме и брачном пире обдумайте хорошенько, пусть будет небольшая, но классическая штучка; чтоб это вышел также сжатый, но образцовый памфлет против мануфактурного ига.

Буду с нетерпением ждать появления в печати этой сатиры. Вообще появление Вашей статьи в газете, особенно «Новостей Востока», праздник и для меня. Читал их, и не только я сам увлекаюсь желанием писать, но и приходят при этом новые темы, новые мысли. Я думаю, они такое же влияние должны производить и на Жорж-Бая[12].

11 августа

Сегодня получил сибирскую почту (т. е. КВГ с корреспонденцией из Енисейска Журавск[ого][13] и с «Новостями [нашего] Востока», и «Отечеств[енные] зап[иски]» с «Ежом»[14]). Порадовала меня эндоэмоция[15] в Журавском. «Еж» удивил — точно сцена из «Тайжан». Речи, которые Н[иколай] И[ванович] влагает в уста хороших типов мне нравятся, я жду, что он в них может дойти до истинного красноречия и поднять тон повыше. Однако все-таки его рассказы — фабулы с трагической видимостью, но не с драматическим содержанием.

Ваши «Новости» привели мне на память, как дворянские фамилии, по рассказам летописца капитана Андреева[16], в Сибири превращались в крестьян и соболевщиков; еще где-то недавно, кажется, у Щапова, встретил еще другой пример демократизации, какую производит Сибирь над чужими элементами. Клубы — третий пример. Спасибо за него Вам. Обобщение это, если хотите, употребите при случае. Не забыли описать в «Новостях» нашего Чичероваккио? Появление «Петра Решето»[17] мне понравилось; надеюсь, что Вы его встретите во время своих разъездов и в качестве волости[ого] писаря, получ[ающего] 8000 р., и т. д., и во всех профессиях, какие только у нас занимаются поселенцами. Я так уверен, что Вы не найдете разницы между ним и Пилипо. Мне очень понравилось, что он не ударил в грязь, и стуколку понимает не хуже Афанасья Протасьевича; да он и канцелярские тайны знает не хуже стукольщиков. Разве он не равыгрывал очень близко или даже тождественно к подлиннику ревизора, разве не умел холоду напустить в канцелярии, полюбезничать с Митричихой, сыграть в пульку, правильно держать руки, голову, влегантно расклаиваться, петь на званом обеде — а ведь в чем же и талант г-на Пилипо, отличающие его от простых смертных.

Обозрение клубов по городам дает мне мысль предложить Вам охарактеризовать вообще наши сибирские города: Омск — с его нищими детьми в солдат[ских] тятькиных шинелях с болтающ[имися] рукавами, с военн[ыми]

вестовыми на крыльцах в июньские полдни, с магазинами, наполненными лентами, вполетами и другой мишурой, город с его барабанным боем и парадами, по поводу которого еще Паллас сказал, что Марс не покровительствует музам; Томск — с гуртовыми лавками кож, железа, с преобладанием цилиндра над каской, оттесненной на второй план, с гостиницами под суздальскими названиями: «Золотой якорь», «Венецианская ночь» и пр.; Барнаул, находящийся в постоян[ном] сношении с Петербургом, [а потому] с гаванск[ими] сигарами, с фортепьяно Вирта или теперь другого [музыкального] корифея, с последними произведениями немецкой крити[ческой] литерат[уры] на столах, с кабинетами аматеров архитектуры, коневодства, аквамаринов, с меценатством искусству и проезжим виртуозам, с изысканным обедом и последн[ей] парижской модой, город, в котором уже во времена Палласа разводили артишоки и варили пиво на пивн[ом] заводе, тогда как в остальной Сибири мужики не умели сеять даже лен; Каинск — с его Ривками и Шмульками; Семипалатинск — с татарами в поярк[овых] шляпах, минаретами мечетей, со степью сыпучих песков кругом, на которых нет ни цветов, ни красив[ых] бабочек, с постоянными ветрами, засыпающими глаза песком, с жарким летом, во время которого окна в домах бывают целый день затворены и только к вечеру открываются, а женщины не носят рубашек, платья — прямо на тело; Усть-Каменогорск, где население совершенно бесчувств[енно] к красотам природы.

Словцов прославил Усть-Каменогорск и, не бывавши в нем, написал какую-то итальянскую картину, которую будто бы видал из окна. Представьте, что две реки сходятся под прямым углом и образуют треугольник; этот треугольник плоский; один его бок — река, другой — другая река, а третий — гора, которая тянется от одной реки к другой и образует над ними утесы. Но не думайте, что эти утесы представляют величественную картину; ничуть не бывало. Если встать [в Петербурге на Дворцовой площади] у Александр[овской] колонны, то не увидишь ни Невского, ни Миллионной. То же самое и тут. Утесы действительно величественные, но для того, чтобы познать их величие, нужно оставить город и переехать на другую сторону Ульбы, чтобы увидеть один утес, или через Иртыш, чтобы увидеть другой. Та же гора, которая тянется от реки до реки и загораживает треугольник с юго-западной стороны, представляет вверху ровный,

параллельно с горизонтом тянущийся гребень, а вовсе не какую-нибудь романтическую сьерру (т. е. рубчатую гору). Город стоит в самом углу. В месте слияния двух рек. Между ним и горой площадь ровная, как выметенный двор. В горе никаких ущелий, затененных рощами или орошенных бойким ключом. В довершение всего на гору идет дорога, она не вьется по склонам, а тянется прямо на вершину в виде прямой струны. Но ступайте по этой дороге, перевалите через перевал и очутитесь в прелестнейшей алтайской долине, опушенной бузиной, черемушником, гороховником и другими древесными, по сезонам окрашенными то белыми цветами черемухи, то желтеюще-золотыми гороховника; тут пасеки, горные ключи, крупные цветы, высокая растительность, мириады птичек...

В «Отечественных зап[исках]» читал статью Демерта[18]: заметьте в своем обозрении провинц[иальных] газет, как голоса их не смелы, как боятся они затрагивать серьезные вопросы. Например, тамб[овско]-саратовская железная дорога возбудила всеобщ[ее] внимание, а в КВГ ни слова. Демерт описывает астраханские события, и, по всей вероятности, астрах[анская] газета молчала о них. Скандалы в Вятке также миновали КВГ.

Я получил от редакции протоколы Казанск[ого] общества естествоиспытателей, чтоб написать обозрение его деятельности; пишу[19].

Кроме того, я просил прислать все издания для татар Ильминского[20].

Получил письмо от Мурзы Медича. [Он] жалуется, что ни от кого не получал писем. Свои рукописи еще до настоящего времени не получил из рук полиции.

Об очерке о ссыльных инородцах я не забыл, но жду, что Вы его предварительно [напишете и] пришлете ко мне. Я на «Новости Востока» смотрю, как на самую удачную мысль; форма, допускающая полную свободу автору, позволит Вам говорить разными тонами, и впадать в чувствительное адажио, и говорить грозным голосом пророка; то грусть, то гнев, то дифирамб, то проклятие слетают с Ваших уст; говорите о своем чувстве — это самое главное; пока никто не говорит: я люблю, и другие боятся любить; но тому, кто говорит: люблю, бывают благодарны, чувствуют симпатию, тем увлекаются; Ваше появление в номере будет всегда встречаться с радостью. Мое холодное отношение к объекту никогда никого много и далеко не увлечет. Читатель видит только объект. Дру-

гое дело, когда перед ним фигура человека, и человека любящего. Мы любим читать биографии писателей, а тут ему живой человек пишет собственную свою биографию. Итак, пишите свою биографию, свои дневные заботы, неудовлетворения, неприятные минуты (когда попка каркает), радость (когда индюк заговорит) и пр.

Физическая обсерватория Акад[емии] наук предполагает снабдить меня полным комплектом инструментов, т. е. барометром, психрометром и гигрометром. Кстати, нет ли у Вас в Шенкурске какого-нибудь старца, который бы записывал в течение хотя бы десяти лет время вскрытия и замерзания реки, и [если да, то] пришлите [его материалы].

Не услышите ли народных названий растений вроде уразница[21], кукушкины дары[22], купальница[23], умывальница[24], пиган[25], синюшки (как в Шенкурске зовут васильки, которые растут во ржи)[26], земляничный цвет[27] и пр. Если узнаете, то попросите доставить Вам и пришлите мне с книгами, если будете посылать такие.

Здешним муллам, сколько они ни искали прачки по всей улице, никто не взялся им мыть белье. О моей хозяйке, пустившей их на квартиру, пустили сплетню по улице, будто она дозволила им зарезать в горнице жеребенка*.

Получил сегодня письмо от Майкова с Сибирск[им] чертежом, изд. Спасского[28]. Последний состоит из двух страничек, мало интересных. В письме Майков уведомляет о получении моей статьи «От Никольска до Тотьмы», которую будто с интересом прочел и хочет доложить в осеннем заседании [в Отделении этнографии Русского географического общества].

67. А. С. ГАЦИСКОМУ

20 августа 1873 г. Никольск

Свою статью об отношении Ник[ольского] у[езда] к Ниж[егородской] ярмарке, если выйдет что-нибудь путное, пришлю Вам непременно, но собирать сведения буду никак не раньше осени.

По поводу местных центров буду ждать [Вашу статью] с нетерпением. Жаль, если Ваша статья затерялась. Хоро-

---

* На работу никто не берет не по незнанию языка, а потому, что нехрист; не продают им молока по той же причине.

шо было бы, если бы Вы в новой статье своей привели цитаты из старой, чтоб показать, что идея вта уже ие нова и приходит в голову одновременно людям, друг друга не знающим.

В статье Вашей о школьн[ом] движ[еиии] в нижегородск[ом] Поволжье надеюсь встретить известия о том, что у Вас в Нижнем сделано для образования женщин.

Не можете ли Вы меня снабдить для одной статьи в КВГ следующего рода пособием: какими-нибудь сочинениями, в которых я мог бы иайти очерк мануфактур Московско-Владимирского округа и очерк Казанского округа, понимая под последиим обработку растительного, в особенности животного сырья Востока (сало, кожи). Если нет у Вас особых сочинений, то нет ли у Вас «Географического словаря [Российской империи]» Семенова[1]. В последнем случае дайте мне те тома, в которых найдутся, с одной стороны, губернии Казанская, Пермская, Симбирская, Самарская и Оренбургская, с другой — Московская, Ярославская, Владимирская и Нижегородская[2].

Глубоко уважающий Вас
Григорий Потаиин

68. Н. Я. АГАФОНОВУ

[Август 1873 г. Никольск]

Милостивый государь Николай Яковлевич!

С сегодняшней почтой я отправляю ряд давно обещанных для Вашей газеты статей, но вследствие известных Вам обстоятельств моего положения оии адресованы на имя г. казанского цензора, просматривающего издаваемую Вами газету. А потому покорнейше прошу Вас обратиться к нему за статьями этими и вместе с тем извинитесь за меня перед г. Готвальдом, что я позволил себе доставить ему вти статьи несколько в черновом виде.

Порядок, в котором сшиты статьи, ие есть тот порядок, в котором оии должны помещаться. На статьях Вы найдете некоторые указания, в каком отделе какую статью желательно видеть.

Считаю совершенно необходимым напомнить Вам Ваше обещание составить подробную ведомость о числе и географическом распределении Ваших подписчиков. Это иужио для статьи о границах Камско-Волжского края.

Готовый к услугам
Григорий Потанин

69. К. В. ЛАВРСКОМУ

[Август 1873 г Никольск]

От Александры Викторовны я узиал, что Вы оставлены в Самаре. Спешу со своей стороны порадоваться такому обстоятельству.

От Николая Яковл[евича] получил только одио письмо. После Вашего отъезда я отправил иа имя г. Готвальда две посылки: в одиой четыре статьи[1], в другой — две, в том числе докончил Вашу заметку по поводу заявл[еиия] Гр. Блаика[2] и написал статью о каз[еиных] и общ[ествеиных] ученых[3] и другую о местиых учебниках[4]. Ник[олай] Як[овлевич], однако, ие пишет, получил ли он мои статьи. Теперь я отдыхаю, что, впрочем, ие значит, что я ничего ие делаю. Здесь открыто двухклассное училище от земства, и я взял на себя подряд составить естеств[еино]ист[орическую] коллекцию, а потому с утра и до вечера заият набивкою чучел. Едва урвался написать Вам несколько строк, и то за чаем.

От Ник[олая] Мих[айловича] без Вас получнл иескольско писем, одио со стихотвореиием, которое мне очень понравилось и которое я уже успел отправить к Ник[олаю] Як[овлевичу]. Ник[олай] Мих[айлович] созетует Вам быть в своем разборе журналистики смелее и спрашивает, чем Вы закончите. Неужели похвалой одиим «От[ечествеииым] зап[искам]»? Это было бы слишком низкой задачей критики. Нужио и «От[ечествеиные] з[аписки]» разобрать. Таково его миеиие. В самом деле, легко иайти непоследовательиость и в «От[ечественных] зап[исках]». Так, иапример, статьи о Вудхав и по поводу книги Гранта[5] об английской журиалистике противоречат с направлением Михайловского. Ник[олай] Мих[айлович], кроме давно отосланной статьи о Страшном конвенте[6], отправил вновь 5 статей: о тюрьмах для малолетиих преступников[7], посвященную Обществу земл[едельческих] колои[ий], «Новости Востока»[8], вопросы Журавскому[9], две статьи большие о провинциальиой журналистике («Провинциальные красоты»). Кроме того, он хочет иаписать по поводу статей Лавелв и Фоше в «Revue de deux mondes» об общиие[10]. Поиравилась ли Вам правительствеиная пресса? Это было, пишет Ник[олай] Мих[айлович], преддверием к «Провииц[иальным] красотам», а сие последиее есть преддверие к «Провинц[иальным] письмам», которые Ник[олай] Мих[айлович] хочет иаписать перед Новым годом, т. е. перед подпиской иа 1874 год. Кроме того, Ник[олай] Мих[айло-

вич] хочет по провинциальным газетам вести в КВГ особый фельетон под названием «Панорама провинции»[11].

Я предложил Ник[олаю] Як[овлевичу] напечатать особое объявление в КВГ для сибирских подписчиков. К Новому году можно такое объявление поручить написать Ник[олаю] Мих[айловичу].

Я получил несколько книг от Риккера[12], в том числе Анучина о сосланных в Сибирь, половина которой [посвящена] географ[ическому] распредел[ению] преступлений[13], и это дает мне материал для характеристики Кам[ско]-Волж[ского] края в уголов[ном] отношении. Также получил Гельда «Пресса рабочих в Германии»[14]. По ней напишу статейку в КВГ.

Между тем новые книги выходят: Эгера «Der moderne Socialismus»[15] и другие. Но денег уже у меня мало. Надо повременить. Выписал я также Гольцендорфа «Ссылка как карательная мера»[16], капитальное сочинение. Прочитав ее, буду писать об штрафн[ой] колонизации.

Прочел Вашу заметку о книге Бутина[17] и вспомнил, что Вы давали напечатать еще статью о Финляндском университете.

В «Неделе» я прочел о приглашении г. Португалова в Вятку. Напишите о нем, что он думает о КВГ и будет ли [в ней] участвовать. Он написал Ник[олаю] Мих[айловичу] письмо, ответ, отстаивает свою статью, предлагает Ник[олаю] Мих[айловичу] возражать и пишет: «Обругайте, как хотите, меня, но я ни отвечать, ни сердиться не буду», во-первых, потому будто, что цензурные условия таковы, что он не может защищаться, как бы ему хотелось и как бы только и можно было ему защищаться, во-вторых, он будто понимает и честность побуждений, заставляющих смотреть на дело с другой точки зрения. Ник[олаю] Мих[айловичу] осталось только на великодушие ответить великодушием, и он отвел душу в письме ко мне. Но я жалею, что вта полемика вышла негласной.

Что Ваш самарский голод?[18] В «Моск[овских] вед[омостях]» есть о грозном будущем статья графа Льва Толстого[19]. Нельзя ли послать несколько номеров газеты Льву Толстому — он чуть ли не самарский помещик. И еще напишите Ник[олаю] Як[овлевичу], чтоб послал по номеру в Томск[ую] губ[ернию] Кузнецкого округа в форпост Кузедеевский миссионеру Вербицкому и в Томскую губернию Бийского округа в деревню Улалу крестьянину Чивалкову. Ник[олай] Мих[айлович] пишет, что

корреспоидеитами иадо дирижировать, чтоб ие писали только о приключеииях, а умели бы делать обобщеиия.

Сообщаю здешиие иовости.

Открыто, как говорил уже выше, двухклассиое училище для 70-ти детей; учитель пока одии, ожидается другой.

Доктор Волков исчез, совершив большой скаидал. Во время разъезда по уходу ои выскочил из экипажа и бросился иа крестьяику девушку, бывшую в поле. На ее крик сбежались крестьяие и отогиали ловеласа палками. Отец оскорблеиной девушки подал иа доктора жалобу, в которой пишет, что доктор хотел «прииудить дочь его к телосложеиию».

Ваша квартира пустая. Параск[ева] Максим[овиа] просила уведомить, что во время последией процессии с Каз[аиской] икон[ой] б[ожией] м[атери] оиа проиесла ее через одии волок за здоровье Вашего семейства. Дарья Фед[оровиа] ушла вместе с Вас[илием] Петр[овичем] [Беловым] в Тотьму за дочкой. Вас[илий] Петр[ович] приият в учительскую семииарию. Кот Васька бросил Ник[олая] Павл[овича], потому что последиий стал обедать в комиате хозяйки, и таким образом обиаружилось, что он больше любит комиату, в которой его кормят, чем человека, который его кормит. Потому мы его зовем теперь ие ииаче, как буржуа. Кииги Ваши пошлю, когда получу Ваш точиый адрес.

Посылаю Вам свою карточку, и еще есть три — кому?

По поводу Мордовцева иадо иепремеиио писать: это первое обобщеиие Вашей области. Во втором томе «Нижегородского сборииика» Гациский высказал мысль, что для областиой литературы теперь только время для собираиия материала. Если будете писать по поводу [работ] Мордовцева, ие забудьте этой фразы Гациского. Мие кажется, иикогда ие должно быть времеии только для собираиия материала и всегда должиы быть руководящие обобщеиия (см. «Логику» Милля, ч. II).

От Майкова получил письмо, [в котором ои сообщает], что читал мою статью о Ник[ольском] уезде[20] с иитересом и хочет сделать о ией доклад осеиью.

Давайте, пожалуйста, иовости о газете.

Получил от директора Физической обсерватории Вильда приглашеиие делать для иее иаблюдеиия[21] и предложение сиабдить меия рядом ииструментов.

70. Н. Я. АГАФОНОВУ

20 августа 1873 г. Никольск Вологодской губ.

Милостивый государь Николай Яковлевич!

Посылаю на имя цензора две статьи об Обществе казанских естествоиспытателей: «Стоячая вода» и «Местные учебники». Первую поместите раньше; ее можно разделить на две.

Нужно ли скоро возвратить протоколы г. Богданова или нет? Если от Общества будет возражение, то, пожалуй, опять встретится в них надобность, хотя, собственно, для меня теперь они не нужны (кроме книги Богданова). Было бы хорошо, если бы Вы приобрели ее для редакции и стали покупать и следующие по мере их появления. Местная газета должна довести до масс отчет о местной умственной жизни, и я взялся бы сообщать о содержании протоколов с собственными субъективными замечаниями, но тогда нужно было бы и иметь под рукой и старые протоколы, чтобы, оценивая новые подвиги ученого, можно было бы познакомиться и со старыми его деяниями.

Точно так же желательно видеть в газете простые, без замечаний, известия о действиях Общества врачей.

Не можете ли Вы устроить обмен своей газеты на журнал, издаваемый в Берлине Эрманом: «Archiv für Russland»[1], который по преимуществу посвящается русскому Востоку?

Не можете ли Вы обменяться газетой с сибирскими губернскими ведомостями: Тобольскими, Томскими, Енисейскими, особенно с Иркутскими, а также с Забайкальскими, Якутскими, Акмолинск[ими] и Семипалатинск[ими]? Там печатаются губернаторские циркуляры, которые нужны нам, чтобы следить за местной жизнью, а также только в них можно прочесть объявления о выходе в свет изданий статистических комитетов, которые необходимы нам при составлении статей о Сибири.

В Петербург приехал кашгарский посланник. Не знаю, была ли заметка о его проезде через Казань. Я не догадался тогда написать a propos заметку, и если найдете нужным отметить, то я теперь напишу и пошлю Вам в то время, как он будет в Казани на обратном пути[2].

Не найдете ли полезным предложить татарским типографиям в Казани печатать в Вашей газете объявления

об издании татарских книжек? Если бы местный городской отдел [в газете] печатался также и на татарском языке, я думаю, что это прибавило бы Вам многих подписчиков.

Уважающий Вас
Григорий Потанин

P. S. Прошу уведомить о получении статей.

КОММЕНТАРИИ

1

Оригинал письма хранится в Томском областном краеведческом музее (ТОКМ), в фонде Потанина, оп. 14, д. 1, л. 2—3. Опубликовано в альманахе «Томск», № 3 (Томск, 1948, с. 116—118).

Как сообщает публикатор письма И. Е. Лясоцкий, оно было найдено в одной из книг научной библиотеки Томского областного краеведческого музея и находилось в самодельном конверте, на котором рукой Потанина написан следующий адрес: «Его благородию Николаю ...чу Наумову, г-ну юнкеру 2 батальона в Томской губернии. В город Томск». На конверте почтовый штемпель: «С.-Петербург, 4 сент. 1859» и гашеная 10-копеечная марка, свидетельствующая о том, что письмо послано по почте, а не с оказией. Почти месячный промежуток между написанием письма (2 августа) и его отправкой (4 сентября) может быть объяснен либо тем, что Потанин задержал его отсылку, надеясь узнать у кого-либо из проживающих тогда в Петербурге сибиряков студентов отчество Наумова, либо его первоначальным намерением было послать письмо с оказией, которая, однако, не представилась. Это письмо пока единственно известное из написанных Г. Н. Потаниным Н. И. Наумову.

Николай Иванович Наумов (1838—1901) — писатель-народник. Главнейшей темой его произведений был крестьянский вопрос. Наумов одним из первых обратил внимание и на быт рабочих масс, в основном приисковых. Особой известностью у современников пользовался сборник Наумова «Сила солому ломит». В 1897 г. издано двухтомное собрание его сочинений. Последние годы жизни Н. И. Наумов, будучи разбит параличом, прожил в Томске

Письмо Потанина относится к тому времени, когда Н. И. Наумов находился на военной службе. Оно, видимо, оказало большое влияние на окончательное решение Наумова оставить военную службу и поступить вольнослушателем в Петербургский университет. Г. Н. Потанин в своих «Воспоминаниях», печатавшихся в 1913—1917 гг. в томской газете «Сибирская жизнь», так рассказывает об этом эпизоде: «Приехав в Петербург, Ядринцев поведал мне, что у него в Сибири есть друг, который, оставя гимназию, поступил юнкером в сибирскую пехоту и напечатал уже один рассказ. Оба мы думали, что его нужно вызвать в столицу. Я написал письмо Наумову, убеждая его бросить военную службу и поступить в университет. Письмо мое подействовало. Обменявшись со мной двумя, тремя письмами, он приехал в Петербург» (Сибирская жизнь, 1913, № 98).

Из этих строк хорошо устанавливается значение письма для дальнейшей судьбы Н. И. Наумова. Однако в мемуарах Потанина есть одна неточность: он писал их, будучи глубоким стариком, и, видимо, забыл, что первое его письмо к Наумову было вызвано не рассказом Ядринцева (чего не могло быть тогда, так как Ядринцев еще жил в Томске), а письменным обращением к нему самого Наумова, сделанным, может быть, по указанию Ядринцева.

1. И. Е. Лясоцкий считает что Г. Н. Потанину должно было быть известно отчество Н. И. Наумова: «Нет никаких оснований предполагать, что Потанин не знал, как зовут Наумова, скорее всего это напвная конспирация». Из «Воспоминаний» же Потанина вытекает, что в период написания письма он лично не был знаком с Наумовым, а следовательно, мог и не знать его отчества. О том же свидетельствуют и последующие письма Потанина. Например, в письме к Ф. Н. Усову от 7 сентября 1859 г. он сообщал: «Я получил письмо из Томска от незнакомого мне юнкера Наумова. Он выходит в отставку, чтобы ехать в университет, и обращается ко мне за советом и одобрением».

2. Письмо Н. И. Наумова к Г. Н. Потанину, о котором здесь идет речь, в литературе неизвестно.

3. О составе студенческого кружка И. Е. Лясоцкий пишет: «В этот кружок входили Н. М. Ядринцев, С. С. Шашков, Н. С. Щукин и из не студентов — Федоров (Омулевский) и И. А. Худяков, тоболяк, один из первых фольклористов и писатель для народа, впоследствии каракозовец, сосланный в Верхоянск». Эти указания И. Е. Лясоцкого не совсем точны.

Согласно воспоминаниям Потанина, еще до его приезда в Петербург «студенты-сибиряки уже образовали кружок, который собирался раз в неделю у Щукина». Инициатива организации кружка принадлежала студенту Сидорову, математику, родом из казаков г. Кузнецка. Он и руководил в кружке. «Это было первое сибирское землячество в Петербурге,— говорит Потанин.— В его состав входили, кроме Щукина и Сидорова, художник Песков из Иркутска, живший в одной квартире со Щукиным, Буланов, математик, сын томского крестьянина, Перфильев и поэт Омулевский». Впоследствии, по приезде в Петербург сначала Н. М. Ядринцева, а после и Н. И Наумова, состав кружка видоизменился. «В ту же самую осень 1859 года, когда приехал Ядринцев,— пишет Потанин,— приехали в Петербург новые сибиряки, и колония сибирской молодежи сразу значительно возросла. Из Казанского университета перевелось в Петербург много студентов: два брата Лосевых, Налетов — дети забайкальских купцов, Аианий Красиков, сын сибирского чиновника, Н. М. Павлинов, тоже сын чиновника, и А. К. Шешуков, сын тюменского купца. В то же время приехал из Омска и Чокан Валиханов». И несколько ниже: «Эти новые наши приятели сообщили, что есть в Петербурге еще один сибиряк, прнехавший поступить в Петербургскую духовную академию и живущий ныне на квартире профессора Щапова. Это был С. С. Шашков. Завести с ним знакомство поехал Ядринцев. Знакомство с Шашковым нас особенно порадовало. Только что появилась его статья о Сибири в «Библиотеке для чтения», и мы увидели в нем новую грядущую сибирскую литературную силу» (Сибирская жизнь, 1913, № 68).

В дальнейшем, когда в Петербург приехал и Н. И. Наумов, главное ядро сибирского землячества в столице составили шесть человек, которые к тому же и жили в одной квартире. В «Воспоминаниях» Потанина этому посвящены следующие строки: «В одной комнате жили Ядринцев и Наумов; комнату рядом с ними занимал

наш товарищ, казачий офицер Ф. Н. Усов, третью маленькую комнатку — тоболяк Иван Александрович Худяков. К этой же квартире принадлежала еще одна комната, отделенная от других черной лестницей,— в ней поместились мой товарищ Куклин и я».

Характеризуя совместную жизнь в этой квартире, Потанин в тех же «Воспоминаниях» сообщает: «Ядринцев, Наумов, Куклин и я составили артель. Мы обедали в складчину, покупали картофель, отдавали варить ее хозяйке и ели с маслом; к этому покупалось несколько фунтов ситнику, который ели с маслом и тертым зеленым сыром; потом выпивали бутылку баварского пива — вот и весь наш обед. Кроме того, утром и вечером пили чай с стереотипными сухариками, которые забирали в кредит в ближайшей булочной

Скудному обеду соответствовала и внешняя обстановка квартиры, и костюмы, и мебель, и утварь. Один мой приятель, Лонгин Федорович Пантелеев, нечаянно сел на мою кровать и удивился такому спартанскому ложу. Поэт Щербина о какой-то жесткой подушке выразился что это «камень веры». Я мог бы называть свою кровать тоже «камнем веры», и с большим правом, потому что я был тогда полон надежд и веры в лучшее будущее и переживал тогдашнее настоящее с несокрушимой жизнерадостностью.

Но мы были еще не «на дне» богемы. «Дно» занимал Иван Александрович Худяков. В его маленькой комнатке стоял стол на четырех ножках, из которых одна была сломана, и потому был устойчив только в том случае, когда был прижат в угол, и еще один стул. Худяков спал на огромном ящике, наполненном книгами, исполнявшем, таким образом, два назначения — кровати и библиотеки. Питался он еще хуже нас: у него не хватало денег на картофель, и ежедневное меню его состояло из ситника с маслом» (Сибирская жизнь, 1915, № 103).

4. Студент Сидоров (см. примеч. 3).

5. Потанин имел в виду требования, предъявляемые к вольнослушателям университета.

6 **Щукин Николай Семенович** (1838—1870) — сибиряк, сын С. С. Щукина, педагога в Иркутске. Учился вместе с Потаниным в Петербургском университете, но не окончил его. Автор статей «Народные увеселения в Иркутске» (Записки РГО, 1869, т. 2), «Вертеп. Святочное увеселение в Иркутской губернии» (Вестник РГО, 1860, ч. 29, № 7) и др. В Иркутске издал в 1862 г. беллетристический сборник «Сибирские рассказы». Участвовал в процессе «сибирских сепаратистов». Был приговорен к ссылке в г. Пинегу Архангельской губернии, где и скончался в местной больнице.

Г. Н. Потанин в «Воспоминаниях» дает такую характеристику Н. С. Щукину: «Это был живой, беспокойный человек, необыкновенно деятельный, всегда озабоченный хотя бы и маленьким делом. Его высокую фигуру с выдвинутым надо лбом хохлом волос можно было часто видеть бегущей по тротуару с тетрадкой в руках, листья которой шелестели в воздухе. Вечно он спешил сделать кому-нибудь одолжение, кого-нибудь снабдить книжками или достать их. У него было много клиентов по чердакам и в подвалах, кухонные мужики, военные писари, извозчики и т. д. Всех он старался обогатить знаниями: одного знакомил с поэзией Некрасова, другого — с русской историей.. Щукин был пропагандистом революции. Это был юноша пылкий, как Дюмулен. Когда требовался подвиг, он долго не задумывался; еще не окончен рассказ, вызывающий сочувствие, как он, схватив фуражку уже мчался на помощь. Каждую минуту он готов был встать на баррикады. Несправедливость моментально превращала его в протестующего. Беспрестанно он ввязывался в уличные сцены,

спасал женщин от побоев пьяных мужей, читал нотации городовому, вторгался в участок и водворял там торжество правды. Словом, на полицейском жаргоне, это был «беспокойный человек», а на самом деле это был героический юноша, васильевостровский донкихот, очаровывающий быстротою рефлекса своего благородного сердца, подкупающий своим самозабвением, когда выступал на защиту угнетенных...».

Потанин сообщает и о последующей судьбе Н. С. Щукина. Рано женившись из чувства сострадания на одной молодой девушке, у которой был ребенок и которую бросил ее любовник, Щукин должен был подумать о заработке, чтобы содержать семью. «Пришлось ему оставить университет,— пишет Потанин,— и искать место по учебному ведомству, разумеется, в Сибири. Ему оставался всего год до окончания курса, и если бы он преждевременно не оставил университета, то смог был получить место преподавателя в гимназии, а теперь имел только право на учительское место в городском училище. Он согласился взять такое место, и его назначили в Ачинск. Осенью того же года он уехал в Сибирь и добрался до Томска и здесь завяз... Только после окончания зимы Щукин перебрался в Иркутск. Его стремление служить литературе выразилось только в издании беллетристического сборника под названием «Сибирские рассказы». Семейной жизнью он не был удовлетворен и начал пить...» (Сибирская жизнь, 1913, № 93).

7. Потанин неверно («смиренный» вместо «степенный») цитирует стихотворение Пушкина «К Каверину» (Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Изд. АН СССР, 1947, т. 2. с. 27).

8. Вероятно, родственник Н. И. Наумова.

9. В 1859 г. в «Русском слове» (№ 9, с. 61—302) Г. Н. Потанин напечатал большую статью «Полгода в Алтае», за которую и получил гонорар. И. Е. Лясоцкий, высказав предположение, что П. И. Наумова «скорее всего не существовало», дальше пишет: «В 1858 г. Н. И. Наумов поместил в «Военном сборнике» № 7 (июльском) свой первый рассказ «Случай из солдатской жизни», но так как в то время военным запрещалось выступать в литературе, то, видимо, Н. И. Наумов и поручил Г. Н. Потанину получить за него гонорар». Прежде всего отметим, что упоминаемый здесь рассказ Наумова был напечатан в «Военном сборнике» (1859, т. 8) под псевдонимом «Вольноопределяющийся Н. Корзунов», т. е. позднее, чем было написано его письмо к Потанину; затем для получения гонорара за Наумова, несомненно, требовалась доверенность, засвидетельствованная командованием воинской части, в которой тогда служил Наумов, а это должно было бы раскрыть псевдоним, за которым укрылся автор; кроме того, достоверно известно, что Г. Н. Потанин действительно напечатал в это время свою статью, о которой здесь говорилось, а потому сообщение его о получении гонорара за нее в размере 185 рублей не подлежит никакому сомнению. Наконец о том, что П. И. Наумов не был вымышленной личностью, свидетельствуют и неоднократные упоминания имени П. И. Наумова в последующих письмах Потанина и Н. С. Щукину в Томск. Так, из письма от 26 августа 1860 г. (см. письмо 7) видно, что П. И. Наумов был командиром крепостной роты. По свидетельству доктора Лясоцкого, сосланного на поселение в Томск за участие в польском восстании 1863 г., П. И. Наумов был «гуманнейшим человеком» (см: Пантелеев Л. Ф. Воспоминания. М., 1958, с. 567).

10. Зерчанинов Александр Афанасьевич — офицер линейного пехотного батальона в Томске.

11. **Ананьин Николай Иванович** — бывший смотритель уездного училища в Томске. Г. Н. Потанин отвел ему в своих «Воспоминаниях» много места: «Это был интересный и курьезный старик. Он был старым холостяком, тучным; в свободное время немного занимался наукой. Между прочим, он первый познакомил ученых с фактом существования липы в Кузнецком уезде, которая во «Флоре» Ледебура не была указана. Записывал сказания алтайских инородцев. Это был ученик Словцова, автора книги «Историческое обозрение Сибири». Хотя сам Ананьин научными исследованиями не занимался, но он охотно оказывал содействие разным ученым и путешественникам. С путешественником Карелиным он даже переписывался и доставлял ему какие-то шкурки. Был живым собеседником, знал много интересных и забавных анекдотов, частью вычитанных, частью «подготовленных жизнью самой» или услышанных в гостиных... Когда я приходил к нему, то всегда заставал его сидящим за письменным столом. Он занимался тогда устройством волшебного фонаря для училища, сам что-то стругал и клеил... Он имел большие знакомства. В то время начальником горного округа был Фрезе. Ананьин согласился написать ему письмо с просьбой устроить меня в ближайший караван, с которым отправлялось золото из Барнаула в Москву. Кроме этого письма, Ананьин написал и другое — С. Б. Прангу, горному инженеру, назначенному начальником ближайшего каравана. На свои письма Ананьин получил удовлетворительные ответы, и мне осталось только отправиться в Барнаул...» (Сибирская жизнь, 1913, № 23).

12. О Якове Гавриловиче Андрееве в «Воспоминаниях» Потанин также есть несколько интересных строк: «Томская гимназия по постановке учебного дела далеко уступила Омскому кадетскому корпусу; учителя в ней были какие-то карикатуры; исключение составлял лишь преподаватель латинского языка, г-н Андреев, который в среде учителей был единственным урожденцем Сибири» (Сибирская жизнь, 1913, № 68).

2

Оригинал письма хранится в Государственном архиве Омской области (ГАОО), ф. 3, оп. 15, к. 1077, ед. хр. 12, л. 4, 4 об., 5, 5 об.

Усов Федор Николаевич (1839—1888) — казачий офицер. В 1860 г. поступил в Николаевскую академию генерального штаба. Участник процесса «сепаратистов». Был приговорен к высылке в Кargополь Олонецкой губернии. В феврале 1872 г. получил разрешение уехать к отцу в Семипалатинскую область, а в 1874 г. надзор с него был снят и ему дано разрешение поступить на государственную службу. Умер в чине полковника.

1. Г. Н. Потанин уговаривал Ф. Н. Усова поступить вольнослушателем на юридический факультет Петербургского университета, Усов же предпочел военную академию.

2. **Папков Арсений Васильевич** — офицер Сибирского казачьего войска, пользующийся авторитетом среди казачьих офицеров, общий знакомый Потанина и Усова.

3. **Русинов** — сибиряк, вольнослушатель историко-филологического факультета Петербургского университета.

4. **Стасюлевич Михаил Матвеевич** (1826—1911) — историк, публицист и общественный деятель буржуазно-либерального направления. С 1858 г — профессор Петербургского университета по кафедре истории средних веков. В 1861 г. в числе многих либеральных про-

фессоров вышел в отставку в знак протеста против реакционной политики министерства народного просвещения. С 1866 по 1908 г. издавал и редактировал журнал «Вестник Европы» умеренно-либерального направления.

5. Спасович Владимир Даниилович (1829—1906) — юрист, общественный деятель буржуазно-либерального направления, автор работ по международному праву, уголовному праву и процессу. В 1857—1861 гг. был профессором уголовного права в Петербургском университете. Как и М. М. Стасюлевич, в 1861 г. в знак протеста вышел в отставку. С 1864 г. занялся адвокатской деятельностью. Сочинения его изданы в десяти томах (1889—1902).

6. О статье Г. Н. Потанина «Полгода в Алтае» см. примеч. 9 к письму 1.

7. Пирожков Сократ Александрович — казачий офицер. Находился в дружеских отношениях с Потаниным. Впоследствии участвовал в экспедиции Н. М. Ядринцева в Каракорум.

8. Чукреев Константин Дмитриевич — товарищ Потанина по сибирскому кадетскому корпусу в Омске, хорунжий Сибирского казачьего войска, иолковой казначей. Был замешан в деле «сибирских сепаратистов»

9. Лаптев, Хлебников, Иванов, Петров — офицеры Сибирского казачьего войска.

10. Кавии — кадет сибирского кадетского корпуса в Омске.

11. Эта статья Г. Н. Потанина носила заглавие «Отрывок из истории провинциального кадетского корпуса» (Русское слово, 1859, № 10).

12. Статья Потанина «Привоз и вывоз товаров на г. Томска в половине XVII столетия» (Вестник РГО, 1859, ч. 27, с. 126—144).

13. Конец письма утерян.

3

Оригинал письма хранится в ГАОО, ф. 3, оп 15, к. 1077, ед. хр 12, л. 2, 2 об., 3, 3 об.

1. Видимо, речь идет об оттиске статьи Потанина «Отрывок из истории провинциального кадетского корпуса», посланном автором кадету Кавину.

2. В Апраксином рынке в Петербурге имелись специальные букинистические ряды, где можно было приобрести не только давно распроданные русские издания, но иногда и книги радикального направления, изъятые из обращения.

3. Как известно, на рубеже 50-х и 60-х годов в России назревал революционный кризис, достигший наибольшей силы в 1861 г. Однако революционная ситуация не переросла тогда в революцию.

4. Здесь и дальше выделенное вразрядку подчеркнуто следователем.

5. Нестеров Павел Нинифорович — отец Андрея Павловича.

6. Нестеров Андрей Павлович (1838—1901) — в 1865 г. старший адъютант войскового дежурства Сибирского казачьего войска. Замешан в деле «сибирских сепаратистов», но за недоказанностью обвинения в 1868 г. освобожден. Будучи подполковником в отставке, с 1878 по 1883 г. издавал иркутскую газету «Сибирь».

7. Нестерова Александра Павловна — сестра Андрея Павловича.

8. Имеются в виду художники-пейзажисты сибиряки Джогин и Песков, в то время учившиеся в Академии художеств в Петербурге О них Потанин упоминает в письме к Усову от 16 февраля 1860 г. Особенно талантливым был Михаил Иванович Песков

(1834—1864) — автор полотен исторического содержания: «Кулачный бой при Иване Грозном», «Степан Разин, бросающий персидскую княжну в Волгу», «Взятие Искеря Ермаком», «Воззвание Минина к нижегородцам». В последний год жизни он написал еще несколько жанровых картин и среди них прекрасный портрет историка Н. И. Костомарова, свой портрет и крымские эскизы. Песков принадлежал к числу приверженцев реалистического искусства, был одним из организаторов артели петербургских художников. Будучи членом сибирского кружка молодежи в Петербурге, возглавляемого Г. Н. Потаниным, он мечтал вернуться в Иркутск, где родился и провел детские годы, чтобы организовать там художественное училище, однако ранняя смерть в Ялте от туберкулеза легких не позволила ему осуществить свое намерение.

4

Оригинал письма хранится в ГАОО, ф. 3, оп. 15, к. 1077, ед. хр. 12, л. 14, 14 об., 15, 15 об.

1. По-видимому, Ричард Павловский, поступивший в 1860 г. в Петербургский университет.

2. Эти строки в письме Потанина отражают настроения, которые создались в общественных кругах столицы в связи с назреванием в стране в 1859—1861 гг. революционной ситуации. Однако надежды лучших людей тогда не оправдались, и «крестьянская реформа» была проведена правительством в 1861 г. в значительной степени в угоду помещикам.

3. Львов — один из представителей казацкой администрации.

4. Видимо, под словами «вещей нецензурного рода» Потанин имел в виду какие-то запрещенные издания.

5. Н. С. Щукин был тогда известен своими повестями «Посельщина» (1834) и «Ангарские пороги» (1835). Как отмечает М. К. Азадовский, основной задачей автор ставил пропаганду Сибири. Из других его сочинений отметим «Письма с берегов Лены» («Московский телеграф» Н. А. Полевого, 1829) и «Поездку в Якутск» (там же, 1833). О Н. С. Щукине имеются сведения у М. К. Азадовского в «Очерках литературы и культуры Сибири» (Иркутск, 1947, с. 74—75 и др.), а также в книге Я. Р. Кошелева «Русская фольклористика Сибири» (Томск, 1962, с. 24—25 и др.).

6. Мордвинов Александр Александрович (1813—1872) — сибирский этнограф. Опубликовал в «Современнике» (1851, т. 27) статью «Орочены, или оленьи тунгусы», а в «Вестнике РГО» (1860, кн. 2) статью «Инородцы, обитающие в Туруханском крае». Имя Мордвинова часто упоминается А. Н. Пыпиным в его «Истории русской этнографии» (т. 4).

7. Потанин, по-видимому, имеет в виду виднейшего представителя народнического направления в русской историографии Василия Ивановича Семевского (1848—1916). В 1891 г. Семевский по предложению И. М. Сибирякова занялся изучением истории и современного положения рабочих на сибирских золотых промыслах и с этой целью совершил путешествие в Сибирь до Якутской области, причем собрал обширный материал, послуживший основой для написания книги «Рабочие на сибирских золотых приисках» (СПб, 1898). Этот труд был высоко оценен научной общественностью и увенчан Самаринской премией. Из других работ следует назвать книгу «Из истории обязательного горного труда», напечатанную в 1897 г.

8. **Авдеева Екатерина Алексеевна** (1789—1865) — сестра Н. А. и К. А Полевых, первая сибирская бытописательница. Главный ее труд — «Записки и замечания о Сибири» (М., 1837). Как дополнение к ним можно рассматривать ее «Воспоминания об Иркутске» (Отечественные записки, 1848, т. 59, № 8).

9. **Зензинов Михаил Андреевич** (1805—1873) — член кружка литераторов и краеведов в Нерчинске в 30—40-е гг. прошлого столетия, занимавшегося собиранием народно-поэтических произведений и этнографических коллекций. Большой интерес в этом отношении представляет письмо Зензинова: «У меня собираются древние тунгусские баллады на их природном языке, с переводом на русский. Здесь есть древние летами тунгусы, менестрели, барды азийские, которые поют песни на своем природном языке о батырах Азии, живших в глубокой древности, задолго до прихода русских в край Даурии; сказывают сказки с припевом на языке тунгусском — драгоценности, готовые погибнуть с жизнью творцов. Я составляю вместе и лексикон тунгусского языка... Еще я собираю свадебные песни и наговоры дружек по деревням... собираю сведения о названиях мест по Нерчинскому округу на монгольском и тунгусском языках с переводом на русский... много драгоценных сведений о разных замечательных чертах Даурии есть в описании трав, в простом народе употребляемых для больных...» (Москвитянин, 1842, ч. 3, с. 385—386).

«К сожалению,— пишет Я. Р. Кошелев,— все эти материалы, за исключением былины о Ставре Годиновиче, найденной и опубликованной Н. М. Мендельсоном (о нем см. примеч. к письму 338) оказались утраченными» (Русская фольклористика Сибири. Томск, 1962, с. 31).

10. **Словцов Петр Андреевич** (1767—1843) — историк. Помимо многочисленных статей, он напечатал двухтомное «Историческое обозрение Сибири» (1838—1844), переизданное в 1886 г., где рассмотрены процессы заселения Сибири с 1585 по 1823 г. Этот труд, являвшийся наиболее крупным и авторитетным сочинением по истории этого края после известных монографий Миллера и Фишера (см. примеч. 26 и 27 к письму 34), долгие годы служил важнейшим литературным источником по Сибири.

11. **Абрамов Николай Алексеевич** (1812—1870) — смотритель уездных училищ Тобольской губернии, а затем советник Семипалатинского областного правления, сотрудник «Тобольских губернских ведомостей» и «Записок Западно-Сибирского отдела РГО», членом которого он состоял. Посетил многочисленные села, станицы и города Западной Сибири. Свои археологические, исторические, статистические и этнографические наблюдения изложил во многих печатных трудах. Биографические сведения о Н. А. Абрамове и перечень его печатных работ см. в «Тобольских губернских ведомостях», 1870, № 32—45.

12. Выделено Г. Н. Потаниным.

13. **Лободовский Василий Петрович** — товарищ Н. Г. Чернышевского по Петербургскому университету, преподаватель русского языка и литературы в Сибирском кадетском корпусе в Омске.

5

Оригинал письма хранится в ГАОО, ф. 3, оп. 15, к. 1077, ед. хр. 12, л. 16, 16 об., 17, 17 об.

1. Среди печатных работ Потанина статья под заглавием «Коряковская станица» неизвестна.

Оригинал письма хранится в ГАОО, ф. 3, оп. 15, к. 1077, ед. хр. 2, л. 23, 23 об., 24, 24 об.

Об адресате см. примеч. 6 к письму 1.

1. Об Аинании Красикове и братьях Лосевых см. примеч. 3 к письму 1.

2. Студент Иннокентий Пирожков, бурят, учившийся с Потаниным в Петербургском университете.

3. Березовский Вениамин Михайлович — студент Петербургского университета, химик. Участвовал в студенческом движении 1861 г.

4. Эта статья носила заглавие «Поездка в Оломец» (Русское слово, 1860, № 9).

5. Со знаменитым художником-пейзажистом И. И. Шишкиным (1832—1898), который еще учился в Академии художеств, Потанин познакомился летом 1860 г. на о. Валаам, где тот делал зарисовки для будущих картин. Потанин же собирал гербарий и минералогическую коллекцию, которые после были им переданы в соответствующие факультетские коллекции университета.

6. Модестов Василий Иванович (1839—1907) — историк римской литературы, публицист. Окончил Петербургский университет по историко-филологическому факультету в 1860 г. В студенческие годы был в дружеских отношениях с Потаниным. Среди многочисленных его трудов — неоднократно переиздававшиеся «Лекции по истории римской литературы» (последнее издание в 1890 г.) и «Истории римской литературы» (1892).

7. Соковнин и Моровов — по-видимому, студенты, окончившие Петербургский университет в 1860 г.

8. Имеется в виду статья Потанина «К характеристике Сибири», анонимно напечатанная при посредничестве Н. С. Щукина и «Колоколе» за 1860 г. (в номере от 1 июня). См. заметку А. Г. Грум-Гржимайло «Кто был автором статьи «К характеристике Сибири», напечатанной в «Колоколе за 1860 г.» (Известия ВГО, 1963, т. 95, вып. 5, с. 458—459).

9 Валиханов Чокан Чингисович (1835—1865) — выдающийся казахский ученый, просветитель-демократ, путешественник, востоковед, историк, публицист, этнограф, фольклорист, художник. Внук хана Аблая, принявшего русское подданство в 1740 г. В 1847—1853 гг. вместе с Г. Н. Потаниным учился в Омском кадетском корпусе. В 1858 г. после пятилетней службы в Западно-Сибирском генерал-губернаторстве, связанный с участием в экспедициях в Джунгарию, на оз. Иссык-Куль и Кульджу, обратил на себя внимание П. П. Семенова Тян-Шанского. По его рекомендации получил секретное поручение проехать в Кашгарию, тогда закрытую для европейцев. Под видом мусульманского купца проник в Кашгар, где собрал ценные материалы по этнографии Восточного Туркестана и по истории Алтышара. В 1860—1861 гг. жил в Петербурге, где работал в главном штабе над подготовкой к изданию новой карты Азии, слушал лекции в университете и обрабатывал собранные им материалы по истории и этнографии неизвестного еще края. Среди его научных работ, тогда опубликованных, следует отметить «Очерки Джунгарии» (Записки РГО, 1861, кн. 1—2), «О состоянии Алтышара или шести восточных городов китайской провинции Наилу (Малой Бухарии) в 1858—1859 гг.» (там же, кн. 3), «Поездка в Кашгар» (Известия РГО, 1868, т. 4), «Киргизы» (1858), «Аблай» (1861), «Западный край Китайской империи и г. Кульджа» (1858)

и др. Он впервые записал и перевел на русский язык часть героического киргизского эпоса «Манас». В 1860 г. был избран членом Географического общества Однако болезнь (туберкулез легких) вынудила его вернуться на родину, где он в последние годы жизни занимался подготовкой судебной реформы в Казахстане, вопросами пастбищного землепользования и участвовал в экспедиции генерала М. Г. Черняева в 1864 г. Собрание его сочинений было издано Географическим обществом в 1904 г. (с биографическим очерком, написанным Г. Н. Потаниным, Н. М. Ядринцевым и И. Ибрагимовым)

10. Напечатана в № 184, вып. 28, за 1860 г.

11. Ежемесячный литературно-политический журнал «Русское слово» был основан в Петербурге в 1859 г графом Г. А. Кушелевым-Безбородко. Первоначально для редакции были приглашены повт Я. П. Полонский и писатель и критик Аполлон Григорьев; однако очень скоро их заменил А. Хмельницкий, мало причастный к литературе. Последний через год вынужден был оставить журнал. С половины августа 1860 г. и до 1866 г. включительно журнал находился в руках Г. Е. Благосветлова, видного демократического деятеля и публициста и хорошего организатора. Он сумел привлечь лучшие силы демократической молодежи и превратил журнал в боевой прогрессивный орган. Потанин, видимо, опасался, что смена редакции журнала может неблагоприятно отразиться на приеме его статей к печати.

12. В августе 1860 г. Потанин получил письмо от М. А. Бакунина, с которым познакомился в Томске в 1858 г. (см. интересные страницы в «Воспоминаниях» Потанина в газете «Сибирская жизнь», 1913, № 68) Письмо это было послано в университет, попало в руки К. Д. Кавелина и «затерялось» у последнего среди книг (см. письмо 9).

Бакунин Михаил Александрович (1814—1876) — русский революционер, один из основателей и теоретиков анархизма и народничества.

Кавелин Константин Дмитриевич (1818—1885) — русский историк, буржуазно-либеральный публицист. В 40-е годы западник, близок А. И. Герцену. С конца 1861 г. умеренный либерализм перевоплотился в прямое противодействие революционно-демократическим силам.

13. Статья Потанина «Заметка о Западной Сибири» напечатана в «Русском слове» (1860, № 9).

14. «Амур»— первая частная газета в Сибири. Издавалась в Иркутске в 1860—1862 гг. первоначально еженедельно, а с 1861 г. под новым названием «Амурская газета Восточной Сибири»— дважды в неделю. Редактором ее были М. В. Загоскин и Б. А. Млынтин. Подробно об этой газете см. у Б. Г. Кубалова: «Первенец частной сибирской печати газета «Амур» (1860—1862)» (Записки Иркутского областного краеведческого музея, 1961).

15. **Кулиш Пантелеймон Александрович** (1819—1897) — украинский писатель, идеолог буржуазного национализма на Украине. Принимал деятельное участие в издании первого украинского журнала «Основа», выходившего в Петербурге в 1861—1862 гг.

16. Журнал «Основа» издавался под редакцией В. М. Белозерского при весьма деятельном участии Н. И. Костомарова и П. А. Кулиша. Печатался на украинском (беллетристика, корреспонденции) и русском (научный отдел) языках

17. «Украинский вестник» не был дозволен к изданию.

основатель и первый вице-председатель Русского географического общества, впоследствии президент Академии наук в Петербурге.

11. Бэр Карл Максимович (1792—1876) — академик. В Русском географическом обществе был председателем отделения этнографии и членом совета.

12. Отчеты К. М. Бэра о путешествиях по России вошли в т. 9 издававшегося им совместно с геологом Г. П. Гельмерсеном «Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reichs» (1839—1868).

13. Шренк Леопольд Иванович (1830—1894) — академик. Поездка его в Сибирь относится к 1853—1857 гг. Известностью пользуются его труды «Reisen und Vorschungen im Amur-Lande 1854—1856», изданные в четырех томах в 1859—1900 гг., и «Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reichs und der angrenzenden Lander Asiens» (сборник).

14. Петерман Август (1822—1878) — немецкий географ и картограф, основавший в 1855 г. и редактировавший «A. Petermann's Mitteilungen aus J. Perthes geographischen Anstalth» («Сообщения А. Петермана из географического заведения Ю. Пертеса»). Интересовавшая Потанина статья Петермана о Западной Сибири в этих «Сообщениях» (1856, с. 201—221) носила заглавие «West Sibirien, seine Natur-Beschaffenheit, Industrie u. geographisch-politische Bedeutung». Mit zwei Kartenskizzen.

15. Полковник Гулькевич — начальник штаба Сибирского казачьего войска.

16. Смирнов Капитон Иванович — студент Педагогического института, впоследствии директор 2-й петербургской гимназии.

8

Оригинал письма хранится в ГАОО, ф 3, оп. 15, н. 1077, ед. хр. 2, л. 30 и 30 об.

1. Ядринцев Николай Михайлович (1842—1894) — публицист, издатель и редактор газеты «Восточное обозрение», археолог, этнограф и исследователь Сибири. Уроженец Сибири, ближайший друг Г. Н. Потанина, вместе с ним пострадавший в 1865 г. по делу «сибирских сепаратистов». За экспедиции на Алтай в 1878 и 1880 гг. был награжден Русским географическим обществом Малой золотой медалью. Во время экспедиции в Минусинский край и к верховьям Орхона (1886, 1889 и 1891 гг.) открыл развалины древней столицы монголов Каракорум и каменные памятники с надписями, расшифровка которых подтвердила предположение о существовании в Центральной Азии самобытной письменности. Результаты этих экспедиций опубликованы в «Сборнике трудов Орхонской экспедиции» (1892) и в «Атласе древностей Монголии» (два выпуска, 1892—1899). В числе важных в научном отношении этнографических работ Ядринцева следует упомянуть труды «Сибирь как колония» (1882) и «Сибирские инородцы, их быт и современное положение» (1891). Его выводы о процессе оседания кочевников и о прогрессивной роли в развитии культуры многих народностей Востока русского народа сохранили научную ценность до настоящего времени.

2. Попов Александр Васильевич (1808—1880) — орнеиталист. В 1860 г. был назначен инспектором училищ Западной Сибири.

3. Потанин сообщает сведения об окончании Академии художеств в Петербурге знакомыми ему художниками: И. И. Шишкин

18. **Полонский Яков Петрович** (1819—1898) — русский поэт. В 1859—1860 гг. был соредактором в журнале «Русское слово». В дальнейшем работал в цензурном ведомстве.

19. **Баранов Трофим Иоанн** — граф, директор коммерческого банка в Петербурге.

20. **Адлерберг Владимир Федорович** (1790—1884) — граф, министр двора и уделов. На его сестре, Юлии Федоровне, статс-даме императрицы, был женат Т. И. Баранов.

7

Оригинал письма хранится в ГАОО, ф. 3, оп. 15, к. 1077, ед. хр. 2, л. 31, 31 об., 32, 32 об.

1 **Афанасьев Александр Николаевич** (1826—1871) — собиратель и исследователь русского фольклора, историк русской литературы, этнограф. «Народные русские легенды» были изданы в 1859 г.

2. Потанин имеет в виду сборник «Русские заветные сказки», в состав которого вошли сатирические сказки, направленные против бар и попов. А. Н. Афанасьев был вынужден издать этот сборник анонимно за границей в 1860 г.

3. **Горчаков Михаил Александрович** (1839—1897) — князь, сын государственного канцлера; впоследствии был посланником в Мадриде.

4. **Полисадов Василий Петрович** — протоиерей, с 1858 г. профессор богословия в Петербургском университете.

5. **Утин Николай Исаакович** (1840—1883) — студент историко-филологического факультета Петербургского университета. В 1861 г. за активное участие в студенческом движении был арестован и исключен из университета. В 1862 г. был членом руководящего органа «Земли и воли»; поддерживал связь с Н. Г. Чернышевским и Н. А. Серно-Соловьевичем. В 1863 г. эмигрировал за границу. За участие в революционном движении заочно приговорен к смертной казни. В Лондоне установил связь с А. И. Герценом и Н. П. Огаревым. В 1867 г. переехал в Швейцарию, где вступил в Первый Интернационал. В 1870—1871 гг. был одним из редакторов газеты «Эгалите», органа женевской организации Первого Интернационала. В дальнейшем отошел от политической деятельности и вернулся в Россию.

6. **Толль Феликс Густавович** (1823—1867) — преподаватель русской словесности, петрашевец. Арестован 23 апреля 1849 г. и заключен в Петропавловскую крепость. В 1850 г. был сослан на каторгу на Киренский винокуренный завод, а затем на поселение в Томскую губернию. В 1856 г., попав под амнистию, вернулся в Петербург, где стал печатать беллетристические очерки в «Отечественных записках», «Русском слове» и «Современнике». В 1863—1866 гг. издал три тома «Настольного словаря».

7. **Квятковский Ксаверий**, в семье которого Потанин в 1858 г. репетировал детей. В этом же доме часто бывал М. А. Бакунин, женившийся на Антонине Ксаверьевне Квятковской.

8. Работа Потанина под названием «О культуре берестяной посуды» в печати неизвестна

9. «Русская беседа» — славянофильский журнал, издававшийся в Москве в 1856—1860 гг. А. И. Кошелевым.

10. **Литке Федор Петрович** (1797—1882) — граф, адмирал, известный своими арктическими и кругосветными путешествиями, член-

учился в Академии художеств с 1856 по 1860 г. у проф. С. М. Воробьева и окончил академию с золотой медалью; художники-сибиряки Джогин и Песков окончили академию без всяких отличий.

9

Оригинал письма хранится в ГАОО, ф. 3, оп. 15, к. 1077, ед. хр. 2, л. 44.

Об адресате см. примеч. 12 к письму 6.

По-видимому, это письмо Потанина не было получено адресатом и сразу же попало в руки полиции.

1 Антонина Кеаверьевна Бакуинна — жена М. А. Бакунина.

10

Оригинал письма хранится в ГАОО, ф. 3, оп. 15, к. 1077, ед. хр. 2, л. 27, 27 об., 28, 28 об.

1. Дефис и твердый знак [-ъ] — один из многочисленных псевдонимов Н. М. Ядринцева (см. Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов. Т. 3. М., 1949, с 834. «Ядринцев Н. М.»). Следовательно, разбор статей Потанина в газете «Амур» был сделан Ядринцевым, а не Щукиным, как предполагал Потанин.

2. «Заметки о Сибирском казачьем войске» Потанина напечатаны в «Военном сборнике» (Т. 19, 1861, с. 3—32).

3. Статья Потанина «О рабочем классе в ближней тайге (из очерков Сибири)» напечатана в «Русском слове» (1861, № 6, с. 1—20).

4. Куклин Иван Андреевич — студент-биолог, живший в одной комнате с Потаниным.

5. Кибальчич — учитель естественной истории в Томской мужской гимназии.

6. Полынцев — студент Петербургского университета, вероятно, уроженец Томска.

7. О Сидорове см. примеч. 3 к письму 1

8. Федоров-Омулевский Иннокентий Васильевич (1836—1883) — писатель, друг Потанина и Ядринцева со студенческих времен. Уроженец Камчатки Главное произведение Омулевского — роман «Шаг за шагом», в котором автор показал представителей революционной демократии. Лирика Омулевского в художественном отношении слабее его прозаических произведений, но она и пользовалась популярностью у читателей, в особенности в Сибири. Омулевскому принадлежат и многие переводные работы (в частности, стихотворения А. Мицкевича). Первое полное собрание сочинений Омулевского в 2-х томах было издано в Петербурге под редакцией П. В. Быкова в 1906 г.

9. Иннокентий Пирожков.

10. Муравьев-Амурский Николай Николаевич (1809—1881) — русский государственный деятель и дипломат, в 1847—1861 гг.— генерал-губернатор Восточной Сибири.

11

Оригинал письма хранится в ГАОО, ф. 3, оп. 15, к. 1077, ед. хр. 2, л. 60, 60 об.

1. Павлинов Николай Михайлович — сибиряк, товарищ Потанина по Петербургскому университету, уехавший работать в Иркутск.

2 Федоров-Омулевский И. В. в 1861 г. жил в Иркутске.

3. Иннокентий Пирожков.

4. Волнения в Петербургском университете осенью 1861 г. были вызваны распоряжениями министра народного просвещения графа Е. В. Путятина, согласно которым были запрещены всякие студенческие сходки, закрыты студенческие кассы взаимопомощи и студенческие библиотечки, введены обязательная плата за слушание лекций, матрикулы и другие положения, ограничивавшие прежние права студентов. Эти мероприятия, в особенности введение обязательной платы за слушание лекций, вызвали неудовольствие не только у студентов, но и в городе, ибо в этом увидели явное желание уменьшить число студентов, и притом не путем введения конкурсных экзаменов, а на основании имущественного положения. Протесты и сопротивление этим мероприятиям, принявшие характер крупных демонстраций, привели к аресту значительного числа студентов и к закрытию университета.

5. В «Колоколе» (1861, № 114) А. И. Герцен опубликовал официальный список 240 арестованных и доставленных в С.-Петербургскую крепость студентов. В этом сообщении под «Петербургской крепостью» имелась в виду, видимо, Кронштадтская крепость. При таком понимании сведения, сообщенные в письме Потанина, полностью совпадают с данными «Колокола» в отношении не только общего числа арестованных, но и персонального указания на студента Илью Кузнецова и вольнослушателя Эммануила Шаца, уроженцев Сибири. Списка 80 студентов, заключенных в Петропавловскую крепость, А. И. Герцен, по-видимому, не получил.

12

Оригинал письма хранится в ГАОО, ф. 3, оп. 15, к. 1077, ед. хр. 2, л. 38, 38 об., 39, 39 об.

1. **Перетолчин Владимир Иванович** — студент Петербургского университета.

2. «Искра» — сатирический журнал, издававшийся в Петербурге известным карикатуристом Н. А. Степановым и поэтом-демократом В. С. Курочкиным, одним из видных членов тайного общества «Земля и воля». Выходил с 1859 по 1873 г. сначала еженедельно, а потом два раза в неделю. Журнал стоял в основном на позициях революционной демократии и поддерживал программу «Современника».

3. Сибирский отдел (впоследствии Восточно-Сибирский) Русского географического общества

4. Сообщенные здесь материалы в литературе неизвестны. Видимо, Потанину не было времени, чтобы подготовить их к печати.

5. О поездке вместе с И. А. Куклиным в Калужскую губернию Потанин уже писал в письме от 3 сентября 1861 г.

13

Оригинал письма хранится в ГАОО, ф. 3, оп. 15, к. 1077, ед. хр. 2, л. 15, 15 об., 16, 16 об., 25, 25 об., 26 об.

1. **Джефферсон Томас** (1743—1826) — выдающийся политический деятель США. Возглавил борьбу за независимость США (1775—1783), а в 1776 г. по поручению конгресса составил «Декларацию

независимости». В 1796 г. избран вице-президентом, а в 1801 г.— президентом США. На этом посту оставался до 1809 г.

2. **Франклин Вениамин** (1706—1790) — американский политический деятель и ученый; один из родоначальников демократической культуры американского народа.

3. **Бокль Генри Томас** (1821—1862) — английский историк и социолог-позитивист.

4. **Книга И. И. Завалишина**, брата декабриста, «Описание Западной Сибири» (М., 1862).

5. **Корсаков Михаил Семенович** (1826—1871) — генерал-губернатор Восточной Сибири.

6. Руководящую роль в «Русском слове» Д. И. Писарев начал играть с 1861 г., когда и определилась революционно-демократическая программа журнала. В 1866 г. после покушения Д. В. Каракозова на Александра II журнал был закрыт по распоряжению правительства

7. **Чернышевский Николай Гаврилович** стал работать в журнале «Современник» с 1854 г. Публицисты М. А. Антонович и Ю. Г. Жуковский, принимавшие деятельное участие в журнале и раньше, к руководству журналом были привлечены с 1864 г. Потанин упустил из виду большую работу в журнале Н. А. Добролюбова (с 1856 по 1861 г.), Г. З. Елисеева, ведшего крупный раздел «Внутреннее обозрение» (о нем см примеч. 28 к письму 23), и М. Е. Салтыкова-Щедрина, который возглавил редакцию журнала в 1862 г., после ареста Н. Г. Чернышевского. «Современник», как и «Русское слово», был закрыт в 1866 г. после неудачного выстрела Д. В. Каракозова.

14

Оригинал письма хранится в ГАОО, ф. 3, оп. 15, к. 1077, ед. хр. 2, л. 34, 34 об., 35, 35 об.

1. Начало письма утеряно.

2. Г. Н. Потанин пишет «а у нас-то в Омске», так как он был уроженцем Омской области.

3. Потанин имел в виду Сибирское казачье войско.

4. **Милютин Борис Алексеевич** (1831—1886) — член редакции газеты «Амур» и «Сибирского вестника». Впоследствии безуспешно добивался разрешения на издание новой сибирской газеты. Издал интересный «Сборник историко-статистических сведений о Сибири» (СПб., 1876).

5. **Загоскин Михаил Васильевич** (1830—1904) — прогрессивный общественный деятель Сибири. Много лет состоял правителем дел Сибирского отдела Русского географического общества и редактором его изданий. В 1860—1862 гг. был одним из редакторов газеты «Амур», а впоследствии в течение десяти лет — газеты «Сибирь». Специализировался по крестьянскому вопросу; крестьянским нуждам посвятил многие статьи в «Сибири» и в издававшейся впоследствии Н. М. Ядринцевым в Иркутске газете «Восточное обозрение».

6. **Шестунов Михаил Прокофьевич** — сибирский общественный деятель и публицист. В 1858 г. в Иркутске в своем доме открыл частную публичную библиотеку. Начал Шестунов дело ничтожными средствами (300 рублей), на которые выписал лучшие столичные журналы, отдал в библиотеку большое собрание личных книг и скупил для ее пополнения книги у разных лиц. Как записал в «Дневнике» П. А. Кропоткин, в 1859 г. ежедневно в библиотеку к Ше-

стунову «приходило читать до 120 человек» (М.; Л., 1923, с. 46). Однако в 1862 г. библиотека по распоряжению местных властей была закрыта. Спустя несколько месяцев Шестуиову совместно с В. И. Вагиным удалось ее вновь открыть, но ненадолго: в 1865 г. она была окончательно запрещена.

7. Секретаря (или правителя дел) Сибирского отдела Русского географического общества И. С. Сельского в 1861 г. сменил А. С. Сгибнев.

8. Автор этого стихотворения — известный историк и публицист **Афанасий Прокофьевич Щапов** (1830—1876). В апреле 1861 г. на панихиде по жертвам расстрела в с. Бездна Казанской губернии Щапов произнес революционную речь, за которую подвергся аресту и заключению в Петропавловскую крепость, где и написал стихотворение, дошедшее до Потанина в одном из списков. При аресте Н. С. Щукина в Иркутске в 1865 г. по делу «сибирских сепаратистов» это письмо со стихотворением Щапова, как и другие письма Потанина, было захвачено следственными органами, а после предъявлено Потанину на одном из допросов. Так как в письме было примечание к стихотворению, разъясняющее время его написания, Потанину пришлось признаться, что не он его автор. «Затем,— пишет Потанин в своих «Воспоминаниях»,— ввели Щапова (доставленного в Омск из Иркутска). Он проковылял на костыле к столу, на котором лежало мое письмо, и написал в своем показании, что это стихотворение действительно написано им во время тюремного заключения и что оно известно III отделению и хранится в его деле в архиве последнего... Почему-то меня не отвезли тотчас в острог, а вместе с Щаповым провели в соседнюю комнату, которая была отдана в распоряжение Щапову. Тут стояла его кровать. Он сел на нее, а я на стул возле. «Вот где нам пришлось познакомиться с Вами»,— сказал он. Действительно, в Петербурге мне как-то не удалось встретиться со Щаповым» (Сибирская жизнь, 1914, № 45).

9. Намек на журнал «Основа» (см. примеч. 16 к письму 6).

10. **Милованов** — кавалерийский офицер.

11. **Гантимуров** — тунгусский князь, учившийся в Петербурге во 2-м кадетском корпусе. Один из многочисленных потомков князя Гантимура.

15

Оригинал письма хранится в ГАОО, ф. 3, оп. 15, к. 1077, ед. хр. 2, л. 1, 1 об., 2, 2 об.

1. Начало письма утеряно.

2. Н. С. Щукин стал издавать в Сибири журнал «Сибиряк», просуществовавший очень недолго.

3. Литературный фонд — неофициальное название общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым, учрежденного в 1859 г. в Петербурге. Первым его председателем был известный путешественник, писатель, дипломат Е. П. Ковалевский, являвшийся в 1865 г. помощником председателя Русского географического общества; впоследствии представителями Литературного фонда состояли крупный статистик и экономико-географ А. П. Заблоцкий-Десятовский, академик Я. К. Грот, сенатор Н. С. Таганцев, историк русского права профессор В. И. Сергеевич, видный либеральный публицист, критик и историк литературы К. К. Арсеньев и др.

Г. Н. Потанин сообщает о предполагавшемся основании отделения Литературного фонда в Петербургском университете, но из этого проекта ничего не получилось. Таким образом, мечта создать под флагом благотворительного общества разветвленную политическую организацию в России осталась неосуществленной.

4. Ордынский — поляк, сосланный по делу общества «Военные друзья» (1826 г.).

16

Оригинал письма хранится в ГАОО, ф. 3, оп. 15, к. 1077, ед. хр. 14, л. 108.

Шайтанов Александр Дмитриевич (1840—?) — хорунжий Сибирского казачьего войска, поехавший весной 1861 г. в Петербург для поступления в университет. Был участником процесса «сибирских сепаратистов» Сенат, согласно решению Государственного совета от 20 февраля 1868 г., приговорил его к лишению всех прав состояния и к ссылке в Архангельскую губернию (Пинега). В 1873 г. получил разрешение возвратиться на родину в Западную Сибирь. Поселился в Усть-Каменогорске, где служил офицером. В 1875 г. был освобожден от надзора полиции.

1. Г. Н. Потанин по поручению Русского географического общества принял участие в экспедиции 1863—1864 гг. астронома К. В. Струве на оз. Зайсан и в Восточный Тарбагатай. Потанин собрал ценный научный материал, послуживший основой для написания (совместно с К. В. Струве) отчета о «Путешествии на озеро Зайсан и в речную область Черного Иртыша до озера Маркакуль и горы Сарытау летом 1863 года» (Записки РГО по общей географии 1867, т. 1, с. 363—428) и самостоятельных статей «Поездка по Восточному Тарбагатаю летом 1864 года» (Записки РГО по общей географии, 1867, т. 1, с. 463—534) и «О рыбном промысле на озере Зайсан и на Черном Иртыше» (Записки РГО, за 1864 г., 1865, кн. 4, с. 21—50).

2. Пахоруков Павел Семенович — хорунжий Сибирского казачьего войска.

3. Пантелеев Леонтий Федорович (1840—1919) — участник революционного движения 60-х годов XIX в., руководящий член тайного общества «Земля и воля». Арестован по подозрению в причастности к польскому восстанию 1863 г., отбыл долголетнюю ссылку в Сибири. Под конец жизни написал «Воспоминания» (М., 1958), которые являются одним из немногочисленных мемуарных документов по истории «Земли и воли».

Г. Н. Потанин был в дружественных отношениях с Пантелеевым как в годы совместного пребывания в Петербургском университете, так и на протяжении всей остальной жизни. Пантелеев принял Потанина в общество «Земля и воля» и поручил ему по заданию центральной организации, переданному А. А. Слепцовым, создать группу единомышленников в Уральском казачьем войске (Пантелеев Л. Ф. Воспоминания, с. 296). О том, что это поручение было выполнено Потаниным, и всего вероятнее летом 1862 г., свидетельствует указание П. П. Семенова, что «летние свои вакансии предприимчивый Г. Н. Потанин употребил на весьма серьезные и обширные географические экскурсии, начиная с озера Ильмень и до устья р. Урала» (П. П. Семенов. История полувековой деятельности Русского географического общества. 1845—1895. СПб., 1896, т. 1, с. 281, примеч. 1). Эту характеристику П. П. Семенов дал

Потанину при определении его в экспедицию на оз. Зайсан и в Восточный Тарбагатай, осуществленную в 1863—1864 гг.

4. **Тибле́н Николай Львович** — владелец книжного магазина в Петербурге и прогрессивный издатель 60-х годов XIX в.

17

Оригинал письма хранится в ГАОО, ф. 3, оп. 15, к. 1077, ед. хр. 14, л. 19.

Об адресате см. примеч. 3 к письму 6.

18

Оригинал письма хранится в ГАОО, ф. 3, оп. 15, к. 1077, ед. хр. 2, л. 19, 19 об., 22, 22 об.

1 Пропаганда идеи об учреждении в Сибири университета и создании большого органа печати началась Потаниным и Ядринцевым в декабре 1863 г. На протяжении долгих лет эти вопросы систематически поднимались в устной (в форме докладов) и в письменной (преимущественно в статьях на страницах печати) форме. Они были разрешены положительно, в чем несомненна заслуга Потанина и Ядринцева.

2. Речь Н. М. Ядринцева «По поводу сибирского университета» была произнесена в декабре 1863 г. в Омске на литературном вечере, устроенном в пользу школы для казачьих детей, и напечатана в «Томских губернских ведомостях» (1864, № 5).

3. **Шашков Серафим Серафимович** (1841—1882) — публицист. В 1861 г. приехал в Петербург и слушал лекции в университете на восточном факультете. Осенью 1863 г. переехал в Красноярск, где занимался педагогической деятельностью и чтением публичных лекций по истории Сибири. В 1865 г. арестован по делу «сибирских сепаратистов» и в 1868 г. сослан в Шенкурск, где находился под надзором полиции до 1872 г., когда был переведен в Воронежскую губернию, сначала в г. Бобров, а затем в Воронеж. Получив разрешение жить повсеместно, поселился в Новгороде. Работал преимущественно в журнале «Дело».

4. Намек на экспедицию, о которой см. примеч. 1 к письму 16.

5. «Каменщиками» назывались ясачные крестьяне, обитавшие в Бийском округе Томской губернии. Поселения «каменщиков» образовались в XVIII в. из русских беглых (преступников и раскольников), удалившихся «за камень» (т. е. за Урал) и поселившихся в верховьях Бухтармы и на ее притоках, в диких ущельях и долинах, которые в то время были вне русских пределов. В 1791 г. «каменщики» были помилованы и приняты в русское подданство на правах инородцев, т. е. с платой ясака. В то время их было 300 душ, а в 1860 г. 1433. «Каменщики» жили в поселках, занимались земледелием, скотоводством, охотою. Большей частью они были старообрядцами (см.: Принтц А. «Каменщики» Бухтарминской волости («Записки РГО» по общей географии, 1867, т. 1).

19

Оригинал письма хранится в ГАОО, ф. 3, оп. 15, к. 1077, ед. хр. 14, л. 14, 14 об., 15, 15 об.

1. **Лунин Иван Алексеевич** — сибиряк, офицер Сибирского казачьего войска, уехавший в Петербург учиться и проживавший с Шайтановым в одной квартире.

2. **Парамонов Егор Иванович** — педагог в Томске.

3. Школа для мальчиков (см. письмо 21), основанная в Томске Е. Я. Колосовым. О нем см. примеч. 1 к письму 21.

4. **Сидоренко** — местный чиновник.

5. **Кувшинов Дмитрий Львович** — учитель русской словесности в Томской мужской гимназии и основатель первой в Томске публичной библиотеки. По окончании Казанской духовной академии посвятил себя не только педагогической работе, но и научной и публицистической деятельности. В особенности его привлекала архивная работа, розыски сибирской старины. Свои выписки из архива Алексеевского монастыря в Томске после тщательной обработки он печатал в «Чтениях» Московского общества истории и древностей российских, собранные им старинные акты помещал в «Томских губернских ведомостях». По предложению председателя Томского губернского правления П. Фривеля, временно исполнявшего обязанности вице-губернатора, он стал редактором «части неофициальной» «Томских губернских ведомостей», и при нем эта часть газеты получила сильное развитие. В ней стали участвовать Потанин, Ядринцев и другие сибирские деятели. После ареста Потанина, Ядринцева и Колосова в 1865 г. Кувшинов был снят с редакторской работы, на которой его сменил А. Николаев. При новом редакторе «часть неофициальная» газеты стало быстро хиреть за отсутствием материала.

20

Оригинал письма хранится в ГАОО, ф. 3, оп. 15, к. 1077, ед. хр. 12, л. 6, 6 об.

21

Оригинал хранится в ГАОО, ф. 3, оп. 15, к. 1077, ед. хр. 12, л. 7, 7 об.

1 **Колосов Евгений Яковлевич** — товарищ Потанина по Омскому кадетскому корпусу, а впоследствии — артиллерийский офицер, был замешан в деле «сибирских сепаратистов». После окончания процесса был сослан в Нерчинск, где занимался педагогической деятельностью.

2. **Лерхе Герман Густавович** — томский губернатор с 1864 по 1866 г. Отправляясь 23 февраля 1865 г. в командировку для обозрения Кузнецкого округа, он на время своего отсутствия поручил управленке губернией председателю Томского губернского правления П. Фривелю («Томские губернские ведомости», ч. офиц., № 8). 20 марта Лерхе вернулся из поездки и вступил в управление вверенной ему губернией (Томские губернские ведомости, ч. офиц., № 12).

3. **Дюгамельша** — жена генерал-губернатора Западной Сибири генерала Дюгамеля.

22

Оригинал письма хранится в ГАОО, ф 3, оп. 15, к. 1077, ед. хр. 14, л. 101, 101 об., 102, 102 об.

1 **Менделеев Дмитрий Иванович** (1834—1907) был уроженцем Сибири.

2. Письмо, по-видимому, без окончания, так как мысль прервана и отсутствует подпись.

Оригинал письма хранится в ГАОО, ф. 3, оп. 15, к. 1077, ед. хр. 14, л. 49, 49 об., 58, 58 об., 110, 110 об.

1. **Науман Карл Фридрих** (1797—1873) — немецкий геолог и минералог, профессор кристаллографии, минералогии и геологии во Фрейбергском (с 1826 г.) и в Лейпцигском (с 1842 г.) университетах, автор учебников минералогии и геологии Потанина интересовал курс геологии («Lehrbuch der Geognosie») этого автора, изданный в двух томах в Лейпциге в 1849—1854 гг., а в 1860-х гг. переиздававшийся отдельными выпусками.

2. **Бурмейстер Герман** — немецкий естествоиспытатель Потанин имеет в виду второе издание (1858—1860 гг.) его Zoologischer Handatlas», который был приложением к курсу зоологии («Handbuch der Naturgeschichte»).

3. По всей вероятности, Потанин говорит об «Опыте истории растений» Франца Унгера («Versuch einer Geschichte der Pflanzenwelt»), изданный в Вене в 1852 г.

4. Потанин ошибся, считая Эдуарда Форбеса немецким ученым. **Эдуард Форбес** (1815—1854) — английский естествоиспытатель, он много работал в области геологии, ботаники и зоологии; был известен и как путешественник, преимущественно по странам Средиземноморья

5. **Мейен Франц** (1804—1840) — немецкий ботаник, физиолог и фитопатолог. Важнейшее его сочинение по географии растений «Grundriss der Pflanzengeographie» издано в Берлине в 1836 г.

6. Вернее всего, Потанина из сочинений А. Ф. Миддендорфа интересовало «Путешествие на север и восток Сибири», выпуск первый первой части которого, заключающий материалы по географии и гидрографии, вышел из печати в 1860 г., а выпуск второй той же части, об орографии и геогнозии,— в 1861 г.

7. Возможно, что Потанина интересовали статьи геолога Н. Г. Меглицкого «Геогностический очерк Верхоянского хребта и описание месторождений серебристо-свинцовых руд на реке Эндыбале» (Горный журнал, 1851, ч. 2, кн. 5, с. 141—210). «Геогностическое исследование окрестностей Байкала» (Журнал министерства народного просвещения, 1857, ч. 93, № 3, с. 152—154) и др.

8. Ядринцев Н. М. Сибирь в 1 января 1865 года.— Томские губернские ведомости, ч. неофиц., 1865, № 1.

9. Ядринцев Н. М. Общественная жизнь в Сибири.— Там же, ч. неофиц., № 5.

10. Ядринцев Н. М Сибирь перед судом русской литературы.— Там же, ч. неофиц., № 9.

11. Усов Ф. Н Литературный вечер в Омске.— Там же, ч. неофиц., № 10.

12. [Г. Н. Потанин]. Список сибиряков, находящихся в высших учебных заведениях Петербурга.— Там же, ч. неофиц., № 2.

13. [Г. Н. Потанин]. Список сибиряков студентов, слушающих лекции в Московском университете.— Там же, ч. неофиц., № 11.

14. [Г. Н. Потанин]. Список сибиряков, обучающихся в Казани.— Там же, ч. неофиц., № 12.

15. [Г. Н. Потанин]. Заметки по поводу заявления «Московских ведомостей».— Там же, ч. неофиц., № 11.

16. Статья Г. Н. Потанина «Климат и люди Сибири».— Там же, ч. неофиц., № 12 и 13.

17. Статья Г. Н. Потанина «Материалы к вопросу о сибирском университете».— Там же, ч. неофиц., № 7 и 8.

18. Название работы А. И. Герцена искажено Потанин узнал о нем, вероятно, понаслышке. Оно могло появиться в результате произвольного соединения названий работ Герцена «О развитии революционных идей в России» и «Русский народ и социализм».

В 1861 г. в Москве студентами университета П. Г. Зайчневским и П. Э. Аргиропуло, отпечатавшими в том же году прокламацию «Молодая Россия», было впервые на русском языке издано литографским способом, нелегально и без ведома автора сочинение А. И. Герцена «О развитии революционных идей в России» («Du développment des idées revolutionnaires en Russie»). Об этом литографированном издании и узнал, видимо, Потанин, так как в количестве 20 экземпляров он мог рассчитывать получить только это издание.

19. Потанин мог также случайно узнать, что в Москве получено новое русское издание сочинения Фейербаха о религии, что и дало ему повод просить о присылке в Томск «лекций Фейербаха о религии». В действительности же дело сводится, видимо, к следующему. В Москве кто-то нелегально получил из Лондона изданное там в 1861 г. на русском языке сочинение Людвига Фейербаха «Сущность христианства («Das Wesen Christenthums»). Просьба Потанина не могла быть удовлетворена, так как распространение этого сочинения Фейербаха в России тогда было запрещено.

20. Кеннан Джордж (1845—1924) — американский путешественник. Совершил в 1864 г. путешествие из США через Аляску, Берингов пролив и Сибирь в Европу для выяснения возможности проведения телеграфной проволоки из США в Европу. По возвращении он напечатал в том же 1864 г. в Лондоне книгу «Tent life in Siberia», которая была переведена на русский язык и издана в Петербурге в 1872 г. под названием «Кочевая жизнь в Сибири. Приключения среди коряков и других племен Камчатки и Северной Азии». Потанин узнал о существовании книги и пожелал ее прочесть. В 1885—1886 гг. Кеннан объездил всю северо-восточную часть Европейской России и Сибирь со специальной целью изучения русской ссылки. Описание этого путешествия появилось в отдельном издании «Siberia and the exile system», Лондон, 1891.

21. Прудон Пьер Жозеф (1809—1865) — французский публицист и социолог. Произведения его в 60-х годах прошлого столетия были очень популярны в странах Западной Европы. Особенной известностью в буржуазной среде пользовался труд Прудона «Système des contradictions économiques». Прудонисты старались навязать программу «мютюэлизма» (ликвидация буржуазной эксплуатации пролетариата с помощью дарового кредита) и международному рабочему движению и выступали в 1865—1869 гг. на многих конференциях и конгрессах Первого Интернационала с проповедью своих идей и проектов. Борьба с ними марксистов окончилась полнейшей победой последних

22. Блан Луи (1811—1882) — один из последних представителей французского утопического социализма. В 60-х годах прошлого столетия его имя было еще довольно популярно в революционных кругах России. Крупный русский публицист и сотрудник «Современника» М. А. Антонович взялся перевести на русский язык его «Историю Великой французской революции», первой том которой вышел в свет в Петербурге в 1871 г. Он же предпринял в 1866 г. двухтомное русское издание его «Писем об Англии».

23. **Гиляров М. А.** — управляющий Томской казенной палатой. Некоторое время был цензором в Томске.

24. **Асташев Иван Дмитриевич** (1796—?) — крупный сибирский золотопромышленник, миллионер.

25. **Усов Федор Николаевич.**

26. Г. Г. Лерхе.

27. **Катков Михаил Никифорович** (1818—1887) — русский реакционный публицист. В 1850—1855 и в 1863—1887 гг. был редактором «Московских ведомостей».

28. **Елисеев Григорий Захарович** (1821—1891) — русский публицист, демократ, уроженец Сибири. Переехав в 1857 г. в Петербург, Елисеев сотрудничал в сатирическом журнале «Искра», а затем в «Современнике», где с 1861 г. вел раздел «Внутреннее обозрение». Одновременно редактировал газеты «Век» (1862 г.) и «Очерки» (1863 г.). С 1868 г. вместе с Н. А. Некрасовым и М. Е. Салтыковым-Щедриным, а позднее с Н. К. Михайловским редактировал журнал «Отечественные записки», где также вел отдел «Внутреннее обозрение».

29. К этому времени А. Д. Шайтанов переехал в Москву, где продолжал свои учебные занятия.

24

Оригинал письма хранится в ГАОО, ф. 3, оп. 15, к. 1077, ед. хр. 12, л. 8, 8 об., 9, 9 об.

1. Статья Ф. Н. Усова о скотопромышленности называлась «Посредничество Иртыша в киргизской скототорговле» (Томские губернские ведомости, ч. неофиц., 1865, № 11).

2. **Попов Михаил Логинович** — директор училищ Томской губернии.

3. Коряковская станица, ныне г. Павлодар. Была основана в 1720 г. как Коряковский форпост, в 1838 г. получил название Коряковской станицы, а с 1861 г.— г. Павлодар.

4. Первый день пасхи в 1865 г. приходился на 4 апреля. Эта дата позволяет приблизительно установить и дату написания настоящего письма.

25

Оригинал письма хранится в ГАОО, ф. 3, оп. 15, к. 1077, ед. хр. 2, л. 29, 29 об.

1. Помимо других статей, посвященных вопросу основания в Сибири университета, Потанин говорит об этом и в статье «Гражданское увеличение Сибири» (Томские губернские ведомости, ч. неофиц., 1865, № 16).

2. За май 1865 г. в «Томских губернских ведомостях» такой статьи Н. М. Ядринцева не обнаружено. Видимо арест в Томске Потанина, Ядринцева и Колосова в мае воспрепятствовал Ядринцеву осуществить это намерение.

26

Оригинал письма хранится в ГАОО, ф. 3, оп. 15, к. 1077, ед. хр. 7, л. 1, 2.

1. О Папкове см. примеч. 2 к письму 2.

2. **Кувшинова Авдотья Ивановна** — мать М. Я. Капустина

3. Миша — Михаил Яковлевич Каиустии. Урожеиец Западной Сибири, племяиник Д. И. Менделеева. Первоначальное образование получил в Томской гимназии, где учился вместе с Н. М. Ядриицевым, а высшее — в медико-хирургической академии в Петербурге. Впоследствии был профессором гигиены в Казанском университете.

27

Оригииал письма хранится в ТОКМ, в фоиде Потаиина, оп. 14, д. 3, л. 1—2.

Об адресате см. примеч. 1, к письму 8.

1. В Свеаборгской крепости Г. Н. Потаиии отбывал каторгу

2. По сведеииям за 1865 г., населеиие Никольска составляло 1736 человек, в ием иасчитывалось 189 домов, из иих лишь два каменных, одиииадцать лавок, скотобойия и два училища. Городская торговля была иезиачительной и ограиичивалась продажей съестных припасов и крестьяиских изделий. Кроме того, Никольск, как пристаиь на р. Юге, служил складочиым пуиктом для хлеба, льна и льияиого семени, скупавшихся в Никольском уезде, а также в Ветлужском и Кологривском уездах Костромской губерии.

Колыиань Томской губерии, по даиным за 1862 г., была городком с 296 домами и с иаселеиием в 2760 человек.

3. Статья Н. М. Ядриицева «Бродячее иаселеиие Сибири» (Дело, 1868, № 9, 10 и 11).

4. Статья Н. М. Ядриицева «Община и ее жизиь в русском остроге» (Дело, 1869, № 7 и 9; 1870, № 1).

5. Потаиии читал статью Н. М. Ядриицева «Письма о сибирской жизии», подписаииую псевдоиимом «Семилуженский» (Дело, 1868, № 5) Любимов И. И.— автор статей о железиодорожном строительстве, в которых высказывалась мысль, что Сибирь — это «золотой суидук», а потому проведеиие туда желевиой дороги позволит лучше «черпать» ее огромиые богатства.

6. Имеются в виду «Исторические очерки русской ссылки в связи с развитием преступлений» (Дело, 1870, № 10). Возможио, что Потаиии включал сюда и последующие статьи Н. М. Ядриицева: «Колоиизациоииое вначение русской ссылки» (Дело, 1870, № 12), «Исправительное значение русской ссылки» (там же, 1871, № 1—2), «Условия прогресса в сфере иаказаиий» (там же, 1871, № 6 и 7).

7. По-видимому, имеется в виду статья Н. М. Ядриицева «Типы сибирского острога» (Дело, 1870, № 5), где скопцам посвящеи равдел VI—«Ищущие спасеиия»).

8. «Дело»— ежемесячиый иаучио-литературиый журиал, орган радикально-демократической иителлигеиции. Он стал издаваться в Петербурге в 1867 г., закрыт в 1885 г. Издателем его был Н. И. Шульгии, редактором Г. Е. Благосветлов, иоторый ирежде был редактором «Русского слова», закрытого в 1866 г. Политическое иаправление «Русского слова» «Дело» продолжало. Главиейшие сотрудиики журиала — Н. В. Шелгуиов, Д. И. Писарев, В. В. Берви (Флеровский), П. Н. Ткачеи, П. Л. Лавров, Л. И. Мечииков, С. М. Кравчииский (Степняк), Н. М. Ядриицев, С. С. Шашков, П. В. Засоднмский, Н. К. Михайловский, Н. Ф. Бажии и др. После смерти в 1880 г. Г. Е. Благосветлова редактором журнала стал Н. В. Шелгуиов, а в 1883—1884 гг.— К. М. Станюкович, при котором «Дело» фактически прекратило свое существование (в 1885 г. вышел в свет лишь одии иомер). Формальио журнал

ие был закрыт; его ликвидация была осуществлена косвенным путем — арестом и высылкой сперва Н. В. Шелгунова, а после К. М. Станюковича.

9. В журнале «Отечественные записки» (1871, № 12) Н. М. Ядринцев поместил статью «История одного странствия».

10. В ответном письме от 20 февраля 1872 г. Н. М. Ядринцев объясняет, что с журналом «Дело» он не разошелся, а поместил свою статью также и в «Отечественных записках», так как в редакциях статьи обычно лежат подолгу, а «для бедного писателя это невыносимо» (Письма Н. М. Ядринцева к Г. Н. Потанину. Красноярск, 1918, с 6).

11. Пашино Петр Иванович (1838—1891), помимо издания «Азиатского вестника», напечатал книги «Туркестанский край в 1866 г.» (СПб., 1866), «Вокруг света» (СПб., 1885) и мелкие журнальные статьи.

12. После выхода в свет первого номера в 1872 г. «Азиатский вестник» прекратил свое существование.

13. «Заря» — учено-литературный и политический журнал, издававшийся в Петербурге в 1869—1872 гг. По своему направлению он примыкал к славянофильству.

14. В 1871 г. С. С. Шашков опубликовал большое исследование «Главные эпохи в истории русской женщины» (Дело, № 1, с. 216—249; № 2, с. 141—171; № 3, с. 1—47; № 4, с. 194—223). Впоследствии редакция журнала издала эту работу отдельной брошюрой.

15. Тахтаров Андрей Александрович — участник процесса по делу «сибирских сепаратистов»; проживал в 70-х годах в Харькове, где работал педагогом.

16. Статья Г. Н. Потанина «О караванной торговле с Джунгарской Бухарией в XVIII столетии» («Чтения» Общества истории и древностей российских при Московском университете, 1868, книга вторая, с. 21—113) В статье было допущено много опечаток, так как корректуры авторы не просматривались.

17. В тех же «Чтениях» в 1870 г. (кн. 4, с. 63—176) была издана другая работа Г. Н Потанина «XVIII века Домовая летопись Андреевых по роду их, писанная капитаном Иваном Андреевым».

18. Бодянский Осип Максимович (1808—1877) — профессор истории и литературы славянских народов в Московском университете, секретарь Общества истории и древностей российских и редактор «Чтений» этого общества.

28

Оригинал письма хранится в ТОКМ, в фонде Потанина, оп. 14, д. 3, л. 3—7.

1. В журнале «Дело» Г. Н. Потанин в 1871—1872 гг. имел возможность прочесть следующие стихотворения Омулевского: «Порой болит душа твоя» (1871, № 12, с. 310), «Пускай живет в душе моей» (1872, № 1, с. 104), «Нет, не читай мне наставлений» (1872, № 2, с. 151), «Призраки» (1872, № 2, с. 222), «На прощанье» (1872, № 3, с. 108—109), «Контраст» (1872, № 6, с. 160), «Монолог» (1872, № 7, с. 203—204), «Забывчивые люди» (1872, № 9, с. 143—144), «Друзьям» (1872, № 9, с. 144), «Зачем ты бьешься, сердце» (1872, № 10, с. 255—256).

2. Острожные записки «Лютые дни» Г. Н. Потанину удалось напечатать лишь частично — всего три отрывка (см. примеч. 11

к письму 53 и примеч. 3 к письму 64). Сохранилась ли вся рукопись — неизвестно.

3. В 1871 г. в Лейпциге вышел 6-й, последний том монографии известного немецкого антрополога Теодора Вайца (1821—1864) «Anthropologie der Naturvölker», посвященный аборигенному населению Полинезии, Меланезии, Австралии и Тасмании («Anthropologie der Polynesier, Melanesier, Australier und Tasmanier»). Эта книга, в которой были обобщены материалы об антропологии и этнографии народностей этих стран, вызвала серьезные возражения со стороны Н. Н. Миклухо-Маклая, однако для своего времени она считалась классическим произведением.

4. Несомненно, имеется в виду известный труд выдающегося английского историка культуры Эдуарда Тейлора «Primitive culture», изданный в Лондоне в 1871 г. Он сохранил научную ценность и до настоящего времени и был издан в русском переводе (Первобытная культура») в Москве в 1939 г.

5. По-видимому, С. С. Шашков предполагал выслать Г. Н. Потанину книгу английского зоолога, этнолога и археолога, талантливого популяризатора и пропагандиста дарвинизма Джона Леббока «The origin of civilisation and the primitive condicion of man», изданную в Лондоне в 1870 г.

6. Видимо, С. С. Шашков приобрел и последний том шеститомной монографии Адольфа Бастиана «Die Völker der östlichen Asien», который вышел в Лейпциге в 1871 г. Автор этого труда, знаменитый немецкий путешественник и этнолог, был основателем и редактором крупного немецкого этнологического журнала «Zeitschrift für Ethnologie», который Шашков также выписывал и предлагал Потанину для ознакомления.

7. Имеется в виду книга «The Unity and the emancipation of sibirien people», изданная в русском переводе в 1871 г. в качестве приложения к газете «Петербургские ведомости»

8. Н. М. Ядринцев напечатал в первом выпуске «Авиатского вестника» в 1872 г. свое первое беллетристическое произведение «На чужой стороне (из нравов поселенцев в Сибири)». Этому начинанию Ядринцева и рукоплещет Потанин.

9. Эта рукопись не была закончена Потаниным и, видимо, не сохранилась.

10. Намерение составить книгу о «Сибири как колонии», о чем сообщал Н. М. Ядринцев в письме и Потанину, осуществилось лишь в 1882 г.

11. Автор «Новостей и заметок» укрылся под псевдонимом «Бгд» Как разъясняет И. Ф. Масанов (Словарь псевдонимов. М., 1941, т. 1, с. 114), это Василий Иванович Богданов (1838—1886), врач и писатель, приобретший известность главным образом юмористическими и сатирическими стихотворениями, которые он печатал в «Искре» 60-х годов. Позже принимал участие во многих других изданиях.

12. Рассказ Н. И. Наумова «Деревенский торгаш» был напечатан в «Деле» в 1871 г.

13. В «Деле» был напечатан и рассказ Наумова «Юровая» (1872) и «Крестьянские выборы» (1873).

14. Соволов Иван Федорович — сибиряк, старинный знакомый Г. Н. Потанина. Позднее был редактором «Степного края».

15. Катанаев Георгий Ефремович (1848—1922) — сибирский казачий офицер, один из друзей Г. Н. Потанина. В 70-х годах он проходил курс сельскохозяйственных наук в Петровской сельскохозяйственной академии (ныне им. Тимирязева) в Москве.

16. **Кастрен Матвей Александр** (1813—1852) — финский этнограф и лингвист. Помимо составления грамматик по лопарскому, эстонскому, финскому, зырянскому, марийскому, остяцкому, ненецкому, тунгусскому, бурятскому и другим языкам, он много занимался первобытной религией и фольклором.

17. **Леврут Элиас** (1802—1884) — финский поэт и собиратель фольклора. Основные его работы — сборники карельской («Калевала») и финской («Каителетар») народной поэзии и собрания народных пословиц и загадок.

18. Именем тосканского народного трибуна Чичероваккио Ядринцев и Потанин называли купца Семена Прокофьевича Пичугина, известного в Томске как пропагандиста прогрессивных политических идей.

19. См. примеч. 4 к письму 13.

20. Имеются в виду Ядринцев, Шашков и Ушаров (о нем см. примеч. 21).

21. **Ушаров Николай Васильевич** (1840—1873) — этнограф. Уроженец Иркутска. Был осужден по делу «сибирских сепаратистов». Сослан в г. Шенкурск, где и умер. Потанин называл его экс-славянофилом, так как в письме от 20 февраля 1872 г. Ядринцев сообщил ему, что Ушаров изменил славянофильству и стал западником.

22. **Уланд Людвиг** (1787—1862) — немецкий поэт и политический деятель

23. **Корф Николай Александрович** (1834—1883) — известный педагог. Будучи председателем Александровского уездного (б. Екатеринославской губернии) училищного совета, содействовал открытию в этом и соседних уездах нескольких сот земских начальных школ, организовал повторительно-дополнительные школы для взрослых крестьян, провел ряд учительских курсов-съездов. Методические руководства Корфа и его книга для классного чтения в школах «Наш друг» пользовалась большой популярностью. В противовес стремлению реакционного дворянства давать крестьянам в начальной школе поменьше общеобразовательных знаний и побольше навыков по сельскому хозяйству и ремеслам для обслуживания помещичьих хозяйств Корф был горячим защитником общеобразовательного направления начальной школы. Либеральная деятельность Корфа была прервана в 1872 г. крепостниками: на съезде помещиков он был забаллотирован в гласные. 1872—1880 гг. Корф провел в Швейцарии, изучая местные школы и работая в созданной им русской школе в Женеве. Попытка Корфа вернуться в 1882 г. к земской деятельности в Москве встретила ожесточенное сопротивление со стороны реакционных кругов (см.: Корф Н. А. Из пережитого. Русская старина, 1884, кн. 3—5).

24. «История французской революции» Луи Блана в 12-ти томах вышла в Париже в 1847—1862 гг.; в переводе на русский язык была издана в Петербурге в 1907—1909 гг.

25. **Гальяни Фердинандо** (1728—1787) — аббат, один из самых замечательных политико-экономистов XVIII в. Здесь имеется в виду напечатанная в Париже в 1770 г. его книга «Dialogues sur le commerce des blés». В переводе Драгомирова была издана в Москве в 1890 г.

29

Оригинал письма хранится в ТОКМ, в фонде Потанина, оп. 14, д. 3, л. 8—10.

1. **Битлинд Николай Егорович** — секретарь редакции журнала «Дело».

2. Произведение Н. М. Ядринцева «На чужой стороне (из нравов поселенцев Сибири)».

3. «Тайжане» — это собранный Потаниным материал для повести из быта золотопромышленников, наброски, пересланные Ядринцеву для литературной обработки и не доведенные последним до печати.

4. Гагарин Матвей Петрович — князь, сибирский губернатор, при Петре I; в 1721 г. был казнен за злоупотребление властью и упорство в сокрытии пособников, первым из которых был А. Д. Меншиков.

5. Броневский Семен Богданович (1786—1858) — сначала губернатор в Омской области, а затем генерал-губернатор Восточной Сибири. Известен как автор «Новейших географических и исторических известий о Кавказе», изданных в Москве в 1823 г. в двух частях. Видимо, говоря о «записках» Броневского, Потанин имеет в виду неопубликованные архивные источники периода деятельности Броневского в Сибири на ответственных постах (он начал свою службу в Сибири еще во времена Сперанского, а кончил в 1857 г.).

6 Бантыш-Каменский Николай Николаевич (1737—1814) — археограф, помощник Г. Ф. Миллера в Московском архиве коллегии иностранных дел, а после — управляющий этим архивом. Среди многочисленных трудов им было составлено также «Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 г.», которое, к сожалению, не было напечатано. Именно этот рукописный труд и имеет в виду Г. Н. Потанин.

7. Крылов Петр Никифорович, приобретший печальную известность в результате следствия, которое он производил в 1758—1759 гг. в Иркутске по поручению обер-прокурора сената А. И. Глебова. В период следствия по делу о винокурении и продаже вина в Иркутске он допустил возмутительные безобразия, в связи с чем в 1760 г. был арестован и препровожден в Петербург. В 1764 г. по его делу сенат вынес решение, утвержденное Екатериной II, согласно которому Крылов был приговорен к наказанию плетьми в Иркутске и к пожизненной каторге.

В 1867 г. архивные материалы по делу П. Н. Крылова («Иркутские летописи. Бумаги из дела о генерал-прокуроре Глебове и следователе Крылове») были впервые опубликованы в сборнике I Русского исторического общества (с. 215—252). Используя эту публикацию, С. С. Шашков, написал статью «Иркутский погром в 1758—1760 гг.» (Азиатский вестник, 1872, кн. 1, с. 70—83).

8 Паллас Петр Симон (1741—1811) — выдающийся естествоиспытатель и путешественник, русский академик. Из последующих писем Потанина не видно, чтобы он приступил к этой работе.

9. Соколова Юлия Ардальоновна — педагог, хорошая знакомая Потанина и Ядринцева по Омску, жена И. Ф. Соколова.

10. Ушинский Константин Дмитриевич (1824—1870) — знаменитый русский педагог, редактор «Журнала министерства народного просвещения», автор детских книг для чтения и первоначального образования («Детский мир», «Родное слово») и руководств по педагогике.

11. «Семейные вечера» — детский ежемесячный иллюстрированный журнал, издававшийся в Петербурге с 1864 по 1891 г.

12. Об этом Михайлове в «Воспоминаниях» Потанина имеются интересные строки: «В 60-х годах я жил в Омске среди казачьего офицерства. В этом же кругу оказался и Ядринцев. Мы узнали, что один из казаков в составе казачьего оркестра проявил компо-

зиторские способности — он сочинил марш. «Может быть, это будущий сибирский Глинка?— подумал он.— Надо расчистить ему дорогу». Фамилия этого казака Михайлов. Решено было устроить литературно-музыкальный вечер, чтобы собрать Михайлову денег на поездку в Петербург для музыкального образования. Между прочим, в программе вечера стоял и марш, сочиненный Михайловым, а в литературной части — речь Ядринцева о необходимости открытия сибирского университета. Героям вечера были сделаны овации» (Сибирская жизнь, 1913, № 257).

13. Имеется в виду сочинение Чарлза Дарвина «Происхождение человека и подбор по отношению к полу», изданное в Петербурге в русском переводе под редакцией И. М. Сеченова в двух томах в 1871—1872 гг.

14. Книга академика А. Ф. Миддендорфа «Бараба» была издана в Петербурге в 1871 г. в качестве приложения 2 к XIX т. «Записок Академии наук». В этом сочинении Миддендорф изложил результаты своего путешествия в Барабинскую степь, выполненного в 60-х годах.

15. Г. Н. Потанин заинтересовался книгой П. И Третьякова «Туруханский край, его природа и люди» (СПб., 1871), за которую Русское географическое общество присудило автору Малую золотую медаль. Эта книга была прислана Ядринцеву для отзыва

16. Г. Н. Потанина должны были интересовать исторические материалы, опубликованные в т. 11 «Дополнений к Актам историческим, собранным и изданным Археографической комиссией», который вышел в свет в 1869 г. В этом томе были собраны документы, очень важные для истории Сибири, и, в частности, по поводу возмущений тунгусов, якутов, юкагиров и походов против них (№ 7, 19, 21, 44, 49, 69, 76 и 79), о сборе ясака (№ 19, 38, 50), мерах к заселению страны (№ 21), судопроизводстве (№ 11 и 38), постройке городов, острогов, слобод и зимовий и тогдашнем состоянии их (№ 50, 51, 61, 68, 69, 100), расколе (№ 39), промыслах и земледелии (№ 21, 52, 62, 64, 78), внутреннем управлении (№ 34, 52, 70).

30

Оригинал письма хранится в ТОКМ, в фонде Потанина, оп. 14, д. 3, л. 11—12.

1. Н. М. Ядринцев в письме от 26 марта 1872 г. писал, что 2-я книга «Азиатского вестника» должна была выйти «уже месяц тому назад; дело, значит, скверно». И дальше прибавляет: «В «Петербургских ведомостях» есть следующий намек на него по поводу статейки в «Allgemeine Zeitung», где говорится, что «русские наконец обратили внимание на свой Восток, что вызвано крайней потребностью общества ознакомиться с этим краем» «Какова потребность,— пишут «Петербургские ведомости»,— можно судить по судьбе «Азиатского вестника». Из этого можно заключить, что у «Азиатского вестника» нет еще подписчиков, а у его издателя нет капитала на издание. Все это затеяно как праздная выдумка и самая легкомысленная афера. Начинать издание без капитала, набрать сотрудников, потребовать от них работ на несколько месяцев, наконец, взять статьи, не имея возможности выпустить более одной книги, это уже не знаю на что походит. Это, значит, рассчитывали исключительно на подписку. Какая наивность! Петербургская спекулятерская, павшая и деморализованная ныне журналистика, правда,

на все способнв. Экспромтом, не собравши ни сил, ни средств, она затеяла печатать журнал, но так же легко и бросит это дело. Надеяться нечего. Мы введены в глубокий обман...» (Письма Н. М. Ядринцева к Г. Н. Потанину, с. 19).

2. «Исторические этюды» С. С. Шашкова (СПб., 1872), куда были включены автором многие статьи, печатавшиеся ранее в разных журналах.

3. Вешюков Михаил Иванович (1832—1901) — географ, этнограф, путешественник. В 1856 г. окончил военную академию генерального штаба; в 1857—1859 гг. путешествовал по Дальнему Востоку, в 1860—1861 гг. посетил Тянь-Шань, Памир и Заилийский Алатау, в 1861—1863 гг.— Кавказ. В 1867 г. встречался в Женеве с А. И. Герценом и Н. П. Огаревым; был корреспондентом «Колокола». По инициативе Венюкова в 1872 г. была составлена новая этнографическая карта Европейской России, а в 1873 г. приступили к составлению этнографической карты Азиатской России (в этой работе и участвовал Потанин), но это начинание не было доведено до конца, ибо в 1877 г. Венюков эмигрировал из России. Интересны его воспоминания в трех частях, изданные в Амстердаме в 1895—1901 гг.

В письме говорится о статье Венюкова «Краткий обзор внешней торговли через Западную Сибирь в 1851—1860 годах», первоначально напечатанной в «Записках РГО» (1861, кн. 3, с. 161—186). Выделено Потаниным.

4. Потанин имеет в виду труд археолога и нумизмата П. С. Савельева «Мухаммеданская нумизматика в отношении к русской истории», который в 1846 г. был увенчан Академией наук Демидовской премией. Выделено Потаниным.

5 Большая статья в 44 страницы ориенталиста В. В. Радлова. Выделено Потаниным.

6. В издававшемся Ю. М. Богушевичем в 1866—1868 гг. в Петербурге журнале «Литературная библиотека» статья Потанина о Тарбагатае не обнаружена. Видимо, ее следует искать в других журналах того времени.

7. То же следует сказать и относительно второй статьи. В научно-литературных прибавлениях к газете «Биржевые ведомости», издававшихся в 1866—1869 гг. под редакцией К. В. Трубникова, в выпуске за июль и август 1866 г. (с. 131—142) была установлена другая статья Потанина — «Денежные средства Сибирского казачьего войска», написанная им еще до ареста в 1865 г. и напечатанная под псевдонимом «Z». Видимо, Потанин в обоих случаях был неправильно информирован.

8. Имеется в виду работа Г. Н. Потанина «Путешествие на озеро Зайсан и в речную область Черного Иртыша до озера Маркакуль и горы Сарытау летом 1863 года».

9. Имеется в виду сочинение офицера генерального штаба Красовского «Область сибирских киргизов» в пяти частях (Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. СПб., 1868).

10. О книге П. И. Третьякова см. примеч. 15 к письму 29.

11. Рецензия Г. Н. Потанина на книгу А. Ф. Миддендорфа «Бараба» в литературе не установлена.

12. Мейер Л. Киргизская степь Оренбургского ведомства. СПб., 1865.

13. Вероятно, А. Принтц, автор статьи «Поездка в Кобдо в 1863 году» («Записки РГО», отделение географии математической и физической, 1867, т. 1).

14. Политический ссыльный из Туркестана, познакомившийся с Ядринцевым в Шенкурске.

15. Казак Михайлов. О нем см. примеч. 12 к письму 29.

31

Оригинал письма хранится в ТОКМ, в фонде Потанина, оп. 14, д. 3, л. 13—14.

1. Шигин — издатель книги Н. М. Ядринцева «Русская община в тюрьме и ссылке» (СПб., 1872).

32

Оригинал письма хранится в ТОКМ, фонд Потанина, оп. 14, д. 3, л. 15—16.

1 При письме от 9 апреля 1872 г. Н. М. Ядринцев прислал Г. Н. Потанину стихотворение «Неизвестному другу», посвященное Потанину

Милый друг, в года разлуки
Сколько раз сжималось сердце!
Сколько раз с тоской безмолвной
Я стоял в бессильной муке
Над дорогой безысходной.
Но когда слабели силы,
Тень твоя ко мне являлась.
И душа моя невольно
Снова силой обновлялась
Образ твой носил след муки,
На челе печать страданья,
Но в твоем читал я взоре
И любовь и упованье.

Опубликовано под одним из псевдонимов Н. М. Ядринцева — «Семилужинский» (Камско-Волжская газета, 1873, № 41).

2. **Кэри Генри Чарлз** (1793—1879) — американский вульгарный буржуазный экономист XIX в., автор реакционной теории «гармонии классовых интересов» (в «Principles of political economy», 1837—1840). «Экономическая гармония», проповедовавшаяся Кэри, была построена на неверном утверждении, будто рабочим оплачивается весь продукт, создаваемый их трудом, а прибыль создается капиталом, который Кэри отождествляет со средствами производства.

Уничтожающая критика взглядов Кэри дана в работах К. Маркса и Ф. Энгельса, разоблачивших реакционный смысл его «классовой гармонии». Ф. Энгельс писал о работах Кэри: «Невежество и неряшливость здесь можно сопоставить только с бесстыдством, позволяющим ему выступать с подобной чепухой (Маркс К., Энгельс Ф. Письма о «Капитале». М., 1948, с. 173).

Если в «Принципах политической экономии» Кэри высказывался за свободную беспошлинную торговлю, то в последующих трудах начиная с 1840 г. придерживался диаметрально противоположного взгляда, считая протекционизм и покровительственные тарифы необходимым элементом государственной внешней торговли (The past, the present and the future, 1848).

Н. М. Ядринцев, а потом и Г. Н. Потанин, всего вероятнее, читали в русском переводе изданное в 1864 г. сочинение Кэри «Manuel of social science», явившееся сокращенным изданием его

труда «Principles of social science» (1858—1859). Русское издание книги Кэри «Руководство к социальной науке» широко обсуждалось в 70-х годах и позднее в русской литературе.

3. Имеется в виду вышедший в русском переводе в 1872 г. первый том «Капитала» К. Маркса.

4. **Герланд Георг** (1833—1919) — немецкий этнолог и географ, известен преимущественно как продолжатель труда Вайца «Anthropologie der Naturvölker» (Герландом написаны 5-й и 6-й тома этой монографии, а также переработан 1-й том).

5. Вычитанные Потаниным сведения о «невымирании» индейцев США были, конечно, неверны. Достаточно сказать, что ко времени колонизации европейцами Северной Америки индейцев, являвшихся коренным ее населением, насчитывалось свыше миллиона человек; ныне же их осталось немногим более 300 тысяч, причем они поселены в специально выделенных для них территориях — резервациях, откуда переселение допускается лишь по особым разрешениям.

6. **Полторацкий Владимир Александрович** (1828—1886) — генерал-лейтенант.

7. **Жомини Анри** (1779—1869) — военный писатель. В 1820 г. по идее Жомини в Петербурге была основана военная академия; в 1828 г. он принял участие в русско-турецкой войне; покинул Россию в 1855 г. Автор трудов по стратегии и военной истории.

8. **Остен-Сакен Федор Романович, барон**, в 1872 г. был членом Совета Русского географического общества, а с января 1873 г. по март 1874 г. занимал должность председателя отделения географии физической; в 1875—1877 гг. был снова членом совета Общества, а в 1877—1882 и в 1886—1889 гг. помощником председателя Общества.

9. **Семенов Петр Петрович** (впоследствии Семенов-Тян-Шанский) (1827—1914) — крупнейший научный, общественный и государственный деятель; с января 1873 г. по 26 февраля 1914 г. был вице-председателем Русского географического общества, а фактически главою Общества и инициатором всех его важнейших научных мероприятий.

10. Имеется в виду статья В. М. «Коршуновцы (Очерк сельской жизни в Сибири)», опубликованная в «Деле» (1872, год шестой, № 2, отдел «Современное обозрение», с. 140—162).

11. Выделено Г. Н. Потаниным.

33

Оригинал письма хранится в ТОКМ, в фонде Потанина, оп. 14, д. 3, л. 17—20.

1. Составитель библиографического каталога Г. Е. Катанаев.

2. **Шелгунов Николай Васильевич** (1824—1891) — публицист, один из видных участников революционно-демократического движения 60-х годов. Находился в ссылке в Вологодской губернии с конца 1864 г. по 1869 г. В этот период он был сотрудником «Русского слова», а позднее «Дела».

3. Г. Н. Потанин имеет в виду книгу С. Турбина «Страна изгнания и исчезнувшие люди» (СПб., 1872). В письме от 17 мая 1872 г. Н. М. Ядринцев писал Потанину, что получил эту книгу для рецензии и что она «ужасная дрянь». Рецензия эта без указания автора была напечатана в «Деле» (1872, № 8).

4. Г. Н. Потанин говорит о книге А. А. Клауса «Наши колонии. Опыты и материалы по истории и статистике иностранной колони-

зации в России» В 1869 г. вышел из печати первый выпуск этого сочинения (второй выпуск вероятно, не был написан автором). Книга Клауса широко обсуждалась в правительственных и общественных кругах в 70-х годах.

5. **Васильчиков Александр Илларионович** (1818—1881) — князь, публицист либерально-народнического направления. В 1871 г. участвовал в организации Петербургского отделения комитета о сельских ссудо-сберегательных и промышленных товариществах, председателем которого оставался до самой смерти. В работах по аграрному вопросу он выступал в пользу предоставления государственных средств для кредита хозяйствам мелких сельских производителей в целях предотвращения прогрессирующего в деревне расслоения крестьянства. Эта деятельность Васильчикова вызвала критику В. И. Ленина в ряде работ о народничестве

Статья «Речь князя Васильчикова», о которой говорится в письме Потапина, была напечатана без имени автора в «Отечественных записках» (1872, № 4, с 273—296). В статье дан обзор доклада Васильчикова, сделанного им на заседании политико-экономического комитета Вольного экономического общества 14 марта 1872 г. в связи с поднятыми в книге Клауса вопросами, и критический анализ его основных положений.

6 Потомки Ивана Сусанина (так называемые «белопашцы»), согласно жалованной грамоте царя Михаила Федоровича Романова от 1619 г., владели половиной деревни Деревницы, замененной в 1633 г. селом Коробовом в той же Костромской губернии. Они пользовались многими привилегиями. «Никаких податей, и кормов, и подвод, и наметных всяких столовых, и хлебных запасов, и в городовые поделки, и в мостовщину, и в иные ни в какие подати писать с них не велели, велели им полдеревни во всем обелить и детям их, и внучатам, и во весь род их неподвижно»,— говорится в грамоте 1619 г. (Собрание государственных грамот и договоров, т. 3, № 50). Эти льготы потомкам Сусанина подтверждались в 1641, 1691, 1767 гг. В 1834 г. «белопашцев» числилось уже около 300 человек обоего пола, и правительственное обследование установило их крайне бедственное положение. Руководствуясь этими сведениями, особый комитет, состоявший из министров двора, финансов и внутренних дел, 16 февраля 1836 г положил: «1) вновь подтвердить предоставленные коробовским «белопашцам» прежними грамотами льготы, во всем пространстве оных, коими и пользоваться им, доколе пребывают в крестьянском состоянии; 2) наделить их достаточным количеством земли, которой и отведено им вновь из казенных пустошей всего 742 дес. 253 кв. саж. не в частное каждого лица, а всего их рода и мирского общества владение; 3) поелику белопашцы издревле находились в заведовании приказа Большого дворца, а впоследствии состояли под ведомством и судом дворцовой канцелярии, то и ныне, оставляя их в дворцовом заведовании, вверить главное попечительство министру двора, а ближайшее местное наблюдение костромскому губернатору, с тем, однако ж, чтобы он не иначе въезжал в их селение, как всякий раз с разрешения министра двора, кроме случаев особенной важности, не терпящих отлагательства, о коих в то же время доносил бы министру двора». Это положение было утверждено 27 февраля 1836 г. (Свод законов, т. 5, ст. 7, п. 1 прилож.).

7. Менониты — сектанты. Основателем этой секты был Менно Симонс, скончавшийся в 1561 г Учение меннонитов отвергает духовную иерархию и вообще священство, присягу, войну и всякого рода возмездие; оно запрещает своим последователям отправление каких

бы то ни было правительственных должностей и военной службы.

В 1789 г. русское правительство дало разрешение меннонитам переселиться в Россию в неограниченном числе на следующих условиях: 1) им отводится земля по 65 десятин на семейство, независимо от числа душ в семье; 2) приняв русское подданство, они и их потомство пользуются свободой вероисповедания и правом приносить присягу «по их правилам» взамен «да»; 3) они навсегда свободны от воинской и гражданской службы, от подвод, работ и постоев; 4) им предоставляется льгота «от всяких податей» на десять лет и право заводить фабрики и заводы, торговать и записываться в гильдии и цехи; 5) на переезд и первоначальное обзаведение им даются: подводы от границы до нового места жительства, кормовые деньги посуточно (во время пути от 12 до 25 копеек, а затем до первого урожая 10 копеек на душу), семена с возвращением их по времени, ссуды на каждое семейство по 500 рублей, по 120 четырехсажейных бревен, шесть жерновых камней и нужный на выстройку двух мельниц лес. Со своей стороны менониты обязывались давать, на общем основании, квартиры и подводы для проходящих чрез их селения войск; содержать в исправности дороги и мосты в пределах отведенных им земель, а по истечении льготных лет возвратить казне ссудный долг и уплачивать поземельную подать «навсегда» по 15 копеек с удобной десятины земли.

На основании этих условий в начале 1789 г. прибыл из Германии первый эшелон меннонитов в числе 228 семейств. Им был отведен под поселение участок земли на правом берегу Днепра в Хортицком урочище в 35 тысяч десятин. В 1793 — 1796 гг. сюда же переселились еще новые 188 семейств. Все эти колонии вошли в состав особой Хортицкой волости

В начале XIX в. 150 семейств хортицких были переселены на Молочные воды, где им была предоставлена территория в 108 тысяч десятин. Эти колонии составили Молочанскую волость.

Позднее хортицкие колонии меннонитов вследствие увеличения населения снова стали нуждаться в земле. Им дополнительно отвели свободные земли в Александровском уезде (9492 десятины), которые были приобретены в личную собственность. Здесь 145 молодых хортицких семейств образовали пять новых колоний, которые с 1852 г. окончательно выделились и образовали третью меннонитскую волость — Мариупольскую.

Таким образом, к 1866 г. меннонитские колонии (их было 81) в Таврической и Екатеринославской губерниях, имевшие население 15213 ревизских душ мужского пола, сверх 143 тысяч десятин удобной земли казенного надела владели еще 122 тысячами десятин земли на правах частной собственности

По социальному составу к концу 60-х годов население меннонитских колоний распадалось: 1) на хозяев-усадебников полных (Wirth) и половинных (последние владели 32 ½ десятины), 2) малоусадебников (Anwohner), владевших усадьбою в размере до ½ десятины без полевого надела или же с наделом до 12 десятин на двор, 3) безземельных (Einwohner), не владевших в пределах общественного надела ни усадьбой, ни пашней. Большинство лиц последнего разряда были ремесленниками и батраками и в редких случаях промышленниками и купцами.

Такое расслоение населения колоний, как объясняет Клаус, вызвано было главным образом существовавшим в них положением, закрепленным в законодательном порядке, о неделимости полученных в надел участков земли и усадьбы и существовавшим обычаем передавать в наследство весь «двор» младшему сыну (минорат).

8. В 1800—1803 гг. были изданы в законодательном порядке и повсеместно в меннонитских колониях преподаны к руководству однообразные «инструкции внутреннего распорядка и управления», действовавшие до 1868 г. Сущность этих инструкций сводилась к следующему.

По сельскому управлению колонисты меннонитской колонии составляют сельское общество, управляемое: а) сельским сходом, состоящим из выборных делегатов по одному лицу от каждого двора, и б) сельским приказом, состоящим из сельского старосты (Schulze) и двух или более заседателей (Beisitzer), избираемых сходом на два года, и одного назначаемого по найму писаря.

Сельскому сходу подлежали рассмотрению следующие вопросы: выборы делегатов в волостной (или окружной) сход, исключение колонистов из обществ в случае их перехода на государственную службу или недостойного поведения, рассмотрение всякого рода жалоб и просьб колонистов, раскладка между ними податей и повинностей, установленные мирских сборов и расходов и др. (Клаус. Наши колонии..., с. 122).

Высшей инстанцией управления являлся волостной (или окружной) сход, члены которого избирались сельскими сходами.

Административные функции в волости (или округе) выполнял волостной приказ, состоявший из волостного головы и двух или нескольких заседателей, избираемых волостным сходом из числа своих делегатов; из них первый избирался на три года, а вторые — на два года.

Предметы занятий волостных приказов были примерно те же, что и сельских приказов, с той лишь разницей, что территориально им были подчинены все колонии, находившиеся в волости. Голова, как и сельский староста, обязан был отчитываться перед избирателями.

Из сказанного видно, что до 1868 г. избирательными правами и возможностями занять выборные должности по управлению пользовались в меннонитских колониях исключительно владельцы 65-десятинного надела (Wirth'ы); анвонеры и ейвонеры таких прав были лишены.

В 1868 г. порядок подачи голосов на выборах делегатов на сходы законодательно был изменен в пользу анвонеров, которые также были допущены к выборам. Это сразу же сказалось в ходе обсуждения внесенного попечительным комитетом об иностранных поселенцах проекта изменения закона о наследовании земли и имущества в меннонитских колониях. Согласно проекту, каждый хозяйственный земельный участок в 65 десятин удобной земли может быть раздроблен на три самостоятельных хозяйства: одно в $32\frac{1}{2}$ десятины и два по $16\frac{1}{2}$ десятины. При таком наделе каждая семья могла бы существовать. Если на сходах в Хортицкой и Мариупольской волостях к этому проекту отнеслись сочувственно, то на сходе в Молочанской волости, где хозяева имели наибольшее число голосов, этого не произошло. Заинтересованные в наличии в колонии большего числа батраков, они отказались дать свое согласие на предлагаемое изменение закона.

В связи с таким решением молочанского схода местный попечительный комитет об иностранных поселенцах распорядился рассмотреть это дело на месте в особой комиссии. В эту комиссию вошли делегаты в равном числе как от хозяев, так и от анвонеров. Решение комиссии, как сообщает Клаус, было в пользу проекта. «По закону,— указывалось в протоколе совещания,— все отведенные колонистам земли составляют не личную, а общественную каждой

колонии собственность. Соответственно сему все население каждой отдельной колонии, будучи связано круговой порукой, сообща ответствует, лично и по имуществу, за исправность общины в уплате сборов, исполнения повинностей и поддержания всех общественных учреждений. Аивоиерам дан полевой надел из «запасных» в волости земель, т. е. вне границ коренных земельных дач отдельных сельских обществ, тем не менее, владея общей с хозяевами усадебной оседлостью, они, совокупно с последними, составляют в каждой колонии не только административно-полицейскую, но и одну общую экономическую единицу...» (Наши колонии..., с. 215).

Руководствуясь этими общими рассуждениями, комиссия пришла к заключению, что «покупка земель для устройства на них избытка населения есть прямая обязанность всех владеющих наделом и косвенная — тех собственников, которые, не имея надела, владеют капиталом. Для составления нужного колонизационного капитала братство должно сделать заем, по преимуществу в своей же среде, в размере 5 рублей на десятину надела, а всего на 120 тыс. десятин в сумме 600 тыс. рублей. Уплата займа обеспечивается солидарно всем составом земледельцев и расписывается по дворам. На эти средства приобретается не менее 30 десятин на безземельную семью. Принимая от братства этот надел в собственность, выселенцы обязываются выплатить покупную сумму с процентами в течение 13 лет определенными ратами ..» (Наши колонии, с. 216). Это постановление комиссии, как сообщил Клаус, вызвало протест со стороны меньшинства, которое составили делегаты-хозяева.

9. В конце статьи «Речь князя Васильчикова» в качестве выводов редакции журнала говорится: «Мы не восстаем ни против товариществ взаимного страхования и кредита, ни против артельных самокурен, гвоздарен и т. д. [т. е. мер, предлагаемых Васильчиковым], напротив, уважаем тех почтенных деятелей, которые употребляют свой труд на развитие и распространение этих полезных заведений, но мы твердо убеждены, что все это ни к чему не приведет, если вместе с этим последним не будет обращено главного и самого заботливого внимания на организацию крестьянской общины, на развитие крестьянского земледелия, вообще на прочное, навсегда обеспеченное от всех случайностей устройство крестьян на земле». Именно это предлагал в своей книге и А. А. Клаус, рекомендуя при реорганизации крестьянской общины взять за образец устройство меннонитских хозяйств (Отечественные записки, 1872, № 4, с. 295—296).

10. **Ровинский Павел Аполлонович** (1831—1916) — этнограф, славяновед, путешественник и публицист; придерживался революционно-демократических взглядов, был деятельным членом тайного общества «Земля и воля», был связан с польскими повстанцами 1863 г., предпринял неудачную попытку освободить Н. Г. Чернышевского (в 1870 г.). В целях этнографических исследований, а также в качестве корреспондента различных газет («С.-Петербургских ведомостей» и др.) совершил поездки в Чехию, Словакию (1860), Сербию (1868—1870), Восточную Сибирь (1870), Монголию (1874), Боснию и Герцеговину (1878). В 1879—1905 гг. с небольшими перерывами жил в Черногории. Всесторонне изучив эту страну и народ, написал капитальный трехтомный труд «Черногория в ее прошлом и настоящем. География, история, этнография, археология и современное положение» (1888—1915). Из других его работ отметим «Воспоминания из путешествия по Сербии в 1867 году» (1875), «Сербская Морава» (1876), «Чехи в 1848—1849 годах» (1870), «Мои странствования по Монголии» (1874), «Замечания

об особенностях сибирского наречия и словаря» (1873), «Очерки Восточной Сибири» (1875).

11. Деревни, расположенные у Сермакского погоста в месте впадения р. Оятн в р. Свирь, в 69 км от Новой Ладоги.

12. Имелась в виду Брусяная гора в Усть-Сысольском уезде Вологодской губернии, состоящая из пластов горного известняка с напластованиями песчаника. Разработка точильного камня, идущего на изготовление брусьев и точил, на Брусяной горе была предоставлена крестьянам Троицко-Печорской волости еще со времен царя Михаила Федоровича и сохранялась за ними в течение более двухсот лет, переходя от одного поколения к другому.

13. Говоря «у нас», Потанин, вероятно, имел в виду Вологодскую губернию.

14. Впервые Потанин упомянул о высказываниях Фердинандо Гальяни по поводу земледелия в письме к Ядринцеву от 28 февраля 1872 г. (см. письмо 28).

34

Оригинал письма хранится в ТОКМ, в фонде Потанина, оп. 14, д. 3, л. 21—26.

1 В письме от 18 февраля 1872 г. Ядринцев сообщил, что заканчивает статью, посвященную истории английской колонизации, и изложил Потанину ее подробное содержание. Потанин и одобряет эту статью, «Очерки английской колонизации» были напечатаны в «Деле» (1872, № 6).

2. В 70-х годах в иностранной литературе широко обсуждался вопрос о постройке транзитной железной дороги через Уругвай и Аргентину в Парагвай и о будущем ее значении для развития экономики Парагвая, в котором после опустошительной войны 1865—1870 гг. с соседними странами наконец наступил мирный период.

3. **Колюпанов Нил Петрович** (1827—1894) — публицист и общественный деятель. Многочисленные журнальные и газетные его статьи были посвящены в основном разработке вопросов, касавшихся народной жизни. Составил «Руководство к основанию сельских банков» (1870). Ему принадлежит также несколько исторических трудов. О какой работе Колюпанова говорит Потанин, установить не удалось

4. Находится решение главного вопроса.

5. Имеется в виду статья И. И. Мечникова «Воспитание с антропологической точки зрения» (Вестник Европы, 1871, т. 1, с. 105—132). Вопроса о воспитании молодежи И. И. Мечников коснулся и в другой своей статье — «Экскурсия на остров Тенериф» (Вестник Европы, 1872, кн. 5, с. 290).

6. Г. Н. Потанин читал статью Н. В. Шелгунова «Основы рационального воспитания» (Дело, 1871, № 7, с. 1—48; № 8, с. 1—53).

7. **Сен-Симон Анри Клод** (1760—1825) — знаменитый французский социалист-утопист.

8. «Ригведа» — древнейший памятник индийской литературы. Это собрание 1028 гимнов, содержание которых большей частью религиозное (воззвания к богам или песнопения, сопровождающие известные обряды). Гимны вводят в мир мифологический. Главным богом считался Варуна. «Ригведа» делится на десять книг. Составление седьмой книги приписывается жреческому роду Васишхта.

9. **Кольбер Жан-Батист** (1619—1683) — французский государственный деятель при Людовике XIV.

10 **Гельвальд Фридрих** (1842—1892) — немецкий историк культуры и географ. Главнейший его труд — «Kulturgeschichte in ihrer naturlichen Entwickelung» (1875). В 1872 г. Потанин мог интересоваться его другой работой — «Die amerikanische Volkerwanderung», напечатанной в Берлине в 1866 г.

11. Пьер Жаком Потанин и Ядринцев в переписке между собой условно называли Пьера Жозефа Прудона (Письма Н. М. Ядринцева к Г. Н. Потанину, с. 39, примеч. 2).

12. **Тюрго** (1727—1781), **Смит** (1723—1790) и вся группа физиократов — французские философы и экономисты, видевшие главное в экономических явлениях в производстве, а не в обращении.

13. **Лассаль Фердинанд** (1825—1864) — деятель немецкого рабочего движения, мелкобуржуазный социалист, родоначальник одной из разновидностей оппортунизма в рабочем движении.

14. Труды французского писателя и философа-моралиста **Ж.-Ж. Руссо** (1712—1778) высоко оценивались основоположниками марксизма-ленинизма.

15. В статье W. F. «Женский вопрос в Америке» (Отечественные записки, 1872, № 4, с. 503—538) говорится о Виктории Вудхол, подавшей в 1870 г. петицию в конгресс США по вопросу об участии женщин в выборах депутатов в конгресс и в избрании правительства. В связи с этим имя Вудхол стало чрезвычайно популярным не только в Вашингтоне, но и вообще в США.

16. Навалихин А. «Современный Карфаген» (Дело, 1872, № 6, с. 306—339).

17. О каталоге, составлявшемся Катанаевым, см. письмо 33.

18. Статья Н. В. Ушарова «На Байкале. Из путевых записок по Восточной Сибири» была напечатана в «Морском сборнике» (1865, т. 78, № 6, ч. неофиц., с. 249—280). Из других его статей интересны «Заметки о забайкальских старообрядцах» в сборнике газеты «Сибирь» (СПб, 1876) (посмертное издание). Н. М. Ядринцев в 1873 г. опубликовал в «Камско-Волжской газете» (№ 129) его некролог

19. Н. М. Ядринцев в журнале «Искра» за 1866 г. опубликовал статьи «Тюленьская жизнь» (№ 33) и «Смелый полет» (№ 19).

20. Составителем библиографии по Восточной Сибири, подготовлявшейся к печати по заданиям Сибирского отдела Русского географического общества, был С. С. Попов, участник процесса «сепаратистов» (ему приписывалось составление прокламации, фигурировавшей на процессе).

21. Здесь говорится о беллетристическом произведении Ядринцева «На чужой стороне (из нравов поселенцев в Сибири)», первая часть которого была напечатана в «Азиатском вестнике» (1872, вып. 1).

22. Видимо, имеется в виду известный меценат **Михаил Константинович Сидоров** (1823—1887), жертвовавший огромные средства на изучение Севера и много сделавший для использования Северного морского пути.

23. **Русселе Луи** — французский путешественник, предпринявший в 1865 г. с этнографическими и археологическими целями поездку в Индию и одним из первых исследовавший буддийские памятники в Саихи. Результаты своего путешествия он изложил в статьях, напечатанных в журнале «Tour du monde» за 1871—1873 гг., а в 1874 г. издал их отдельной книгой.

24. «Амур, Восточная Сибирь, Западная Сибирь и Урал»— это роскошно изданный в Петербурге в 1871 г. альбом фотографий.

25. Собранные Потаниным архивные материалы об «инородцах» Сибири были им использованы лишь в 1876 г. при написании статьи «Сибирские инородцы», опубликованной в газете «Сибирь» (1876, № 27 и 28).

26. Имеется в виду трехтомный труд академика Г. Ф. Миллера «История Сибири». Первый том появился в печати на русском языке в 1750 г. и был переиздан в 1787 г. уже после смерти Миллера; второй том впервые полностью опубликован лишь на немецком языке в 1761 г., а третий остался в рукописи. Имеется и советское издание первых двух томов под редакцией А. И. Андреева (1937 и 1941 гг.); третий том был также подготовлен к печати, но за смертью редактора остался неизданным.

27 **Фишер Иоганн** (1697—1771) — русский академик, историк Сибири. В 1768 г. Академией наук была издана на немецком языке в двух частях составленная Фишером «История Сибири» («Sibirische Geschichte von der Entdeckung Sibiriens bis auf die Eroberung dieses Landes durch die russischen Waffen»). В 1774 г. появился русский перевод этого сочинения, сделанный Иваном Голубцовым.

28. Кумышская волость в начале XIX в находилась южнее Томска, вверх по течению Томи, в пределах Томского уезда (см. карту Томского уезда в рукописном «Атласе Томской губернии», составленном в губернской чертежне в г. Томске в 1821 г. Этот атлас хранится в библиотеке Географического общества СССР).

29. В серийном издании «Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland», издававшемся в Берлине Эрманом, о путешествии В. В. Радлова на Алтай были вначале опубликованы «Briefe aus dem Altai» (т. 18, 1859, с. 526—555; т. 21, 1862, с. 179—223; т. 22, 1863, с. 1—46), а затем и его отчетный труд по путешествию — «Reise durch Altai nach dem Telezker See und dem Abakan», т. 23, 1865, с. 1—55).

30. **Хрущев Александр Петрович** (1806—1875) — герой Севастопольской обороны, в 1866—1874 гг. генерал-губернатор Западной Сибири

31 В письме от 18 июня 1872 г. Н. М. Ядринцев говорит: «В «Петербургских ведомостях» помещена корреспонденция о водяных сообщениях в Сибири. Статья написана по поводу географических исследований о возможном соединении Енисея и Чулыма « .Канал нужно прорыть только в 12 верст (речка Шегарка сокращает канал даже до 7 верст), но высота горизонта рек очень разнится. Верховья речки возвышаются над Енисеем на 59 саж., высшая точка перевала — 98 саж. Инженер Бельцов отозвался, что для этого потребуются громадные гидротехнические сооружения с затратой миллионов, что при теперешнем положении, с отсутствием капиталов, невозможно» (Письма Н. М. Ядринцева к Г. Н. Потанину, с. 41—42).

32. Со слов «бухарца», Ядринцев в письме от 24 июля 1872 г. (Письма Н. М. Ядринцева к Г. Н. Потанину, с. 64) сообщил Потанину, что раковины джиланбас привозят в Бухару из Индии.

33. Потанин ошибся, назвав труд Красовского «Степью». Выше в переписке говорилось о книге Красовского «Область сибирских киргизов» (см. примеч. 9 к письму 30).

34 Имеется в виду двухтомное сочинение В. И. Вагина (впоследствии издателя и редактора газеты «Сибирь») «Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 г.». Г. Н. Потанин напечатал в «Камско-Волжской газете» (1873, № 79) рецензию на эту книгу.

35. **Пудовкин** — бывший томский семинарист, потом студент Петербургского университета, а впоследствии сотрудник «Правительственного вестника» по земскому отделу.

36. **Панглос** — один из героев повести Вольтера «Кандид».

37. **Нейман Карл Фридрих** (1793—1870) — немецкий ориенталист и историк. Из его сочинений Потанин прочел «Die Völker des südlichen Russland» (второе издание в 1855 г.) и «Geschichte der Vereinigten Staaten von America» (1863—1866).

38. **Пен Томас** (1737—1809) — американский радикальный писатель и один из крупнейших политических деятелей периода американской войны за независимость.

39. **Шперк Франц Федорович** — врач-климатолог и географ. Помимо указанной работы, изданной в 1871 г., ему принадлежат «Описание Верхоленского округа Иркутской губернии» (Медико-топографический сборник, т. 1, 1870), «Медико-топографический очерк Амурского края» (Вестник судебной медицины и общей гигиены, 1880, т. 2 и 3; 1881, т. 2 и 3), «Россия дальнего Востока» (Записки РГО по общей географии, 1885, т. 14), «Очерки Астраханского края — Климат Астрахани» (Записки РГО по общей географии, 1895, т. 27) и др.

35

Оригинал письма хранится в ТОКМ, в фонде Потанина, оп. 14, д. 3, л. 27—28.

1. Предоставляя права на рецензирование «Известий Сибирского отдела РГО» Потанину, Ядринцев в письме от 28 июня 1872 г. писал «Вы специалист по этому отделу, Вы и орудуйте. Полагаю одно условие — необходимо упомянуть, что развитие географической науки на Востоке и успех Географического общества немыслимы без туземного университета. Это — единственное условие. Рецензию, конечно, нужно написать в «Дело». Я уже написал Григорию Евлампиевичу [Благосветлову], чтобы он оказал Вам должное гостеприимство» (Письма Н. М. Ядринцева к Г. Н. Потанину, с. 14).

2. Речь идет о рецензии на книгу А. Ф. Миддендорфа «Бараба» (см. письмо 30).

3. **Черский Иван Дементьевич** (1845—1892) — геолог и географ. За участие в польском восстании 1863 г. был сослан в Сибирь; сначала жил в Омске, а в 1871 г. переехал в Иркутск, где вступил в члены Географического общества. По заданию его Сибирского отдела изучал Прибайкалье. Вернувшись в 1885 г. в Петербург, написал крупную монографию о четвертичных млекопитающих севера Сибири и сводку по геологии и географии Прибайкалья. В 1891 г. по заданию Академии наук отправился в экспедицию по изучению Яны, Индигирки и Колымы. Скончался на Колыме, не окончив начатых исследований.

4. «Внутреннее обозрение» в журнале «Дело» (1872, № 6, с. 73—94) было написано, как предположил Потанин, в Шенкурске, но не Ядринцевым, а Шашковым (Письма Н. М. Ядринцева к Г. Н. Потанину, с. 57).

5. Потанин имел в виду ноябрь 1865 г. — время заключения участников процесса «сепаратистов» в омскую тюрьму, интересно описанное в статьях Ядринцева, опубликованных в «Деле» в 1868—1874 гг.

6. По-видимому, буквой «Б». Потанин скрывает фамилию М. А. Бакунина, с которым он познакомился в Томске в 1858 г.,

где последний был в ссылке. Называя его «саксонским вице-президентом», Потанин хотел раскрыть Ядринцеву в завуалированной форме эпизод из жизни Бакунина. Михаил Александрович в период восстания в Дрездене 4—9 мая 1849 г. (о чем знал и Ядринцев) оказался во главе восставших и был намечен, в случае успеха восстания, на пост вице-президента предполагавшейся республики.

7. Обабок — народное название гриба подберезовика, бытовавшее в Псковской, Рязанской, Владимирской и Вятской губерниях (по В. И. Далю).

8. Уоллес Альфред Рассел (1823—1913) — английский натуралист, создавший одновременно с Ч. Дарвином теорию естественного отбора. Предпринял в 1854 г. путешествие в Малайский архипелаг, закончив его через восемь лет. Результаты путешествия он изложил в сочинении «Малайский архипелаг. Страна орангутанга и райской птицы», напечатанном в русском переводе во «Всемирном путешественнике», иллюстрированном журнале путешествий и географических открытий в 1872 г. Это издание А. Ильина просуществовало с 1867 по 1878 г.

9. Сипельников Николай Петрович (1805—1894) — генерал-губернатор Восточной Сибири в 1871—1873 гг., с 1874 г.— сенатор; либеральный деятель, автор интересных мемуаров («Записок»), напечатанных в «Историческом вестнике» (1895, т. 59, 60 и 61).

10. Григорий Николаевич Усов — брат Ф. Н. Усова, также участник процесса «сепаратистов».

11. Гагемейстер Юлий Андреевич (1806—1878) — экономист. В своих сочинениях проводил мысль о необходимости устранения препятствий, мешающих развитию торговли России. Наибольшее значение из его работ имеют «Разыскание о финансах древней России» (1833) и «Теория налогов, примененная к государственному хозяйству» (1852).

12. Калачов А.— казак, вольнослушатель Петербургского университете.

13. Г. Е. Катанаев.

14. Гаккин Евдоким Александрович — офицер Уральского казачьего войска. Через него, видимо, Потанин и держал связь с уральской группой «Земли и воли». Участник процесса «сепаратистов». За изменением обличающих материалов был осужден к проживанию под наблюдением полиции в Тверской губернии. Здесь работал по земству.

36

Оригинал письма хранится в Рукописном отделе Института русской литературы АН СССР (РОИРЛАН), ф. 357, оп. 3, д. 34, л. 1—2.

Заводимский Павел Владимирович (1843—1912) — один из писателей-народников. Уроженец Великого Устюга. Ученические годы прожил в Вологде. Некоторое время слушал лекции на юридическом факультете Петербургского университета. Будучи многие годы народным учителем, он познакомился с жизнью деревенской и городской бедноты и проникся горячей любовью к «маленьким» людям. Жизнь низов города и деревни — главная тема его беллетристических произведений. Главное его произведение «Хроника села Смурина». С 1880 г. постоянный сотрудник и член редакции журнала «Русское богатство», на страницах которого помещает романы «Степные тайны». Перу Заводимского принадлежат и многочисленные

детские рассказы, которые были им изданы в отдельных книгах («Задушевные рассказы», «Бывальщины и сказки»). Помимо беллетристических произведений, Засодимский писал публицистические и исторические статьи. Некоторые произведения он печатал под псевдонимом «Вологдин».

Засодимская Александра Николаевна — жена П. В. Засодимского.

1. В 1872 г. на страницах «Дела» (№ 4 и 5) была напечатана повесть П. В. Засодимского «Старый дом» и статья «Одно из крестьянских зол» (№ 5, раздел «Современное обозрение»), в которой были сообщены данные о сибирской язве в России и убытках, причиненных ею крестьянскому животноводству.

2. Журнал «Детское чтение» издавался в Петербурге в 1869—1899 гг. Ориентировался преимущественно на провинциальную интеллигенцию и земские круги.

3. Юлия Ардальоновна Соколова.

4. Тщательный просмотр «С.-Петербургских ведомостей» за июль-сентябрь 1872 г. не обнаружил какой-либо корреспонденции из Омска. Следовательно, просьба Потанина не была выполнена.

5. Не была обнаружена за этот период в этой газете и корреспонденция из г. Никольска Вологодской губернии.

6. Имеется в виду сочинение В. В. Берви (Флеровского) «Положение рабочих в России» (СПб., 1869), своей правдивостью, искренностью, обличительным пафосом и раскрытием страшной нищеты народа привлекшее внимание даже Маркса. Оно получило широкое распространение среди передовой русской интеллигенции и распространялось петербургской революционной группой, в которую входили Кравчинский, Кропоткин и Перовская, в целях пропаганды среди рабочих. Отпечатанное в 1872 г. по инициативе этой группы второе издание книги было конфисковано царским правительством и уничтожено.

Берви Василий Васильевич (1829—1918) — псевдоним «Н. Флеровский»— русский экономист и социолог, просветитель-демократ, один из представителей русского утопического социализма.

7. Г. Н. Потанин очень интересовался общиной и собирал о ней материалы.

37

Оригинал письма хранится в ТОКМ, в фонде Потанина, оп. 14, д. 3, л. 29—30.

1. В письме от 12 июля 1872 г. Ядринцев писал Потанину: «За статью в июньской книжке он [Благосветлов] мне выслал только половину платы и это, помните, еще при вычете 10 р. с листа ни за что ни про что...» (Письма Н. М. Ядринцева к Г. Н. Потанину, с. 49).

2. В том же письме Ядринцев писал Потанину: «Я Вам с этой же почтой вышлю «Записки Сибирского отдела [Географического общества]», пишите на них рецензию в «Дело». Катайте на лист печатный и более. Можете даже озаглавить «Наука на Востоке», тогда она пройдет отдельной статьей. Кроме того, напишите рецензию на «Барабу» Миддендорфа, она еще не появилась в «Деле» (Письма Н. М. Ядринцева к Г. Н. Потанину, с. 50).

3. С 1868 г. Глеб Иванович Успенский принимал самое деятельное участие в журнале «Отечественные записки». В 1872 г. он совершил первую поездку в Париж, откуда вернулся с тяжелыми переживаниями, так как там еще была совсем свежа память о расправе над коммунарами в мае 1871 г. и чувствовалось подавленное

настроенне в связи с торжеством прусской воеишины. Эти мрачные пережнвания Успенского нашли отражение как в его творчестве («Больная совесть», 1873), так и в письмах. «Здесь [в Пантеоне], на этом самом месте, версальцы в прошлом году 21 мая расстреляли 450 коммунистов, вся площадка была залита кровью, и теперь даже кровь так въелась в камень, что, как ни отчищали ее, пегие пятна видны. Я на этой площади простоял час, словно помешанный или в столбняке, ноги мои словно прилипли к тому месту, где умерло столько народа» (Из письма к жене. Успенский Г. И. Собрание сочинений. М., 1957, т. 9. с. 235—236).

4. **Курочкин Николай Степанович** (1830—1884) — поэт-сатирик, публицист, переводчик. Печатался в «Искре» (под псевдонимами «Пр. Преображенский», «Пр. Вознесенский» и др.), «Веке», «Гудке» и других журналах; в 1865—1866 гг. редактировал «Книжный вестник». После 1868 г. вел библиографический отдел в журнале «Отечественные записки».

5. См. примеч. 4 к письму 32.

6. Речь идет о сочинении: Bernard Cotta Der Altai. Sein geologischer Bau und seine Erzlagerstätter, изданном в Лейпциге в 1872 г.

7. Крупные сибирские золотопромышленники. Здесь идет речь о книге М. Бутина «Письма из Америки» (СПб., 1872).

8. «Архангельской Швейцарией» Потанин назвал г. Шенкурск, где жили Н. М. Ядринцев, С. С. Шашков, Н. В. Ушаров, а также другие политические ссыльные — А. Х. Христофоров, А. С. Пругавин, народник М. А. Натансон и Н. В. Соколов, сосланный за книгу «Отщепенцы», в которой было усмотрено «собрание самых неистовых памфлетов», особенно опасных потому, что в них коммунистические и революционные доктрины представляются в непосредственной связи с первобытным христианством» (Ефимов А. Публицист 60-х годов Н. В. Соколов.— Каторга и ссылка, 1931, № 11—12, с. 69).

9. Упоминавшийся выше казак Михайлов, учившийся в Петербургской консерватории.

10. Уроженец Сибири, студент Петербургского университета.

11. Вероятно, Потанин под «яицкими» подразумевал яицкое или уральское казачество

12. Гаетинге — английский государственный деятель.

13. Шаять — в Сибири слово, употребляемое в смысле — гореть без пламени, гореть жаром (по В. И. Далю).

14. «Беседа»— «журнал ученый, литературный и политический», издававшийся ежемесячно в Москве в 1871—1872 гг. Имел славянофильское направление с тенденцией овладеть «всеми великими истинами, вырабатываемыми западными народами», а потому носил неопределенный характер, почему среди сотрудников этого журнала были и славянофилы (А. И. Кошелев, Т. И. Филиппов и др.) и западники (А. Д. Градовский, А. Трачевский), а также Н. И. Костомаров и др. В нем же участвовали писатели А. Ф. Писемский и А. Н. Плещеев. В № 9 и 10 этого журнала за 1871 г. была напечатана повесть Г. Н. Потанина «Штатный смотритель».

38

Оригинал письма хранится в ТОКМ, в фонде Потанина, оп. 14, д. 3, л. 31—35.

1. Имеются в виду «Материалы для истории Сибири», собранные Г. Н. Потаниным и изданные без его присмотра Обществом

истории и древностей российских при Московском университете в 1867 г

2. Телеигиты — часть алтайцев, говорящая на телеигитском наречии алтайского языка

3. См. примеч. 9 к письму 30.

4 «Известия Сибирского отдела Русского географического общества».

5 См. примеч. 4 к письму 32.

6. Потанин хотел сказать, что авторские гонорары за книги, полученные Ядринцевым и Шашковым, являются для них фондом, откуда они могут постоянно черпать средства для своего существования.

7. Чаплицкий В., автор «Черной книги»: В сибирских тайгах. Картинки из быта поселенцев. Краков, 1870.

8. Кулига — полоса земли, чистая от леса (по В. И. Далю).

9. Местное слово «бекар», употребляемое в смысле «запрет» (в данном случае — запрет на землю).

10. Выражение, употребленное в письме Н. М. Ядринцевым.

11 Клейноды — казачьи знаки отличия, преимущественно казацкой верхушки, которые давались царями.

39

Оригинал письма хранится в ТОКМ, в фонде Потанина, оп. 14, д. 3, л. 36—37.

1 **Лазарев Лазарь Эммануилович** (?—1884) — ориенталист Был составителем «Турецко-татарско-русского словаря наречий, османского, крымского и кавказского с приложением краткой грамматики» (М., 1864), а также «Сравнительной хрестоматии турецкого языка» (М., 1866).

2 **Бабе́р** (правильнее **Бабу́р**) (1483—1532) — полководец, узбекский и индийский правитель. После объединения значительной части Туркестана завладел долиной Кабула, а в 1526 г. столицей Индии г. Дели, чем положил начало созданию обширной империи Великих моголов. «Записки» Бабура были изданы Ильминским в Казани в 1857 г.

3. **Вельяминов-Зернов Владимир Владимирович** (1830—1904) — ориенталист. Составил «Словарь джагатайско-турецкий» (СПб., 1868), до сих пор не утративший научного значения.

4 **Березин Илья Николаевич** (1818—1896) — тюрколог. Помимо других крупных работ, напечатал в 1849 г. «Дополнения к турецкой грамматике, изданной Казембеком». Таким образом, сведения Потанина в этом случае не совсем точны

5. **Ильминский Николай Иванович** (1822—1891) — педагог. Работал по просвещению татар, чувашей, мордвинов, удмуртов и др. В 1861 г. был избран профессором Казанского университета по кафедре турецко-татарского языка. Ему принадлежали «Материалы к изучению киргизского наречия» («Ученые записки Казанского университета», 1860, т. 3), «О фонетических отношениях между чувашским и тюркскими языками» («Известия Археологического общества», 1863, т. 5, вып. 2) и др. С 80-х годов проявил себя крайним реакционером, что сказалось в особенности в его обрусительной политике среди народов Поволжья.

6. Переделка стихотворения «О песне» сообщена Н. М. Ядринцевым в письме от 30 июля 1872 г. (Письма Н. М. Ядринцева к Г. Н. Потанину, с. 78).

40

Оригинал письма хранится в ТОКМ, в фонде Потанина, оп. 14, д. 3, л. 38—39.

1. Минуса — старое название г. Минусинска, когда он был еще деревней; переименование в город произошло в 1822 г.

2. Эрмит от французского слова ermite, что значит пустынник, отшельник.

3. В газете «Голос» (1872, № 72—74 и 76) были помещены четыре статьи об административной реформе в Сибири (по поводу предполагавшегося создания наместничества в Сибири).

4 Первая сыроварня в России была открыта Н. В. Верещагиным в 1866 г. в с. Отроковичах Тверской губернии. На следующий год в той же губернии были созданы на артельных началах еще 18 сыроварен. Из Тверской губернии сыроварение стало быстро распространяться и по соседним губерниям, чему в значительной степени способствовало открытие школ молочного хозяйства и командировка молодых людей за границу для изучения местного сыроварения.

5. В журнале «Дело» за июль 1872 г. была напечатана рецензия Н. Ушарова на «Исторический сборник», посвященный Комиссии 1766 г., созданной Екатериной II для составления Уложения.

6. См. письмо 33.

41

Оригинал письма хранится в ТОКМ, в фонде Потанина, оп. 14, д. 3, л. 40—41.

1. Статья «Бюрократическая наука на нашем Востоке». В связи с тем, что в журнале «Дело» ее, видимо, не согласились напечатать, Потанин поместил ее в «Камско-Волжской газете» (1873, № 97, 98).

2. О котором из Миллей идет речь, установить не удалось.

3. Стихотворение Н. М. Ядринцева носило заглавие «Верному другу (с чешского из Гавличка)»

Гавличек-Боровский (1821—1856) — чешский поэт, находившийся в сношениях со славянофилами. Это стихотворение Ядринцева было напечатано впервые в «Письмах Н. М. Ядринцева к Г. Н. Потанину» (с. 101).

4. Это стихотворение Ядринцева, без внесенных Потаниным исправлений, впервые было напечатано там же на с. 98—99.

5. Сиверко — народное название холодного северо-восточного ветра, бытовавшее в Вологодской и Костромской губерниях (по В. И. Далю).

42

Оригинал письма хранится в ТОКМ, в фонде Потанина, оп. 14, д. 3, л. 40—44.

1. См. примеч. 1 к письму 41.

2. Статья П. А. Ровинского «Этнографические исследования в Забайкальской области», опубликованная в «Известиях Сибирского отдела РГО» (т. 3, вып. 3, с. 120—133). Части вторая и третья статьи были напечатаны в тех же «Известиях» в 1873 г. (т. 4, вып. 2, с. 98—107; т. 4, вып. 3, с. 113—132).

3. Статья И. Д. Черского «Несколько слов о вырытых в Иркутске изделиях каменного века» (с таблицей рисунков) («Известия Сибирского отдела РГО», т. 3, вып. 3, с. 167—172).

4. Мурва Медич — упоминавшийся в первых письмах Потанина к Ядринцеву «бухарец».

5. Ефименко Петр Саввич (1835—1908) — этнограф, член-сотрудник Русского географического общества; в 1872 г. находился в политической ссылке в Холмогорах Архангельской губернии.

6. Имеется в виду статья Н. М. Ядринцева «Очерки английской колонизации» (Дело, 1872, № 6).

7. Имеется в виду статья бельгийского историка и экономиста, сторонника общинной теории Эмиля Лавеле «Des formes primitives de la propriété», напечатанная в журнале «Revue des deux mondes» в 1872 г. Эта статья была вызвана книгой Мэна (см. примеч. 8).

8. Н. М. Ядринцев в письме от 24 июля 1872 г. рекомендовал Г. Н. Потанину прочесть книгу Henry Main «Village communities». London, 1871 (Письма Н. М. Ядринцева к Г. Н. Потанину, с. 62).

43

Оригинал письма хранится в ТОКМ, в фонде Потанина, оп. 14, д. 3, л. 45—46.

1. Тимбукту (или Томбукту) — город в бывшем Французском Судане, ныне республика Мали, расположенный в долине р. Нигера.

2. В сентябре 1872 г. была издана в Петербурге книга Н. М. Ядринцева «Русская община в тюрьме и ссылке», где собрано все, что писал Ядринцев о тюрьмах и ссылке, с прибавлением данных об иностранной ссылке, главным образом по английским источникам.

3. Вероятнее всего, речь идет о сочинении Т. Вайца «Об индейцах Северной Америки» (Лейпциг, 1864).

4. Говорится об одном экземпляре книги Н. М. Ядринцева «Русская община в тюрьме и ссылке».

5. По-видимому, Потанин подразумевает здесь Ж.-Ж. Руссо.

6. Имеется в виду книга немецкого экономиста Вильгельма Рошера (1817—1894) — «Kolonien, Kolonialpolitik und Auswanderung», изданная первым изданием в 1856 г., вторым — в 1871 г. и третьим — в 1885 г. Рошер был активным противником марксистской политической экономии, что особенно сказалось в его труде «Die Grundlagen der Nationalökonomie» (третье издание в 1858 г.). К. Маркс подверг это сочинение Рошера резкой критике в «Капитале» (см. т. I, 1952, с. 99, 166, 213, 223, 330, 372, 620).

7. См. примеч. 6 к письму 36.

44

Оригинал письма хранится в ТОКМ, в фонде Потанина, оп. 14, д. 3, л. 47—51.

1. Barrenground — полоса пустопорожней земли, т. е. тундра.

2. Caribou — канадский северный олень.

3. Клепи — капканы.

4. Шешуков Адриан Кондратьевич — тюменский купец.

5. «Камско-Волжская газета» — орган прогрессивной интеллигенции Поволжья. Издавалась в Казани с 4 января 1872 г. по 25 января 1874 г. Выходила два раза в неделю, а в последний год своего

существования — три раза. Издателем ее был Н. Я. Агафонов. На второй год своего существования газета заняла выдающееся положение среди провинциальной прессы, выступив с протестом против угнетения провинции и заговорив о децентрализации управления и о самобытном развитии областной жизни на основе бытовых, естественноисторических и исторических особенностей. Главным деятелем в ней был К. В. Лаврский. Участвовали в ней А. С. Гацинский, Н. М Ядринцев, Г. Н. Потанин, профессора Казанского университета Н. Н. Булич, С. М. Шпилевский, Д. А. Корсаков, Н. В. Сорокин, И. П. Скворцов и др. Несмотря на хороший подбор литературных и научных сил и на большой нравственный успех, газета только на третий год могла рассчитывать на безубыточное существование. Однако в конце января 1874 г. цензурование газеты было перенесено в Москву, что было равносильно ее прекращению.

6. Имеются в виду Н. Я. Агафонов (см. примеч. 5 к письму 45) и К. В. Лаврский (см. примеч. 3 к письму 46).

7. Авесов — псевдоним Г. Н. Потанина. В «Неделе» (1872, № 39 и 40) была напечатана под этим псевдонимом статья «Где наш рынок сырья (в Сибири)?».

8. The course vices — порочный ход, течение.

9. Термин «фуга» Г. Н. Потанин употребил для замены названия известного немецкого литературного и общественного движения конца XVIII в. «Буря и натиск», в котором Гете занимал доминирующее положение в первый период своей литературной деятельности («Гёц фон Берлихинген» и др.). Это движение было тогда своеобразным литературным бунтом против отжившего в Германии феодального порядка. Зная, что письма его просматриваются полицейскими властями, Потанин эту замену сделал умышленно, будучи уверен, что Ядринцев его поймет.

10. Муж тетки Потанина, имевший золотые прииски в Сибири и разорившийся из-за неумелого ведения дела.

45

Оригинал письма хранится в ТОКМ, в фонде Потанина, оп. 14, д. 5, л. 1, 1 об., 2, 2 об.

1. Дата устанавливается из ответного письма Н. М. Ядринцева.

2. Начало письма утеряно

3. **Максимов Сергей Васильевич** (1831—1901) — этнограф и писатель Много ездил по России. Особенно его интересовал быт крестьян, мастеровых-отходников, городского населения. Автор книг «Лесная глушь» (СПб., 1871), «Год на Севере» (СПб., 1859), «На Восток, поездка на Амур в 1860—1861 годах. Дорожные заметки и воспоминания» (СПб., 1864), «Сибирь и каторга» (СПб., 1871).

4. **Каравин Николай Николаевич** (1842—1908) — писатель и художник. Первый его роман «Погоня за наживой» вышел в свет в 1873 г. О нем, видимо, и идет речь.

5. **Агафонов Николай Яковлевич** (1842—?) — издатель и редактор «Камско-Волжской газеты», издававшейся в Казани в 1872—1874 гг.

6. К. В. Лаврский.

7. Имеется в виду А. Х. Христофоров.

8. «Народ — плохой судья, но большой знаток последствий».

9. Микадо — титул японского императора. Потанин имеет в виду японского императора Муцухито (1852—1912), во времена которого

были окончательно ликвидированы в стране феодальные порядки и начались реформы, способствовавшие развитию капиталистических отношений в Японии и усилению экономических позиций буржуазии. Одновременно Япония встала на путь агрессивной внешней политики.

10. Прачечный переулок в Петербурге.

11. Волково кладбище в Петербурге.

12. Конец письма утерян.

46

Оригинал письма хранится в Государственном литературном музее в Москве (МГЛМ), ф. А. С. Гациского, № 972, л. 1—2.

Гациский Александр Серафимович (1838—1893) — статистик, архивный деятель; был секретарем Нижегородского статистического комитета и председателем Нижегородской губернской ученой архивной комиссии. В 1867—1891 гг. издал в 10 томах «Нижегородский сборник», посвященный изучению Нижегородской губернии, преимущественно экономических условий жизни ее населения. Кроме того, им написаны книги «Сборник в память Первого русского статистического съезда 1870 года» в двух выпусках (1873—1875), «Путеводитель по Нижнему Новгороду» (1877), «Нижегородский летописец» (1886), «Люди нижегородского Поволжья» (1877), «Нижегородский театр 1798—1867 гг.» (1867) и др. Г. Н. Потанин находился с Гациским в длительной дружеской переписке (см. ниже).

1. П. П. Семенов-Тян-Шанский уже в 1872 г. решил подготовлять Г. Н. Потанина к возможной поездке в Монголию и Туву. В этих целях Г. Н. Потанину было поручено изучить всю имевшуюся по этому вопросу литературу. Из писем Потанина к секретарю Географического общества К. Ф. Литке и председателю отделения этнографии в Обществе Л. Н. Майкову видно, что Г. Н. Потанин усердно читал присылаемые ему Обществом нужные для этой цели издания.

2. Это и последующие письма свидетельствуют о том, что Г. Н. Потанин в этот период находился в переписке с Остен-Сакеном, однако в «делах» Географического общества его писем к последнему нет, из чего следует предположить, что письма Потанина адресат либо хранил у себя дома, либо просто уничтожал.

3. **Лаврский Константин Викторович** (1844—?) — соредактор «Камско-Волжской газеты», питомец Казанского университета. Был сослан в Вологодскую губернию за выписку либеральной прессы и литературы для студенческой столовой в Казанском университете. Ему было поставлено в вину, что университетская столовая стала местом политической антиправительственной пропаганды среди студентов. Потанин познакомился с Лаврским в г. Тотьме Вологодской губернии. Лаврский привлек Потанина к участию в качестве сотрудника в «Камско-Волжской газете». Переписка между Потаниным и Лаврским началась со времени перевода Лаврского на жительство в Самару. Ради конспирации Потанин писал письма Лаврскому без обращения и не подписывая их. В дальнейшем Лаврский занимался журнальной деятельностью. Сестра его, Александра Викторовна Лаврская, была женой Г. Н. Потанина.

4. **Овсянников Н. Н.** — преподаватель географии, инспектор Нижегородской мужской гимназии. Имеется в виду его статья «Об отношении сибирского транзита к Нижегородской ярмарке». (Нижегородский сборник. Т. 4. Нижний Новгород, 1871, с. 1—126),

«О торговле на Нижегородской ярмарке» (там же, т. 1, ч. 2, 1867, с. 1—167), «Отношения верхней части Поволжья к Нижегородской ярмарке» (там же, т. 2, 1869, с. 387—426).

5. А. С. Гацискій в IV томе «Нижегородского сборника» (с. 127—166) поместил статью «Очерки промышленной деятельности Нижегородской губерніи в связи с вопросом о проведеніи Урало-Сибирской желѣзной дороги».

47

Оригинал письма хранится в ТОКМ, в фонде Потанина, оп. 14, д. 6, л. 4.

1. Литке Константин Федорович — сын известного мореплавателя и исследователя Арктики, адмирала графа Ф. П. Литке, члена-учредителя Русского географического общества и его вице-председателя, а в дальнейшем президента Академии наук. Был с 30 октября 1871 г. по 3 мая 1873 г. секретарем Русского географического общества.

2. Кучум — последний хан Сибирского ханства. Ставленник реакционных групп феодальной татарской знати. В 1563 г. сверг хана Едигера, данника Ивана IV, и, укрепившись в Сибирском ханстве, пытался завоевать Прикамье, где находились владения русских купцов Строгановых. В 1581 г. Кучум был разбит Ермаком, но, оставив столицу Кашлык, продолжал сопротивление до 1598 г., когда потерпел решительное поражение, после чего бежал в Среднюю Азию, где и погиб.

3 Обширная статья Н. М. Ядринцева «Новости нашего Востока» печаталась в «Камско-Волжской газете» (1873, № 44, 48, 63, 68, 84, 97, 118, 133 и 144). Г. Н. Потанин ко времени написания письма мог прочесть лишь первую часть статьи.

4. Статья Ядринцева «Судьба Сибири (по поводу статьи г. Авесова)» была напечатана в «Неделе» (1873, № 5).

5. Потанин хотел этим сказать, что выполнение Ядринцевым принятых на себя обязательств в отношении написания важных статей для «Камско-Волжской газеты» является основанием для их дальнейших взаимных научных связей.

6. Имеется в виду «Камско-Волжская газета».

7. Под «розенгеймовщиной» Потанин подразумевал неудачных представителей «обличительной» и «гражданской» поэзии, каким был, например, М. П. Розенгейм. Н. А. Добролюбов смеялся над «гражданским пафосом» Розенгейма. Не было в стихотворных виршах Розенгейма и художественных достоинств, что отметил в своей критике А. В. Дружинин.

8. «Конвикты» — слово, произведенное Потаниным от французского conviction. Под «конвиктами» Потанин подразумевал администраторов, назначаемых в Сибирь в виде почетной высылки из столицы. Таким конвиктом, как мы увидим ниже, Потанин считал, например, М. М. Сперанского.

9. Другими словами, в издаваемую Кениндером газету «Сибирь».

10. См. примеч. 34 к письму 34.

11. Это намеренье Потанин впоследствии выполнил — написанная им статья «Г-н Ровинский в Сибири» была напечатана под псевдонимом «Авесов» в «Камско-Волжской газете» (1873, № 110).

12. Потанин имел в виду редакцию «Камско-Волжской газеты».

13. Freigebirgkeit — щедрость.

14. До ареста в 1865 г. Потанин и Ядринцев принимали деятельное участие в газете «Томские губернские ведомости». В частности, Потанин поместил в этой газете, в части неофициальной, статьи «Г. Шелгунов перед судом образованной Сибири» (1864, № 40), «Климат и люди Сибири» (1865, № 12 и 13), «Гражданское увеличение Сибири» (1865, № 16) и др.

15. Михайловский Николай Константинович (1842—1904) — социолог, публицист и литературный критик, видный идеолог либерального народничества, враг марксизма. Литературную деятельность начал в 1860 г. Михайловский сочувствовал угнетенному положению крестьян, отрицательно относился к проявлениям крепостнического гнета, высказывал свое уважение к «подполью», где действовали демократы-разночинцы. Был поборником антинаучного субъективного метода в социологии. Отстаивая теорию «героев» и «толпы», он затушевывал антагонизм классовых интересов и изображал интеллигенцию «внеклассовой» силой, призванной искоренять социальные бедствия.

Реакционную сущность народнического «социализма» Михайловского разоблачил В. И. Ленин. В работе «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» (1894) Ленин идейно разгромил народничество и доказал, что теоретические воззрения Михайловского представляют собой «жалкую попытку склеить обрывки народнического учения с признанием капиталистического развития России», а его политическая программа рассчитана на улучшение и восстановление мелких производителей на почве данных капиталистических порядков (Ленин В. И. Полн. собр. соч. т. 1, с. 125—346).

16. Строки из стихотворения Н. М. Ядринцева «Пельмень» (Камско-Волжская газета, 1873, № 77).

48

Оригинал письма хранится в Архиве ВГО, ф 1 — 1872/73, д. 26, л 445 и след.

Об адресате см. примеч. 1 к письму 47.

1. В результате большой экспедиции, снаряженной Географическим обществом в 1857 г для исследования огромного пространства между Леной и Яблоновым хребтом, Географическим обществом с 1864 г. стали издаваться «Труды Сибирской экспедиции». В 1864 г. вышел в свет «Подробный отчет о результатах исследований математического отдела Сибирской экспедиции», составленный астрономом Л. Э. Шварцем. Г. Н. Потанина, должно быть, интересовал отчет Л Э. Шварца, приложенные к нему карты и сведения о географических исследованиях Сибири геолога Ф. Б. Шмидта и ботаника И. П. Глена, заключенные в т. 1 физического отдела экспедиции.

2. Радде Г. И.— участник Сибирской экспедиции, зоолог. В 1856—1859 гг. исследовал Малый Хинган, нижнее течение Амура и частично Приуссурийский край. Его путевой журнал под заглавием «Путешествие в юго-восточную Сибирь» был опубликован в «Записках РГО» за 1861 г. Специальные исследования Радде по маммалогии и орнитологии были изданы автором на немецком языке («Reisen im Süden von Ost-Sibirien in den Jahren 1856 — 1859») в двух томах, вышедших из печати в Петербурге в 1862 и 1863 гг.

3. P. A. Tchihatchey. «Voyage scientifique dans l'Altai Oriental et les parties adjointes de la frontière de Chine». Paris, 1845. Это сочинение П. А. Чихачева на русском языке не издавалось.

4. Видимо, имеется в виду сочинение А. Корсака «Историко-статистическое обозрение торговых сношений России с Китаем» (Казань, 1857).

5. Статья Г. М. Пермикина «Озеро Косогол». (Вестник РГО, 1858, ч. 25).

6. Статьи А. Принтца «Поездка в Кобдо в 1863 году» и К. В. Струве и Г. Н. Потанина «Путешествие на озеро Зайсан и в речную область Черного Иртыша до озера Маркакуль и до горы Сарытау летом 1863 года».

7. См. примеч. 29 к письму 34.

8. Потанин имеет, по-видимому, в виду «Заметки минусинского купца Н. Ф. Веселкова на пути от Дзинзянлика в Иркутск» (Известия РГО, т 9, вып. 5, 1873).

9. Интересовавшая Г. Н. Потанина маршрутная съемка З. Матусовского в пределах Китайской империи включала съемки его путей по этой стране.

Подобные маршрутные съемки были проведены многими другими русскими и иностранными путешественниками в Китае. Интерес к ним Г. Н. Потанина свидетельствовал о том, что предложение П. П. Семенова-Тян-Шанского участвовать в экспедиции в Монголию и Туву, сделанное в 1872 г. от имени Русского географического общества (см. письмо 46), было воспринято как серьезное научное поручение. Оно требовало от Потанина не только знания всей литературы по предмету, но также, по-видимому, и разработки маршрута экспедиции или рекомендаций к нему. Поэтому Потанин так настойчиво добивался от секретаря РГО К. Ф. Литке присылки ему необходимых русских и иностранных книг, в числе которых и книги по торговле России с Китаем.

49

Оригинал письма хранится в МГЛМ, ф. Гациского, № 972, л. 3.

1. Н. Н. Овсянников «Об отношении Киева, Курска, Орла, Тулы и Рязани к Нижегородской ярмарке» (Нижегородский сборник. Т. 3. Нижний Новгород, 1870, с. 1—80).

50

Оригинал письма хранится в ТОКМ, в фонде Потанина, оп. 14, д. 5, л. 3—7.

1. Восстание мусульманской секты ваххабитов в Бенгалии против английского владычества в 1831 г. Восстанием были охвачены три округа в непосредственной близости к Калькутте. Это восстание, как и вторичное в 1846 г., было жестоко подавлено англичанами. По-видимому, и С. С. Шашков, и Г. Н. Потанин смешивают ваххабитские движения с последующим Индийским национальным восстанием 1857—1859 гг.

С начала 70-х годов Индия снова вступила в полосу подъема крестьянских движений. Так, в 1872 г. крестьяне секхи подняли восстание в Пенджабе, а в 1873 г. вспыхнули аграрные волнения среди крестьян в Бенгалии Но эти восстания, как и последующие (в 1875 г., в 1879—1880 гг. и др.), были разрозненными и сти-

хийными. В ту пору индийский пролетариат еще только начинал складываться как класс, а потому не мог руководить крестьянскими движениями. Индийская же буржуазия помогала англичанам душить восставших крестьян.

2. Плавится, т. е переправляется на плотах или в лодках.

3. К. Маркс посвятил вопросу колонизации главу 25 «Современная теория колонизации» 1-го тома «Капитала», но касался здесь лишь главных моментов первоначального накопления капитала в колониях в результате их «систематической колонизации».

4. Потанин рассматривал этот вопрос с точки зрения русской действительности. В Сибири имелись огромные пространства целинных земель, ждущих своего использования в нуждах сельского хозяйства, но не обрабатываемых из-за недостатка рабочих рук. Между тем во многих районах европейской части России существовали относительная перенаселенность, безработица, скальная нужда и часто голод. В этих случаях организованное и субсидированное правительством переселение безземельных и малоземельных крестьян в сибирские степи не только создало бы благоприятные условия для развития производительных сил Сибири, но и способствовало бы поднятию заработной платы трудящимся в местах, являвшихся до того времени «эксплуататорскими центрами».

5. Нейман Карл Карлович — сибирский этнограф. Около 1862 г. поселился в Иркутске и стал членом Сибирского отдела Географического общества, по заданиям которого в 1869 г. совершил путешествие на Чукотку, откуда вывез богатую этнографическую коллекцию, а в 1871 г.— в Тунгусский край и на оз. Косогол. Потанин читал его «Исторический обзор действий Чукотской экспедиции» (Известия Сибирского отдела РГО, 1870, т. 1).

6 Дрэпер Джон Вильям (1811—1882) — американский ученый. Стал известен в нашей стране после опубликования книги «History of the intellectual development of Europe», изданной в русском переводе в 1862 г. под заглавием «История умственного развития Европы» и выдержавшей у нас четыре издания. Здесь, вероятно, идет речь о втором или третьем русском издании.

7. Лутохин Николай Павлович — бывший студент Технологического института в Петербурге. С ним Потанин познакомился в ссылке.

8. Dans lalliance menagée — в прочном союзе.

9. Христофоров Александр Христофорович (1838—1913) — член тайного общества «Земля и воля» и участник русского революционного движения 60-х годов; в 1861 г. за участие в студенческих беспорядках был исключен из Казанского университета и выслан сначала в Саратов, где занимался революционной пропагандой, а после второго ареста в 1864 г.— в г. Шенкурск Архангельской губернии. Эмигрировав в 1875 г. за границу, в 1877—1890 гг. издавал в Женеве газету «Общее дело».

10. Лесгафтовская история — история увольнения П. Ф. Лесгафта (1837—1909), профессора медицинского института Казанского университета, за письменный протест против попечителя и пренебрежительное отношение администрации к условиям работы студентов.

11. Статья Ядринцева под заглавием «Возрождающаяся Азия» напечатана в «Камско-Волжской газете», 1873, № 40.

12. Статья Потанина «Янцкая община» была напечатана за подписью «Авесов» (Камско-Волжская газета, 1873, № 85).

13. См. примеч. 11 к письму 47.

14. Намерение написать статьи «Сибирь и Янк» и «Забайкальская Русь» Потаниным не было осуществлено.

51

Оригинал письма хранится в ТОКМ, в фонде Потанина, оп. 14, д. 6, л. 5—6.

1. В письме от 14 марта 1873 г. Н. М. Ядринцев сообщил, что А. Д. Шайтанов уговорил пинежских купцов основать в Пинеге поташный завод и др.

2. **Шпилевский Сергей Михайлович** (1833—1907) — археолог и юрист, профессор Казанского университета по кафедре государственного права. Проводил многочисленные археологические исследования в Поволжье. В 1877 г. издал ценную, не утратившую научного значения работу «Древние города и другие булгаро-татарские памятники в Казанской губернии».

3. **Гюздев Иван Михайлович** — профессор Казанского университета по кафедре судебной медицины, автор многочисленных работ.

4. Стихотворения Н. М. Ядринцева «Ветрянка» и «Песня» напечатаны в «Камско-Волжской газете» (1873, № 34).

5. В марте 1873 г. при министерстве внутренних дел была учреждена особая комиссия под председательством бывшего тобольского губернатора, а в то время члена Государственного совета А. И. Деспот-Зеновича (1829—1895) для обсуждения проекта нового административного деления Сибири. В этой комиссии принимал участие и М. И. Венюков. В петербургских газетах тогда этот вопрос широко обсуждался.

6. **Спиридьников Николай Петрович** (1805—1894) — генерал-губернатор Восточной Сибири в 1871—1873 гг.

52

Оригинал письма хранится в МГАМ, в фонде Гацинского, № 972, л. 4.

1. **Журавский Викентий Михайлович** — статистик. Опубликовал в «Нижегородском сборнике» две статьи: «Отношения Севера к Нижегородской ярмарке» (т. 3, 1870, с. 81—106) и «Об экономической связи Нижегородской губернии с Костромской» (с. 225—232). В «Камско-Волжской газете» он печатался часто и под своей фамилией.

2. Во исполнение этого намерения Г. Н. Потанин написал статью «Современное направление исследований о Нижегородской ярмарке». Напечатана за подписью «Авесов» (Камско-Волжская газета, 1873, № 82).

53

Оригинал письма хранится в ТОКМ, в фонде Потанина, оп. 14, д. 6, л. 9, об., 10, 10 об., 11, 11 об.

1. А. С. Гацинский.

2. Автором статьи «Сырьевая дорога» (Камско-Волжская газета, 1873, № 32, 33 и 34) был Г. Н. Потанин.

3. Эта статья Потанина была озаглавлена «О необходимости умственных центров в провинции» (Камско-Волжская газета, 1873, № 38); напечатана под псевдонимом «Авесов».

4. Качалов был архангельским губернатором; назначение его в Сибирь не состоялось.

5. Стихотворение Ядринцева «Вероника» впервые было опубликовано в сборнике «На сибирские темы» (1905), а вторично в сборнике «Письма Н. М. Ядринцева к Г. Н. Потанину» (с 230—231).

6. Сорокин Василий Иванович — биохимик, профессор Казанского университета. Из его печатных работ отметим «Способы определения сахаристых веществ в растениях» (1889), «Химический состав суглинистых почв Казанской губернии» (1895), «Химический состав подзолистых почв в Казанской губернии» (1897), «Сельскохозяйственные опытные станции и их значение для земледельческой практики» (1892) и др.

7. Рецензию на изданное В. И. Вагиным в Петербурге в 1872 г. двухтомное сочинение «Исторические сведения о деятельности графа М М Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 г.» написал сам Потанин (Камско-Волжская газета, 1873, № 79).

8. Строинн Александр Иванович (1827—1889) — педагог в Нежине, а затем в Полтаве. За пропаганду революционных идей в начале 60-х годов выслан в Шенкурск, где напнсал свое первое сочинение «История и метод», а по приезде в Петербург второе — «Политика как наука», изданное в 1872 г. О напнсанни рецензин на эту книгу, вероятно, и идет здесь речь.

9 Г. Н. Потанни напечатал о Н. И. Наумове две статьи: в 1903 г — «Юные годы Н. И. Наумова» (иллюстрированное прнложение к газете «Сибирская жизнь», № 235 за 1903 г., с. 2—4) и в 1876 г.— «Н. И Наумов Снла солому ломит (рассказы из быта сибнрскнх крестьян)» в газете «Сибирь» (1876, № 51—52).

10. Скабичевский Александр Михайлович (1838—1910) — критик народнического направления.

11. Потанни имеет в виду свои напечатанные в 1873 г в «Камско-Волжской газете» статьи: «Из-за Урало-Алаунской гряды» (в № 45 под псевдонимом «Авесов») и два отрывка из очерка «Лютые дни»: «Клубисты» (№ 53) и «Шуты» (№ 69) под псевдонимом «Долонский».

12 Иван Павлович Нечаев — знакомый Потанина.

13. Еркачев — офицер, сосланный в Сибирь за участие в дуэли. Вместе с Зерчанниновым, вышедшим в отставку, открыл публичную библиотеку в Тюменн.

14. Статья Потанина «Индивидуализм в общине» (за подписью «Авесов») была опубликована в «Камско-Волжской газете» (1873, № 92).

15. На брошюру Lange «Arbeiterfrage» Потанни поместил в «Камско-Волжской газете» (1873, № 92) заметку «По поводу одной немецкой брошюры» (без подписи).

16. Статья Потанина «Что такое колония?» (обозрение книги: Джон Брайт. Избранные речи. Изд. редакции журнала «Дело», СПб., 1873) была напечатана в «Камско-Волжской газете» (1873, № 109).

17. Статья Потаинна «Современное направление исследований о Нижегородской ярмарке».

18. См. примеч. 7

19. Вероятно, К. В. Лаврскнй.

20. Эта статья озаглавлена «Казанский университет в 1872 г.» (Камско-Волжская газета, 1873, № 133).

21. Казанская торгово-промышленная фирма «С. Е. Александров и И. И. Алафузов». По поводу рабочих книжек на заводе Алафузова Лаврскнй поместил в «Камско-Волжской газете» четыре статьи, из них последняя «Голос» в недостойной полемике» за подписью «Корреспондент» (1873, № 138).

22. В «Камско-Волжской газете» (1873, № 133) напечатано обращение редакции газеты к провинциальной прессе и провинциальному обществу под заглавием «На помощь», а несколько раньше (1873, № 131) статья «Несколько слов о помощи голодающим»; в № 116 была опубликована обстоятельная статья И. Скворцова «Значение неурожаев в народной жизни и мерах против них». Кроме того, 28 сентября 1873 г. в редакции газеты была открыта подписка пожертвований в помощь голодающим, давшая к 25 января 1874 г. (ко времени закрытия газеты) 4150 рублей.

23. По этому вопросу «Камско-Волжская газета» (1873, № 105) поместила обширную статью (без подписи) «О земской единице с точки зрения местных интересов».

54

Оригинал письма хранится в ТОКМ, в фонде Потанина, оп. 14, д. 6, л. 7, 7 об., 8, 8 об.

1. См. примеч. 34 к письму 34.

2. Книга М. Бутина «Письма из Америки». Рецензия на нее К. В. Лаврского помещена в «Камско-Волжской газете» (1873, № 96) под псевдонимом «Миртовский».

3. См. примеч. 7 к письму 53.

4. Н. Я. Агафонов.

5. **Грили Орас** (1811—1872) — американский журналист и политический деятель. В 1834 г. начал издавать в Нью-Йорке еженедельную «New Jorker», которую в 1841 г. соединил с другой редактируемой им газетой «The Log Cabin» и основал большую впоследствии очень влиятельную газету «New Jork Tribune», ставшую органом республиканской партии. В значительной степени именно ему Линкольн был обязан своим избранием в президенты США. В последующие годы Грили перешел в демократическую партию и даже был выдвинут этой партией в 1872 г., незадолго до смерти, в кандидаты на пост президента.

6. **Беннет Джеме Гордон** (1795—1875) — американский публицист, основавший в 1835 г. газету «New Jork Herald». В политике у него не было никаких убеждений, и все его заботы сводились к рекламе и извлечению денежных выгод. Газета давала ему ежегодно до 750 000 долларов чистого дохода.

7. Здесь имеются в виду два отрывка из беллетристического произведения Потанина «Лютые дни», напечатанные в «Камско-Волжской газете» (см. примеч. 10 к письму 53).

55

Оригинал письма хранится в Архиве ВГО, ф. 1/1873, оп. 1, д. 3, л. 45. На этом листе есть расписка Л. Майкова: «Рукопись, при этом письме препровожденная, получена мною. Л. Майков». (О Л. Майкове см. письмо 58).

1. Эта рукопись Потанина под названием «Этнографические заметки на пути от г. Никольска до г. Тотьмы» пролежала у Майкова 26 лет и была напечатана лишь в 1899 г. в «Живой старине» (т. 9, № 1, с. 23—60; № 2, с. 167—235).

Оригинал письма хранится в ТОКМ, в фонде Потанина, оп. 14, д. 6, л. 12, 12 об., 13, 13 об., 14, 14 об., 15, 15 об.

1. Обозрение провинциальной литературы и установление ее направления Ядринцев дал в серии фельетонов под общим заглавием «Провинциальные красоты» (Камско-Волжская газета, № 100, 103, 107, 112, 117 и 123).

2. Летом 1873 г. в Казани собрался IV съезд естествоиспытателей.

3. Вероятно, здесь говорится о К. В. Лаврском.

4. Эдип в древнегреческой мифологии — сын царя г. Фив Лая и его жены Иокасты. Лаю была предсказана смерть от руки сына, а потому, когда у него родился мальчик, он приказал бросить младенца в глухой местности. Там Эдип случайно был подобран пастухом и отдан на воспитание бездетному царю Полибу. Когда Эдип подрос, он встретился в пути с Лаем, поссорился с ним и, не зная, что это его отец, убил его, а затем освободил Фивы от чудовища Сфинкса. Сделавшись царем Фив, он стал мужем своей матери. Когда невольное его преступление обнаружилось, Эдип ослепил себя и удалился в Афины. Этой легенде посвящены трагедии Софокла, Еврипида и Сенеки.

5. Стасов Владимир Васильевич (1824—1906) — выдающийся художественный и литературный критик, историк искусства.

6. Марьин корень (Paeonia anomale) — многолетнее растение из рода пион семейства лютиковых.

7. Векошь (смесь слов: ветошь и векошник) — отрепье, ветошь всякого рода (по В. И. Далю).

8. См. примеч. 21 к письму 53.

9. Вероятно, заглавие статьи было «Администрация в Сибири», напечатана в «Неделе» (1873, № 15 и 26). Первая статья Ядринцева в печати неизвестна.

10. Статья Ядринцева «Возрождающаяся Азия» (Камско-Волжская газета, 1873, № 40).

11. Готвальд Иосиф Федорович (1813—?) — ориенталист. С 1848 г. был профессором арабского и персидского языков в Казанском университете, а позже заведующим главной библиотекой и начальником университетской типографии, которая славилась изяществом шрифтов многих восточных языков. Готвальд был также цензором «Камско-Волжской газеты», которая печаталась в университетской типографии.

12. В «Камско-Волжской газете» (1873, № 39) помещена статья К. В. Лаврского (без подписи) «Что такое местные интересы?». В ней автор ставит вопрос о том, какие интересы для Камско-Волжского края являются местными, т. е. такими, которые были бы общими для всего края и отличали бы его от соседних. «В большинстве случаев,— писал автор,— с выражением местных интересов связывают до крайности узкие понятия, например разные хозяйственные вопросы города (постройка моста, мощение какой-либо улицы и т. д.), но каждому ясно, что ограничивать их такой узкой сферой — значит совсем не понимать их истинного значения. Нужно смотреть на дело с более общей точки зрения и расширять горизонт провинциального мировоззрения до его естественных пределов... Местным деятелям следует подниматься выше обыденных явлений нашей общественной жизни и окидывать взором целый край, имеющий нечто общее и отличительное от того, что следует за его пре-

делами. Тогда окажется, что перед нами огромное поле деятельности, общественной и научной, и эта деятельность может быть одушевлена тем особенным интересом, который сообщает врожденная каждому из нас «любовь к родине» и если можно так выразиться — «местный патриотизм».

13. А. С. Гациский.

14. У Потанина статья носила заглавие «О необходимости умственных центров в провинции».

15. «Неизвестному другу»— стихотворение Ядринцева, посвященное Потанину (Камско-Волжская газета, 1873, № 41).

57

Оригинал письма хранится в ТОКМ, в фонде Потанина, оп. 14, д. 6, л. 16, 16 об., 17, 17 об., 18, 18 об., 19, 19 об.

1. **Николаев Кувьма** — один из политических ссыльных, знакомый Ядринцева.

2. Поджарили, т. е. разругали. Где была напечатана рецензия Ядринцева на эту книгу Бутина, установить не удалось.

3. Рецензия К. В. Лаврского под псевдонимом «Миртовский» помещена в «Камско-Волжской газете» (1873, № 96).

4. Точное заглавие этой обширной статьи Ядринцева — «Судьба провинций и провинциальный вопрос во Франции» (Камско-Волжская газета, 1873, № 65, 71 и 81).

5. Эта киргизская песня послужила мотивом для написания Ядринцевым стихотворения «Киргиз и казак (киргизская народная легенда)», напечатанного в «Камско-Волжской газете» (1873, № 79).

6. Это намерение Потанину не было осуществлено.

7. В письме к Г. Н. Потанину от 1 апреля 1873 г. Ядринцев дал следующую характеристику А. Х. Христофорова: «В тот же день, когда я получил от Вас письма, пришло освобождение живущему со мной Христофорову. Он поедет в Казань и, конечно, найдет Агафопова. Я Вам мало рекомендовал его ранее. Ребенок в практической жизни, но проницательный философ, блестящий наблюдатель, угадывающий жпаые потребности общества, человек положительных знаний, неоцененная личность в среде образованных людей. Он здесь был заинтересован изданием в Казани. Он может много помочь советами» (Письма Н. М Ядринцева п Г. Н. Потанину, с. 218).

8. **Боммэр Жозеф Эжен** (1813—?) — автор двухтомной «Истории престьяи» (Париж, 1874).

9. «Мои темы»— т. е. темы, которые были предложены Потаниимм Ядринцеву для написания стихотворений (см. пнсьмо 56).

10. См примеч. 12 к письму 56.

11. **Тиачев Петр Никитич** (1844—1885) — русский революционер, один из идеологов народничества.

12. **Зверинский В. В.** был помощником секретаря Русского географического общества, а затем младшим и старшим редактором центрального статистического комитета.

13. По-видимому, имеется в виду описанне путешествия Р. К. Маака по Дальнему Востоку. **Маак Ричард Карлович** (1825—1886) — ботаник, исследователь Сибири и Дальнего Востока. В 1855—1859 гг. участвовал в экспедиции Сибирского отдела Русского географического общества, впервые исследовал растительность долины рек Амура (1855—1856 гг.) и Уссури (1859 г.). Результаты этих экспедиций изложены в сочинениях «Путешествие

на Амур, совершенное по распоряжению Сибирского отдела Русского географического общества в 1855 году» (СПб., 1859), «Путешествие по долине реки Уссури» в двух томах (СПб, 1861).

14 «Поездка в Кобдо в 1863 году».

15 Точное заглавие статьи Н. М. Ядринцева «Чем мы завоюем Срединою Азию».

58

Оригинал хранится в РОИРЛАН, шифр 8896/L 6. 716, л. 1, 1 об., 2, 2 об

Майков Леонид Николаевич (1839—1900) — историк русской литературы и этнограф, с 1891 г.— академик, с 1893 г — вице-президент Академии наук, в 70—80-х годах был председателем отделения этнографии в Русском географическом обществе. Основная научная деятельность Л. Н. Майкова была посвящена библиографическим изысканиям произведений русских писателей XVII—XIX вв. и публикации текстов. В 1885—1887 гг. он издал в трех томах сочинения К. Н Батюшкова, а в 1899 г. начал издавать академическое издание сочинений А. С. Пушкина. Работы Майкова о русских писателях были построены на огромном фактическом материале, однако, являясь представителем буржуазно-либерального литературоведения, он рассматривал литературу в отрыве от общественной жизни.

1. Здесь говорится о «Списках населенных мест Российской империи», вып. 12 (Томская губерния) (СПб., 1868). В составлении дополнений к этим спискам принял участие и Г. Н. Потанин. В печати они неизвестны.

2. См. примеч. 29 к письму 34.

3. Имеется в виду книга: Alexander Castren. Reisebericht und Briefe aus den Jahren 1845—1849. St.-Petersburg, 1856.

4 Г. Н. Потанин имеет в виду этнографический чертеж С. У. Ремезова, вошедший в его «Чертежную книгу Сибири 1701 года». Эта «Чертежная книга» хранится в собрании Н. П. Румянцева в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина. Однако следует сказать, что все чертежи, составившие «Чертежную книгу Сибири 1701 года» Румянцевского сборника, являются лишь плохими копиями подлинных чертежей эрмитажного собрания Ремезова, имеющегося в рукописи № 237 Государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина. К сожалению, в рукописи № 237 утерян подлинник этнографического чертежа, который был сводкой всех данных о народах Сибири и их землях к концу XVII в. При таких условиях копия этнографической карты Сибири, хранящаяся в Румянцевском собрании, является единственно известным этнографическим чертежом Сибири Ремезова, а потому представляла для Потанина исключительный интерес

59

Оригинал письма хранится в ТОКМ, в фонде Потанина, оп. 14, д. 6, л. 20, 20 об., 21, 21 об.

1 Селетов Михаил Александрович — знакомый Потанина.

2. Стихотворение Ядринцева под таким названием в печати неизвестно.

3. Стихотворение Ядринцева «Стрела» («Сибирская легенда») было напечатано в «Камско-Волжской газете» (1873. № 87).
4. Стихотворение Ядринцева «Замок Люнебург» было опубликовано в «Камско-Волжской газете» (1873, № 116).
5. Третий отрывок из очерков «Лютые дни» под заголовком «Милый человек» был напечатан в «Камско-Волжской газете» (1873, № 146) под псевдонимом «Долоиский».

60

Оригинал письма хранится в МГЛМ, ф. Гациского, № 972, л. 5.

1. См. примеч. 1 к письму 49.
2. Статья Потанина «О необходимости умственных центров в провинции» в письме названа неточно.
3. А. С. Гациский поддержал идею Потанина, написав статью «О необходимости местных центров» (Камско-Волжская газета, 1873, № 39).

61

Оригинал письма хранится в ТОКМ, в фонде Потанина, оп. 14, д. 5, л. 7, 7 об., 8, 8 об.

1. Гайдебуров Павел Александрович (1841—1893) — публицист. С Потаниным познакомился в Петербургском университете. Будучи студентом, начал печатать свои повести и рассказы в «Сыне отечества», «Русском слове», «Искре», «Современнике», «Деле» и других журналах. В 60-х годах он вел в «Петербургских ведомостях» крупный раздел «Провинциальное обозрение». В 1869 г. стал одним из ведущих сотрудников газеты «Неделя», которая в 1875 г. полностью перешла к нему. Гайдебуров играл ведущую роль в «Литературном фонде», где выполнял разновременно обязанности члена комитета, казначея и секретаря.
2. Стихотворение Ядринцева «Киргиз и казак (киргизская народная сказка)».
3. Стихотворение Ядринцева «Wacht am Rhein» в печати неизвестно.
4. Стихотворение Ядринцева «Я из той страны» в печати неизвестно.
5. Н. М. Ядринцев. «Новости нашего Востока».
6. Шелгунов Николай Васильевич (1824—1891) — общественный деятель, публицист и литературный критик. Литературную деятельность начал в 1859 г. Писал об экономике России, развитии в ней промышленности, экономическом положении деревни и развитии капитализма, рабочем классе. В дореформенные годы Шелгунов, будучи революционным демократом, считал, что только крестьянская революция сможет изменить социальные основы общества и что Россия могла бы избежать капиталистического пути развития и через крестьянскую общину прийти к социализму. В пореформенные годы понял, что Россия после отмены крепостного права пошла по капиталистическому пути и что развитие капитализма — явление прогрессивное. В 80-е годы под влиянием марксизма пришел к пониманию того, что переход к новому общественному строю связан с революционной борьбой пролетариата.
В 1861 г. написал прокламации «К молодому поколению» (совместно с писателем М. Л. Михайловым) и «К солдатам», в которых

выступил с резкой критикой крестьянской реформы и призывал к крестьянской революции. Тогда же опубликовал в «Современнике» статью «Рабочий пролетариат в Англии и во Франции», которая явилась первой популяризацией в России книги Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии» (1845).

Первое собрание его сочинений вышло в 1871—1872 гг. В советское время они издавались дважды: в 1928 г. «Избранные литературно-критические статьи», в 1954 г.— «Избранные педагогические сочинения».

7. Особенно понравившимся Потанину фельетоном Ядринцева был напечатанный в «Камско-Волжской газете» (1873, № 68) в серии «Новости нашего Востока». В заключительных строках этого фельетона Ядринцев писал: «Я вспомнил, что Сибирь хотел посетить даже знаменитый Диккенс. Когда Введенский, русский переводчик Диккенса, написал ему письмо и сообщил, что его «Домби» читается и ценится даже в глухих местах Сибири, то, по словам Форстера, Диккенс всегда, когда ему не везло, с улыбкой говорил: «Приказал сложить вещи, чтобы ехать в более сочувствующие и лучше оценивающие меня места Сибири».

8. Ушаковка — правый приток Ангары.

9. Уайт-Чапл — рабочее предместье Лондона.

10. Согласно преданию, римский раб Андрокл, бежавший от тиранин своего хозяина, римского проконсула в Африке, в Ливийскую пустыню, встретил здесь льва, занозившего себе лапу и сильно хромавшего. Андрокл не побоялся вынуть из его лапы занозу. В благодарность за это лев стал верным ему другом и делился с ним своей добычей. Однажды Андрокл был схвачен и отвезен в Рим. Такая же участь постигла и льва. Обоим предстояло сразиться на арене римского цирка. Но, ко всеобщему удивлению, лев не только не бросился на Андрокла, а, ласкаясь, лег у его ног. Пораженный этим император (Калигула или Клавдий) даровал Андроклу жизнь и отдал ему льва.

11. От короля или народа.

12. См. примеч. 1 к письму 52.

13. **Зябловский Евдоким Филиппович** (1763—1846) — географ, статистик. В 1788 г. из Колывани, где был учителем народного училища, пешком исследовал места Колыванского наместничества и составил их описание. С 1816 по 1833 г. преподавал статистику в Петербургском университете. Автор многочисленных курсов по географии и статистике, пользовавшихся большим распространением, несмотря на их шаблонность: «Краткое землеописание Российского государства» (СПб., 1787, 1807 и 1810), «Новейшее землеописание Российской империи» (СПб., 1807 и 1818), «Курс всеобщей географии» (СПб., 1818—1819), «Всеобщая география» (СПб., 1837, 1855, 1881), «География Российской империи» (СПб., 1831, 1837), «Статистическое описание Российской империи с обозрением Европы в статистическом виде» (СПб., 1808, 1815), «Российская статистика» (СПб., 1831, 1835, 1837).

14. **Якушкин Павел Иванович** (1820—1872) — этнограф и фольклорист. Более 20 лет собирал материалы по фольклору, странствуя по России под видом раскольника. В 60-х годах сблизился с революционными демократами. Начал печататься с 1859 г. («Путевые письма из Новгородской губернии», «Путевые письма из Псковской губернии»). В 1860 г. вышли из печати «Русские песни, собранные П. И. Якушкиным», в 1865 г.— «Народные русские песни из собрания П. И. Якушкина». Сказки, записанные им, составили значительную часть сборника «Русские народные сказки», изданные А. Н. Афа-

насьеаым. Деятельность Якушкина навлекла на него преследования. Высланный за «неблагонадежность», он последние семь лет жизни провел в ссылке в Сибири.

15. **Клушин Павел Николаевич** (1810—1886) — сенатор, в 1871 г. произвел ревизию Пермской губернии, наделавшую много шума, так как она обнаружила огромные злоупотребления и показала, до каких пределов беззакония могла дойти местная администрация при господствовавших порядках.

16. В. М. Журавский поместил в «Камско-Волжской газете» корреспонденцию из Тюмени под заглавием «Отрывок из неизданного путевого очерка «От Перми до Енисейска» (1873, № 2), «На сибирском пароходе» (1873, № 70, 75 и 82).

17. Н. М. Ядринцев. «Судьба провинций и провинциальный вопрос во Франции».

18. **Гамбетта Леон Мишель** (1838—1882) — французский политический деятель, один из лидеров левого крыла буржуазных республиканцев. Когда в 1870 г. была объявлена франко-прусская война, Гамбетта голосовал в парламенте за военные кредиты, но после, будучи лидером буржуазно-демократической оппозиции в парламенте, пытался сдержать революционный подъем народа. Однако 4 сентября 1870 г. под напором народных масс вынужден был объявить, как глава правительства национальной обороны, о низложении Наполеона III и провозглашении республики. В начале октября 1870 г. он покинул осажденный Париж, чтобы организовать военное сопротивление прусскому нашествию. Но, опасаясь народных масс, он всячески тормозил развертывание партизанского движения и, борясь с народными выступлениями против прусских оккупантов, беспощадно расправлялся с революционным движением в провинции и со всякими попытками создания в больших городах коммуны. «Гамбетта приложил все усилия, чтобы подавить ее»,— писал К. Маркс Ф. Энгельсу (см: Архив Маркса и Энгельса, М., 1934, т. 3, с. 313).

19. Н. В. Скориков в корреспонденции из Енисейска, озаглавленной «Об исследовании кратчайшего водного пути между бассейном Оби и Енисея», обращает внимание на возможность прохода водным путем в период полноводья из бассейна Оби в бассейн Енисея, что имеет большое практическое значение для развития торговли в Сибири, в особенности в то время, когда Япония прилагает огромные усилия для завладения рынками в Азии (Камско-Волжская газета, 1873, № 71).

20. См. примеч. 22 к письму 34.

21. **Демидов Павел Григорьевич** (1738—1821) — внук Никиты Демидова, основателя горного дела в России. В 1803 г. он передал Московскому университету большую библиотеку и капитал в 100 000 рублей, тогда же основал в Ярославле Демидовский лицей; в 1805 г. пожертвовал по 50 000 рублей на предполагавшиеся университеты в Киеве и в Сибири (Биография Павла Григорьевича Демидова, составленная Головщиковым, помещена в «Ярославских губернских ведомостях», 1869, № 26 и 27).

22. 50 000 рублей, пожертвованные П. Г. Демидовым на университет в Сибири в 1805 г., к 1870 г. могли вырасти максимум до 125—150 тыс. рублей. Из каких расчетов Потанин выводит такую колоссальную цифру, как 900 тыс. рублей, не поддается объяснению.

62

Оригинал письма хранится в Научной библиотеке им. Н. И. Лобачевского (Казанский университет), отд. рук., ед. хр. 213/II, л. 431, 431 об., 432, 432 об.

Об адресате см. примеч. 5 к письму 45.

1. **Богданов Модест Николаевич** (1841—1888) — русский зоолог и путешественник. В 1864 г. окончил Казанский университет со степенью кандидата естественных наук. В 1868—1870 гг. исследовал фауну Поволжья, в результате чего составил большой труд «Птицы и звери черноземной полосы Поволжья и долины средней и нижней Волги» (1871), послуживший ему магистерской диссертацией. Летом 1871 г. был командирован Казанским обществом естествоиспытателей на Кавказ, где собрал большую орнитологическую коллекцию, впоследствии им же обработанную (Птицы Кавказа, 1879). В 1873 г. он участник большой экспедиции в Хивинский оазис, которая дала ему возможность написать несколько крупных работ: «Очерки природы Хивинского оазиса и пустыни Кызылкум», изданные в «Трудах Петербургского общества естествоиспытателей» (т. 7.) и «Описание Хивинского похода 1873 г.» (Ташкент, 1882). Переехав в Петербург, стал видным деятелем Петербургского университета, Петербургского общества естествоиспытателей и Русского географического общества. Из последующих его крупных работ назовем «Орнитологию России», первая часть которой была издана в 1885 г.

2. Статья Г. Н. Потанина «Местные учебники» (Камско-Волжская газета, 1873, № 98), напечатанная под псевдонимом «Дилетант».

3. Потанин написал небольшую статью «По поводу донской корреспонденции», опубликованную под псевдонимом «Авесов» (Камско-Волжская газета, 1873, № 80).

4. **Бебель Август** (1840—1913) — деятель германского и международного рабочего движения, один из основателей и руководителей германской социал-демократической партии и Второго Интернационала.

5. Это намерение Потанин осуществил, написав статью «По поводу одной немецкой брошюры» (Lange. Die Arbeiterfrage), напечатанную без подписи (Камско-Волжская газета, 1873, № 92).

63

Оригинал письма хранится в РОИРЛАН, ф. 13, № 303, л. 3, 3 об., 4, 4 об., 5, 5 об.

Об адресате см. примеч. 3 к письму 46.

1. Речь идет о «Камско-Волжской газете».

2. Статья носила заглавие «Письмо Горемычной к Неунывающей» (Камско-Волжская газета, 1873, № 77).

3. Настоящее заглавие статьи «Мои казанские заметки» за подписью К. П[аломник] (Камско-Волжская газета, 1873, № 78).

4. Profession de foi — исповедание веры, убеждение, программа.

5. **Мордовцев Даниил Лукич** (1830—1905) — публицист и писатель. Помимо нескольких исторических монографий в начале 70-х годов XIX в. опубликовал романы из жизни прогрессивной интеллигенции под заглавием «Знамение времени», пользовавшийся большой популярностью у современных читателей. Его перу принадле-

жат публицистические статьи, печатавшиеся в газетах «Голос», «Неделя» и в журналах «Дело», «Всемирный труд» и др., в которых обсуждались многие злободневные вопросы того времени

6. Потанин имеет в виду статью Мордовцева «Современное экономическое значение Поволжья» (Дело, 1873, кн. 5, с. 61—89; кн. 6, с. 76—108; кн. 7, с. 35—72; кн. 8, с. 1—36).

7. Здесь говорится о статье Н. М. Ядринцева «Судьба провинций и провинциальный вопрос во Франции». В третьей части этой статьи сказано: «Наполеон III продолжал ту же централизаторскую политику, которую поддерживали и его предшественники...».

«Централизация была чудовищной, но она могла возникнуть только вследствие воспитания народа в том же направлении. Вся система была направлена к тому, чтобы отучить народ от общественных дел, развознить общество· убить в нем всякий ум и самостоятельность. Что такое представляла Франция накануне 4 октября 1870 года? Обезличенная, деморализованная, развращенная католическими иезуитами-попами, с грубым невежественным населением, с нищетою, без всякой солидарности интересов, при отсутствии местной общественной жизни, она осталась беззащитной перед лицом неприятельского нашествия. Как только французская регулярная армия была взята в плен, участь Франции была решена...».

8. Славинский Николай Евстафьевич (1839—?) —писатель. Побывав в Соединенных Штатах Америки, он поместил в «Отечественных записках» за 1871 и 1872 гг. ряд «Писем из Америки о русских переселенцах», обративших на себя внимание объективностью и удачным выбором наиболее характерных черт тогдашней американской жизни. В 1873 г. «Письма» вышли отдельным изданием.

9. Бисмарк Отто Эдуард Леопольд фон Шенхаузен (1815—1898) — германский государственный деятель

10. Во времена Клиндера в иркутской газете «Сибирь» печаталась лишь официальная часть и газета носила характер обычных для того времени губернских ведомостей.

11. Любка двулистная, или ночная фиалка (Platanthera bifolia) — растение из семейства орхидных Gymnadenia — кокушник, Utricularia — пузырчатка, Impatiens noli-tangere — недотрога.

12. Имеется в виду Казанское общество естествоиспытателей при Казанском университете. Обработанные Потаниным для печати протоколы заседаний этого Общества вылились в статью фельетонного характера «Стоячая вода» (Камско-Волжская газета, 1873, № 102). Подпись под статьей «Дилетант».

13. Александра Викторовна Лавровская (1843—1893), сестра К. В. Лаврского, впоследствии жена Г. Н. Потанина и участница почти всех его экспедиций.

64

Оригинал письма хранится в Научной библиотеке им. Н. И. Лобачевского (Казанский университет), отд. рук., ед. хр. 213/II, л. 433, 433 об., 434, 434 об.

1. Обширная статья Потанина «Заметки провинциального читателя» печаталась в «Камско-Волжской газете» в 1873 г. отдельными частями (часть первая в № 94, часть вторая — в № 99 под псевдонимом «Карым»).

2. Работы Н. М. Ядринцева под таким заглавием неизвестны.

3. Отрывок из очерка «Лютые дни» под заголовком «Милый человек» был напечатан самим Потаниным (Камско-Волжская газета, 1873, № 146) под псевдонимом «Долоиский».

4. Две статьи Ядринцева под общим заглавием «Инородцы в ссылке»(первая «Мирза», вторая «Исхак-мулла») в печати неизвестны.

5. Окончательное заглавие этой работы Потанина было «Ермолаевский институт (рассказ мастерицы)». Напечатана в «Камско-Волжской газете» (1874, № 3).

6. Участие М. В. Загоскина в «Камско-Волжской газете» не состоялось ввиду запрещения этой газеты в январе 1874 г.

65

Оригинал письма хранится в Научной библиотеке им. Н. И. Лобачевского (Казанский университет), отд. рук., ед. хр. 213/II, л. 465, 465 об., 466, 466 об.

1. **Крестовников** — крупный волжский промышленник.

2. Имеется в виду миссионер В. И. Вербицкий, который, заинтересовавшись жизнью алтайцев, посвятил 30 лет изучению их быта, нравов, языка и мировоззрения. Его дневники печатались в «Записках» Русского географического общества, как и некоторые его этнографические заметки. Кроме того, с 1858 г. он постоянно печатал материалы своих исследований в «Томских губернских ведомостях». Издал «Грамматику алтайского языка» и «Словарь алтайского и алодоиского наречий тюркского языка». После его смерти в 1893 г. Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете издало сборник его этнографических исследований под заголовком «Алтайские инородцы» под ред. проф. А. Иваиовского (СПб., 1895).

3. **Шестаков Петр Дмитриевич** (1826—1889) — педагог. В 1863 г. был назначен помощником попечителя Казанского учебного округа, а с 1865 г. занял пост попечителя того же округа, который оставил незадолго до смерти. Много писал об общественном воспитании в России. Один из консервативных деятелей.

66

Оригинал письма хранится в ТОКМ, в фонде Потанина, оп. 14, д. 6, л. 22, 22 об., 23, 23 об., 24, 24 об., 25, 25 об., 26, 26 об., 27, 27 об.

1. **Португалов Вениамин Осипович** (1835—1896). Окончил Казанский университет. В 70-х годах был врачом в Самарской губернской земской больнице. Сотрудничал в «Камско-Волжской газете».

2. В «Камско-Волжской газете» (1873, № 102) была помещена статья без подписи «Проект отмены ссылки в Сибирь». На основании этих строк следует, видимо, полагать, что автор ее Н. М. Ядринцев.

3. Серия фельетонов Ядринцева «Новости нашего Востока».

4. Слово «сто́гна»— площади или улицы в селении или городе. Слово «весь» употреблялось древними новгородцами для обозначения селения, деревни. Отсюда сибирское «весуа», а также «весиняк» (житель веси), «весиняика» (жительница веси) (по В. И. Далю). Видимо, эти слова были еще в употреблении в Сибири, и их хорошо знали обе корреспондента.

5. Кто писал под псевдонимом «Антон с Булака», не установлено.

6. Говорится о третьей части статьи Ядринцева «Судьба провинций и провинциальный вопрос во Франции» (Камско-Волжская газета, 1873, № 81).

7. Такая статья проектировалась Ядринцевым для «Недели», но не была им написана.

8. Имеется в виду «История XVIII столетия» Ф. Х. Шлоссера (доведенная автором до 1815 г.), изданная в русском переводе в 8-ми томах в 1858—1860 гг. под редакцией Н. Г. Чернышевского, В. А. Зайцева и Н. А. Серно-Соловьевича. Некоторые ее достоинства, в частности широкое и сочувственное освещение судьбы народных масс и народное движение, побудили К. Маркса использовать ее, как и «Всемирную историю» этого же автора, в своих «Хронологических записках».

9. Толенд Джордж — английский писатель, материалист, автор книг «Христианство без тайн» («Cristianity not mysterious», 1696), «Жизнь Мильтона» («The life of Milton», 1698), «Исследования о первых временах иудейской истории» («Origines Iudaeae», Гаага, 1709) и др. По-видимому, у Шлоссера Потанина интересовали в т. I с. 310—313.

10. Мальбранш Никола (1638—1715) — французский философ-идеалист.

11. В редакции Потанина стихотворение Ядринцева «Пельмень» имеет изменениями вторую и третью строфы:

У Ядринцева:	У Потанина
И как с ними свел знакомство,	И явил свое желанье
Сделал он пельмень огромный.	Сделать сам пельмень огромный.

12. «Жорж-Бай» — один из псевдонимов Г. Е. Катанаева. Этим псевдонимом он всегда подписывал свои корреспонденции из Омска, печатавшиеся в «Камско-Волжской газете».

13. «На сибирском пароходе»

14. Рассказ Н. И. Наумова «Еж» (Отечественные записки, 1873).

15 Слово «эидоэмоция» Потанин употребил, вероятно, вместо слов «внутреннее переживание», возникшее у человека под влиянием окружающей его обстановки и под впечатлением встретившихся людей.

16. См. примеч. 17 к письму 27.

17. Петр Решето — действующее лицо в фельетоне Ядринцева из серии «Новости нашего Востока» (Камско-Волжская газета, 1873, № 84).

18. Демерт Н. А. Наши общественные дела (Отечественные записки, 1872, № 12, с. 323—345).

19. См. примеч. 12 к письму 63.

20. См. примеч. 5 к письму 39.

21. Урезница — зверобой (Hypericum quadrangulum).

22. Кукушкин дери, или кукушкины сапожки (Cypripedium calceolus).

23. Купальница, или лютик (Ranunculus acris).

24. Умывальница — просторечное название, в литературе неизвестна.

25. Пиган (Peganum harmala).

26. Синюха, синюшка, василек (Centaurea cyanus).

27. Земляничный цвет, земляника (Fragaria vesca).

28. Видимо, «Список с чертежа Сибирской земли», считающийся чертежной рукописью к чертежу 1881 г. Он был напечатан еще в «Российском магазине» (1791 и 1792, т. I, с. 403—420), а затем в 20-х годах XIX в. по списку, принадлежавшему Г. И. Спасскому. Последнее известное издание его относится к 1890 г.— был напечатан в сборнике А. А. Титова «Сибирь в XVII веке» (см.: Андреев А. И. Очерки по источниковедению Сибири. Изд. 2-е. М.-Л., 1960, Вып. I, с. 45—46).

67

Оригинал письма хранится в МГАМ, ф. Гациского, № 972, л. 6.

1. «Географо-статистический словарь Российской империи» в 5-ти томах, составлявшийся П. П. Семеновым-Тян-Шанским при содействии некоторых действительных членов Географического общества (имена их отмечены на титульных листах каждого тома), издавался Географическим обществом с 1863 по 1885 г. Ко времени написания этого письма были изданы только первые три тома словаря и 4-й том был в печати. Как видно из более поздних писем Г. Н. Потанина, он также принял участие в этом большом деле в части, касавшейся географических объектов Западной Сибири.

2. Видимо, ко времени написания этого письма Потанин не видел еще словаря Семенова, так как в последнем географические названия даются в алфавитном порядке, как в энциклопедиях, а не в административных границах губерний, краев и областей, как думалось Потанину.

68

Оригинал письма хранится в Научной библиотеке им. Н. И. Лобачевского (Казанский университет), отд. рук., ед. хр. 213/II, л. 439, 439 об., 440.

69

Оригинал письма хранится в РОИРЛАН, ф. 13, № 303, л. 3,3 об., 4, 4 об., 5 и 5 об.

1. Видимо, следующие работы Потанина «По поводу одной немецкой брошюры», «Индивидуализм в общине» и два фельетона из серии «Заметки провинциального читателя».

2. Совместная с К. В. Лаврским статья носила заглавие «Заявление Г. Бланка» и была напечатана без подписей авторов (Камско-Волжская газета, 1873, № 103).

3. Имеется в виду статья Потанина «Бюрократическая наука на нашем Востоке», напечатанная без подписи автора (Камско-Волжская газета, 1873, № 87 и 98).

4. По-видимому, статья Потанина «Местные учебники».

5. Грант Чарлз (1841—?) — английский журналист, писатель, историк английской и немецкой литературы.

6. Подобной статьи Ядринцева в «Камско-Волжской газете» ни 1873 г. и январь 1874 г. мной не обнаружено.— Г. Г.

7. Эта статья носила заглавие «Эшафот обокрал» и была посвящена членам и покровителям Общества земледельческих колоний для несовершеннолетних преступников (Камско-Волжская газета, 1873, № 111).

8. Фельетоны Н. М. Ядринцева «Новости нашего Востока».

9. См. «Заметку» Н. М. Ядринцева (Камско-Волжская газета, 1873, № 73) на статью В. М. Журавского о золотопромышленности, которая была напечатана в виде корреспонденции из Енисейска в этой же газете.

10. Статья об общине на Западе носила заглавие «Вопрос землевладения в Европе» (Камско-Волжская газета, 1873, № 144). Одним из источников этой статьи была работа: Emil de Laveley. Les formes primitives de la propriété, напечатанная в «Revue de deux mondes» (1872, кн 7; 1873, кн. 9). Был и русский перевод этого сочинения (Эмиль де Лавелэ Первобытная собственность. СПб., 1875).

11. Это намерение Ядринцевым не было осуществлено.

12. Известный книжный магазин в Петербурге, через который можно было выписывать иностранные книги и журналы

13. О книге Е. Н. Анучина «Материалы для уголовной статистики России. Исследования о процессе ссыльных в Сибирь». Тобольск, 1866, ч. 1, 233 с.

14. Книга немецкого экономиста Адольфа Гельда «Die deutsche Arbeiterprehse der Gegenwart», изданная в Лейпциге в 1873 г.

15. Книга немецкого публициста и экономиста Евгения Иегера «Der moderne Socialismus», изданная в Берлине в 1873 г.

16. **Гольцендорф Франц** — немецкий криминалист и публицист. Напечатал в 1859 г. в Лейпциге большой труд «Die Deportation als Strafmittel». Автор оправдывал ссылку в России и признавал ее весьма целесообразной карательной мерой. Это сочинение Гольцендорфа было переведено на русский язык и издано в 1864 г. под заглавием «Ссылка как карательная мера». Редактором этого издания был Н. Ламанский.

17. См. примеч. 2 к письму 54.

18. «Камско-Волжская газета», откликаясь на статью Льва Толстого о самарском голоде (см. примеч. 19), поместила в № 133 за 1873 г. статью «На помощь (обращение к провинциальной прессе и провинциальному обществу)».

19. В «Московских ведомостях» (1873, от 17 августа) была помещена статья Льва Толстого «О самарском голоде», в которой автор, сообщив о сильных неурожаях в Самарской губернии на протяжении трех лет (1871—1873 гг.), поднял вопрос об оказании крестьянству этой губернии материальной помощи во всероссийском масштабе. Эта статья Толстого была перепечатана в сокращенном виде почти всеми газетами России и вызвала широкие отклики, а также повсеместные сборы средств в пользу голодающих. Такое сокращенное изложение статьи Толстого было помещено и на страницах «Камско-Волжской газеты» (1873, № 100).

20. Имеется в виду статья Г. Н. Потанина «Никольский уезд и его жители», которая при содействии Л. Н. Майкова была напечатана в 1876 г. в «Древней и Новой России» (т. 3. вып. 10, с. 136—139).

21. В марте 1870 г. в Русском географическом обществе была основана метеорологическая комиссия, председателем которой был избран Г. И. Вильд. Комиссия эта рассылала своим корреспондентам в различные районы страны бланки для заполнения и наставления для наблюдений над грозами и атмосферными осадками (составил А. И. Воейков), над вскрытием и замерзанием рек и озер (составил М. А. Рыкачев). По-видимому, Г. Н. Потанину было поручено Географическим обществом проведение таких наблюдений в Никольском уезде Вологодской губернии.

Оригинал письма хранится в Научной библиотеке им. Н. И. Лобачевского (Казанский университет), отд. рук., ед. хр. 213/II, л. 460, 460 об., 461.

1. См. примеч. 29 к письму 34.

2. Это обещание Потанин выполнил и в первых числах сентября 1873 г. выслал в редакцию газеты заметку «Пребывание в Казани кашгарского посла» (1873, № 108). Он осветил современное политическое положение эмирата Джетм-Шаар, недавно создавшегося в Кашгарии в результате крупного Дунганского восстания в Китае. Посол этот был послан в Россию для проведения важных дипломатических переговоров с Якуб-беком, объявившим себя эмиром независимого ханства.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Абакумов — офицер 41
Аблай-хан 206
Абрамов Николай Алексеевич — смотритель училищ 43, 205
Аввакум 108
Авдеева Екатерина Алексеевна 43, 205
Авдотья Ивановна — см. Кузнецова А. И.
Авесов — см. Потанин Г. Н.
Агафоников Николай Яковлевич 139, 140, 152, 153, 161, 163, 165, 166, 169, 173, 177, 180, 181, 183, 185, 186, 192—194, 196, 243, 251, 253
Агафоныч — см. Агафоников Н. Я.
Адлерберг Владимир Федорович — министр 49, 208
Адриан Кондратьевич — см. Шешуков А. К.
Авадовский Марк Константинович 204
Алафузов И. И.— золотопромышленник 159, 160, 164, 169, 186, 250
Александр Дмитриевич — см. Шайтанов А. Д.
Александр Серафимович — см. Гацинский А. С.
Александр Христофорович — см. Христофоров А. Х.
Александра Викторовна — см. Лаврская А. В.
Александра Николаевна — см. Засодимская А. Н.
Александра Павловна — см. Нестерова А. П.
Александров С. Е.— промышленник 164, 250
Алексей Александрович — см. Романов А. А.
Ананьин Николай Иванович — смотритель училища в Томске 38, 51, 202
Андреев А. И — историк 235, 262
Андреев Иван — капитан 80, 188, 221
Андреев Яков Гаврилович— педагог 38, 51, 92, 202
Андрей Александрович — см. Тахтаров А. А.
Андрей Павлович — см. Нестеров А. П.
Анна Гавриловна — дочь Елагиной Д. П. 47
Антон из Булака — псевдоним неустановленного лица 159, 186, 261
Антонина Ксеверьевна — см. Бакунина А. К.
Антонович Максим Алексеевич 60, 212, 218
Анучин Е. Н.— статистик 194, 263
Аргиропуло П. Э.— студент 218
Арсений Васильевич — см. Папков А. В.
Арсеньев Константин Константинович — публицист 213
Асташев Иван Дмитриевич — золотопромышленник 74, 219

Афанасьев Александр Николаевич — фольклорист 49, 208, 256

Б.— см. Бакунин Михаил Александрович
Бабер (Бабур) — полководец 122, 128, 240
Бадмаев Петр Александрович — врач 144
Бажин Николай Федотович 220
Байрон Джордж Ноэл Гордон 105
Бакст — издатель 68, 73
Бакунин Михаил Александрович 48, 53, 109, 207, 208, 236, 237.
Бакунина Антонина Ксаверьевна — жена М. А. Бакунина 53, 210
Баитыш-Каменский Николай Николаевич — археограф 86, 224
Баранов Трофим Иоаин — граф 49, 208
Бастиан Адольф — немецкий этнолог 81, 222
Батюшков Константин Николаевич 254
Бебель Август 178, 258
Белинский Виссарион Григорьевич 44
Белобородов — сержант 57
Белов Василий Петрович — учитель 195
Беловерский В. М.— редактор журнала «Основы» 207
Бельский 154
Бельцов — инженер 235
Беляев — студент 114
Беннет Джемс Гордон — американский публицист 161, 251
Берви (Флеровский) Василий Васильевич — русский экономист 220, 238
Березин Илья Николаевич — тюрколог 122, 240
Березовский Вениамин Николаевич — химик 48, 49, 56, 65, 66, 206
Бери — театральный рецензент 152
Бидж — бухарец 88
Бисмарк Отто Эдуард Леопольд фон Шенхаузен 179, 259
Битлинд Николай Егорович — секретарь редакции журнала «Дело» 85, 90, 110—115, 126, 138, 139, 151, 223
Битлинд Юлия Николаевна 112
Благосветлов Григорий Евлампиевич — редактор журналов «Дело» и «Русское слово» 48, 81, 112, 152, 171, 207, 220, 236, 238
Блан Луи 84, 99, 100, 103, 104, 186, 218, 223
Бланк Гр. 193, 262
Богданов Василий Иванович — врач и писатель 82, 196, 222
Богданов Модест Николаевич — зоолог 177, 183, 258
Боголюбов — юрист 128
Богушевич Ю. М.— издатель 88, 226
Бодянский Осип Максимович — профессор 80, 106, 221
Бокль Генри Томас — английский историк 58, 212
Боимар Жозеф Эжен — французский историк 167, 253
Брайт Джон 160, 250
Броневский Семен Богданович — генерал 86, 224
Брэм 136
Буланов — студент 199
Булич Николай Николаевич — историк 243
Буриейстер Герман — немецкий естествоиспытатель 72, 217
Бутин Михаил Дмитриевич — золотопромышленник 160, 166, 174, 194, 239, 251, 253
Бутины — братья 114
Быков Петр Васильевич 210
Бэр Карл Максимович — академик 51, 209

Вагин Всеволод Иванович — историк 144, 160—163, 184, 213, 235, 250
Вайц Теодор — немецкий антрополог 81, 92, 131, 222, 228, 242
Валиханов Чокан Чингисович — казахский ученый 48, 52, 92, 199, 206
Валлас — см Уоллес
Васильев — студент 52

Васильчиков Александр Илларионович — князь 95, 229, 232
Введенский Иринарх Иванович — переводчик 256
Векшин — поэт 128
Вельбрехт — домовладелец 64
Вельямиков — Зернов Владимир Владимирович — орнеталист 122, 240
Венюков Михаил Иванович — географ 88, 154, 177, 226, 249
Вербицкий В. И.— этнограф — 194, 200
Верещагин Н. В.— промышленник 241
Веселков Н. Ф.— купец 147, 247
Вильд Г. М — метеоролог 195, 263
Виноградов 124
Вирт — владелец торговой фирмы фортепьяно 189
Воейков Александр Иванович — метеоролог 263
Воинов 157
Волков — казачий офицер 41, 45, 46
Волков — доктор 195
Вологдин — см. Засодимский П. В.
Вольноопределяющийся Н. Корвунов — см. Наумов Н. И.
Вольтер Мари Франсуа Аруэ 104
Воробьев С. М.— профессор 210
Вудхав 193
Вудхол Виктория — американская общественная деятельница 105, 234

Г. Н., П. Н.— см. Потанин Г. Н.
Г. П.— см. Потанин Г. Н.
Гавличек-Боровский Карел — чешский поэт 126, 144, 158, 166, 241
Гагарин Матвей Петрович — князь 86, 224
Гогемейстер Юлий Андреевич — экономист 109, 237
Гайдебуров Павел Александрович — публицист 173, 255
Галкин — педагог 111, 112
Гальяни Фердинандо — аббат 84, 140, 223, 233
Гамбетта Леон Мишель — французский деятель 177, 186, 257
Ганкин Евдоким Александрович — офицер 110, 114, 124, 237
Гантимуров — кадет 62, 213
Гастингс — английский государственный деятель 115, 239
Гасфорд Густав Христианович — генерал 52
Гацинский Александр Серафимович — 141, 147, 156, 172, 191, 195, 243—245, 247, 249, 253, 255, 262
Гвоздев Иван Михайлович — профессор 154, 249
Гейне Генрих 85, 108, 138
Гекк — атаман 176
Гельвальд Фридрих — немецкий историк 103, 234
Гельд Адольф — немецкий экономист 194, 263
Гельмерсен Григорий Петрович — русский геолог 209
Ген — студент 50
Георгий Ефремович — см Катанаев Г. Е.
Герланд Георг — немецкий географ 92, 113, 116, 228
Герцен Александр Иванович 73, 207, 208, 211, 218, 226
Гете Иоганн Вольфганг 139, 243
Гильвен — золотопромышленник 135, 150
Гиляров М. А.— чиновник 73, 219
Гинне — художник 53
Гинсбург 63
Глебов А. И.— обер-прокурор сената 224
Глен И. П.— ботаник 246
Глинка Михаил Иванович — 225
Головщиков 257
Голубцов Иван — переводчик 235
Гольцендорф Франц — немецкий криминалист 194, 263
Гончаров Иван Александрович 58

Горохов — томский купец 123
Горчаков Михаил Александрович — дипломат 50, 208
Готвальд Иосиф Федорович — профессор 165, 192, 193, 252
Грант Чарлз — английский писатель 193, 262
Григорий Николаевич — см. Потанин Г. Н.
Градовский А. Д.— западник 239
Григорьев Аполлон Александрович — писатель 207
Грили Орас — американский журналист 161, 251
Грот Яков Карлович — академик 213
Грумм-Гржимайло Алексей Григорьевич — географ, историк 206
Гулькевич — полковник 52, 209

Даль Владимир Иванович 237, 239—241, 252, 260
Дарвин Чарлз 87, 94, 108, 116, 126, 140, 163, 180, 225, 237
Дарья Федоровна — жена Белова В. П. 195
Дварканат — индийский общественный деятель 150
Демерт Николай Александрович — публицист 93, 190, 261
Демидов Павел Григорьевич 177, 257
Демидовы 109
Деспот-Зенович Александр Иванович — тобольский губернатор 155, 249
Джеффрсон Томас — президент США 58, 211
Джогин — художник 47, 53, 203, 210
Диккенс Чарлз 256
Дмитриев 45
Добролюбов Николай Александрович 78, 212, 245
Долоиский — см. Потанин Г Н
Драгомиров — переводчик 223
Дружинин А. В.— критик 245

Дрэпер Джон Вильям — американский ученый 151, 159, 165, 248
Дюгамельша — 71, 75, 216

Евгений Яковлевич — см. Колосов Е. Я.
Еврипид — древнегреческий драматург 107, 252
Егорова — гимназистка 83
Едигер — хан 245
Екатерина II 224, 241
Елагина Дарья Павловна — домовладелица 47
Елагштин 46
Елисеев Григорий Захарович — публицист 75, 140, 212, 219
Еркачев — офицер 159, 250
Ермак 142, 176, 245
Ермачейко — крестьяне 117
Ершов Петр Павлович 64
Ефименко Петр Саввич — этнограф 128, 149, 242

Жомини Анри — военный писатель 92, 228
Жорж-Бай — см. Катанаев Г. Е.
Жорж Санд — псевдоним Авроры Дюдеван 112
Жуковский Юлий Галактионович — журналист 60, 212
Журавский Викеитий Михайлович — статистик 156, 175, 176, 184, 188, 193, 249, 257, 263

Заблоцкий-Десятовский Андрей Парфенович — статистик 213
Завалишин Ипполит Иринархович — брат декабриста 59, 83, 95, 109, 116, 129, 212
Загоскин Михаил Васильевич — литератор 61, 182, 207, 212, 260
Заичневский Петр Григорьевич 218
Зайцев Варфоломей Александрович — публицист 261
Засодимская Александра Николаевна 111, 238
Засодимский Павел Владимирович — писатель-народник 111, 112, 163, 220, 237, 238

Зверинский В. В.— географ-статистик 168, 169, 253
Зензиков Михаил Андреевич — краевед 43, 205
Зенович — см. Деспот-Зенович А. И.
Зерчанинов Александр Афанасьевич — офицер 38, 159, 201, 250
Зобоков 40
Звбловский Евдоким Филиппович — географ 175, 256

Ибрагимов И. 207
Иван Федорович — см. Соколов И. Ф.
Иванов — офицер 40, 47, 203
Иванов П. И.— исследователь 159
Ивановский Алексей Арсеньевич — профессор 260
Иегер Евгений — немецкий публицист 263
Ильин А.— издатель 237
Ильминский Николай Иванович — профессор 123, 183, 184, 190, 240

Кавелин Константин Дмитриевич — историк 48, 53, 207
Казем-бек Мирза Мухаммед Али — востоковед 122, 240
Казин — кадет, историк 40, 41, 44, 47, 203
Калачов А — казак 110, 114, 142, 237
Калигула (Клавдий) — римский император 256
Капустин Михаил Яковлевич — профессор 78, 220
Каразин Николай Николаевич — писатель 139, 159, 243
Караковов Дмитрий Владимирович 212
Карелин Григорий Силыч — путешественник 202
Карп А и С. 92
Карым — см. Потанин Г. Н.
Кастрен Матвей Александр — финский этнограф 82, 153, 170, 223, 254
Катанаев Георгий Ефремович — офицер 82, 88, 91, 92, 105—107, 115, 124, 131, 143, 148, 157, 159, 172, 188, 222, 228, 234, 237, 261

Катков Михаил Никифорович — реакционный публицист 74, 75, 219
Качалов Николай Александрович — архангельский губернатор 157, 249
Квятковская Антонина Ксаверьевна 208
Квятковские 51
Квятковский Ксаверий — томский ссыльный 208
Кеннан Джордж — американский журналист 73, 218
Кибальчич И.— преподаватель 54, 210
Клаус А. А — историк 95, 96, 228—232
Клиндер — издатель 114, 124, 133, 140, 144, 161, 167, 168, 179, 184, 245, 259
Клушин Павел Николаевич — сенатор 176, 257
Ковалевский Егор Петрович — путешественник 213
Кожевников — купец 159
Козицкий Григорий Васильевич — писатель 73
Колосов Евгений Яковлевич — офицер, журналист 70, 76, 78, 80, 82, 108, 113, 122, 128, 216, 219
Колосов Яков Степанович 122
Кольбер Жан Батист — французский государственный деятель 100, 103, 234
Колюпанов Нил Петрович — публицист 101—103, 233
Кондинские — домовладельцы 69, 77
Константин Викторович — см. Лаврский К. В
Константин Федорович — см. Литке К Ф.
Корсак А — статистик и экономист 146, 247
Корсаков Дмитрий Александрович — историк 243
Корсаков Михаил Семенович — генерал 59, 212
Корф Николай Александрович — педагог 84, 223
Костомаров Николай Иванович — историк 204, 207, 239
Котта Бернар — немецкий геолог 113, 162

Кошелев Александр Иванович — славянофил 208, 239
Кошелев Яков Романович — профессор 204, 205
Кравчинский Сергей Михайлович (псевдоним «Степняк») 220, 238
Краних фельд — домовладелец 55, 62, 144
Красовский Александр Иванович — офицер 88, 106, 110, 116, 226, 235
Крестовников — промышленник 183, 260
Красиков Анаиий — студент 48, 199, 206
Кривоногов — домовладелец 53
Кропоткин Петр Алексеевич 212, 238
Кромвель Оливер 100
Крылов Петр Никифорович — следователь 86, 224
Кубалов Борис Георгиевич — историк 207
Кузнецов Дмитрий Львович — преподаватель 69, 70, 124, 216
Кузнецов Илья — студент 56, 211
Кузнецова Авдотья Ивановна 78, 219
Кузьма — см. Николаев Кузьма
Куклин Иван Андреевич — студент-биолог 54, 57, 171, 200, 210, 211
Куклин Ванечка — см. Куклин И. А.
Кулиш Пантелеймон Александрович — публицист 49, 207
Курочкин Николай Степанович — поэт-сатирик 113, 211, 239
Кушелев-Безбородко Г. А. 207
Кучум — хан 142, 245
Кэри Генри Чарлз — американский буржуазный экономист 92, 126, 163, 178, 227, 228

Лавеле Эмиль — бельгийский историк 129, 193, 242, 263
Лавров Петр Лаврович 220
Лаврская Александра Викторовна 180, 193, 244, 259
Лаврский Константин Викторович — публицист 141, 149, 152—154, 159, 162—164, 167—169, 172, 173, 175, 177, 178, 183, 185, 186, 193, 243, 244, 250, 251—253, 259, 262
Лазарев Лазарь Эммануилович — ориенталист 122, 240
Ламанский Н. — редактор 263
Ланге Ричард — немецкий педагог 160, 162, 163, 178
Лаптев — офицер 39, 203
Лассаль Фердинанд 104, 234
Леббок Джон — английский зоолог 81, 222
Ледебур Карл Фридрих — ботаник — 202
Ленин (Ульянов) Владимир Ильич 229, 246, 254
Ленрот Элиас — финский фольклорист 82, 223
Лерхе Герман Густавович — томский губернатор 71, 75, 216, 219
Лесгафт Петр Францевич — профессор медицины 248
Линкольн Авраам 251
Литке Константин Федорович — граф 142, 146, 162, 244, 245, 247
Литке Федор Петрович — адмирал, мореплаватель 51, 208, 245
Лобачевский Николай Иванович 258—260, 262, 264
Лободовский Василий Петрович — педагог 44, 45, 47, 69, 205
Лосевы (братья) — студенты 48, 56, 199, 206
Лоскутовы 109
Лукин Иван Алексеевич — офицер 68, 71, 75, 215
Лутохин Николай Павлович — студент 151, 167, 180, 195, 248
Львов 43, 204
Лясоцкий И. Е. — доктор 198, 199, 201
Любимов И. И. — журналист 79, 220
Любимовы 109

Маак Ричард Карлович — ботаник 253
Майков Леонид Николаевич — академик 169, 191, 195,

244, 251, 254, 263
Максимов Сергей Васильевич — этнограф 139, 145, 243,
Мальбранш Никола — французский философ-идеалист 187, 261
Марк Аврелий Антонин — римский император 103
Маркс Карл 92, 104, 150, 151, 163, 166, 227, 228, 238, 242, 248, 257, 261
Масанов Иван Филиппович — библиограф 210, 222
Матусовский Э.— топограф 147, 247
Меглицкий Николай Гаврилович — геолог 73, 217
Мейен Франц — немецкий ботаник 72, 217
Мейер Л.— исследователь 89, 226
Менделеев Дмитрий Иванович 71, 216, 220
Мен Генри Джемс — английский экономист 129, 242
Мендельсон Николай Михайлович — этнограф 205
Менно Симонс 229
Меншиков Александр Данилович 224
Мечников Илья Ильич — биолог 101, 233
Мечников Лев Ильич — социолог 220
Миддендорф Александр Федорович — академик 73, 87, 88, 125, 217, 225, 226, 236, 238
Миклухо-Маклай Николай Николаевич 222
Миллер Герард Фридрих — историк 106, 205, 224, 235
Милль Джеймс — английский экономист 126, 241
Милованов — офицер 62, 213
Милютин Борис Алексеевич — публицист 61, 207, 212
Михаил Александрович — см. Бакунин М. А.
Михаил Федорович — см. Романов М. Ф.
Михайлов — казак 87, 90, 91, 94, 114, 224, 225, 227, 239
Михайлов Михаил Ларионович 255
Михайловский Николай Константинович — социолог 52, 144, 154, 193, 219, 220, 246
Миша — см Капустин Михаил Яковлевич
Мицкевич Адам 210
Модестов Василий Иванович — историк 48, 52, 53, 206
Мордвинов Александр Александрович — этнограф 43, 204, 259
Мордовцев Даниил Лукич — публицист 43, 179, 195, 258
Морозов — студент 48, 206
Муравьев-Амурский Николай Николаевич — граф 55, 210
Мурза-бек (Мурза Медич) — ссыльный бухарец 125, 128, 145, 190, 242
Муфель — гимназистка 113
Микадо Муцухито — японский император 243

Навалихин А 105, 234
Надежда (Лободовская) 47
Налетов 199
Наполеон III 257, 259
Натансон Марк Андреевич — народник 239
Науман Карл Фридрих — немецкий геолог 72, 217
Наумов Николай Иванович — писатель 36, 54, 66, 82, 87, 107, 124, 125, 144, 171, 188, 198—201, 222, 250, 261
Наумов Павел Иванович — офицер 38, 39, 51, 52, 159, 201
Нейман Карл Карлович — этнограф 151, 248
Нейман Карл Фридрих — немецкий историк 107, 236
Некрасов Николай Алексеевич — 90, 200, 219
Нестеров Андрей Павлович — офицер 42, 44, 47, 67, 69, 85, 87—93, 97, 109, 110, 114, 116, 126, 131, 143, 146, 148, 155, 157, 159, 171, 172, 181, 182, 203
Нестеров Павел Никифорович — отец А. П. Нестерова 42, 44, 203
Нестерова Александра Павловна — сестра А. П. Нестерова 42, 44, 47, 203

Нечаев Иван Павлович 159, 250
Николаев Кузьма — ссыльный 166, 253
Николаев А.— редактор 216
Николай Егорович — см. Битлинд Н. Е
Николай Иванович — см. Наумов Н. И.
Николай Михайлович — см. Ядринцев Н. М.
Николай Павлович — см. Лутохин Н. П.
Николай Семенович — см. Щукин Н. С.
Николай Яковлевич — см. Агафоиов Н. Я.

Обухов — илимский воевода 154
Овсянников Н. Н — педагог 141, 147, 156, 172, 244, 247
Огарев Николай Платоиович 208, 226
Озерский — инспектор 109
Омулевский — см. Федоров-Омулевский И. В
Ордынский — поляк, ссыльный 64, 214
Остен-Сакен Федор Ромаиович — ученый и государственный деятель 92, 141, 146, 147, 162, 228, 244

Павел Владимирович — см. Засодимский П. В.
Павел Никифорович — см. Нестеров П. Н.
Павлинов Николай Михайлович — тнтулярный советник 55, 62, 64, 67, 74, 199, 210
Павловский Ричард — студеит 42, 46, 204
Паллас Петр Симои — академнк 86, 189, 224
Пальмерстон Генри Джои — английский государственный деятель 89
Паителеев Лонгин Федорович 65, 200, 201, 214
Папков Арсеиий Васильевич — офицер 39, 41, 43, 111, 202, 219
Парамоиов Егор Иванович — педагог 68, 69, 71, 216
Пахоруков Павел Семенович — хорунжий 65, 68, 69, 214
Пашино Петр Иванович — издатель 80, 81, 128, 221
Пельменелюбов — см. Ядринцев Н. М.
Пен Томас — американский писатель 107, 236
Переводчикова — учительница 148
Перетолчин Владимир Иваиович — студент 56, 211
Пермикин Г. М — географ 146, 247
Перов Василий Григорьевич — художник 53
Перовская Софья Львовна — революционерка 238
Песков Михаил Иванович — художник 47, 199, 203, 204, 210
Петерман Август — немецкий географ 51, 209
Петров — офицер 40, 203
Перфильев 199
Пилипо 188
Пирожков Иннокентий Александрович — бурят, студеит 48, 206, 210, 211
Пирожков Сократ Александрович — офицер 39, 42, 44, 47, 54, 55, 128, 203
Писарев Дмитрий Иванович 60, 115, 212, 220
Писемский Алексей Феофилактович — писатель 239
Пичугин Семеи Прокофьевич — купец 83, 114, 171, 188, 223
Плещеев Александр Николаевич — поэт 239
Полевой Ксеиофонт Алексеевич 205
Полевой Николай Алексеевич 205
Полиб — царь древией Греции 252
Полисадов Василий Петрович — протоиерей 50, 208
Полоиский Яков Петрович — поэт 49, 207, 208
Полторацкий Владимир Александрович — семипалатинский губериатор 92, 228
Польяцев — студент 54, 210
Пономарева — генеральша 75

Попов Александр Васильевич — ориенталист 52, 209
Попов Михаил Логинович — директор училищ 75, 219
Попов С. С.— библиограф 105, 234
Попова Настасья 148
Португалов Вениамин Осипович — революционер 185, 194, 260
Потанин Григорий Николаевич — 38, 42, 44, 47, 51, 53, 55—57, 60, 62—64, 66, 67, 69—71, 77—80, 94, 98, 108, 110, 112, 123, 130, 132, 138, 141, 142, 145—147, 153, 155—157, 162, 170, 172, 177, 178, 184, 185, 192, 197, 200—229, 233—264
Пранг С. Б — инженер 202
Прасолов — сибирский поэт 63
Принтц А.— путешественник 89, 146, 169, 215, 226, 247
Пругавин Александр Степанович — публицист 239
Прудон Пьер Жозеф 104, 105, 139, 140, 218, 234
Пудовкин 107, 114, 236
Путятин Ефим Васильевич — адмирал 211
Пушкин Александр Сергеевич 88, 137, 201, 254
Пьер Жак — см. Прудон Пьер Жозеф
Пыпин Александр Николаевич — литературовед 204

Радде Густав Иванович — путешественник 146, 246
Радлов Василий Васильевич — академик 88, 106, 147, 170, 177, 226, 235
Ребров Петр — офицер 46
Ремезов Семен Ульянович — картограф 106, 170, 254
Репин Илья Ефимович 163
Риккер 194
Риттер Карл — немецкий географ 146
Ровинский Павел Аполлонович — этнограф 96, 97, 127, 144, 153, 160, 171, 232, 241, 245
Розенгейм М. П.— поэт 245
Романов Алексей Александрович — великий князь 146
Романов Михаил Федорович — царь 229, 233
Рошер Вильгельм — немецкий экономист 131, 242
Рудаков — директор гимназии 64
Румянцев Николай Петрович — дипломат 106, 170, 254
Русинов — студент 39, 40, 44, 202
Русселе Луи — французский путешественник 105, 234
Руссо Жан Жак 81, 104, 140, 234, 242
Рыкачев М А.— метеоролог 176, 263

Савельев Павел Степанович — археолог 88, 226
Салтыков-Щедрин Михаил Евграфович 212, 219, 254
Самсонов — студент 52
Сапожников — педагог 87, 113
Селетов Михаил Александрович — студент 171, 254
Сельский И. С.— краевед 61, 213
Семевский Василий Иванович — историк 43, 204
Семен Прокофьеанч — см. Пичугин С. П.
Семенов — Тян-Шанский Петр Петрович 92, 93, 109, 116, 119, 125, 129, 142, 192, 206, 214, 228, 244, 247, 262
Семилужинский, Семилужский — см. Ядринцев Н. М.
Сенека Луций Анней — философ 252
Сен-Симон Анри Клод 101, 233
Серафим Серафимович — см. Шашков С. С
Сергеев (Пашенька) — профессор 158
Сергеева — гимназистка 113
Сергеевич Василий Иванович — историк 213
Сергей Федорович — см. Ольденбург С. Ф.
Серно-Соловьевич Николай Александрович — революционер 208, 261
Сеченов Иван Михайлович — физиолог 69, 225

Сгибнев А. С.— чиновник 213
Сибиряков И. М.— золотопромышленник 204
Сидоренко — чиновник 68, 216
Сидоров Михаил Константинович — меценат 105, 177, 234
Сидоров — студент 54, 199, 200, 210
Синельников Николай Петрович — генерал 109, 155, 237, 249
Скабичевский Александр Михайлович — критик 159, 250
Скворцов И. П.— профессор 243, 251
Скорияков Н. В.— корреспондент 177, 257
Славинский Николай Евстафьевич — писатель 179, 259
Слепцов Александр Александрович — революционер 214
Словцов Петр Андреевич — историк 43, 60, 86, 129, 161, 189, 205
Слуцкий — офицер 46
Смирнов Капитон Иванович — педагог 52, 53, 209
Смит Адам 104, 234
Соковнин — откупщик 48, 206
Соколов Иван Федорович — журналист — 82, 87, 131, 222, 224
Соколов Николай Васильевич — революционер 239
Соколова Юлия Ардальоновна — педагог 86, 113, 114, 224, 238
Соловьев — золотопромышленник 176
Сорокин Василий Иванович — биохимик 158, 163, 250
Сорокин Н. В. 243
Софокл — древнегреческий драматург 107, 252
Спасович Владимир Данилович — профессор 39, 203
Спасский Г. И.— издатель 170, 191, 262
Сперанский Михаил Михайлович — государственный деятель 107, 144, 158—161, 168, 170, 171, 224, 235, 245, 250
Старков 47
Стасов Владимир Васильевич 163, 252
Станюкович Константин Михайлович — писатель 220, 221
Стасюлевич Михаил Матвеевич — историк 39, 202, 203
Степанов Николай Александрович — художник 211
Строгановы — купцы 245
Строинн Александр Иванович — педагог 159, 250
Струве Карл Васильевич — астроном 70, 88, 146, 214, 247
Сунгуров Н.— студент 50
Сусанин Иван 95, 229

Таганцев Н. С.— сенитор 213
Тахтаров Андрей Александрович — педагог 80, 82, 92, 106, 107, 114, 125, 159, 221
Тахтарова Антонина Мартыновна 92
Тейлор Эдуард — английский историк 81, 151, 165, 222
Телятников — офицер 40
Тиблен Николай Львович — издатель 65, 215
Тирша — профессор 53
Титов А. А. 262
Ткачев Петр Никитич — революционер 168, 220, 253
Толенд Джордж — английский писатель 187, 261
Толль Феликс Густавович — петрашевец 51, 208
Толстой Лев Николаевич 194, 263
Трачевский А.— западник 239
Третьяков П. И.— географ 87, 88, 225, 226
Трубников К. В.— редактор 226
Турбин Сергей Иванович — прозаик 95, 107, 109, 115, 128, 131, 228
Тургенев Иван Сергеевич 58
Тюрго Анн Робер Жак — французский государственный деятель 104, 234

Уланд Людвиг — немецкий поэт 83, 223
Унгер Франц — австрийский ботаник 72, 217

Уоллес Альфред Рассел — английский натуралист 109, 237
Усов Григорий Николаевич — казак 109, 237
Усов Федор Николаевич — офицер 39, 40, 42, 44, 46, 48, 49, 61, 68—70, 73—75, 77, 109, 199, 200, 202, 203, 217, 219
Успенский Глеб Иванович — писатель 93, 113, 238, 239
Утин Николай Исаакович — революционер 50, 208
Ушаров Николай Васильевич — втнограф 87, 105, 124, 223, 234, 239, 241
Ушинский Константин Дмитриевич — 86, 224

Феденька — см. Усов Федор Николаевич
Федор Николаевич — см. Усов Ф. Н.
Федор Романович — см. Остен-Сакен Ф. Р.
Федоров-Омулевский Иннокентий Васильевич — писатель 54, 55, 80—83, 85, 89, 93, 134, 143, 199, 210, 211, 221
Федорова — гимназистка 83
Фейербах Людвиг Андреас 73, 218
Филиппов Т И.— славянофил 239
Фишер Иоганн — историк 106, 205, 235
Флеровский — см. Берви В. В.
Форбес Эдуард — английский естествоиспытатель 72, 131, 217
Форстер Джон — английский писатель 256
Фоше 193
Франклин Вениамин — американский политический деятель и ученый 58, 212
Фрезе — инженер 202
Фривель П.— чиновник 74, 75, 246

Халдеев 159
Хлебников — офицер 39, 203
Хмельницкий А.— журналист 48
Христофоров Александр Христофорович — публицист 152, 154, 167, 185, 239, 248, 253
Хрущев Александр Петрович — генерал 106, 109, 235
Худяков Иван Александрович — революционер 199, 200

Цыпышев 180

Чаплицкий — писатель 117, 240
Черкасов — генерал 155
Чернышевский Николай Гаврилович 60, 75, 205, 208, 212, 232, 261
Черняев Михаил Григорьевич — генерал 207
Черский Иван Демеитьевич 108, 127, 171, 236, 242
Чивалков — крестьянин 194
Чихачев Петр Александрович — путешественник 146, 247
Чичероваккио — см. Пичугин С. П.
Чукреев Константин Дмитриевич — хорунжий 39, 42, 44, 45, 47, 128, 203

Шайтанов Александр Дмитриевич — хорунжий 65, 66, 68, 71, 72, 83, 128, 153, 154, 159, 163, 175, 185, 214, 215, 219, 249
Шашков Серафим Серафимович — публицист 67, 69, 73, 75, 76, 79, 81, 86, 87, 91, 93, 105, 130—132, 140, 143, 148—150, 199, 215, 220—224, 226, 236, 239, 240, 247
Шац Эммануил — студент 56, 211
Шварц Л. Э.— астроном 146, 246
Шелгунов Николай Васильевич — революционер 95, 96, 174, 181, 220, 221, 228, 233, 246, 255
Шестаков Петр Дмитриевич — педагог 184, 260
Шестунов Михаил Прокофьевич — публицист 61, 212, 213
Шешуков Адриан Кондратьевич — купец 133, 159, 199, 242

Шигин — издатель 90, 143, 227
Шишкин Иван Иванович — художник 48, 53, 206, 209
Шкотский — судья 41
Шлоссер Ф. Х. — историк 187, 261
Шмидт 64
Шмидт Ф. Б. — геолог 246
Шперк Франц Федорович — врач 108, 236
Шпилевский Сергей Михайлович — профессор 154, 243, 249
Шрамов — офицер 46
Шренк Леопольд Иванович — академик 51, 209
Шульгин Н. И. — журналист 220
Щ. — см. Щапов А. П.
Щапов Афанасий Прокофьевич — историк и публицист 61, 63, 144, 171, 172, 185, 188, 199, 203
Щербина — поэт 200
Щукин Николай Семенович — педагог 37, 38, 43, 47, 49, 52, 54—57, 60, 62, 63, 66, 67, 74, 76, 86, 199—201, 204, 206, 210, 213
Щукин С. С. — педагог, отец Н. С. Щукина 200

Эгер — см. Иегер Евгений
Эйгельс Фридрих 227, 255, 257
Эрман Георг Адольф — немецкий путешественник 106, 170, 177, 196, 235
Эсхил — древнегреческий драматург 107

Юлия Ардальоновна — см. Соколова Ю. А.
Юлия Николаевна — см. Битлинд Ю. Н.
Юлия Федоровна — статс-дама 208
Юикер — домовладелец 44, 47
Юрьинский — писатель 43
Яблочкина Ольга Павловна 63
Ядринцев Николай Михайлович 52, 54, 63, 66, 67, 69, 71, 73, 77—80, 83, 85, 87, 90, 91, 94, 96, 99, 108, 112, 115, 122, 123, 125, 127, 130, 133, 139, 142, 148, 153, 155, 156, 158, 160, 163, 166, 170, 171, 173, 178—181, 183—186, 193, 194, 198—200, 203, 207, 209, 210, 212, 215—217, 219—228, 233—243, 245, 246, 248—250, 252—257, 259—263
Якоби Валерий Иванович — художник 53
Якуб-бек — хан 264
Якушкин Павел Иванович — фольклорист 175, 256, 257

Составители: А. Г. Грумм-Гржимайло,
С. Ф. Коваль, Я. Р. Кошелев,
Н. Н. Яновский

ПИСЬМА Г. Н. ПОТАНИНА

Т I

Редактор С. А. Рудых
Художник В. А. Лужков
Художественный редактор Е. О. Турунов
Технический редактор Л. А. Жернова
Корректор А. С. Меркурьев

ИБ № 486
Сдано в набор 15.04.86. Подписано в печать 29.12.86. НЕ 00186. Формат 84×108 1/32. Бумага типографская № 1. Гарнитура академическая. Печать высокая. Усл. печ. л. 14,7. Уч.-изд. л. 17,9. Усл. кр.-отт. 14,8. Тираж 4000 экз. Цена 1 р 90 к. Заказ К-72. Темплан 1986 г., поз.

Издательство Иркутского университета,
664000, г. Иркутск, центр, бульвар Гагарина, 36

Иркутская областная типография № 1 управления издательств, полиграфии и книжной торговли,
664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 11

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ ИРКУТСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В 1987 г. ВЫЙДЕТ В СВЕТ КНИГА:

Письма Г. Н. Потанина. Т. 2.

Во втором томе будут представлены письма 1873—1875 гг., в которых отражены последние месяцы ссыльной жизни в Вологодской губернии и первый опыт свободной публицистической практики в столичной и провинциальной печати, раскрывающие содержание теоретической мысли того времени и зреющих планов научных экспедиций. В приложении публикуется 14 новых писем Н. М. Ядринцева к Потанину 1842—1874 гг.

Заказы направлять по адресу:
664000, г. Иркутск, центр, бульвар Гагарина, 36